

Грешневиков Анатолий Николаевич родился 29 августа 1956 года. Детские годы прошли в деревне Радкошье Борисоглебского района Ярославской области. В конце 60-х годов в течение пяти лет руководил знаменитой школьной Зеленой республикой.

С 1990 года народный депутат РСФСР, член Верховного Совета, а с 1993 года по настоящее время депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

А.Н. Грешневиков стоял у истоков разработки и принятия российского природоохранного законодательства, являлся одним из разработчиков первой редакции «Лесного кодекса», «Водного кодекса», а также федеральных экологических законов «Об охране окружающей природной среды», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об особо охраняемых природных территориях», «О животном мире», «Об экологической экспертизе» и других.

Член Союза писателей России, автор более двух десятков книг. Среди них – «Копье Пересвета», «Жар русской печи», «Зеленый посох», «Журавли из небития», «Дом под коронами дубов», «Эра экологического апокалипсиса», учебное пособие «Экологический букварь».

Лауреат литературной премии имени А. Толстого. Лауреат премии Союза журналистов СССР. Лауреат премий журнала «Новый мир», журнала «Сельская новь», газеты «Сельская жизнь» и других.

Награжден орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 850-летия Москвы», орденом Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом Русской православной церкви преподобного Сергия Радонежского, памятной медалью к 300-летию Санкт-Петербурга. В 2000 и 2003 гг. награждался экологическими организациями России медалью «За охрану природы».

Женат, имеет двоих сыновей. Постоянное место жительства – поселок Борисоглебский Ярославской области.

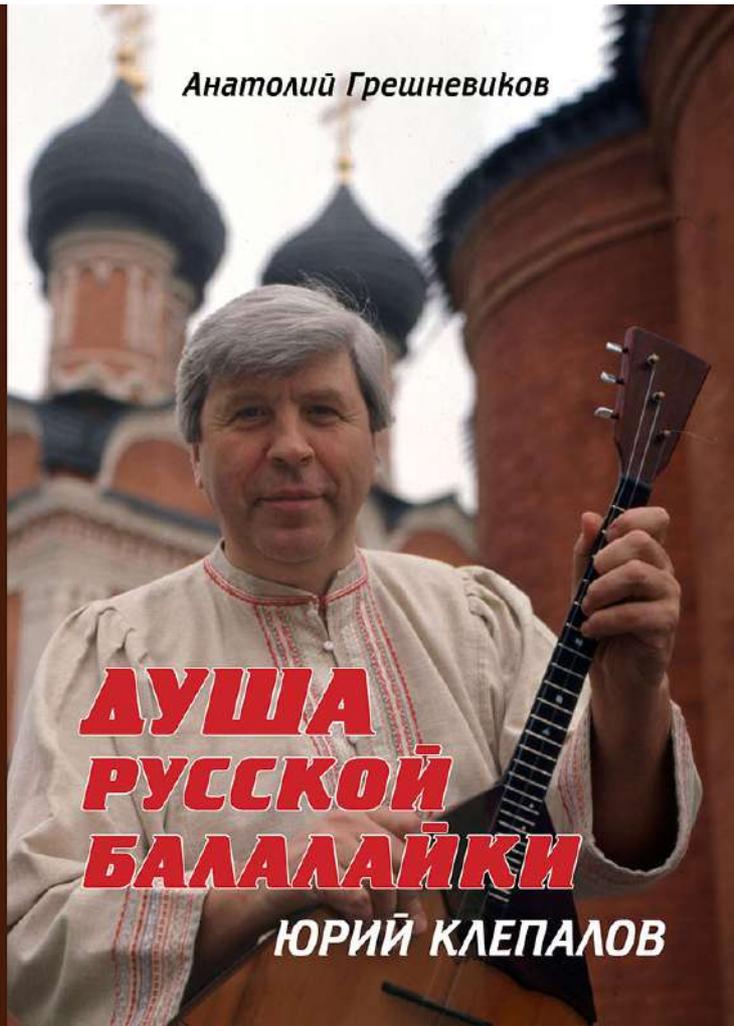
Новая книга писателя и депутата Государственной Думы РФ А.Н. Грешневикова посвящена, как и многие другие его произведения, защите русской национальной культуры. То, что происходит с нашей народной культурой, автор безосновательно назвал геноцидом. Изгоняются с экранов и из эфире лучшие образцы народной музыки, не допускаются до федеральных концертных площадок, отлучаются от концертов композиторы, деятели культуры, певцы-патриоты, идущие в русле национальных традиций, а русский народ отлучается от своих любимых певцов. В этих условиях новая книга А.Н. Грешневикова стала спасительным мостиком, переброшенным от мастеров народной культуры к русскому народу. В центре книги – жизнь, борьба, музыка и встречи гениального современного композитора и балалаечника Заслуженного артиста России, Лауреата премии им. И.А. Бунина и М.В. Ломоносова, Академика Международной Славянской Академии наук и искусств Юрия Клепалова, через диалоги с которым автор раскрывает свое видение прошлого, настоящего и будущего русского народного творчества.

www.knbook.ru

ДУША РУССКОЙ БАЛАЛАЙКИ

Анатолий Грешневиков

Анатолий Грешневиков

**ДУША
РУССКОЙ
БАЛАЛАЙКИ**

ЮРИЙ КЛЕПАЛОВ

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

**ДУША
РУССКОЙ
БАЛАЛАЙКИ**

Москва • Книжный мир • 2021

УДК 008
ББК 71
Г 81

Земцов Б.Ю.

ДУША РУССКОЙ БАЛАЛАЙКИ. – М.: Книжный мир,
2021. – 480 с.

ISBN

Новая книга писателя и депутата Государственной Думы РФ А.Н. Грешневикова посвящена, как и многие другие его произведения, защите русской национальной культуры. То, что происходит с нашей народной культурой, автор небезосновательно назвал геноцидом. Изгоняются с экранов и из эфира лучшие образцы народной музыки, не допускаются до федеральных концертных площадок, отлучаются от концертов композиторы, деятели культуры, певцы-патриоты, идущие в русле национальных традиций, а русский народ отлучается от своих любимых певцов. В этих условиях новая книга А.Н. Грешневикова стала спасительным мостиком, переброшенным от мастеров народной культуры к русскому народу. В центре книги – жизнь, борьба, музыка и встречи гениального современного композитора и балалаечника Заслуженного артиста России, Лауреата премий им. И.А. Бунина и М.В. Ломоносова, Академика Международной Славянской Академии наук и искусств Юрия Клепалова, через диалоги с которым автор раскрывает свое видение прошлого, настоящего и будущего русского народного творчества.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

© Грешневиков А.Н., 2021
© Книжный мир, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уроки деда	5
...Ты будешь великим балалаечником!	20
Потрясающий гитарист	25
Гармонь попала под запрет	29
Кто главный бандит Уралмаша... ..	33
«...Опять ты в историю попал!»	37
Первые кумиры	41
Выработать в себе артиста	45
В руках профессионалов	
балалайка может всё	53
Клятва, данная народной культуре	64
Позади консерватория, впереди свобода	71
Русские Страдивари	75
Балалайка как жена – единственная	83
Почерк великого Налимова	92
Крещение по-тюменски	98
Суд над статьей «Три волшебные струны»	109
Не хочу быть как все	118
Песенный десант в Тобольске	130
Азербайджан слушает Есенина и Ниязи	140
Болгарская шкатулка	148
Механизатор подумал о женитьбе	155

Творческие дороги ведут в Москву	162
Ожидание	174
Волга потребовала защиты	179
Владимирский говорок Солоухина	187
Православные, встаньте с колен!	197
Кому противостоял Борис Штоколов	206
Лирический баритон Гуляева	225
Русская музыка покоряет Японию	236
У японцев глаза горели	255
Признание лауреатов конкурса Чайковского	261
Запах барракуды	272
В пальце у него чип	276
Почувствуй себя японцем	282
Мчится тройка почтовая... в Японию	291
Конюхов утихомиривал океан звуками балалайки	297
Очарованный странник	313
Русские традиции Пахмутовой	319
Ваятель и воин Духа	335
Эмигранты первой волны	359
...Вон идет «Белое солнце пустыни»	368
Встань за Веру русская земля!	387
Писатель высокой нравственности	396
Главнокомандующий всеми гармонистами	418
Листая энциклопедию балалаечника	429
Министр выпускает пластинку	450

УРОКИ ДЕДА

Сколько раз я порывался узнать у Юрия Клепалова, нашего самобытного композитора-балалаечника: неужели любовь к балалайке зародилась у него в ранние детские годы?! Уж больно виртуозно он играет на ней и так сжился с музыкальным инструментом, так боготворит и общается с ним, что, кажется, они – одно целое, даже родились будто в одно время.

Но как бы я ни хотел расспросить музыканта, а все стеснялся, робел и откладывал на потом. Интерес же у меня был не праздный. Для меня этот инструмент из всех русских инструментов самый русский, самый близкий русской душе. Чудесны и гусли с их былинными перезвонами, гармонь с ее разухабистостью и печалью, рожок с раздольным пением. Но балалайка обладает особым голосом: он напевный, теплый, звонкий. В ней с древних времен живет секрет души русского народа. Балалайка – символ нашей самобытности и неповторимости, а по большому счету она и символ России. Кто захочет спорить, тот проиграет. Разумному человеку, выросшему в русском мире, невозможно спорить с великим Шаляпиным, написавшему однажды гениальному подвижнику русского народного творчества Василию Андрееву, создателю Великорусского оркестра народных инструментов: «Ты пригрел у своего доброго,

теплого сердца сиротиночку-балалайку. От твоей заботы и любви она выросла в чудесную русскую красавицу, покорившую своей красотой весь мир».

Сегодня я стыжусь тех причин, по которым стеснялся спросить Клепалова о том, как зарождалось у него чувство любви к балалайке. Тогда время было гибельное для всей русской жизни, не только для культуры. Пьяный президент Борис Ельцин играл на ложках перед немцами, едва держась на полусогнутых ногах, и отдавал преступный приказ, выпроваживая российских солдат в заснеженные морозные поля Урала. А пошлый, крикливый и совершенно бездарный шоу-бизнес заполнил все телеэкраны, радиоэфир, театры, концертные площадки. Он, как исчадие зла, как черный дракон, напитанный ядом западной рок-музыки, проникал во все города и села, где еще жила надежда, и отравлял русские души.

Я мог только догадываться, что интерес к балалайке у Клепалова проснулся в детстве. Именно в тот отрезок жизни нужные знания и ценности дают путевку в настоящий мир искусства, выковывают характер. Мне не хотелось повторять классиков литературы, что все мы родом из детства, не хотелось впадать в размышления, что линия жизни каждого человека во многом predetermined его происхождением и воспитанием, и какая обстановка в семье – таков и человек. Не отвергая все это, я мучился другим вопросом: как может в мальчишке пробудиться тяга к балалайке, если в разные годы и разные эпохи к ней не было должного почтения, даже образованные чинуши от культуры смотрели на нее свысока и ехидно?! В царское время балалайке отводили роль

забавлять простолюдинов, в советское время ее задвигали в колхозные клубы. Какой серьезной может быть встреча у мальчишки с балалайкой, если с одной стороны масс-медиа о ней молчат, пропагандистские машины воспевают лишь гитары и барабаны, а с другой стороны его назойливо зовут шумные улицы, футбольное поле и игры в казаки-разбойники?! Случись этому мальчику с балалайкой в руках встретить ораву знакомых школьников, так они, кажется, высмеют его. Тогда откуда же в маленьком человеке, несмотря ни на что, появился интерес к этому инструменту?!

Разговор на эту щекотливую тему у нас все-таки состоялся.

И помог мне Шаляпин.

В моей уютной комнате в гостинице «Россия», о сносе которой тогда и речи еще не шло, а из ее окон просматривалась древняя, охватывающая волнением трепетное сердце, Красная площадь, вдруг заиграл на балалайке Юра Клепалов. И как заиграл! Казалось, он не в дверь вошел и сел на стул, а спустился с небес будто ангел, и в его руках был не знакомый, а какой-то просто чудо-инструмент. Мне хотелось закрыть глаза и представить, что это сон: ну, не мог один человек, хоть и богатырского сложения, с крепкими руками, с помощью одной балалайки устроить мне концерт, заменяя целый оркестр. Однако знакомая прекрасная музыка в действительности лилась по комнате и брала меня за душу.

– Юра, в какие же юные годы ты пригрел у своего сердца эту сиротиночку-балалайку? – спросил я закончившего игру музыканта, перефразируя слова Шаляпина.

– У меня история интересная, – загадочно ответил Юра. – Любовь к балалайке пришла в детстве.

– Понятно, что все у нас идет из детства. Но растет мальчик и вдруг на его пути встречается балалайка... Почему он мимо не прошел? Когда ты впервые в жизни увидел балалайку? Как проявил к ней интерес? Почему у тебя сложились в детстве такие серьезные отношения с русским народным инструментом, что они связали тебя с ним на всю жизнь?

Отец Михаил Федорович Клепалов

– Я начинал свою творческую деятельность на Урале, – увлекся рассказом Клепалов. – А родился на Сахалине. Такой диапазон в биографии. Отец у меня воевал с японцами. А мать приехала из города Иванова по комсомольской путевке. Звали ее Софья Александровна Маркова, по мужу Клепалова. Отец – Михаил Федорович,

своего рода герой, любил рассказывать мне, что лупил японцев как мог. Он играл на гармошке, баяне, балалайке, домре. В моем воспитании замешан еще дед – Александр Федорович Марков.

**Руководитель и дирижер ансамбля
Марков Александр Федорович**

– Сколько же тебе было лет, когда ты приехал на Урал?

– Годик. Война закончилась в 47 году. Меня вывезли отец с матерью. В то время отец был военный.

– Любовь к балалайке привил, значит, отец? – не отстаю я с вопросом.

– Зерно в музыку заложил мой дед. Он играл на мандолине, на домре, на скрипке, на виолончели. Хотя семейная атмосфера почитания музыки окружала меня: если отец брал в руки баян, то дед – скрипку или мандолину и начинался семейный концерт. Все хорошее от этих

вечеров впиталось в меня. Вообще-то, дед был музыкантом, руководителем оркестра народных инструментов. Работал в разных городах, то в Свердловской области, на Уралмаше, то в Кировограде. А так он скрипач. У него был брат Николай, он тоже играл на скрипке, на мандолине. В свое время он создал даже оркестр в Иванове, где все играли на домрах, на балалайках. У деда записка чисто народная! В то время, когда он осваивал музыкальные инструменты, в стране гремело имя Василия Андреева – это великий наш балалаечник...

– И создатель первого оркестра народных инструментов на Руси, – добавил я, понимая, что сейчас вместо рассказа о семье, Клепалов увлечется восхвалением великого балалаечника, просветителя и подвижника Андреева. – Он основоположник нашей игры на балалайке.

– Между тем, он был скрипач, – продолжил мой собеседник. – Знаток народных инструментов. Но однажды, приехав в свое тверское имение Марьино под Бежецком, он услышал, как красиво играет на балалайке его дворовый Антип, подошел, послушал, и душа у него загорелась, он понял, что за балалайкой – будущее. Раньше помещик ничего подобного не видел и не слышал.

Тут Клепалов не смог удержаться от желания посвятить меня в историю жизненного подвига молодого помещика и любителя музыки Василия Андреева, который всегда был почитаем в их семье. Его рассказы об Андрееве шли от души и были наполнены то чарующим простодушием, то известной солдатской прямоотой. В такие минуты откровений ты понимаешь, что всю жизнь обладаешь лишь тем, что крепко освоил в детстве.

История становления и восхождения Андреева до тех нравственных высот, когда он стал национальной гордостью русской культуры, безусловно, не могла не потрясти Клепалова. Теперь она потрясла и меня.

Создавая в 1887 году в Петербурге Кружок любителей игры на балалайке, Андреев не знал, чем обернется его затея. Одно дело – освоить игру на балалайке и даже создать ее для себя по собственным чертежам, усовершенствовав богатые возможности этого инструмента. Одно дело – выступить сольно с балалайкой, пусть и улучшенной в акустическом отношении, в зале Благородного собрания. И совсем другое дело – собрать коллектив единомышленников и дать концерт. Расчет на чудо – слабый расчет. Нужны самобытность, яркий талант, азарт, безупречная техника, живое богатство звуков. А тут еще публика взыскательная, привыкшая совсем к другой музыке. И как сломать высокомерие и пренебрежение к балалайке, именуемой «высшим светом» не иначе как деревянной палкой о трех струнах, как растопить лед зрительского отношения?!

Андреев идет со своим Кружком к петербургской публике, дает концерт и побеждает! То был первый в истории Андреевского оркестра концерт. Состоялся он 20 марта 1888 года в зале Городского кредитного общества. Строгая пресса откликнулась тотчас: «Состоявшийся вчера концерт балалаечников сопровождался таким огромным успехом, какой выпадает на долю только великих виртуозов».

Теперь поездки по России повсеместно отмечались успехом. И газета «Петербургский листок» вынесла окончательный вердикт: «Итак, вопрос о законности

и пригодности балалайки как старинного российского инструмента практически разрешен утвердительно. Из сферы загнанности и забвения усовершенствованная балалайка вышла на музыкальную дорогу».

Вскоре балалайка привела Андреева в Париж, на всемирную выставку, где он представлял русскую культуру.

Оглушительный успех был подкреплен высокими наградами. Вначале Андреева избирают почетным членом Французской академии искусств «за введение нового элемента в музыку», а потом награждают орденом Почетного Легиона, а сам оркестр – Большой золотой медалью Всемирной парижской выставки.

В Америке на концерты Андреева записывались за неделю вперед. Тысячи людей ломались в кассы, чтобы раздобыть входной билет... И американцы без всякой ложной скромности признавались своим журналистам, каким открытием стали гастроли Андреева: «В русской народной музыке открылся им новый, неведомый мир звуков. Такую музыку мог создать только великий народ, великая нация».

Еще большие масштабы признания русской балалайки были засвидетельствованы в Англии. Все концерты проходили там под нескончаемые аплодисменты и овации. Заключительный концерт вообще превратился в триумф. Стоило появиться оркестру на сцене, как пяти тысячный зал взорвался шквалом аплодисментов. Андреева долго заваливали цветами, не давая уйти. Он попытался начать свою программу, но тут театральный оркестр неожиданно заиграл русский гимн. Народ ликовал. Гимн прозвучал еще три раза. И когда Андрееву

дали возможность начать концерт, он, повернувшись к залу, стал играть английский гимн. Театр от оваций и моря цветов перешел к солидарному торжественному пению!

– Думаю, в глазах Василия Андреева стояли слезы радости, – предположил Юрий Клепалов, завершая свой рассказ.

– Да я бы и сам заплакал, если бы был тогда в зале, – признался я.

Клепалов долго молчал, не желая продолжать разговор, давая возможность растревоженной душе успокоиться. Я догадался, почему воспоминания о детстве и семейных концертах были дополнены впечатлениями об их общем кумире – гениальном музыканте Андрееве. Ему хотелось на этом примере доказать, что балалайка – самый народный русский музыкальный инструмент, а его выбор не был случайным и навязанным, он сделан сознательно.

– Юра, вспомни уроки деда, – подталкиваю я собеседника к первоначальному разговору. – Чем он тебе запомнился?

– О деде следует говорить только возвышенными словами. Ох, как он играл на скрипке! Никто в округе так не играл. Я был маленький, и когда он брал в руки инструмент, то я плясал так, что у нас дома сразу собирались жители. Они говорили: «Фёдорыч, сыграй на скрипке что-нибудь, мы еще посмотрим на твоего внука, как он танцует!?!».

– А какую мелодию он исполнял?

– «Барыню» играл. Еще что-то народное. А я вокруг него бегаю, танцую, пляшу. Для жителей это был празд-

ник. Мы в то время жили на Уралмаше, в бараке. Рядом с нами жили рабочие ребята, бывшие крестьяне, те, кто приехал на завод работать. Конечно, для них наши музыкальные посиделки были не то что зрелище, а событие.

– Вы играли для них каждый выходной?

– Обычно в праздники. Жители барака всегда в полном составе собирались у нас. И дедушка с моей сестрой Светланой устраивали концерт, играли и народные мелодии, и классику...

Детские годы – первые мелодии

– А кто у сестры учителем был?

– Дед ее и научил... К ней он был ближе расположен. А вышло это так потому, что он работал в разных городах и, чтобы матери помочь по хозяйству, он ее забирал, воспитывал, по сути дела. Заодно научил ее играть на скрипке. И вот они дуэтом играли, да так здорово... Народ гудел от радости. Самые любимые песни у них были народные – «Выйду на улицу», «Коробейники», «Светит месяц». Ох, как они хорошо играли на скрипках! Заслушаешься. Помню, народ всегда просил: «Сыграйте «Полонез Огинского». То был послевоенный период, отсюда и такие просьбы. Дед с внучкой как сыграют вдвоем, все сидят и плачут. Вспоминают прожитое. А я маленький еще был. Сестра постарше. Дед потом один играет, все стоят и опять плачут... У многих с войны не пришли родные и близкие. Они вспоминают о них. После душевного исполнения люди говорили: «Спасибо, Александр Федорович, вернули нас на родину, вспомнили всех, и дай Бог вам здоровья». А у меня мать еще пирожков напечет, блинов – и всех угощает. После небольшой трапезы снова звучит музыка. Мы играли у нас в комнате, потом выходили в коридор... Небольшой залчик получался в коридорчике. Они вновь вдвоем играли. А я на подтанцовке. Если начинают что-то веселое исполнять, то люди обращаются ко мне: «Юрка, давай, давай!». Для наших жителей это была отдушина. Помимо скрипки дед еще играл на гитаре, выходил на улицу и начинал петь... Тут вместе с ним песни пели и жители барака, шутки отмачивали, хохотали. Деда все безумно любили. Я думаю, он заслужил эту любовь.

– Для тебя наверняка эти уроки деда стали главными в жизни?

– Семейные концерты меня впечатлили, здорово впечатлили. Я хотел быть похожим на деда, горел желанием подражать ему. Жить в таком творческом состоянии, вариться в этом соку очень важно для будущего музыканта. Согласись, та атмосфера была очень удивительна. Дед был строгий. Он запросто командовал мне: «Давай на мандолине поиграй!». Балалаек тогда не было. И я играл то на домре, то на мандолине. Мне маленькую гитару купили. Осваивал ее тоже под руководством деда. Он меня учил: такой аккорд, такой аккорд... Порой предлагал: «Давай мы с тобой сыграем «Царицу Тамару» на гитарах». Я аккомпанировал. Песня была про неизвестную мне царицу Тамару, которая любила, бросала и была несчастна. Кажется, народная песня. Грузинское что-то... Так мы с дедом довольно часто, а то и каждый день занимались музыкой. Я ему давал гитару, а сам брал мандолину, и мы играли... У нас была такая тесная связь в этом отношении, что мы с полуслова, с полувзгляда понимали друг друга. Когда он перестал работать руководителем оркестра, вышел на пенсию, то сказал мне: «Слушай, иди в оркестр играть, тебе надо дальше расти». А было мне лет семь-восемь. У нас тогда в ДК Уралмаша при заводе был оркестр взрослый и детский.

– И ты пошел играть с детьми в оркестре?!

– Интересной была первая встреча. Каково было мое состояние, когда я услышал оркестр? Потрясение. Открываю двери в храм искусства – там море музыки! С неба идет музыка, снизу льется музыка... Все играют.

На меня такое нахлынуло блаженство! Я подумал: наверное, не смогу там играть, там такие музыканты! Такие большие музыканты. Я захожу, робкий такой. Вдруг ко мне подходит взрослый мужчина и ласково говорит: «Ну, давай, давай проходи, будем знакомиться!».

В этот момент Юрий Клепалов прервал свой рассказ, глубоко вздохнул, глаза его засияли еще больше от добрых воспоминаний. Он вздернул большой палец кверху, показывая тем самым, каким значительным был для него тот мужчина.

– Это был руководитель оркестра Навроцкий Александр Иванович!

Клепалов начал долго и эмоционально рассказывать о нем, о его воспитательной роли. Подобные теплые истории я только что слышал из его уст о великом Василии Андрееве.

Навроцкий, оказывается, был репрессирован. Урал для него – чужая сторона. Сюда его отправили в ссылку из Украины. Первое время он, как репрессированный, жил в Верхней Тавде, в Свердловской области. Там пробыл лет 5-6. Затем ему разрешили перебраться на Уралмаш. Здесь он и создал прекрасный оркестр.

Когда Клепалов рассказывал о знакомстве со своим первым руководителем, я живо представлял себе эту сцену. Вот заходит робкий мальчик в Дом культуры, а ему сходу и решительно говорят: «Ну, давай, давай проходи, будем знакомиться!».

У Юры наверняка сердце ушло в пятки. Но он вынужден был идти за руководителем, так как знал, зачем пришел: дед послал его играть в оркестре. И когда Навроцкий предложил ему показать свои способности, то тут и робость сразу схлынула.

Однако Юра пришел играть на мандолине – это оркестровый инструмент. А ему вдруг неожиданно говорят: «Бери домру, поиграй!». Юра не растерялся, исполнил волю руководителя... Тот внимательно прослушал музыкальный номер и, не сказав ни слова, пересадил на вторую домру. А, увидев, что и здесь мальчик успешно играет, не раздумывая, заявил: «Давай, Юра, во взрослый оркестр приходи».

Таким серьезным предложением завершился поход Юры Клепалова в Дом культуры.

– Когда я пришел во взрослый оркестр, то у меня было второе потрясение. Там были уже подготовленные музыканты. Играли они профессионально. Но именно здесь, в оркестре, я впервые в своей жизни встретился с балалайкой. Играет оркестр, все идет нормально. И вдруг на сцену выходят два человека и все внимание – им, ну, как будто звезды какие появились. «Это кто?» – спрашиваю я. «А это ребята, которые учатся в музыкальном училище, это балалаечники», – слышу в ответ. Они как взяли балалайку, как начали играть, тут мне и конец пришел, я растаял. Я так влюбился в балалайку!

– Сразу мандолину разлюбил? – пошутил я.

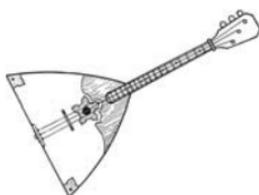
– Нет, и мандолину люблю, – сурово, не принимая шутку, ответил Клепалов. – Дело в том, что эта балалаечная струна, видимо, давно была во мне.

– Что значит – была?

– Когда на балалайке заиграли, у меня заискрило все, в душе заискрило! Я понял, что это удивительный инструмент. Правда, я еще не знал, буду играть на балалайке или не буду, не знал, но она меня притянула, она во мне заиграла. Все сидят в Доме культуры и слушают –

балалайка заливается!!! Сажу и я, слушаю, восторгаюсь, думаю: «Это же святыня!». Ребята играют, а у меня в душе все переворачивало и переворачивало. Думаю: что со мной?! Мандолина – хорошо, гитара – хорошо, а эта сильнее притягивала! Сильнее, хоть убей. Надо же, я еще не пытался играть на балалайке, а уже оказался в ее власти!

Мне понятны стали откровения Клепалова. Почему-то сразу расхотелось задавать лишние вопросы. Трудно сказать, кто кого нашел первым: он – балалайку или она – его. Ясно одно: у Юры Клепалова было настоящее, красивое, счастливое детство и устроил его он сам, желая быть похожим на деда.

... ТЫ БУДЕШЬ ВЕЛИКИМ БАЛАЛАЕЧНИКОМ!

Чем чаще я встречался с Юрием Клепаловым, чем больше он радовал меня своей духоподъемной игрой на балалайке, тем сильнее меня интересовала история становления этого незаурядного, яркого балалаечника.

А как он умел со вкусом и особым дарованием рассказывать об отроческих годах своей жизни! Слушать его было одно удовольствие.

– Однажды я сижу в оркестре, играю, – вспоминал Юра, находясь у меня в гостях. – В оркестр пришел седовласый человек, такой старичок интеллигентного вида. Он разговаривал с нашим руководителем, но я заметил, что он приглядывался ко мне. Речь шла явно обо мне. Я не стал ни во что вдаваться. Он ушел. Потом руководитель мне говорит, а я уже год играл в оркестре: «Ты у нас кандидат в музыкальное училище!». Я скромно поблагодарил: «Да, спасибо!». А у самого душа загорелась, хочется в училище, надо ведь дальше и дальше расти! Прибегаю домой, а мне мама говорит: «Давай играй, играй, тебе это нравится!» Сожалел лишь, что дедушка не дожил до этого счастливого дня. К тому времени, когда я пошел в оркестр, он уже умер, ему было 72 года, упал во дворе, сломал шейку бедра. Я три ночи

не спал, ходил в больницу, носил ему лекарства, менял кислородную подушку. Он мечтал услышать, когда я буду играть хорошо. После его смерти мама прошептала мне: «Остался ты один носитель народной культуры».

– Твой приход в училище был ознаменован тем, что ты наконец-то взял в руки балалайку? – задаю я долгожданный вопрос.

– В училище я играл на домре. Хотя тяга к балалайке у меня так и осталась.

– Когда же ты впервые на ней заиграл?

– Не сразу. Был вступительный экзамен. Я захожу в кабинет, такой маленький, а там сидит здоровый преподаватель. После моей игры на домре он говорит: «Теперь спой!». Проверял, видимо, слух. Я спел. Мне потом один из участников комиссии сказал: «Ты запел, а твой голос так важно зазвучал!». Закончился экзамен. К нам вышел Владимир Васильевич Знаменский. Это был заведующий отделом народных инструментов Свердловского музыкального училища имени Чайковского. У него был свой оркестр. Мы знали, что это был знаменитый человек, в сферу его деятельности входили пропаганда и защита народной музыки. Он воспитал блестящих музыкантов. Человек великий. Знаменский и в моей жизни сыграл большую роль. Мы его обожали, любили. Он всегда жил с хохмами. Помню одну из них, он ее рассказывал нам: «Меня иногда спрашивают, на чем вы играете? А я им всем отвечаю: я играю на всех инструментах, и одинаково плохо!». Конечно, то была шутка. Играл он замечательно. К тому же он был прекрасным вокалистом... Так вот, когда закончился экза-

мен, мы все сидим, ждем... Ноги трясутся, руки тоже. Выходит Знаменский и говорит: такой-то ученик сюда, такой-то туда. И на меня смотрит: «А Клепалова мы берем на балалайку!». Как он услышал, что у меня в душе есть вот это звучание балалайки?! Как он это услышал? Затем сказал мне: «Ты будешь знаменитым балалаечником!». Почему он увидел во мне балалаечника, ведь я ничего не играл ему на этом инструменте? На домре играл Моцарта, «Турецкий марш», всякие другие виртуозные вещи... Когда я играл в оркестре, мы стали лауреатами областного смотра. У меня была мощная подготовка. И вдруг Знаменский предрекает: «Ты будешь балалаечником!» И добавляет: «Будешь вспоминать Вовку Знаменского, как он сказал!». Действительно, по сей день вспоминаю его с благодарностью. Память о нем светлая. Он меня услышал! В общем, я поступил, пришел домой, говорю маме: «Мам, я балалаечник!». Она справедливо спрашивает: «Почему не на домре будешь играть?» Я радостно заявляю: «Владимир Васильевич предложил идти на балалайку! И сказал, что я буду большим музыкантом!». Она согласно кивнула головой, поддержала: «Раз большим, ладно, иди, отдыхай».

– Знаменский, значит, стал учить тебя игре на балалайке? – спешил я узнать имя первого учителя.

– Другой был учитель, – подытожил рассказ Клепалов. – Им стал Николай Федорович Рожин. Тоже хороший педагог. Прихожу к нему в кабинет, а он как меня увидел, так сходу и выпалил: «Юрка, завтра ко мне на занятия!». Учеба началась с обычного – посадка, показ приемов. Рожин посмотрел на меня, улыбнулся: «Так,

хорошо, руки у тебя нормальные, для балалайки подойдут». Почему он так сказал? У балалайки длинный гриф. Растяжка должна быть. У меня пальцы длинные, здоровые. Дело пошло. Тогда в училище кумиром был Аверин Владимир Александрович. Он учился на четвертом курсе, я на первом. Всю учебу пришлось мне равняться на него.

Рассказ Клепалова поразил меня в этот раз тем, что он много теплых слов нашёл как в адрес педагогов, так и сокурсников. В нем жила благодарность им за поддержку, за то, что они искренне любили русскую народную культуру, и эти чувства передавались ему. Он очень ценил этих людей, спокойных, полных достоинства, безотказных трудяг, смекалистых, не умеющих отказывать в поиске знаний и очень щедрых душевно. Он креп в творчестве вместе с ними. Их взаимная привязанность была трогательна. Благодаря им у него росла уверенность в правильности выбранного пути.

Даже сокурсник Володя Аверин стал для него примером в служении искусству, в достижении цели.

Он только начинал играть на балалайке, но уже знал, что она приведет его к успеху. И это его стремление к осуществлению мечты покорило мое сердце окончательно.

Мы сидим в комнате, на столе радостным огнем вспыхивает восковая свеча. В полной тишине, где отдыхает его балалайка, время для стихов. Громким голосом я читаю ему стих Николая Клюева:

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:
«Трынть да брынть, да тере-рень...»
Чу! Заутренние звоны...
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы...

А он в ответ читает мне Михаила Лермонтова:

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный, и свободный!

ПОТРЯСАЮЩИЙ ГИТАРИСТ

Кто в молодости не пробовал научиться играть на гитаре? Мне таких мало известно. К тому же я сам болел этой затеей, пытался учиться брэнчать, но без знания нот ничего хорошего из этого не получилось.

Клепалов в юности играл не только на домре, но и на гитаре. Его рассказы о той поре, когда он на семиструнке завоевал доверие и особое расположение дворовой шпаны, изумляли меня, прежде всего, редкими деталями. Освоил гитару он еще в оркестре. Играл разные мелодии, в том числе рок-н-ролл, потому его и других ребят собрали в эстрадный ансамбль. Юра играл на гитаре по-своему, с барабанным боем. Получалось потрясающе. Его затаскали по концертам и вечеринкам. Дошло до того, что слава о нем разлетелась по всей округе.

Однажды он шел со своим одноклассником по улице. И тот неожиданно спросил его: «Ты знаешь, кто в этом доме живет?!» И показал на дом, где жили Клепаловы. «Там есть квартира, а в ней живет потрясающий гитарист!» – важно заключил он. И добавил: «Он – великий гитарист!». Юра не знал, что прославился игрой на гитаре, потому спросил: «А ты его не знаешь?». «Нет, – слышалось в ответ. – Я его не знаю».

На следующий день этот одноклассник вместе с хулиганистыми ребятами выманил Юру на улицу: «Юрка, пошли, там гитарист какой-то пришел, послушаем...». Они где-то гитару раздобыли, взяли ее с собой. В соседнем дворе чужой парень, пришелец, действительно, сидел на скамейке и наяривал на шестиструнке. Ноги у него были сложены крест на крест, сам на краешке сидел. Бренчал он отвратительно. Все терпели, терпели и наконец, не выдержали, закричали: «Ты прекрати играть-то!». Тот в ответ: «Да вы не знаете, я играю на шестиструнке самое модное». Ребята не согласились. Двое из них, что сопровождали Клепалова, носили почетные клочки Ленин и Сталин. Так как они были хулиганы добрые, то тот, что постарше, негромко скомандовал другому: «Ну-ка, Сталин, иди скажи ему – пусть даст Юрку послушать!». Сталин подходит к чужаку: «Ну что, ты играешь на гитаре плохо, я тебе сейчас парня приведу, уступи ему место». Тот заворчал: «Какой еще парень? А на чем он играет?». Тут в разговор вступил Клепалов: «На семиструнке!». Чужак уступил скамейку: «Ладно, давай играй!». Юру подвели к скамейке. Он играл медиатором, играл джазовые вещи с такой помпой, что никто не мог понять, как он это делает.

Тишина завладела пространством двора. А Клепалов продолжил экспериментировать, заворачивает две струны и начинает играть барабанным боем... Гитара задорно пела: па-па-пти, па-па-ти... В общем, Юра распластал чужака. Тот ошарашено спросил: «А ты ноты-то знаешь?» Юра признался, что, мол, давно ноты знает. Словесная перепалка продолжалась недолго. Чужак посидел-посидел, а потом повернулся и протянул руку:

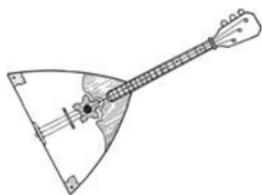
«Будем знакомы – Рыба! Кличка моя такая. Давай вместе играть. Завтра я к тебе приду».

На следующей неделе он действительно пришел. И Юра Клепалов начал с ним вдвоем играть на гитарах. Володя по кличке Рыба был из соседнего двора. Он лишь подыгрывал Юре. В основном все популярные мелодии Клепалов играл на гитаре самостоятельно, особенно знаковые песни, такие как «А у нас во дворе». Исполнял всё, что звучало в фильмах. После каждого концерта во дворе ужас что творилось – народ засыпал их аплодисментами. Таким образом, слава о Клепалове разлетелась по всему Уралмашу.

Особенно его полюбили в тех районах, где стояли одни общежития, а в них жили молодые рабочие. Там, в небольшом парке, часто гремела эстрадная музыка. Юре Клепалову нравилось ходить туда. В послевоенный период у рабочих проходили соревнования. Молодые ребята не увлекались алкоголем, не хулиганили, кто-то играл на балалайке, кто-то на гармонии... Умеющий играть на каком-то инструменте был уважаемым человеком, это считалось высшим достижением. На площади имени 1905-го года по субботам всегда ходили такие группки: одна, вторая, третья... Ходят они вокруг площади – один играет на баяне, другой – на кларнете, третий – на балалайке. Вторая группа идет и играет на гитаре... Третья группа баян вытаскивает. Никто не поет, все играют. Такой инструментализм! Раз круг сделают, два. Толпа стоит. Вроде никакого ажиотажа нет. А после этого на второй день весь Уралмаш гудит: это кто же так здорово играл?!

В одну такую музыкальную группу попал Юра Клепалов. Играл от души. Его талант оценили сразу. Он это понял в следующую субботу, когда его вновь пригласили и попросили поиграть вдвоем с Рыбой. Клепалов знал: если тебя призвали – значит, ты свой, рабочий класс откровенен в оценках.

Клепалов опять отыграл замечательно. И слава пошла о нем уже за пределы Уралмаша. «Я даже не ожидал!», – признался он мне, пересказывая этот любопытный эпизод юности. Я лишь развел руками, соглашаясь с его тогдашними друзьями со двора: «У нас есть потрясающий гармонист!».

ГАРМОНЬ ПОПАЛА ПОД ЗАПРЕТ

Никогда не думал, да и не знал, что у нас в России мог существовать негласный закон о запрете игры на гармошке в местах массового скопления народа. Но он был. И Юра Клепалов открыл мне ту тайну, от которой мне стыдно по сей день. Стыдно и за власть, и за великую страну, где вместо развития отечественной культуры и народных традиций главенствовал закон русофобов. Чего они боялись, почему запрещали? В те времена вряд ли кто дал бы правильный ответ. Спустя время, и зная, как сегодня повально по всей стране, на всех концертных площадках, в театрах и кинозалах, по телевидению и радио вытравливается подлинно русская песня и русская мелодия, начинаешь осознавать и понимать, что идет гибридная и информационная война, целью которой является недопущение возрождения русского национального самосознания.

Клепалов согласился с моим утверждением. И с горечью вспомнил те дни.

Его пригласили выступить на самую знаменитую точку, это было знаковое место в центре общежития. Обычно там проходили разные собрания и культурные мероприятия. Пригласили торжественно, будто во Дворец съездов. Клепалов шел туда играть не только народные песни, но и рок-н-ролл, а также известную

мелодию «Караван». Там не было ни микрофонов, ни акустики, но слышно было хорошо... Клепалов вышел на сцену. Его тотчас встретили криком: «Давай, давай, мы тебя знаем!». В концерте вместе с ним выступал Рыба. В тот момент, когда они вошли в раж, глаза заискрились, а лица вспыхнули жаром, к общежитию подъехали милицейские «бобики». Молодых ребят стали окружать. Оказалось, что тогда действовало положение: молодежь не имела права собираться вместе в группы и играть на музыкальных инструментах.

– Почему нельзя было играть? – долго приставал я к Юрию Клепалову, не веря его рассказу о том запрете.

Память хранила одну из таких расправ над балалайкой. Но было это во времена царя Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим». Тогда этот инструмент впервые в 1688 году был зафиксирован в архивных документах. В них записано, что житель Арзамаса Савка Федоров да крестьянин Ивашка Федоров, въезжая на телеге в Москву через Яузские ворота, играли на балалайке. Их сразу арестовали, привели в Стрелецкий приказ, побили за музыку батогами и отправили в ссылку. А так как царь ненавидел народное искусство, то балалайка была сожжена, согласно изданного им еще в 1648 году запретительного указа. Теперь зачем-то коммунисты прибегли к репрессиям.

– Власть хотела контролировать ситуацию, – уклончиво отвечал музыкант. – Мало ли чего?! Было такое положение.

– Какое положение? Неужели нельзя было играть на гитаре?

– Кроме гитары стали запрещать балалайку, а особенно гармонь. Власть стремилась к тому, чтобы народ нигде не играл публично. Объясняли это тем, что музыка якобы

мешает людям отдыхать. Раньше, в послевоенные годы, точнее, в 50-е, в начале 60-х годов, ходишь по городу, и из каждого окна звучат гармонь, баян. И вдруг – запрет!

– Чем мешают?

– Постановление сперва распространялось на поселки, потом на города. У нас был такой случай: земляк баянист Михаил вышел на гармошке играть на Красную площадь, его увели в милицию. И где бы он ни играл, его арестовывали, уводили, трижды сажали в каталажку. Гармонь уничтожали, как могли. Боролись самым настоящим образом, как с православной верой. Результат был плачевный. Русский человек лишался возможности и слушать народную музыку, и учиться играть на народных инструментах. И когда волна запретов в 70-е годы начала сходить на нет, то народ стал заметно меньше играть на гармошке и балалайке. Об этом говорил мне великий наш подвижник и пропагандист гармошки Геннадий Заволокин. Он в своих замечательных телепередачах показал, что если человек идет по деревне с гармошкой, то деревня сразу оживает, все вокруг просыпается, поет и пляшет... А стоит балалайке зазвучать, так в народе пробуждается все лучшее. Это вообще потрясающе. Я видел, как Заволокин играл на балалайке, шел по улице вдвоем с братом, и мир переворачивался, в воздухе пахло праздником! Вот этого власть коммунистов-интернационалистов-космополитов и боялась. Русский человек с народными инструментами превращался в человека с большой буквы, да, проще говоря, превращался в русского человека. А этого нельзя было допустить. Получалось – больше трех не собирайся. Зачем такие директивы и закон выпустили? На мой взгляд, это было связано с тем, что власть стремилась прикрыть народ-

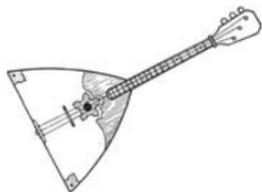
ное искусство, народную музыку. Чтобы люди превратились в Иванов, не помнящих родства. С русской песней под гармошку и балалайку у них ведь просыпаются и возрождаются национальные чувства! А если народная музыка звучит постоянно?! Нация становится нацией. Скажу на своём примере. Когда я был в хоре – я очистился... Поиграю на балалайке – у меня голова чистая. Я чувствую себя легко, свободно, будто на крыльях лечу... Балалайка – это мое родное, это моя душа. Власть, запрещающая народные инструменты, бьёт по самому главному – по душе. Тот позорный запрет я пережил, захватил его на Уралмаше. К сожалению, репрессии сразу не остановились, пошли дальше, пошли к уничтожению гармонистов и балалаечников. Где заиграет гармонь – сразу появляется милиция!

– Надеюсь, на твоё творчество эти вредные директивы не повлияли?

– При мне происходили все эти так называемые культурные репрессии. На моих глазах они и прекратились. Что касается меня, то во мне слишком крепко жило желание быть русским балалаечником, чтобы испугаться или дать слабину.

– Чем же закончилась та история в общежитии, когда появилась милиция?

– Я доиграл одну из народных песен и пустился в бег. Милиция бросилась за мной. У меня гитара была чужая, я отдал её и удалился. Милиция не обнаружила источник вдохновения толпы. Меня не забрали...

КТО ГЛАВНЫЙ БАНДИТ УРАЛМАША...

Кто бы мог подумать, что и у милиционеров, блюстителей порядка и закона, и у людей с криминальными и уголовными наклонностями есть не просто тяготение к музыке, но и общее понимание ее значения. Клепалов об этом никогда не думал и даже не догадывался, пока на его пути не встретились и те, и другие.

Было время, молодые ребята на Уралмаше, не зная, на какое полезное дело направить клокочущую энергию, уходили в лес и организовывали там кулачные бои. То дерутся один на один, то выходят стенка на стенку. Убитых и покалеченных в этой затее, уходящей традицией в далекое прошлое, не было, да и не могло быть. Обычно после потасовок буйные ребята, побутузившие друг друга, обнимались и расходились.

На такую потасовку однокурсники затащили Клепалова. Один из них так и сказал: «Пойдем, посмотрим, это здорово! В лесу парни соберутся – стенка на стенку. Потусуются маленько, чуть-чуть поколотят друг друга. Нормально будет!».

Они пошли в лес. Интерес к событию возрастал с каждым шагом. Но только они зашли вглубь леса, как кто-то закричал, что никакой драки не будет: парни, мол, просто постояли, друг на друга посмотрели. Кто-то свистнул, предупредил: «Милиция!». Все стали разбегаться.

Клепалов выбежал из леса, видит – идет трамвай, сходу заскочил в него. А за ним – и милиционер, бежавший следом. И когда трамвай остановился, Клепалова пересадили в милицейскую машину-каталажку. Сидит он в приемнике, горюет. Дежурный записывает с его слов показания: кто такой, где живет... Записал всё, а тут другой милиционер подошел: «Слушай, парень, я гляжу на тебя, гляжу, и кажется мне, что я тебя знаю». Клепалов молчит, сидит спокойно. А милиционер вдруг и говорит: «Пойдем, выйдем». Вышли они на улицу, сели на лавочку. Милиционер ничего не говорит. И тут откуда-то появляется гитара. Клепалов сразу оживился, у него появился шанс выйти ненаказанным из этой ситуации. А милиционер признался: «Да я тебя знаю, бери гитару...». Клепалов взял инструмент и как заиграл! Вокруг сразу же собрался народ – все в милицейской форме. Сыграл им Юрий три-четыре популярные народные мелодии. А сопровождающий его милиционер подсел к нему поближе и тихо сказал на ухо: «Сейчас ребята разойдутся, а ты вон видишь забор... Чтобы быстренько через него перемахнул!».

И Клепалов через минуту был таков. Пришел к матери, рассказал обо всем без утайки. Мать, как всегда, попечалилась: «Вечно с тобой, Юрка, что-нибудь случается! Всегда ты в какую-нибудь историю попадаешь!».

Не прошло и недели, как с ним приключилась другая история. Шел он на занятия в оркестр. В руках – гитара оркестровая. Впереди виднелось известное на Уралмаше «Дворянское гнездо» – там, в красиво обустроенных домах, обитали высокопоставленные чиновники, и среди них, как потом узнал Клепалов, жил и будущий председатель российского правительства Рыжков Николай Ивано-

вич... Вдруг дорогу Юрию перегораживают двое парней. Один, с сигаретой, матерится, другой в сторону плюет. Останавливают Юру: «Ну что, попался? Куда идешь?». Клепалов испугался, виноватым голосом объяснил, куда идет. Хулиган с сигаретой продолжил: «Дай-ка моему приятелю гитару, чтобы он тебе поиграл, чтоб ты знал, что за инструмент несёшь». Приятель взял гитару, побренчал. «А сам ты играешь?», – спросил хулиган. Клепалов ответил: «Так, немножко!». «Ну, давай, сыграй. Потом посмотрим – пнуть тебя под зад или так отпустить». Клепалов понял, что попал в нехорошую ситуацию и надо из нее достойно выходить, чтобы не получить тумачков.

– Я взял гитару, – вспоминал потом Юрий, – достал из кармана вместо медиатора две копейки и начал играть. При этом подумал: я вас сейчас так расчешу... Да вы век такой музыки не слышали! И как врзал!

Хулиган явно был поражен. Вытаращив от удивления и неожиданности глаза, он пробасил: «Ну, ты даешь! Ты знаешь, кто я такой?». Клепалов пожал плечами: «Не знаю!». «Я – Боря Сафин, я главный бандит на Уралмаше. Ты понимаешь, с кем разговариваешь?!». Клепалов, хоть и видел его в первый раз, но вымолвил: «Ну, понимаю». Тут хулиган заговорил более снисходительным голосом: «Так вот, с сегодняшнего дня ты будешь под моей защитой! И кто тебя тронет, тому скажи, что пожалуешься Боре Сафину и тот тебя утопит, закопает, фамилии не спросит, закатает машиной». Он обнял Юру и скомандовал: «Все, бери гитару и иди, дорогой мой, восвояси! И теперь всегда говори, что я с тобой».

Эта история настолько потрясла Клепалова, что он запомнил ее на всю жизнь. Вот ведь как: даже люди с низким уровнем культуры в состоянии оценить под-

линное мастерство. А ежели говорить по большому счету, то уважительное отношение к настоящей музыке живет в крови любого русского человека, независимо от его социального положения. Нужно лишь суметь затронуть душевные струны.

У той курьезной истории было продолжение.

После занятий в училище Клепалов шел домой. На дворе стоял вечер. Неожиданно на него напали. Несколько агрессивных парней заломили руки и мгновенно вычистили все карманы. А там и лежало-то всего 50 копеек – мать дала на дорогу. Вдруг один парень с папиросой во рту подошел к Клепалову, посмотрел на него с одной стороны, потом с другой, еще посмотрел. А на улице уже была такая темень, что трудно разглядеть лицо. Затем подозвал своих оборотов и спросил: «Кто с ним работал?». Первый парень ответил: «Да я тут его обшаривал». «А еще кто?», – прикрикнул громче. «И я смотрел», – признался второй парень. Тут старший из них скомандовал: «Немедленно все ему отдать! Выверните свои карманы и все отдайте. Это лучший гитарист Уралмаша! Вы чего, вы кого обижаете?!». Клепалов смекнул, в чем дело, и выпалил: «Да я знаю Борю Сафина». Старший огрызнулся: «Он еще знает и Сафина!». Напуганные парни трясущими руками выложили Клепалову все, что награбили за вечер.

Мать, выслушав рассказ сына про неудачное ограбление, опять вздохнула: «Вечно ты, Юра, в какую-нибудь историю попадаешь!».

«...ОПЯТЬ ТЫ В ИСТОРИЮ ПОПАЛ!»

Репрессии против русских народных инструментов продолжались долго. И неизвестно, чем бы они закончились, если бы такие смельчаки и подвижники как Юрий Клепалов не охладели к балалайке и гармонии, а наоборот продолжали играть на свой страх и риск, понимая, какой серьезный пласт народной культуры они хранят.

Впрочем, судьба народных инструментов всегда подвергалась испытанию, порой висела на волоске от гибели, но Господь даровал им жизнь.

У Клепалова на сей счет есть свой железный аргумент, вернее, показательный пример. В какую неизвестность канула бы та же балалайка, не встреть она Василия Андреева и не пробудись в нем любовь и привязанность к ней. Научившись играть на этом инструменте, открыв в нем огромные возможности, он сразу приступил к его усовершенствованию, а потом и пропаганде.

Балалайка, однако, помогла и Андрееву, возвеличив его до всемирно известного музыканта.

Клепалов не однажды рассказывал мне, как балалайка помогала и ему в жизни. Правда, в юности чаще выручала его гитара, с которой он был неразлучен. И кто знает, что бы с ним случилось при встречах с бандитами, если бы не было в его руках этого музыкального инструмента.

Он был безотказным. Приходят к нему ребята домой, зовут гулять – и он идет. Приносят гитару, просят ее сохранить – и он хранит. А как-то вечером приезжают ребята и кричат: «Юрка, Ленин со Сталиным дерутся, пластаются по-черному, пойдем посмотрим. Там пух-пух...».

Клепалов выбежал на улицу и только подошел к месту драки, как его схватил дружинник. Клепалов кричит: «Я ничего не делал». Но его никто не слушал – им были нужны задержки и приводы для отчета. Повели его в милицейский участок. Он идет спокойно, не вырывается. Видит: у магазина стоит милицейская машина, темная, глухая, и в нее запихивают Ленина со Сталиным. Худой Ленин прошел, а здоровый Сталин не дается никому, упирается и его впихивают в машину руками и ногами. Дружинник Клепалова отпустил, сотрудникам кинулся помогать. А Юра домой пошел, и только на порог вступил, как мать уже все поняла: «Опять в историю попал!».

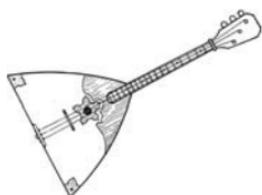
Кажется, этот случай уже должен был научить Юрия осторожности, бдительности. Но, увы, к нему вновь приходят друзья: «Пойдем, прогуляемся!». Он берет гитару, и они идут по городским улицам. Вокруг ни одного музыканта. Клепалов играет один. Прохожие слушают, кивают в знак одобрения, похвалы. А сзади него пристраивается молодежь, скапливается понемногу. В какой-то момент Юра обернулся и увидел за собой человек двести. Конечно, на звуки гитары и на веселье молодежи обратили внимание сотрудники милиции. В городе действовало распоряжение: в общественном месте вокруг музыкантов не должно быть никаких

объединений людей. И не успел Клепалов глазом моргнуть, как на улице показался милицейский «бобик». Пришлось пуститься в бега... Оставив позади улицу имени 22-го партсъезда, на которой появились люди в фуражках, оставив позади лесной участок, Клепалов забрел с друзьями в незнакомый двор. Оглядевшись, Юрий узнал то место, куда недавно ходил смотреть драку – стенку на стенку. Присели на скамейку отдышаться. Для успокоения нервов Юра сыграл несколько лирических мелодий. Вдруг открылась дверь подъезда, из неё вышел парень и направился прямо к ним. «Ну-ка, пошли!», – поманил Юру пальцем. Он замотал головой: «Не пойду!». «Пошли!», – повысил голос незнакомец. «Не пойду!». Тут приятель Юры заметил: «Ты чего? Это такой бандит – он тебя из-под земли достанет. Бери гитару, иди!».

Юра поднялся на второй этаж, зашел в квартиру. Посреди комнаты стоял стол, а за ним, как в президиуме, сидели четыре человека, четыре крепких бугая. Один из них скомандовал: «Так, давай играй, мы тебя будем слушать!». Клепалов отозвался: «Да я уже наигрался». Бугай нахмурил брови: «Мы тебя слышали, хотим, чтобы ты здесь поиграл». Юра взял гитару... «Во дает! – восхитился бугай. – Слушай, мы тебе вот что сейчас сделаем... Мы тебя отблагодарим – бутылку водки дадим и девку в придачу!». Парни открыли кладовку и вытащили оттуда девушку, которая то ли спала, то ли пьяная была. Юра возмутился: «А зачем она мне нужна?!». Бугай махнул рукой: «Ладно, играй, потом узнаешь, что с ней делать».

Юра заиграл ритмичный рок-н-ролл. Пьяные парни стали кричать в один голос: «Ну, поддай еще уголька, поддай!». Вскоре они выдохлись, начали клевать носами, понемногу засыпать. Юра смекнул: надо уходить, здесь опасно. Потихоньку-потихоньку и ушел. Ребята сидели на прежнем месте – ждали его. Не успел он им рассказать о происходящем в квартире, как к подъезду, откуда он только что вышел, подъехал милицейский «бобик». Через минуту всю банду вытащили на улицу и увезли в участок.

Задержись он в той пьяной компании хулиганов на какие-то пять минут, и мать снова сказала бы ему: «Юра, опять ты в историю попал!».

ПЕРВЫЕ КУМИРЫ

Для формирования личности будущего музыканта и композитора важна атмосфера, в которой происходила учеба. В этом смысле Юрию Клепалову повезло. В училище царил культ творчества и беспредельная преданность идее народной музыки. Педагогический состав был сильным, профессиональным, умеющим заразить детей любовью к народным инструментам.

У Юры Клепалова с первых дней занятий в училище, с первой игры на балалайке открылась внутренняя радость от того, что он играет на ней. Сердце сжималось, нервы застывали, а душа натягивалась, будто балалаечная струна. Они сошлись, нашли друг друга, поняли важность взаимного общения. Он днями и ночами стал разговаривать с ней... Между тем, балалайка – инструмент специфический, к его струнам, к звукоизвлечениям надо привыкнуть. Но Юра как-то быстро освоил нужную технику, стал играть не хуже тех, кто учился на втором и даже третьем курсе.

В стремлении зажигательно играть на балалайке он учился не только у педагогов, но и у старшекурсников. В училище в то время кумиром-балалаечником был Володя Аверин, особенно для девочек. А дружба между Юрой и Володей укрепилась после того, как они поехали в колхоз. Там Юра, поиграв ему на гитаре, показал несколько приемов... А тот в знак того, что ему понравилась игра

на гитаре, стал учить Юру современным приемам игры на балалайке. В такой обстановке они и подружились. И когда в училище Клепалов и Аверин стали держаться друг друга, помогать в учебе, то все это заметили, а девчонки одна за другой стали часто подходить к Юре с просьбой: «Юра, ну, поговори с Володей, я его так люблю!». Кому из парней понравится, когда все девчонки объясняются в любви не ему, а его другу?! Юра смущенно, но категорично всем давал отпор: «Нет, я не буду говорить». А Аверин чувствовал, что к нему девчонки неравнодушны, но не обращал на это никакого внимания, все свободное время отдавал овладению музыкальных инструментов. Клепалову это нравилось. Тем более, Аверин играл – будь здоров! Здорово играл. Его это подстегивало, возбуждало, окрыляло. Каждый вечер игры Аверина на балалайке заканчивался тем, что Клепалов говорил сам себе: «Я тоже буду хорошо играть!». И в конце учебы он его догнал. Когда Аверин ушел из училища, поступив в консерваторию, то королем балалайки был уже Клепалов. Он играл замечательно, вызывая радость у тех же девчонок и мальчишек.

В конце учебы у него, как и у Аверина, появилась мечта продолжить учебу, поступить в консерваторию. Он жил и дышал этим стремлением...

И однажды на дороге к мечте загорелся обнадеживающий свет. В Свердловск с гастролями приехал блестящий балалаечник, заслуженный артист Украины Евгений Григорьевич Блинов. Клепалов учился тогда на третьем курсе у педагога Николая Федоровича Рожина. Жизнь шла своим чередом. Однако Клепалов осознавал, что подготовка у Рожина была не такая профессиональная как у Блинова. Хотя тот все же считался лучшим балалаечником на Урале. Но тут приехал сам Блинов! У него был

совсем другой уровень игры на балалайке! Космический, недостижимый для Клепалова. И попасть к нему, к самому Блинову, в консерваторию, было его главной мечтой.

Конечно, расставаться с Рожиным, педагогом от Бога, который научил его азам игры на балалайке, было сложно. Клепалов очень высоко ценил его труд, старания, знания, ведь тот был балалаечником из народа, к тому же у него любимым другом был великий современный балалаечник Михаил Федорович Рожков. Он с ним часто общался и гордился, когда тот приезжал на Урал. О тех встречах и гастролях знал весь регион, они проходили на высшем уровне. О Рожкове тогда ходила слава по всей стране, его знали и любили. Вслед за ним как-то здорово взлетел и пошел за народным признанием другой прекрасный балалаечник – Павел Иванович Нечепоренко. Клепалов отслеживал творческие пути каждого из них. Рожков для него оставался народным музыкантом, а Нечепоренко увлекался классикой. Не было урока, чтобы Клепалов не приставал к своему педагогу Рожину с просьбами разъяснить: что важнее для музыканта – игра народных произведений или классики? почему у Рожкова один путь в музыку, а у Нечепоренко – другой? Прежде чем ответить на сложные вопросы, Рожин рассказывал ученику о своем друге Рожкове, о том, где и как они с ним играли, что у них общего. Еще он обращал внимание на новые технологии игры на балалайке, с которыми приезжал Блинов к ним на Урал. А на вопрос, почему у великих музыкантов разные предпочтения, технологии и творческие пути, Рожин ответил обескураживающе: «Кому что Бог дал!». От таких бесед у Клепалова замирало сердце. Он ночами брал в руки балалайку и пытался эти «технологии» повторить.

Когда Юрий рассказывал мне о своих первых кумирах, о том, какими они были в творчестве разными музыкантами, с разными технологиями игры, зачастую и новыми, неожиданными, я и сам проявил к ним интерес.

– Что это за новая технология, с которой Блинов приехал?

– Сейчас идет другая технология, – глубокомысленно ответил Клепалов. – Это простому человеку сложно объяснить. Допустим, раньше люди ездили на машине «пятерке», а сейчас – на мерседесе. В этом духе.

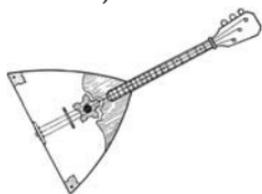
– В каком «этом духе»?

– Мир меняется, а вместе с ним меняются и приемы, технологии игры.

На третьем курсе училища Клепалов окончательно задумался над тем, что пришло время и ему решать свою судьбу. Рожин много чего ему дал в творческом становлении и развитии, и благодарность ему была чрезвычайной, но Юре надо было расти дальше.

Свою дальнейшую судьбу он связывал уже только с доцентом Евгением Блиновым, будущим народным артистом России. И когда на четвертом курсе Блинов появился у них в училище, Клепалов подошел к нему, поиграл и замер. Тишина в зале стояла подозрительно долго. Сердце юного музыканта готово было вырваться из груди. Блинов взглянул на него несколько раз и твердо сказал: «Юра, я тебя забираю, вопросов нет!».

Это было потрясающее событие. Для дальнейшей карьеры необходима была консерватория. В ее стенах он, как покоритель мечты, появился в 1968 году.

ВЫРАБОТАТЬ В СЕБЕ АРТИСТА

Юрий Клепалов обнимает балалайку, свою спутницу жизни, и делает последний аккорд, легонько касаясь большими пальцами тонких струн. В мою комнату заплывает тишина. И в эту минуту чуткого душевного затишья мне приятно было нежное Юрино отношение к инструменту. Ко мне вновь пришло понимание того, что народная музыка быстрее всего овладевает душой русского человека.

Мы сидим напротив друг друга и беседуем о значении народных инструментов в развитии и воспитании характера русского человека, о судьбе балалайки, а более всего о том, что уверенность музыканта в завтрашнем дне прямо пропорциональна незыблемости дня вчерашнего. У настоящего музыканта обязательно должно быть прошлое, ибо он состоялся там и несет свет и красоту музыки именно оттуда.

Разговор на серьезные темы, как правило, начинаю я.

– В консерватории ты уже учился у маэстро Блинова?

– С первого курса я начал играть у него, – охотно отвечает Клепалов.

– Сложно было учиться?

– Когда занятия проходят интересно, сложности не замечаешь. Я научился чувствовать балалайку, понимать, почему она так работает, а не иначе.

– Объясни, что означает «чувствовать балалайку»?

– Во время игры ты прижимаешь инструмент к телу, и если в этот миг ты его чувствуешь, то внутри и у тебя, и у него рождается замечательная мелодия.

– Кроме техники и мастерства, что тебе еще дала консерватория?

– Я выработал в себе артиста...

– Это как?

– У студентов, любящих кучковаться, наступил момент, когда они начали создавать концертные группы и ездить на шабашки, то есть халтурили. Во время одной из таких шабашек я поехал в город Реж Свердловской области. Мне предложили выступить в местном Доме культуры. Оформлялось все это мероприятие от Уральского отделения Всесоюзного хорового общества.

– Через это отделение вы, студенты, и подрабатывали? Или, как ты сказал, учились выработать в себе артиста?!

– Совершенно верно. Поехал я в город Реж в субботу. Выступил там успешно. А в воскресенье, как оказалось, туда приехал Блинов. И тоже играл на балалайке. Я о его планах, конечно же, ничего не знал, иначе бы отказался от поездки. Переходить дорогу педагогу неэтично, неразумно. И вот в понедельник подходит ко мне жена Блинова, она же концертмейстер, Искрина Борисовна. Муж привез ее из Киева. Она ко мне подходит и лукавенько так спрашивает: «Юра, а где ты выступал в субботу?» Я отвечаю: «Да нигде я не был». Она: «Нет, ты скажи мне, пожалуйста, ты выступал в Доме культуры в городе Реж?». Я стою на своем: «Не выступал». Она, не сдаваясь, стала напирать: «Ой, не ври, ой, не ври!».

Мне пришлось сдаться: «Ну, ладно, выступал». Искрина Борисовна с той же лукавинкой в голосе, но с подозрительностью и строгостью в глазах сказала: «А вот шеф приехал в воскресенье, отыграл, к нему вдруг подходит дедушка и говорит: «Вы хорошо играете, но вчера другой был балалаечник – лучше вас!». Я опешил, не знаю, что сказать в оправдание. Чего дедушке так понравилась моя игра?! Тем более, Блинов классику играл, играл вдвоем, его игру сопровождал коллега на фортепьяно. А я играл на балалайке с баянистом. Исполнял «Светит месяц», «Коробейники». «Плясовую» играл. Вместо оправдания спрашиваю у Искрины Борисовны: «Ну и что? Шеф меня убьет?» Она сухо ответила: «Посмотрит!».

– Как тебя наказали?

– Никаких разборок и тем более репрессивных мер после того инцидента не последовало. Я учел свою ошибку: перед поездкой на шабашку смотрел, где выступал Блинов, и не ездил в те места.

– Удалось выработать в себе артиста?

– Еще как! Надо же было закалять себя на чем-то, выступать перед кем-то. Я не пропускал ни одной такой возможности, выступал, где придется, набирался опыта. Ребята тоже где-то халтурили... Однажды они позвали меня: «Пойдем, поиграем... Там оркестр. С оркестром поиграешь!». Я поинтересовался, где будем выступать? Они ответили: «На суконном комбинате в Свердловске». И вот прихожу я в назначенное время на указанное предприятие. Ко мне подходит начальник, спрашивает: «Ты что тут делаешь?». Отвечаю: «Я пришел выступать». Он недоумевает: «Как выступать? Никаких выступлений у нас нет». Тут уж я столбенею: «Мне ска-

зал руководитель вашего оркестра, что я могу сыграть в нем». Директор захохотал: «Какой там еще оркестр? У нас никакого оркестра нет». Я сообразил, что однокурсники меня надули и перешел в наступление: «Но я же должен у вас выступить, не зря же пришел?!». От директора тотчас последовало неожиданное согласие: «Ну, ладно, иди, выступай! На лестнице будешь выступать». Я переспросил: «На какой лестнице?». «Да вон там!»... Впереди меня виднелась лестница, железная, винтовая, ведущая с первого этажа на второй. Директор показал на нее рукой и добавил: «Там сядешь и будешь играть». Я спросил недоуменно: «А где же люди?». Он ответил: «Я сейчас пригоню тебе людей. Ишь какой нашелся! Не видали мы тут балалаечников!». И ушел. Наступил перерыв. Первыми ко мне подошли женщины, затем подтянулись ребята. Мне дали стульчик. Я сел, минут десять им поиграл. Зрители смотрели на меня одобрительно, хвалили: «Молодец, играешь хорошо, никогда не слышали, чтоб на балалайке так играли! Приходи к нам почаще!». «А куда приходиться-то?», – поинтересовался я. Они в один голос: «Да мы тебе лучшее место найдем. Напоим. Только приходи». Потом один рабочий подошел, обнял меня и прошептал: «Ладно, время отблагодарить тебя, мы на суконном комбинате работаем – тебе сколько ниток надо?». Я поблагодарил и отказался от подарка. Тем более, рядом девчонки ходили, смотрели, парень вроде неплохой... Одна прошла вокруг меня, вторая... Когда я выходил из комбината, навстречу мне вышел директор: «Ну что, сыграл?!». Ответил я смело: «Да, сыграл!». Он повернулся к сопровождавшему меня рабочему и спросил: «Он как, пло-

хо играет?!». Мужчина восторженно заявил: «Лучше всех!». Директор удивился: «А чего же я не пришел?!». «Ты и сглуповал, начальник!». Разразилась словесная перепалка. Хорошо, что начальник оказался необидчивым, скомандовал рабочему: «Ладно, иди, работай!». А мне уже добрым, ласковым голосом сказал: «Молодец, что пришел, у нас скоро праздник, мы тебя приглашаем, выступишь...». Я пообещал. На следующий день прихожу в училище. Нахожу там Гену Портнова, того студента, коллегу-балалаечника, который заманил меня идти играть на суконный комбинат, а сам не пришел. Громко и зло говорю ему: «Слушай, я пришел, а тебя нема. Что такое? Где оркестр, где ты?». А он так непринужденно, будто ничего не произошло, отвечает: «Ты знаешь, я там, на комбинате, только числюсь, там ни оркестра, ничего нет. Мне сказали в профкоме: ты хоть приведи какого-нибудь балалаечника, показать, что ты выступал у нас... В общем, то-то и то-то, липа такая». Мне смешно стало, обида прошла, и я хлопнул коллегу по плечу: «Ну и аферист ты! Больше так не поступай, я отыграл за тебя как надо!».

На этом истории хождения в народ под кодовым учебным названием «выработать в себе артиста» не прекратились. Из беседы с Клепаловым я узнавал их десятки и десятки. Они сыпались бесконечно. И каждая история свидетельствовала о том, что с годами его талант крепчал, обретал устойчивость и профессионализм.

Ни дня Юрий не расставался с балалайкой. Незаметно она стала ему верным другом. Но не забывал и гитару, с которой в детстве покорял улицы Уралмаша.

Во время учебы в консерватории Клепалов познакомился с одним гитаристом. Они вместе учились. Услы-

шав в коридоре, как Юра замечательно и неподражаемо играет, тот предложил ему: «Давай запишем твою игру на магнитофон?». Юра согласился. У сокурсника в комнате был магнитофон «Астра». Они пришли к нему и сделали запись. Юра импровизировал, как всегда, лихо и талантливо. Его коллега изображал второго музыканта с микрофоном, взяв в руку коробок спичек. Приятная музыка долго звучала в комнате. Запись получилась хорошей.

Через неделю к Юре заходит парень из соседней комнаты, известный в общежитии щеголь, манерный, с красивыми усиками. На девчат он влиял поразительно. Так вот он подходит к Юрию и говорит: «Я такую пленку достал, с ума можно сойти, заграничная, рентгеновская. Такую редкую музыку получил, ты не поверишь, талантливейшая!». Клепалов заинтересовался: «Откуда она у тебя?». «На базаре купил. Там гитарист так играет!». У Клепалова еще больше разгорается любопытство: «Так ты дашь послушать?». Сосед соглашается: «Заходи, у меня девочки будут, вместе послушаем». «И дорого ты за пленку заплатил?», – спросил Юрий. «Двадцать пять рублей!». По тем временам это были огромные деньги.

Вечером взволнованный Клепалов зашел к соседу. Присел на дальний стул. Рядом скромненько, натянув на колени юбки, примостились девчонки. Сосед-щеголь важно заявил: «Сейчас я вам, честной народ, исполню через репродуктор выдающуюся музыку, уникальную, западного музыканта. Фамилию не знаю. Концерт, гарантирую, будет потрясающий!». Он подошел к магнитофону, по пути потрогав девчонок за коленки, и включил технику.

Студент Уральской государственной консерватории

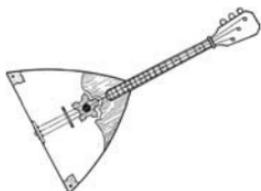
Клепалов внимательно слушал и ощущал в музыке что-то до боли знакомое. Думал: хорошо играет, зараза! А потом его вдруг как молния ударила: батюшки, так это же он играет! Когда концерт закончился, он и сказал вслух: «Это играю я!». Сосед возмутился: «Да не может быть. Ты так играть не можешь!».

Что делать? Ничего не оставалось, как доказать ему и девчонкам, кто прав. Юрий принес гитару и все то же самое, что было записано на пленке, сыграл – сыграл мастерски, живописно. Сосед, услышав оригинал, возму-

щенно вскричал: «Ах, ты, сволочь базарная, на 25 рублей меня наколол!».

Пришлось разбираться в этой мутной истории и самому Клепалову. На следующий день он пришел к тому гитаристу, с которым записывал свою игру: «Ты чего, паразит, наделал? Зачем размножил пленку и пустил на базар в продажу?!». Гитарист пугливо стал все отрицать: ничего не делал, запись не переписывал, на базар не отдавал. Клепалов наседал: «Не верю!». Пришлось гитаристу сознаваться: «Зашел ко мне один парень, услышал запись, привязался: продай да продай!». Я ему продал, а он, зараза, скелетов понаделал и на базаре шурует, музыку продает. Я ему начал говорить, что этого делать нельзя, а он – это бизнес».

Единственным человеком, которому Клепалов рассказал эту смешную историю, была его мать. Она в привычной мягкой манере пожурела сына: «Опять ты попал в переплет!». Вторым слушателем той истории стал я. Однако мне она показалась и не грустной, и не забавной, а вполне объяснимой, реалистичной, поскольку свидетельствовала о том, как быстро набирал силу талант ученика-музыканта. Он давно вырос из «одежки» ученика, и скрыть это уже было нельзя.

В РУКАХ ПРОФЕССИОНАЛОВ БАЛАЛАЙКА МОЖЕТ ВСЁ

Россия обладает такой уникальной системой музыкального обучения, какой нигде в мире нет. Клепалов считает, что в этом нам крупно повезло. Он минут десять перечислял мне учебные музыкальные заведения, где существовали отделения народных инструментов, и я понял – они были повсюду.

Другое дело, что сотни выпускников-«народников» сразу после окончания училища забрасывали инструменты, опасаясь, что музыкой не прокормишься. Многие перековывали себя для эстрады. Находились и те, кто покидал страну в поисках западного счастья.

Лишь самые стойкие и зараженные народной культурой оставались верны своим домрам, балалайкам, гармошкам. Среди них был и Юрий Клепалов. Его объяснение, почему так произошло, мне было понятно. Развивая и сохраняя уникальную отечественную культуру, народ приобретает твердость духа и стойкость в борьбе с русофобской политикой и разными историческими катаклизмами.

Консерватория закалила его характер. Учеба давалась ему легко. Интерес к ней подогревали и положительные примеры из жизни короля балалайки Василия Андреева. Если тому удалось обучить игре на этом инструменте

солдат Петербургского гарнизона, где проходили службу люди из самых разных уголков страны, то Клепалову сам Бог велел стать виртуозом. Заканчивая службу в армии, солдат продолжал играть на балалайке дома среди родных и близких. В те годы, к началу двадцатого столетия, в одном Петербурге на этом инструменте из трех струн играло свыше 20 тысяч балалаечников!

Обучаясь в консерватории, Клепалов больше всего времени уделял исполнительскому мастерству. Впрочем, коллеги болели тем же стремлением. Так сложилось, что из их группы в скором времени вышел значительный отряд будущих заслуженных и народных артистов, и даже вокалистов. Одного из них Юрий запомнил надолго. Геннадий Грязнов был и замечательным администратором, и прекрасным певцом, обладателем шикарного голоса. Он сколотил группу молодых студентов-музыкантов, с которой они ездили и выступали по всему Уралу. В той группе Юрий был единственным балалаечником.

Преподаватель Блинов организовал свой ансамбль «Унисон». В нем вместе с Клепаловым выступали еще 15 балалаечников. В 1970 году этот ансамбль прославился тем, что записал на Свердловской студии телевидения популярные народные мелодии «Светит месяц», «Коробейники» и другие. Инициативу эту проявил оргкомитет ЭКСПО-70. Как удивлён был Клепалов, когда, спустя годы, он, будучи на гастролях в японском городе Осака, увидел и услышал по их местному телевидению концерт, подготовленный когда-то оргкомитетом ЭКСПО-70. Их русские народные мелодии, записанные на Свердловском телевидении, показывали то в одном городе, то в другом, то в третьем. Клепалов

смотрел концерт ансамбля «Унисон», где сам играл, и не мог поверить, что эта запись сохранилась, что они в молодости так потрясающе играли. После поездки в Японию Юрий нашел Блинова и с восхищением рассказал ему о трансляции их давнего концерта на зарубежных телеканалах. Блинов радостно отозвался: «Эта запись куда-то ушла. Где найти ее – не знаю. Но играли мы действительно потрясающе!».

– Юра, ты часто в наших беседах упоминаешь Блинова. А что оригинального, особенного было в его преподавании? – спросил я у Клепалова, когда он рассказывал о своем периоде обучения в консерватории. – Что такого он дал тебе, чему не могли научить другие?

– Блинов дал мне общую культуру исполнения на балалайке. Современную технику. Допустим, если мы, начинающие, играем на балалайке, то у нас обязательно проскальзывают элементы физического несовершенства игры. Струна где-то там, в глубине, подзванивает, подтрескивает... У Блинова преподавательская культура была высочайшей. Инструмент в его руках начинает звучать очень чисто, аккуратно. Особенное достоинство Блинова – это владение тремоло.

– А что такое тремоло?

– Это непрерывное колебание струны, самый сложный вид звукоизвлечения на балалайке. Надо признать, что не у всех музыкантов это получается. Я играю на тремоло, часто использую эту манеру, пытаюсь сильно угнетать струны, и если все идет удачно, то чувствую, как куда-то лечу. А смотрю на подобную игру других и вижу – полета нет. Блинов дал полетный звук на балалайке. Этот полет ты чувствуешь, когда играешь.

Это ближе к манере игры скрипичной школы, больше к мировой культуре. Я играю на балалайке на тремоло, чувствую какой-то элемент симфонизма. До Блинова эта тайна полетного звука на балалайке у меня еще не раскрылась... Плюс виртуозная техника. Блинов и здесь помог мне раскрыться.

– Когда ты понял, что уроки Блинова пошли тебе на пользу?

– Когда начал сочинять и играть свою музыку. Меня в то время балалаечник Александр Шалов пригласил выступить в Петербургской консерватории. Он, кстати, и по-хорошему виноват в том, какую манеру игры я избрал. В ней я работаю и сейчас. У него научился обработке музыкальных номеров. Обычно, когда начинаешь играть русскую песню, то играешь в обработке других больших музыкантов, таких, как Шалов Александр Борисович. Он делал хорошие обработки. Я начал делать свои.

– Ты приехал в Петербургскую консерваторию. И как прошло твое выступление там?

– Я приехал к Шалову. Поиграл у него на кафедре. Сыграл свою поэму «Русь», другие крупные вещи. И тут случился конфуз. Мое выступление услышал один из преподавателей консерватории, он заведующим кафедрой работал. Видимо, взревновал, подумал, что я хочу у них трудоустроиться, иначе бы не спросил: «Чего ты хочешь тут добиться?». Я говорю, что мне тут ничего не надо, работать у вас не буду, хочу лишь показать, что я умею». У него такие испуганные были глаза! Пришлось повторно изложить причину своего появления у них, что меня, мол, просто профессор пригласил показать,

что я могу, чтобы ваши педагоги знали, что в музыкальном мире есть нечто новенькое. Балалаечники должны следить за развитием нашего жанра. Без появления нового в жанре мы можем потускнеть. Балалаечник Архиповский одно показывает, Шалов – второе, Нечепоренко – третье... Из этого складывается общая картина, которая определяет, как и куда мы дальше пойдём.

– Учиться друг у друга всегда полезно. Если взять Михаила Рожкова, Евгения Блинова. Александра Шалова, Павла Нечепоренко, то ведь каждый из них самобытен, неподражаем, правда? Ты сам говоришь, что они играют так, как могут только они! Скажи, а если тебе завязать глаза и каждый из них будет входить в комнату по очереди, по одному, ты каждого по игре узнаешь?

– Запросто.

– А в чем секрет?

– Секрет в том, у Блинова есть своя изюминка, по которой я его чувствую. У Шалова свои особенности в игре. Но технология их игры настолько глубока, что разобраться в ней может только профессионал.

– Под изюминкой что ты имеешь в виду?

– Манеру игры.

– Допустим, лежит тарелка с изюмом, ты его ешь и ешь, а он ничем один от другого не отличается. Разве можно одну изюминку отличить от другой?

– Да-а, понятно, понятно.

– Неужели ты думаешь, что каждая ягодка – это другой изюм?

– Нет. Сравнение с изюмом может быть и не так хорошо. Это иначе получается...

– Как ты узнаешь, где один изюм, где другой?

– Вот тарелка, а в ней не только изюм, но и бананы, ананасы, яблоки и прочее.

– Уже интереснее. Но все опять не так. Если взять за основу твое сравнение, то в комнату заходят один с баяном, другой с балалайкой, третий с аккордеоном, четвертый со скрипкой...

– Ах, ты хитрец! Я могу объяснить...

– Заходят по очереди четыре мастера игры. Ты их узнаешь? И я почему-то тебе верю – ты их узнаешь... А я, честно скажу, – нет. Объясни, как я должен узнать?

– По яркости исполнения. У каждого свой стиль. В чем тут дело? Блинов великолепный музыкант. Безупречное владение техникой игры, прекрасное ровное тремоло! Мелодия на тремоло у Блинова – льется, как красивая такая линия, ничего лишнего. Играет Рожков – у него игра иная, артистичная, эмоциональная, виртуозная. Особенность игры аккордами на тремоло (это частое чередование ударов вниз и вверх) начинается с легкого удара, как бы подчеркивая начало звучания при хорошем тремолировании. Но у Рожкова – очень народный тембр. Чудный тембр, как душа русского народа... Но встречается и нейтральный тембр, академический, интеллектуальный. Мало красок. У балалайки больше красок, и таких неожиданных нюансов, что диву даешься! Рожков мне больше всех нравится, он ближе к русской песне. Голос его балалайки ближе. У Блинова балалаечный голос идет больше к инструментальной музыке. Его звуки как бы немножко выхолощены. Недавно смотрел и слушал лауреатов конкурса Чайковского. Там у многих музыкантов тембр во главу угла ставится. У многих тембр был хороший, но был как бы

приглаженный, прилизанный, сделан как-то чистенько, аккуратненько. Потому игру Блинова я узнаю. У Рожкова больше густоты какой-то, тембральной густоты. Почему он в фильмах был незаменимым?! Его мелодия «Гляжу в озера синие...» накрепко вошла в души русских людей. За Рожковым стоит школа технического плана, больше скрипичная, то есть, больше напоминает скрипичную игру. Именно так! А Шалов расположился между ними – Рожковым и Блиновым.

– А свое что?

– Шалов к Рожкову ближе. Но у него не хватает технологии, которая есть у Блинова.

– А что свое?

– Свое? То есть, по-шаловски... Он больше обработки пишет, замечательные, оригинальные обработки. Иная своеобразная стилистика. У Блинова, как я уже сказал, она больше скрипичная, чистая, почти нейтральная, аккуратное исполнение. Никаких нет музыкальных выпадов ни вверх, ни вниз, никуда. У Рожкова – тоже, но у него больше диапазон, больше чувствительности. Шалов, как балалаечник, не такой яркий, как эти два, но он делает блестящие обработки для балалайки, для русских песен.

– А чем Нечепореко отличается?

– Тот классик. Исповедует европейскую культуру исполнения. Как играют в Европе, например, на скрипках, четко, эстетично, никаких сближений с народным исполнением, так и он играет.

– И как ты его узнаешь? Каков его стиль?

– У него четко выраженное исполнение.

– У Рожкова и Блинова не четко, а у Нечепоренко четко?

– У них тоже четко, но у него более мягко. Но железно четко. Вот он играет своим приемом – голос балалайки четко звучит, как на скрипке, но тремоло у него звучит плохо. Это его слабинка. Но техническая и эстетическая сторона прекрасная. В основном исполнял зарубежную и русскую классику.

– На балалайке?

– А что? Да, играл. Переложение делал. У него самое известное переложение – «24 каприс Паганини».

– Паганини на балалайке?

– Да. Это переложение. Нечепоренко раньше русские мелодии играл, но уделяя этому не так много внимания. Больше всего исповедовал европейскую культуру, с ней и работал.

Разъяснения Клепалова подтолкнули меня к проведению опыта: смогу ли я отличить игру одного балалаечника от другого? Послушал Рожкова, потом Блинова, Нечепоренко. Не нашел лишь музыки Шалова. К моему удивлению, оказалось, что различить балалаечников можно.

По очереди вставлял в магнитофон кассеты с игрой Рожкова, Блинова, Нечепоренко, прислушался к мелодиям, затем при помощи друга перемешивал кассеты и заново слушал, притихнув, насторожившись. Почти всегда угадывал авторство каждого с первого раза.

Особенно легко и мгновенно угадывался стиль Михаила Рожкова. Правда Клепалова, что его народность являлась отличительной чертой этого известного балалаечника, подтверждалась каждый раз, когда я его слу-

шал. Мне так понравилось его творчество, что с удовольствием прочел о нем, о его интересной биографии не один очерк.

Вся жизнь музыканта воспринималась мною с глубоким потрясением. Он был восьмым ребенком в семье. Отец бросил мать и уехал со старшими детьми строить Турксиб. А Михаил с младшим братом и матерью боролись с бедностью и голодом. Мать стирала, а он зимой на санках возил пассажирам поклажу с вокзала, зарабатывая на хлеб. Если бы судьба не привела его в детский дом, где он, с малых лет тянувшийся к музыке, записался в оркестр, то неизвестно, как бы он справился с голодом и вырос ли бы в великого музыканта, которого за рубежом назовут русским Паганини.

На войне его тоже берёт Всевышний. Смерть ходила рядом. Три года Рожков провел на передовой. Участвовал в штурме Ржева, Духовщины, Витебска, Кенигсберга. Будучи солистом во фронтовом ансамбле, поднимал боевой дух солдат, а во время боев перевозил раненых в санбаты. Самым страшным было не выносить истекающих кровью солдат, а играть для них уже в полевых больницах на морозе, под открытым небом, окоченевшими, промерзшими до костей пальцами. Сил нет, а раненые кричат: «Играй еще!».

Бог спас Рожкова и от репрессий. Судьба четверых братьев оказалась трагичной – они сидели в лагерях. Отец скрывался от расстрела в разных уголках страны. Попал в тюрьму за анекдот и лучший друг Михаила Рожкова фронтовик Геннадий Быков – его послевоенный партнер по сцене. Вместе они создали дуэт, прославившейся репертуаром народных песен. Но, прежде

чем поездить с гастролями по городам и весям необъятной Родины, стать солистами Москонцерта с невероятными номерами, получить от Министерства культуры высшую категорию, они набирались опыта, репетировали в подвалах и на чердаках.

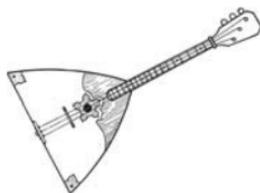
Второй раз от голода и нищеты Рожкова спас легендарный певец Леонид Утесов, умевший ценить талант, знакомство с которым произошло еще на фронте. Он помог Михаилу организовать концерты в КГБ и прокуратуре Советского Союза! Рожков думал, что он сгинет в кабинетах КГБ, как братья, но ошибся: оказывается, была установка «младшего Рожкова не трогать – талантливый». За каждый из двух концертов ему тогда заплатили по 300 рублей. Талант получил полное признание.

В день похорон Сталина Михаил попал не на Красную площадь, куда шел, а в уличную бильярдную, где стоял гроб с великим Прокофьевым. Композитор умер в один день с вождем пролетариата.

Вскоре концерты Рожкова обрели большой успех и признание. Когда в страну приезжали иностранные гости, его показывали как особое явление в области русских народных инструментов. Ему довелось выступить перед Ваном Клиберном, Марселем Марсо, Гербертом Караяном, Жаном Маре, сыном Рузвельта и многими другими. Однако больше всего он дорожил дружбой с великой русской певицей Людмилой Зыкиной. На карте мира оставалось мало стран, а на карте Советского Союза городов республиканского значения, где бы они вместе не выступали. В Якутии им обоим даже присвоили звание заслуженных артистов. Дело дошло до того,

что когда Зыкиной запретили брать с собой Рожкова в Японию на гастроли, потому что боялись, что он там останется, как до этого оттуда не вернулись два наших музыканта, то суровая певица заявила не менее суровой и принципиальной Фурцевой, министру культуры: «Тогда я в Японию не поеду». Их отпустили.

Так неожиданный рассказ Клепалова о мастерах балалаечной игры открыл для меня новое имя в русской народной культуре. Теперь в тихие вечера отдыха я слушаю концерты двух своих любимых музыкантов – Рожкова и Клепалова. Для меня они стоят на одной ступени высокого русского искусства.

КЛЯТВА, ДАННАЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Служить русской народной культуре Юрий Клепалов решил, как я понял из наших бесед с ним, еще в детстве. Истоки его деятельности находятся там и в тех годах, когда в духовной и культурной жизни России было особое тяготение к народной музыке, и в тех людях, которые его окружали, любили и учили нести знамя подлинной народной культуры. Клепалов говорил мне, что та обстановка, в которой он рос, была настолько русской, что стоило запеть или заиграть на балалайке, как люди сходу начинали поддерживать. Для Клепалова это было самое дорогое время.

Я искренне верил его откровениям. Не мог не верить, так как в дневниковых записях гения русской музыки Георгия Свиридова, опубликованных в книге-бестселлере «Музыка как судьба» с той же правдой о том времени было написано: «Это была эпоха глубоких предчувствий. В ней вызревала большая национальная мысль, находившая себе сильное творческое выражение...».

Свиридов – витязь русской музыки и народной культуры. Посвятив свою жизнь их защите и развитию, он понуждал русского человека беречь традиции предков, воспитывать в себе чувство национального достоинства, жить не пустой, а духовной жизнью. То был истин-

ный смысл подвижнического труда Свиридова. Понять его, как и многих других подвижников русского духа, смог другой русский богатырь, писатель-классик Валентин Распутин, подав сигнал современному обществу и власти, вставшим вдруг на путь приобретения западных ценностей: «Откройте русскому человеку русский свет».

Мы увлеченно говорим с Клепаловым о жизнеутверждающем творчестве Свиридова, говорим о духовности музыкального гения России, в которой таится народная сила – русский дух, русская душа. И мне понятно, что сегодня для Клепалова Свиридов – духовный ориентир, маяк веры. И это правильно, это верно. И замечательно, что маяком и светочем для Юрия в детстве был его дед Александр Федорович Марков, человек широкой русской души.

Воспоминания Клепалова о том, как игра на балалайке и гитаре помогла ему улавливать русское пространство, чувство русскости, вызывают у меня гордость и особое уважение к нему – последователю композитора Свиридова. Из всех трудных дорог он выбрал самую трудную – служить русской народной культуре, нести русскую музыку в народ. Именно увлечение народной музыкой открыло ему простор для понимания русского духа.

– Часто вспоминаю время, когда я вступал в комсомол, – говорит Клепалов. – Без ложной скромности скажу: я уже знал, кем буду. Мне в училище задают вопрос: «Что ты будешь делать дальше?!». Я уверенно написал: «Буду пропагандировать русские народные инструменты, буду нести русское народное искусство в народ!». Так и написал «народное».

– Твои слова больше походили не на мечту, не на обещание, а на клятву, – заметил я.

– Хотелось, чтобы люди пели родные песни, играли на балалайках, на домре, на гитарах и было их как можно больше. Хотелось сохранить такую среду, которая была у меня, ведь в ней ярко проявляется жизнь русского человека. Я сам буду пропагандировать народную музыку, пусть на отдельных участках, но с большим рвением и энтузиазмом. Нужно оставить следующим поколениям тот высочайший уровень русской культуры, в которой я воспитывался. Хотелось, чтобы у всех это было. И то общение, и тот русский язык, и те песни, что я застал в детстве. Мы не должны потерять народную культуру.

– Зачем тебе это надо?

– Если ты не поешь русские песни, то, считай, что мы друг друга не понимаем.

– В те времена у тебя было ощущение, что балалайка, как сегодня, это нечто старинное, уходящее, ненужное? Вроде как немодный инструмент.

– Наоборот, была гордость, что ты умеешь играть на народных инструментах. Вокруг тебя жили оркестры, хоры. Народ пел русские песни. Это было время русского духа. Послевоенный период, мы победили фашистов, а победили их – русские. Эта победа в национальном плане вылилась в то, что начало развиваться национальное искусство.

Конечно, даже в то время подъема народной культуры находились проблемные, темные дни. Ложкой дегтя стало решение власти о недопуске гармонистов и балалаечников в места массового скопления людей. Но никто не запрещал самодеятельность в домах куль-

туры и сельских клубов. Гораздо большей трагедией для национальной культуры обернулись перестройка и реформы Горбачева-Ельцина-Гайдара. Эту трагедию можно назвать русской, потому что власть либералов и космополитов политически изничтожила и финансово душила все культурные учреждения, хранящие русские традиции, нравственность, духовность, то есть «открывающие русскому человеку русский свет». Все эти гонимые и травимые властью учреждения являлись величественными памятниками русской культуры – русский народный оркестр имени Осипова, Государственная академическая капелла имени М.И. Глинки, народный хор имени Пятницкого, Государственный академический русский концертный оркестр «Боян» и многие другие. Вместо них к зрителю и слушателю пришла массовая культура, шоу-бизнес, воспевающие разврат, ненависть, похабщину, матерщину.

Наш разговор о времени вновь возвращает нас к Свиридову, к его словам про эпоху, где вызревала большая национальная мысль. Клепалов делает свой вывод: какое бы трудное и глумливое, чуждое и предательское время не стояло на дворе – нужно жить по заповедям предков, идти к нравственным вершинам, и как бы ни было трудно, надо четко знать, для чего ты живешь. Мне трудно возражать, мысль музыканта справедлива, а уныние, равнодушие, бездействие – худшие грехи, но как вспомню, как на государственном уровне шла травля государственных народных оркестров и народных хоров, так начинаю вставлять в разговор колкие замечания. В подтверждение своих доводов, что время порой формирует высокопоставленная чиновничья стая,

открываю газету и читаю стихи современного поэта
Николая Добронравова, мужа прославленного компо-
зителя Александры Пахмутовой:

*Вот пришло письмо издалека,
Где живут богато и свободно.
Пусть судьба страны моей горька,
Остаюсь с обманутым народом.
Пусть судьба печальна и горька.*

*Мы – изгои в собственной стране,
Не пойдем, кто мы, откуда родом.
Друг далекий, вспомни обо мне.
Остаюсь с обманутым народом.
Друг далекий, вспомни обо мне.*

*Слышен звон чужих монастырей:
Снова мы себя переиначим.
На обломках родины моей
Вместе соберемся и поплачем,
На обломках родины моей.*

*Мы еще от жизни не ушли,
Цвет берез не весь еще распродан,
И вернутся снова журавли –
Остаюсь с обманутым народом.
И вернутся снова журавли...*

*Не зови в дорогу, не зови.
Верой мы сильны, а не исходом.
Не моли о счастье и любви –
Остаюсь с обманутым народом.
Не зови в дорогу, не зови.*

Клепалов берет газету из моих рук, перечитывает жгучие строки. Долго молчит.

– Ты зачем прочел мне эти стихи? – наконец-то задает он вопрос.

– Добронравов с Пахмутовой оплакивают нынешнее время чиновников и олигархов, предавших великую страну, ввергнувших народ как в физическую, так и в духовную нищету. Страшнее приговора, вынесенного Пахмутовой этой власти либералов и русофобов, трудно произнести: «Если бы я была девочкой в это время (нынешнее), никакого композитора Пахмутовой не было бы. В лучшем случае я была бы нянькой у какого-нибудь олигарха».

– Замечательно сказала, – тяжело вздохнул Клепалов. – Блестяще! Если бы я сейчас родился – не знаю, стал ли балалаечником...

– Я как раз хотел тебя об этом спросить.

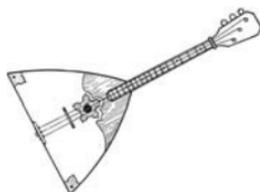
– Не уверен...

– Значит, Россия не знала бы ни Пахмутову, ни Клепалова?! Какая сила у политиков, убивающих русскую культуру...

– Не уверен... Нет, я все равно стал бы балалаечником. Потому что в моих генах сидит любовь к русской народной культуре, это в генах... Приведу пример из сегодняшнего дня. Сейчас я работаю преподавателем. У меня учится мальчик Мирослав, мой ученик. Год у меня занимается. В нем живет этот порыв, который я испытал в детстве, порыв быть носителем великой русской культуры. Я убежден, что если человек рождается с этим порывом, то он обязательно будет играть на балалайке. Испытать счастье, когда ты играешь на музыкаль-

ных народных инструментах, на балалайке либо на мандолине, либо на гитаре – это же счастье редчайшее. Если ты владеешь народными инструментами, то чувствуешь себя полноценным человеком. Я смотрю на мальчиков, которые ко мне ходят, и вижу – они это испытывают. Они испытывают то, что испытываю я, – гордость и любовь к отечественной культуре, израненной, но живой. Мое общение с ними идет на просторном культурном поле, на котором растет все настоящее, глубокое, русское. Уверен, они будут нести знамя Свиридова и Пахмутовой, а кто-то из них станет таким же композитором или певцом гениального русского искусства.

Любовь Юрия Клепалова к русской культуре, к своему народу, к России поистине стала его жизненным кредо.

ПОЗАДИ КОНСЕРВАТОРИЯ, ВПЕРЕДИ СВОБОДА

Пять лет учился Юрий Клепалов в Свердловской консерватории имени Мусоргского. Учеба не помешала его женитьбе. Спутницей жизни стала учительница географии Галина Евдокимовна. О ней Юрий говорит возвышенными словами: она – педагог высшего класса.

После окончания консерватории у него появилась большая ответственность перед семьей – нужно было искать место работы и квартиру для проживания. Тем более, родился сын Женя. От педагога Евгения Блинова в период распределения поступило заманчивое предложение остаться в Свердловске и поработать в филармонии. Единственным препятствием для согласия было отсутствие жилья.

А тут из Тюмени приехал Лев Волков, давний друг и талантливый музыкант. Он был из тех учеников Александра Ивановича Навроцкого, который создавал оркестр, куда Клепалов ходил заниматься в детстве. О его организаторских способностях ходили легенды. Когда он жил в Тавде, то организовал ансамбль русских народных инструментов, который в 1953 году стал лауреатом Всероссийского конкурса.

При встрече с Клепаловым в Свердловске Лев Волков сходу сделал ему предложение, от которого трудно

было отказаться: «Давай, Юра, приезжай ко мне в Тюмень, мы тебе дадим квартиру». У Клепалова квартирный вопрос был и больной, и самый главный. Он жил у родителей. Сложности бытовых отношений постоянно подвигали к решению задачи – получить квартиру любым путем.

Серьезно задумывался Клепалов и о другом – о творческом росте. Он давно хотел попробовать, на что способен. Под опекой Блинова, под опекой консерватории ему было сложнее проявиться и реализовать себя в качестве самостоятельного музыканта.

– Свободы захотел? – спрашиваю я его.

– Да, – получаю короткий и однозначный ответ.

Клепалов принял предложение Волкова и поехал в Тюмень. С первых дней начал играть в ансамбле народных инструментов. Получил квартиру. И, несмотря на многолетнюю работу в городском ансамбле, не отказался от мечты вырасти в именитого музыканта, композитора. Наоборот, продолжал неистово развивать свои творческие способности.

Первыми самобытный талант Клепалова оценили журналисты. Его стремление играть в любой аудитории, демонстрировать людям любовь к русской песне и широкие возможности народных инструментов очень хорошо поддержало тюменское телевидение. Когда в эфире зачитывали рассказы местных писателей, Клепалов игрой на балалайке озвучивал их, создавал удивительно романтическую атмосферу.

Зрители моментально полюбили такие передачи, заметили и неординарного музыканта-балалаечника. В редакцию пошли благодарственные письма. Местное

радио тоже решило использовать талант Клепалова в своих программах. Большое рвение тут проявила замечательная писательница Любовь Заворотчева. Она писала интересные рассказы, а балалаечник сопровождал их своими музыкальными номерами и импровизациями. Успех вышел оглушительный.

Между музыкантом и писательницей завязалась творческая дружба. Поиск новых тем и сюжетов оказался обоюдным. Рассказ «Шутиха Машутиха» Любовь Заворотчева написала, к примеру, только благодаря той истории, которая приключилась с Клепаловым. Он ее и поведал писательнице в качестве заманчивой трогательной темы... Название у рассказа народное, так как с этими словами в деревнях звучали озорные частушки.

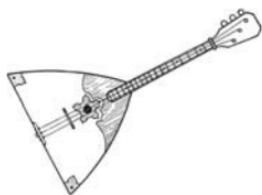
А тот случай произошел с Клепаловым, когда он приезжал к теще в деревню. Там около клуба лежало большое колесо от трактора... Прогуливаясь рядом, Юрий увидел, что на этом колесе сидит бабушка и играет на балалайке. И так живо и весело пела она частушки со словами «шутиха Машутиха», что пройти мимо было невозможно. После частушек бабушка запела народные песни. И тут Юрий ее поддержал. А она, прервав игру, спросила: «Ты чего, знаешь наши песни?». Клепалов признался: «Я тоже играю на балалайке». Бабушка с улыбкой протянула ему инструмент и попросила: «Ну, сыграй чего-нибудь, сынок».

Старенькая балалайка в руках Клепалова так запела, что голубые глаза бабушки округлились и заискрились живыми огоньками. «Ой, приходи ко мне завтра, я тебе балалайку подарю», – предложила она. Не зная, зачем и почему, но Клепалов на следующий день собрался к ней

в гости. Пришел к дому, постучал, открыл входную дверь, а внутри – кромешная тишина. Постоял, покричал... В ответ – тишина. Двери открыты, комнаты пусты. Заглянул туда, где в углу диван расположился, а там – хозяйка лежит. Умерла. Балалайка висела у нее в изголовье. Конечно, Клепалов не стал её, обещанную, брать – родственники могут обидеться. Постоял он у дивана, погоревал. Вот и свиделись два балалаечника. На глаза его слезы навернулись. Печальная вышла история. Он рассказал ее Любове Заворотчевой, а у той на эту тему получилось хорошее литературное произведение.

Рассказ «Шутиха Машутиха» запустили по радио, с музыкой, что специально для его сопровождения написал Юрий Клепалов. В ходе записи у теще тоже, как у Клепалова в доме старушки, на глазах выступали слезы. Все понимали, что бабушка хотела передать родную балалайку, чтобы связь не оборвалась, чтобы она попала тому человеку, который продолжит ее жизнь. Может, бабушка чувствовала приближение смерти, потому и торопилась с подарком... Такая история. Потрясающая. Запомнившаяся Клепалову на всю жизнь.

Подобные рассказы из жизни простых русских людей помогли Клепалову обрести индивидуальность в творческих поисках, а Заворотчевой стать лауреатом премии Ленинского комсомола.

РУССКИЕ СТРАДИВАРИ

На чем будет играть балалаечник, если на свет Божий не появится мастер и не изготовит чудо-инструмент? Почему всему миру известны скрипичных дел мастера, такие, как Страдивари, а у балалайки, покорившей тот же мир своим изысканным и незабываемым звучанием, мастера безымянны, неизвестны, непочитаемы?!

Вопросы, вопросы... Они мучили меня с той поры, как увидел я в музее Санкт-Петербурга редчайшую Андреевскую балалайку. У нее номер стоял – 102-я. Разговорчивый сотрудник музея, увидев мой неподдельный интерес к инструменту, поведал мне историю сотворения великими мастерами трехструнных красавиц из дерева.

Одна из самых старых балалаек хранится в музее города Ульяновска. Ее возраст – 120 лет. А самым известным и почитаемым среди музыкантов был мастер балалаек Семен Налимов. За свою жизнь им изготовлено всего 170 балалаек. Зато каких – самых звучных, живых и чувствительных!

Другой мой вопрос – а позволительно ли современным музыкантам играть на балалайках, изготовленных Налимовым? – долго не находил ответа. Интуиция подсказывала: у них должна быть такая возможность. Но как Юрию Клепалову встретить балалайку великого

мастера, прозванного русским Страдивари? Она же не продается в магазине, не выдается в оркестре. Многие из них осели в антикварных коллекциях за границей. Выходит, сегодня балалаечники лишены возможности играть на налимовских инструментах, и я зря уповал на его величество случай. На древних скрипках можно играть, а на балалайках – нет.

В интересующей меня истории помог разобраться сам Клепалов. Оказывается, есть среди них счастливчик, в руках которого находится балалайка самого Налимова! Он играет и гастролирует с ней по стране и миру. Сработана она мастером в 1902 году. У нее тоже есть именной номер – 104-й. Досталась она ему от балалаечника-виртуоза Минеева, который уже ушел в мир иной на встречу с Богом.

– А почему у тебя, Юрий Михайлович, нет балалайки Налимова? – спросил я Клепалова.

– Не встретил таковой, – грустно ответил он мне.

– Жалеешь?

– Еще бы! Русская пословица гласит: «Не то дорого, что красного золото, а то дорого, что мастера доброго».

– А как у тебя появилась первая собственная балалайка?

– Это интересный вопрос. Когда я стал учиться в училище, мне, безусловно, нужен был инструмент. Я поехал в Москву к мастеру Сержантову. Ребята в училище дали мне наводку, а также его адрес. Я поехал к нему.

– Почему не в магазин?

– Балалайка из рук настоящего мастера имеет отличительные технические возможности. Многообразные

приемы игры на ней дают совершенно незабываемое звучание.

– Сколько существует разновидностей балалаек?

– Я знаю шесть: балалайка-прима, балалайка-пикколо, балалайка-бас, балалайка-секунда, балалайка-контрабас, балалайка-альт. Благодаря им можно значительно расширить комплекс технических приемов игры.

– Понятно. И вот ты поехал первый раз в жизни в Москву. Поехал не на Красную площадь, не в мавзолей, не на выставку, или в театр, или за покупкой чего-то грандиозного, а за балалайкой! Или ты уже тогда не был бы Клепаловым, если бы не поехал?..

– Я понимал: балалайка – это символ самобытности. Чтобы стать самобытным, неповторимым, нужен инструмент мастера. Приехал в столицу. Нашел мастера по изготовлению балалаек. Тогда он котирировался очень хорошо.

– Сержантов – известный мастер?

– Среди музыкантов – да! Я к нему приехал, посмотрел инструменты, выбрал нужную мне балалаечку. Поиграл немного, прочувствовал инструмент, погладил его по дощечкам и грифу. Поговорили о музыкальных пристрастиях и на том разошлись.

– Интересно, как ты выбирал свою первую балалайку?

– Еще раньше, в училище, я присматривался к балалайкам, искал свое решение, думал, как буду выбирать... А пришел к мастеру и сразу выбрал. Это был один из лучших инструментов по звучанию, по богатству звуков да по всему... И я этот инструмент купил.

– Ты пробовал играть... И вдруг понял: твой инструмент. Почему твой?

– Обычный подход. Когда играешь, берешь аккорд, ударяешь... Если он долго висит, звучит, то это говорит о хорошем качестве инструмента. Значит, есть так называемая педаль... Нажмешь педаль – и аккорд долго-долго звучит.

– Объясни несведущему, что такое «педаль»?

– Это условное название. Нажмешь на струну, ударишь и если она долго звучит, – эта струна, то это есть педаль. Если она долго тянется, – эта нота, то есть этот звук, то здорово, инструмент замечательный. Звук должен звучать сам по себе. Ударил в открытую, и он долго тянется, долго-долго, и это есть педаль. И она важна в том отношении, что влияет на тембр балалайки. Когда ударишь и аккорд сразу как бы звучит, быстро не гложет, то не надо еще раз ударять. Эту педаль можно быстро переставить. Благодаря ей непрерывность игры происходит. Когда педаль не успевает заглохнуть и идет дальше, то это очень важное качество, ценное... Приведу пример на поющем хоре. Ты наверняка слышал непрерывное пение в хоре. Хор поет и такое ощущение, что он поет до бесконечности... Такая технология пения. Одни певцы переключаются, поют, затем другие подключаются, и песня идет волной. То же самое происходит с игрой на инструменте. Если педаль есть, то это инструмент высокого качества. В то время купленная балалайка меня устраивала.

– Только вернулся домой и сразу встретил много завистников...

– Из Москвы я поехал не домой, а в Питер, в тогдашний Ленинград, за гитарой. В ту же поездку.

– Почему за гитарой в Питер?

– А у меня в училище была знакомая девочка. Ее и еще двух ребят я обучал игре на гитаре... Поскольку я мечтал о своем инструменте, девочка мне и подсказала, что в Питере есть мастер, хороший, закрытый, и делает уникальные гитары. В то время его фамилию нельзя было называть, разглашать, а сейчас можно озвучить – это Зайцев.

– Отчего такая скрытность? Мастера не должны бояться печатать свои фамилии на инструментах. Страдивари везде ставил свой автограф.

– При Страдивари было другое государство. А у нас запрет на индивидуальное мастерство существовал. Труд на дому рассматривался как личный заработок. Узнав про мастера, чиновник сразу же закричал бы: «Так ты там спекулируешь!». Потому про Зайцева мне сказали по секрету. Я договорился о приезде, и мне через вторые руки принесли гитару. В назначенном месте ко мне подошел человек, отдал гитару, я послушал ее и купил. Гитара оказалась очень хорошей. Что интересно, Господь послал инструмент, замечательный и по тембру, и по окраске. Гитара совпадала по всем этим параметрам с будущей балалайкой, которую я потом куплю опять в Москве.

– Зачем тебе понадобилась вторая балалайка?

– Первая, на которой я учился, была нормальной. Она подходила для образования. А дальше, после учебы, к инструменту были требования более высокие, понадобился другой инструмент.

– Что значит – высокие требования?

– Требуется инструмент с глубоким звучанием. Более тембральный такой должен быть инструмент. Удобный, например, по грифу, ведь я расту. Раньше меня он устраивал, а дальше нет, его не хватало... Гриф не такой, звучит на некоторые приемы не очень ярко. Когда на занятиях пошла специализация, то освоение некоторых приемов потребовало более высокого качества инструмента. Я поехал в Москву. Мне вновь дали нужный адрес. Только теперь я поехал к Владимиру Токареву. Первую балалайку я купил в 1964 году, вторую – в 1969 году. Первую продал за копейки, нужны были деньги.

– Кто такой Токарев?

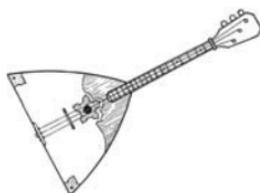
– В то время в консерватории все старались купить балалайку Токарева. А Владимир Токарев оказался лучше Владимира Сержантова. Тогда я этого не знал. Потомственный мастер. Его отец работал вместе с Василием Васильевичем Андреевым. Вот какая связка идет! В Москве еще был хороший мастер Посербский. Но его балалайки я не видел и не знал, а качество тех инструментов, что делал Токарев, мне было известно. У нас на старшем курсе двое ребят играли на его балалайках. Я старался купить такую же. Потому и приехал в Москву за ней. Интересная встреча состоялась. Когда я ему звонил, то сказал, что только летом могу подъехать. Он согласился, сказал: «Приезжай!». У него мастерская располагалась при телевидении, где играл знаменитый оркестр народных инструментов под руководством Н.Н. Некрасова. Там он работал, чинил оркестровые инструменты. К тому же он считался мастером высокого класса по изготовлению балалаек. Однако встреча

наша состоялась не на телевидении, а на старом Арбате, в подвале, где Токарев тоже мастерил народные инструменты. Приезжаю, говорю: я такой-то... Он: «А я тебя жду. Вот, смотри – балалайка, это моя последняя балалайка!». Я говорю: «А чего так?». Он отвечает: «Не хочешь, не бери, я отдам другому». Я, конечно, соглашусь взять. При нем настроил балалайку и начал играть. Он послушал-послушал и изрек: «Быть тебе большим балалаечником! Будешь меня вспоминать!». Я поблагодарил его за теплое и доброе слово. А он вдруг сказал: «Теперь беги в магазин, купи две бутылки, будем обмывать эту встречу». Я сбегал. Удивительный он, конечно, человек. Тонкий мастер. Хотя и немножко грубоватый. Тем не менее, мы поговорили душа в душу, потом обнялись... Перед уходом он попросил: «Ты меня проводи до вокзала. Я живу в Зеленограде, сюда приезжаю работать». Я его проводил. На станции мы снова обнялись, попрощались, и с тех пор я его больше не видел. Вскоре Токарев умер. Светлая память ему. Жаль, таких великих мастеров власть должна ценить, а не предавать забвению. Его инструмент, который я купил в 1968 году, по сей день со мной. Когда я привез в консерваторию балалайку Токарева, все ахнули, услышав её звучание! Это не просто инструмент, а чудо какое-то!

– Почему она была лучше всех?

– У нее был очень красивый тембр. Есть балалайки высокого тембра. Есть балалайка-сопрано, у нее женский голос, есть инструмент с альтовым голосом, тоже смахивающим на женский... Я тебе о подобном разнообразии говорил уже. Есть бас, есть тенор. А моя балалайка имеет немножко альтового звучания, и этот альт

похож на зыкинский голос. Что еще интересно в этом инструменте? Он может все исполнять на высоких интонациях, а может – на низких. Высокие – это верхний регистр, а низкий регистр – это похоже немножко на сопрано, дает мясо, глубину дает. Когда играешь, то звук аж завораживает, закручивает все внутри. Этот инструмент все перенес у меня – и концерты по стране, и гастроли за рубежом. Где только я не был с ней! Она все 50 лет со мной. У нее такие же жизненные особенности, как у человека, – морщины появляются. Стоит ее погладить, как она лучше и лучше звучит. Помню, она у меня месяц полежала без работы, я потом взял ее, а она не звучит. Требуется постоянно играть. Вот в чем суть. Есть и другая тайна. Если кто-то другой возьмет ее, то он не сможет на ней играть так, как я. Это не хитрость, это жизнь инструмента. Ты в него душу вложил, значит, он предан тебе.

БАЛАЛАЙКА КАК ЖЕНА – ЕДИНСТВЕННАЯ

Про именитую балалайку Токарева я вспомнил тогда, когда Клепалов приехал ко мне на малую родину в Борисоглеб поиграть на юбилейном концерте, проходившем в Доме культуры. Перед выступлением я погладил ее, будто живое драгоценное существо, и спросил:

– Токаревская балалайка?

– Та самая. Токарева.

Вечером, когда празднества закончились, я вернулся к разговору о нехитром с виду инструменте с натянутыми на треугольную деку струнами.

– Юра, а у балалайки есть душа?

– Конечно. Обязательно.

– И ты видишь, как она, спутница жизни, стареет вместе с тобой?

– Она глубже становится,

– Мудрее?

– И мудрее.

– И ты ее больше любишь?

– Еще и как.

– Ты с ней разговариваешь?

– А как же?! Я ее целую, обнимаю. Иногда ложусь с балалайкой на диван, и часами лежу с ней просто так.

– Вторая балалайка, наверное, ревнует?

– Второй у меня нет. Одна-единственная, как жена. Хотел купить недавно новенькую, да что-то не получилось. Я присмотрел ее в магазине. Она мне так понравилась! Правда, дороговата – 60 тысяч. Хотел не то чтобы поменять, а немножко о запасном варианте подумать. У нас, у балалаечников, у таких известных, как Рожков, Блинов, по пять-шесть балалаек.

– Что-то не слышно ничего про Блинова... Рожков недавно скончался. А где Блинов?

– Он в прошлом году умер в Киеве. Там поставили ему памятник. Половина его праха вместе с женой в Киеве лежит, а половина – в Свердловске, рядом с выдающимся музыкантом Владимиром Васильевичем Знаменским. Блинов был учеником Знаменского.

На балалайке Клепалова мои пальцы ненароком обнаружили замазанную трещину. Я осторожно осмотрел ее, показал хозяину и тихо посокрушался:

– Действительно, стареет...

В ответ услышал любопытный рассказ о том, как и из какого материала делается балалайка.

– После каждого концерта ко мне подходят неравнодушные люди, и зачастую говорят: «А что у тебя такая балалайка? Она как бы вся в трещинах...». Глупо думают, что они от того, что мне приходится каждый день «молотить» по струнам. Начинаю объяснять, что трещины сами по себе не возникают. Поехал я, к примеру, на север, а там температура минус 50 градусов. От автобуса до гостиницы дошел и дека лопнула. Подвела ель. Дека делается из сибирской ели.

Клепалов достает лист бумаги и начинает рисовать инструмент, при этом показывая, из какого дерева какая часть инструмента делается.

– Смотри, рисую, это – гриф, это – струны, эта часть – из сибирской ели, именно из Сибири. А кедр может быть с обратной стороны. Из него делаются вот эти ставки. Дальше. Эта часть, панцирь, черный, – это черное дерево из Африки. Гриф из черного дерева.

– Где же мастер достает черное дерево? – то ли удивляюсь, то ли восхищаюсь я услышанным.

– У нас есть договоренность с Министерством культуры, чтобы для мастеров специально закупали нужный материал в Африке. В России не растет этот материал, а у них он есть.

– А если из другого материала делать панцирь?

– Да нет, не пойдет. Есть замена – палисандровое дерево. Но палисандр тоже не наш. Из груши иногда делают, из твердого материала, в общем. А у меня вот эти пластины сделаны из карельской березы. Она по своему качеству напоминает кедр. На мой взгляд, лучший панцирь – из карельской березы. Это так все делают. Но кто может, тот эту часть балалайки делает из черного дерева. Лады такие – их делают из польского серебра. Состав его известный. Не знаю, почему так называется. Мастера называют материал для ладов польским серебром, оно очень мягкое. В него что-то добавляют, и оно становится жестче, но мягкости не теряет. Отсюда и мягкое звучание инструмента. Допустим, если ставить железный лад, то есть из железа делать, и струны из железа, то выйдет жесткий звук. А хороший, красивый звук как раз зависит от этих ладов. И здесь, вот тут, подставка – тоже из черного дерева. В общем, здесь мастера что хотят, то и делают.

– Выходит, сделать балалайку – это целое искусство.

– Ты что, тут такое мастерство нужно – не каждому оно и дано.

– А почему Страдивари все знают, а таких мастеров как Токарев – нет? Между тем, многие музыканты утверждают, что ни один другой инструмент не сравнить с балалайкой в верности передачи характера русской народной песни.

– Считается, что балалайка – русский инструмент, а скрипка – мировой...

– Разве Токарев не достоин мирового признания?

– Если бы нам дали возможность выйти с балалайкой на мировой уровень, то ей бы цены не было. Справедливости ради надо признать, что ни один народный оркестр без балалайки не состоятелен, в нем она – ведущий инструмент. Концертные программы с ее участием отвечают самому изысканному вкусу и могут сочетать в себе мелодии разных эпох, произведения разных жанров и стилей. Когда лауреаты конкурсов ездят по миру, то пропагандируют скрипку. Это мировое искусство. Скрипка во всех странах играет. Если бы во всех странах играли на балалайке, то мировой успех был бы обеспечен и музыкантам, и мастерам. До революции Андреев объездил весь мир с балалайкой, и признание было и могло бы закрепиться! Но революция погубила почти все.

– Основная дореволюционная победа балалайки заключалась, по-моему, в том, что ее перестали несерьезно воспринимать. В Ливадийском дворце в Крыму я видел балалайку, на которой играл цесаревич Алексей. Это был его любимый инструмент. Сотрудники музея рассказали мне, что создатель оркестра балалаечников

Василий Андреев пользовался покровительством дома Романовых. Он с громадным успехом выступал и перед императором Александром III, и перед Николаем II. А солдаты той поры обязательно обучались игре на балалайке.

– Большевикам не нужны были не только балалайка, но и храмы, усадьбы, вся русская история. Они шли по жизни с новыми песнями: разрушим все до основания! Лишь после победы в войне с фашистами народные инструменты получили право на возрождение. Однако в разные периоды времени у них были разные формы как поддержки, так и давления, закрытия. Губительным и непоправимым ударом по отечественной культуре стала русофобская политика ельцинских либералов. Они запустили вирус русофобии, который уничтожал все, что было связано с русской народной культурой. Но балалаечники – народ смелый, трудолюбивый, активный, жизнерадостный, потому при любой власти дарят людям мелодии их предков. Как бы трудно ни было, но ездят по России и миру, и играют, играют, играют... Потом смотришь – отклик есть. Торжествует наш генетический код – начинаешь играть мелодию, и люди рождаются. Тут и никакие посредники балалайке не нужны, дайте только струны тронуть... Сегодня на трехструнной красавице, явившей себя миру заново, играют и в Японии, и в Америке, и в Англии, и даже в Бразилии. Там созданы оркестры русских народных инструментов, которые существуют по сей день. В Америке функционирует Ассоциация балалаечников и домристов.

– Мне довелось в Копенгагене послушать балалаечный оркестр, созданный Валерием Лукашевым. В конце

1980-х годов он, будучи оперным певцом, эмигрировал на Запад. Но тоска по родной культуре, видимо, настолько его одолела, что он открыл Русский дом в Копенгагене и собрал балалаечников.

– Балалайка спокойно может завоевать мир. Интерес к ней везде не только не угас, но возрастает. Жаль, в России нет такой структуры, чтобы выдающиеся музыканты-балалаечники, как скрипачи, могли ездить по миру и играть... Нет такой структуры. Все гастролы и концерты балалаечников проходят на уровне самодеятельности. Министерство культуры у нас не работает на поддержку и развитие русской народной культуры.

– Давай вернемся к разговору о мастерах. Таких подвижников как Токарев, сегодня, наверное, уже и нет?

– Есть хорошие мастера по изготовлению балалаек. К сожалению, я почти ни с кем не общаюсь.

– В оркестре имени Осипова мне особо нахваливали мастера Александра Шарова. Трудится он на знаменитой фабрике музыкальных инструментов в подмосковной деревне Шихово Одинцовского района. На его счету более тысячи инструментов, и звучат они по всей стране – от Питера до Сибири и Сахалина.

– Слышал о нем. Его балалайки действительно высоко ценятся. Кстати, он-то как раз и сделал свои «примы» распознаваемыми благодаря тому, что ставит на них авторское клеймо – темно-коричневые цветочки, украшающие углы инструмента. На одной из шаровских балалаек руководитель ансамбля «Гренада» Сергей Владимирский играл английской королеве.

– А правда, что балалайку, если ее повредишь, может починить только тот мастер, что ее сотворил?

– Так точно. Обладатели шаровской балалайки хва-
стают, что объехали весь мир, но их инструмент ни разу
не ломался. Будто за двадцать лет у него не было ни
одной испорченной балалайки...

– А где учат умению делать эти трехструнки?

– У нас это не преподается. Приходит ученик в ма-
стерскую Левши-умельца и перенимает опыт. Обуча-
ют ребят еще при заводах по изготовлению народных
инструментов – в Москве, в Питере, в Воронеже. Есть
частники, которые до всего доходят самообразованием.
У меня младший брат Андрей делает балалайки. Он мой
сводный брат по отцу. На Урале отец ушел от нас, мать
одна занималась нашим воспитанием... Слышал, хоро-
шие инструменты делает, несколько уже продал.

– При изготовлении балалайки есть какие-нибудь се-
креты? Я люблю слушать армянский дудук. Божествен-
ный инструмент. Именно это слово подходит к его
звучанию. Недавно узнал, что лучший дудук умельцы
делают из старой сливы, в которую обязательно должна
ударить молния. Это не выдумка.

– Для балалайки нужно черное дерево из Африки.
Это дерево сплавляют, топят. Оно чернеет там несколь-
ко дней в воде, впитывает морскую соль и все осталь-
ные природные компоненты. В воде дерево становится
очень крепким. Только после этой процедуры оно по-
падает на стол к мастеру.

– Наша береза не может заменить африканское дере-
во?

– Из березы может звучать только топорище. Уда-
рил – звучит. Балалайка – это такая сложная техноло-
гия! Надумаешься один клей приготовить. Да его мно-

гие делают... Но весь секрет не столько в нем, сколько в лаке. Как у Страдивари было. Все делают клей, а лак никто не может сделать. Он сам его варил. Там мудреная технология. Высшей математикой и химией там только заниматься. Страдивари лачил в несколько слоев. Дерево пропитывается, потом еще кладут, потом еще... Лак дает тембр, колебание. Это колебание дает инструменту, как мастер захочет, либо низкое звучание, либо высокое. А может то и другое, но в разных пропорциях. Это же целое искусство. Почему балалайка Токарева отличается по звучанию от других? Он, видимо, владел искусством лаковой пропитки. Потому звучание зависит от толщины наложения лака. Без интуиции тут ничего не наколдуешь. Только интуицией. Не каждый мастер про свои секреты скажет. Если он чего-то достиг, то по инструменту догадаешься. Один мастер сколько можно секретов мне сообщил, а сколько нельзя — не сообщил.

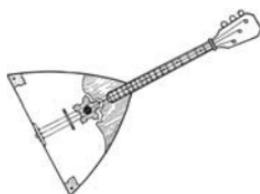
— О чем и сколько сообщил?

— Сказал мне, что лак варится, а как варится — этого не поведал. Делает дырку, шлифует дырку, знает, что в этом месте надо вот так подточить, а здесь не надо. Сам треугольник в разных местах подтачивается по-разному. Подтачивает — ударяет, слушает звук: здесь вот так, здесь так. Снова удар. Опять слушает. У мастера должен быть абсолютный слух. Он не обязан играть, но слышать обязан как большой музыкант. Так делал великий Страдивари. Услышит звук, потом звуки складывает. И слышит тот тембр, который ему нужен. Это сумасшествие какое-то.

— Если ты закроешь глаза, а музыкант вначале сыграт тебе на балалайке Токарева, потом Сержантова, ты сможешь их отличить?

– Отличу. Если это будет хорошее исполнение на балалайке. Когда же сам на них поиграю, то тем более сразу пойму, чье авторство. В руки возьмешь инструмент, ударишь, услышишь первый звук – и сразу поймешь. А свою родную балалайку я не только с закрытыми глазами узнаю, но и на расстоянии услышу.

Для убедительности сказанного Клепалов тихо-тихо поиграл на любимой балалайке трогательную мелодию, потом замолк, призадумался. На меня он уже и внимания не обращал. Думал о своем, вспоминал пережитое... В его глазах отражалась благодарность и своей спутнице жизни, трехструнному певцу русской самобытности, и мастеру, который не дал разорвать связь поколений и традиций. Рожденная народной стихией, скромная и в то же время неистовая балалайка не могла не быть родной ему. Клепалову казалось, что играть ему помогают многовековая культура, и, конечно же, наработанные с годами профессиональные знания и опыт. В такие минуты раздумий мне он был понятен и близок, как никогда.

ПОЧЕРК ВЕЛИКОГО НАЛИМОВА

Клепалов научил меня понимать, что народная любовь к балалайке не поддается моде, точнее, она не зависит от нее, она традиционна, живуча и неустанно выражает идеалы красоты, живущие в душах русского народа. Стоит только трем струнам запеть-заговорить, как эта душа просыпается, пробуждает в человеке высокие нравственные начала. И прославляет Клепалов зачастую на своих концертах не только индивидуальность, самобытность музыканта, а и мастерство того умельца, который вложил-вдохнул в балалайку животворящий огонь.

Как тут не поверить рассказам об истинных подвижниках, не давших погибнуть старинным народным инструментам, если за ними стоят подлинные судьбы и характеры самоотверженных и увлеченных своим трудом людей?!

Невозможно не восхищаться самим Клепаловым, пускающимся в далекий путь искать друга-балалайку, идущим за ней не в магазин, а в профессиональную мастерскую. Для него так важно найти, обрести тот инструмент, который станет родным.

Он и своему ученику помогает выбрать балалайку, направляя его не в магазин, а к мастеру. Чтобы выбор оказался единственно верным, он ездит вместе с ним. В мастерской они перебирают несколько инструментов, играют,

прислушиваются к звукам... Тут действует тот же принцип, по которому сам Клепалов когда-то выбирал долгожданную балалайку – принцип педали. Если есть педаль, говорит он ученику, значит инструмент будет жить.

В тот день, когда Клепалов с учеником высмотрели у мастера один инструмент и купили его, я не удержался и ему задал пару не совсем «приличных» вопросов.

– Даже с учеником ты поехал не в магазин, а к мастеру? Ты уверен, что ему это нужно?

– Для него это урок на всю жизнь. Может, и главный урок... Мастерство следует перенимать у мастера.

– Фамилию того мастера помнишь?

– Стыдно, забыл. Он не очень себя рекламирует. Но он учился у Токарева, а тот святой человек, он из тех, кого я знаю.

– Кажется, святой один – Семен Налимов?

– Он тоже из сонма святых. Еще его называют русским Страдивариусом. Этот неофициальный титул ему присвоили еще при жизни.

– Балалаечник Архиповский говорит, что ему методом проб и ошибок удалось создать специальные звуковые эффекты для создания привлекательных образов. Ты каким-то образом свой инструмент усовершенствовал?

– Нет. Для меня важно было найти общий язык с балалайкой, раскрыть ее богатейшие возможности.

– Она подводила тебя? С ней что-то происходило за то время, что она ездила с тобой по гастролям?

– Она приобрела мои морщины, которые в стыке видны. Ей довелось и в дождь попадать, и в холод, и в жару. А я заработал жесткие мозоли, которыми покрыты натруженные пальцы.

– Как ты ее лечил?

– К мастеру возил. Реставрировал то место, где крепятся пластины, они иногда отходят. Когда они отходят, то их там крепят, делают клепки такие, чтоб держались. Есть у меня один мастер. Хороший. Он занимается реставрацией инструментов. Вот он и помог мне с починкой. Это судьба, когда к тебе придет стоящий инструмент. Порой бывает, что ты ищешь там, там... И не находишь. Я знал, что Токарев – мастер уникальный, потому и взял его работу. Мне повезло. Он промыслительно сказал: «Это твоя балалайка!». И надо же – угадал на сто процентов!

– У балалаечников есть ревностное отношение к чужим инструментам? У тебя такая балалайка, у него – другая?

– Обязательно, это обязательно. Если о балалайке говорить по высокому счету, как про творения Страдивари, то шедевром считается балалайка Семена Налимова. Он дружил с Андреевым. И когда Андреев сделал чертеж легендарной трехструнки и из его рук вышла хроматическая балалайка и ее разновидности, то все равно главный труд по ее усовершенствованию взял на себя Семен Иванович Налимов. Два русских музыкальных гения трудились в андреевской мастерской, расположенной в селе Марьино Бежецкого уезда. Слава о могучем таланте Налимова неслась от Петербурга до английского города Лондона. Он делал концертные балалайки с выдающимся, фантастическим звучанием, с серебряными переливами. Жаль, изготовлено было мало. Но зато на них играли все звезды балалайки – Трояновский, Алексеев, Осипов, может, и Рожков.

– В бежецком музее Василия Андреева я прочел точную характеристику трудам Налимова, данную музыковедом Николаем Приваловым: «Техника изготовления балалаек и домр Семена Ивановича Налимова была недостижима, что в связи с подбором лучшего материала делает каждый выпускаемый им из рук инструмент идеалом совершенства».

– Благодаря Налимову, балалайку перестали считать забавой простолюдинов. Он вывел и поднял ее на мировую музыкальную высоту.

– Действительно, он ее не столько популяризировал, сколько вернул народу в усовершенствованном виде. Скажи, как ты узнаешь, что это инструмент Налимова?

– Хоть там и написана фамилия, но его балалайку узнаю, безусловно, не по надписи, а по качеству изготовления. Почерк Налимова виден сразу.

– Что налимовского на инструменте видно? Каков стиль налимовский?

– Она имеет немножко другой размер, она поменьше современных инструментов. Она отличается по звуку. У нее звук немножко повыше – сопрановый... Еще узнаю по виду. Налимов обычно балалайку украшал, делал рисунки на головке. У нее любопытные вкрапины бывают, такие перламутровые детали. Потом размерка ладов специфическая – второй, пятый, седьмой лады. Там выделяются перламутровые кубики или кружки. Они такие характерные – треугольнички, и прочие характерные для мастера детали. Я не скажу, что много видел налимовских балалаек. Но видел.

– И как ты себя чувствовал при встрече с ними? Не хотелось ими обладать?

– Налимов для того времени был Налимов. А для сегодняшней игры у его инструментов не хватает сильного звучания. Есть нежный красивый звук, но мне этого мало. Может, у него есть другие инструменты, не знаю... Но те, что я знаю, по тембру немножко не соответствуют нынешнему времени. Его балалайка чуть-чуть сопрано... Чтобы ее взять и исполнять на ней мелодии, нужно к ней привыкать, нужно искать ее особенности, связь с ней... Я со своей балалайкой нашел связь – она без меня не играет, а со мной играет. Только так.

– На твоей балалайке если кто-то будет играть, то...

– Она будет играть, но у чужого музыканта будет что-то свое, свои мысли, свои чувства, может быть, не такие глубокие, а, может, наоборот, слишком глубокие. У всякого игрока должен быть свой инструмент, родственник его натуре и характеру. За налимовскими балалайками охотятся очень многие музыканты, особенно коллекционеры. Но зачем она им? Вряд ли современному музыканту она станет родной. Для коллекционеров, конечно, это большой бизнес. Они с удовольствием продают редкие налимовские экземпляры в Америку или Европу. Кстати, в Японии балалайка Налимова в музее лежит. Там еще рояли стоят, на которых играли Моцарт и Рахманинов.

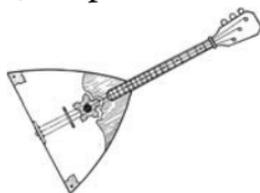
Не знаю, стали ли балалайки Налимова и Токарева родными для иностранцев. Следовало поинтересоваться у Клепалова, но он устал от моих вопросов, ушел отдыхать. А мне почему-то подумалось: вряд ли эти инструменты будут звучать и петь так, как они это делают в родных руках. Здесь, в России, источником вдохновения для балалаечников служит красота русской земли.

От нее идет и восприятие народных традиций, и подпитка народной души.

Еще в моём воображении возникла сценка из похода Клепалова с учеником за покупкой балалайки. Он сам поведал мне о ней в деталях.

Зашел Клепалов в магазин, взял с прилавка балалайку и стал на ней играть. Она зазвучала в его крепких руках, будто прежняя, родная. У нее есть, безусловно, та педаль, о которой он мне прочел когда-то целую лекцию. Продавцы ошалели от неожиданного произвольного мини-концерта. Кто-то радостно воскликнул: «О-о-оо, браво, здорово!». Директор заахал: чтобы кто-то пришел к ним и вот так виртуозно поиграл на балалайке?! Они не слышали этого ни разу! Откуда-то бухгалтер прибежала, взволнованно призналась: «У меня дед играл на балалайке!». Пришел грузчик, сказал: «У меня дед с войны пришел с балалайкой!». Тут пошли воспоминания... Продавцы попросили поиграть Клепалова еще. Он вначале играл народные мелодии, затем перешел на свою музыку. Трудно сказать, кто в эти минуты испытал большую радость от услышанного. Может, продавцы, может, сам музыкант, а может, мальчик, несколько минут простоявший с открытым ртом и горящими глазами. Только всем было ясно, какая сила таится в этом простом народном инструменте.

Мальчик бережно, как щенка, взял купленную балалайку и, счастливый, побрел домой.

КРЕЩЕНИЕ ПО-ТЮМЕНСКИ

Еще до приезда в Тюмень он знал, чего хочет, в чем смысл жизни, и к чему ему стремиться. Посвятить всего себя работе, дающей кусок хлеба, ему казалось делом малым. Душа просила полета. Клепалов рвался на музыкальный олимп, где должна была загореться его звезда. Нет, ему не хотелось никого удивлять, задача была куда интересней – стать самим собой, вырасти в большого музыканта, который воплотил бы в себе русскую душу и преданно служил бы отечественной культуре.

С первых дней жизни в Тюмени, где Клепалов работал преподавателем в музыкальном училище, он стремился расширить границы своих возможностей. То увлеченно играл в ансамбле под руководством Льва Анатольевича Волкова, то помогал руководителю по организационной деятельности продвигать этот ансамбль, а то самостоятельно выходил с балалайкой в народ. Волков, как руководитель ансамбля народных инструментов, оказывал ему всяческую поддержку. Особенно много Клепалов работал по линии комсомола. Тогдашний обком комсомола всегда приглашал ансамбль выступить на разных ударных стройках, и музыканты с удовольствием собирались в дорогу.

Так страсть к народной музыке окрепла и стала смыслом всей жизни Клепалова.

В тот же первый год он организовал в музыкальном училище концертную группу. Ему уже тесно было в ансамбле. Сказывалась мечта о самостоятельности, индивидуальности. И теперь с новой концертной группой, в которой были и певцы, и музыканты, он начал гастролировать по всем северным городам и весям.

Однажды его пригласили в город Надым, где размещалось еще мало известное месторождение Медвежье, оно только открылось.

В Тюмени в то время разрабатывалось много месторождений, все их обойти с концертами было невозможно. Но Клепалов рвался в эти поездки, стремился организовывать концерты как можно чаще. Ему, молоденькому руководителю, хотелось попробовать себя в новой деятельности. А комсомол был его надежным помощником.

...Вертолет вылетел в Медвежье и сел чуть ли не в болото. Когда их группа выгрузилась и вертолет стал подниматься, то случилась беда: своими лопастями вертолет захватил большую балалайку – контрабас, и она полетела вместе с ним. Картина была печальной: контрабас вращался в воздухе на винтах. Но ужас был и в другом: Клепалов переживал, что если балалайка улетит, то на чем они будут играть?!

Летчик не видел ни случившегося, ни мальчишку, который бежал за вертолетом и махал руками... Однако мольбы Клепалова о спасении контрабаса были услышаны. Метров за двадцать от вертолетной площадки, высланной бревнами, инструмент упал в воду. Один

мальчишка из их команды убежал за контрабасом в болото, а через несколько минут все услышали его крик: «Спасите!». Он провалился в топь. Клепалов с ребятами кинулся на помощь, с трудом его вытащили. И контрабас, слава Богу, не разбился. Болото оказалось мягким. Всей группой отмывали инструмент, чистили его, вытирали.

Вскоре за ними приехал большой трактор с широким железным корытлом-поддоном. В этот поддон и загрузили музыкантов. Пешком там идти было невозможно.

По дороге команда Клепалова настрадалась от того, что из-под гусениц трактора в них летели болотные ошметки. Они ехали, будто под расстрелом – грязь летела отовсюду. Кому-то из ребят удавалось увернуться от нее, а кому-то крепко доставалось. Приехали, отмылись. И в этот же день дали небольшой концерт. На улице было тепло; хоть осень и закончилась, снега и мороза никто не ждал. Поселили музыкантов в какое-то общежитие, выдали раскладушки. На следующий день ожидался большой концерт для газовиков со всей округи.

Ночью Клепалов почувствовал, что на улице что-то происходит. Встал, открыл двери и ахнул: батюшки, кругом снег и как будто уже сто лет лежит. В голову будто током ударило: ребята-то у него все были легко одеты. Побежал будить газовиков: «Давайте, мужики, помогайте!». Детей, конечно, быстро одели, обули.

После работы прошел концерт. Удивительно, что на него собрались не только местные газовики и строители, но и приезжие – из Германии, Норвегии, Японии. Международный концерт состоялся при полном зале, с бурными овациями и криками «Ура!». Много теплых слов услышали артисты.

Клепалов играл на балалайке. До этого он не играл один. То было его первое крещение на Тюменской земле.

Обком комсомола после концерта, отмеченного газовиками, еще больше полюбил музыкальную группу Юрия Клепалова, и стал открывать им еще большие возможности для выступлений.

– А что полезного ты находил в поездках к газовикам? – спросил я Клепалова после его восторженных воспоминаний о них. – Я понимаю, преподавание в училище – это рутинная работа. Но необходимая. А концерты среди болот – не бессмысленный ли труд?

– Меня грело то, что я могу это делать! Пусть я немножко позанимаюсь концертной деятельностью, но мне это пригодится в будущем – такие концерты у газовиков дадут возможность поставить свою дальнейшую деятельность на правильные рельсы.

– Я немного о другом. Есть клуб, там самодеятельность, играют и поют. Есть училище, там работа, которая кормит тебя и семью. Есть комсомол, который использовал тебя на ударных стройках. Но ты же творческий человек! Ты наверняка задавался вопросом: эти поездки на всю жизнь? И ты себя здесь закопал навсегда? Как тогда ты к подобным размышлениям относился? Понимал, зачем тебя использовали? Или ты полагал, что все это временно, и ты потом уедешь отсюда?! Тебе эти поездки что-то давали?

– Что мне дали поездки на разные месторождения? Я стал знакомиться с нефтяниками, с газовиками, с людьми, которые делали свою собственную историю. Мне было очень интересно, что это за люди, чем они живут,

как относятся к народной культуре. А главное, что мне было важно, – услышать от них оценку моей игры на балалайке, понять, в нужной ли я форме, так ли я играю, что поправить, изменить, дополнить... Мне не концерты нужны были сами по себе, а встречи... Мне необходимо было подвергнуть себя испытаниям. Мнение людей формировало мой музыкальный характер. Не скрою, в те годы мне важно было и почувствовать атмосферу массового героизма, вершимого нефтяниками и газовиками.

Действительно, встречи с людьми обогащали его творческую натуру, приближали к цели. Он все чаще стремился играть на балалайке один. Проехал с ней почти весь Север – Салехард, Сургут, Ханты-Мансийский район. Концерты проводил по собственной инициативе. Залы всегда были полны. Для чего? Ему надо было почувствовать дыхание этих коллективов, что очень важно для творчества. Еще и второй момент важен – эти поездки выковывали внутренний стержень. Клепалов пробовал себя как бы на излом. Конечно, его мучили и переезды, и перелеты, и возникавшие во время них трудные ситуации. Но он получал то, ради чего оставлял теплую квартиру и отправлялся в путь, и главным было ощущение того, как ты себя чувствуешь, когда общаешься с народом. И когда зритель выскажет свое отношение к тебе, будет ясно, куда идти дальше. Здесь для балалаечника вся истина заложена.

Обком комсомола не возражал против его самостоятельных концертов. Но и свои интересы выдерживал, время от времени выдавая путевки на ударные комсомольские стройки. Одна из таких поездок оказалась поучительной.

Вечером в училище появляется знакомый сотрудник обкома комсомола и сразу, с порога, заявляет:

– Юрий Михайлович, сейчас в Ханты-Мансийске открывается новое месторождение, и мы тебя прямо на вахту посылаем. Договоренность с вертолетами есть, тебя привезут, нефтяники уже ждут.

Клепалов тут же, не размышляя, не расспрашивая, берет в руки балалайку и – в путь!

– Может, тебя подвигали в дорогу слова песни «А я еду за туманом»? – пытаюсь я его понять.

– А я еду за самим собой. Искать себя. Как творческий человек. Я приехал в Ханты-Мансийск, вступил на вахту, где две вышки стояли. Там всюду бурили скважины... Мне это было интересно посмотреть. А потом, вечером, в столовой состоялся концерт. В зал зашли такие суровые мужики, в сапогах, в фуфайках. Лица у них обветренные, красные, чувствуется, что они имеют дело с мерзлой землей, с большой техникой. На меня дыхнула такая силища! И я подумал: а дойдет ли до них моя балалайка? Стал играть, рассказывать о том, что я делаю. Они сидят молча, такие угрюмые. Потом, чувствую: потеплели немножко, лица расправились, у некоторых румянец появился. Я минут сорок отыграл. И вот один рабочий, здоровый такой нефтяник, встает и говорит: «Ну что, дорогой мой, дай я тебе пожму руку. Ты играешь просто здорово!». Он как сжал мою руку, я аж вскричал от боли. А он улыбнулся и добавил: «Будешь помнить нашу любовь к тебе. Вот тебе наше сердечное приветствие!». В общем, он мне руку отжал, как мог. Я ему спасибо сказал, а он в ответ попросил: «Хочется, чтобы ты нам частушки на балалайке сыграл». Тут я им

так сыграл частушки, да еще и спел, что у них глаза от восхищения на лоб полезли. И скомандовали они чуть ли не хором: «Пойдем к нам. Играешь талантливо, частушки поешь – тебе цены нет. Мы хотели бы за тебя выпить, и будем ждать тебя в следующий заезд».

– Такие встречи, наверное, заряжают здоровым оптимизмом, – заметил я.

– Я приобрел ласку, которая мне была нужна от суровых людей, их внимание искреннее, а поддержка дала мне уверенность в себе. Дело в том, что когда начинаешь что-то делать, то зачастую встречаешь непонимание. Когда я начал сочинять, выступать на телевидении, многим моим коллегам это не понравилось, они посчитали, что я выпендриваюсь, показываю себя...

– Твое появление на телевидении, по их мнению, – выпендривание? А может, это просто зависть?

– Да зависть, само собой!

– Так и они пусть появляются.

– А я им так и сказал. Но им не нравилось, что я появляюсь в разных ипостасях, играю как солист, хорошо играю, озвучиваю рассказы писателей.

– Им-то кто запрещает делать то же самое?! Давайте и вы работайте!

– В этом и весь вопрос. Так всегда бывает: один строит дом, а другой не может, лишь обливает его грязью.

– Понятно, все как в пословице – «Пусть у меня корова сдохнет, чем у соседа будет две!». Зависть.

– Я решил не обращать на них внимания. Если этого не делать, то откуда взяться творческому росту?! У меня наступил момент подготовки к Всероссийскому конкурсу народных инструментов. Специально для него

я сочинил поэму «Русь». В Тюмени у меня проявились задатки композитора.

– Каким образом у тебя появилась мысль попробовать себя в сочинительстве? Зачем мудрить, если есть Чайковский, Мусоргский, Глинка, великий Андреев? И теперь вдруг появится композитор Клепалов...

– Правильно, есть такая заноза, но не в этом дело. Мне позвонила с тюменского телевидения заведующая литературным отделом и говорит: «Юрочка, у нас есть рассказ одного писателя, «Рябиновая ночь», надо его озвучить. Просто озвучить. Придешь? Он будет читать, а ты озвучивать... Сможешь? Я говорю: «Не знаю, попробую». Так я попал на тюменское телевидение и радио. Журналисты записали мою музыкальную импровизацию, отдали в эфир, пошел резонанс. Музыка моя понравилась всем. Главный редактор сказал: «У тебя получается, давай будем сотрудничать! У нас есть следующий рассказ – возмись за его озвучивание». Таким образом я вошел в эту телерадиокомпанию.

– Роль композитора тебя увлекала...

– Я больше стал писать свою музыку. К удачным примерам могу отнести поэму «Размышления о Родине». На радио она была использована в виде заставки.

– Завистники, наверное, разбушевались?

– Причин для зависти появилось больше. А как же иначе – русский человек выскочил на орбиту. Несмотря на косые взгляды музыкантов, замечания директора, я продолжал творить.

– Руководство училища тоже не поддерживало тебя?

– Зиновий Григорьевич Сухер, как директор неплохой мужик, еврей, как-то вызвал меня и начал отчитывать...

– Откуда в морозных сибирских краях евреи?

– Там их немало, там нефть, там деньги. Нефть они качать не будут, они любят командовать. И вот Сухер говорит: «Юрий Михайлович, то, что вы много работаете, дорогой, в училище – это ладно, а вот на телевидении вы много работаете, в филармонии – это никуда не годится!». Я уверенно отвечаю: «У нас есть КЗОТ, в нерабочее время могу и на телевидении выступить».

– Надо было не по-еврейски отвечать про КЗОТ, а по-русски: что ничего плохого в выступлениях на телевидении нет.

– Все-таки, я ответил, что ничего не нарушил, работаю строго по расписанию. А он, неумный, продолжал: «Но вы же должны отдыхать! Вы нарушаете КЗОТ – нужно отдыхать, Вы же с детьми работаете». «Это естественно, – отвечаю я, – я готовлю кадры для училища. Но когда я работаю с детьми, я отдыхаю. В филармонии тоже отдыхаю». У меня в училище было четверо талантливых ребят. Один из моих учеников сейчас в Свердловске артист ансамбля «Изумруд», катается по всему миру. Сидоров Михаил, талантливый парень, играет в ансамбле.

– И во что вылились нотации директора?

– А вылилось в плохое: в училище всеми путями мне не давали квартиру. Между тем, когда я приехал в Тюмень, было первое условие – жилье! Директор училища обещал: «Тебе дадут квартиру!». Теперь мне в ней отказывали, но не лично директор, а профком, партком собирались и выносили отрицательное решение.

– Но квартиру ты все же получил.

– Мне дали её с затяжкой на два года. В облизполкоме была одна женщина, энергичный партийный работник, которая меня уважала. Я как-то к ней пришел и рассказал про завистников и интриги вокруг моей квартиры. Она меня успокоила и помогла выбить ордер. Директору ничего не оставалось делать, как вручить его мне на профкоме.

– Директор исправился, заужал тебя?

– Картина неприятная. Больше всего неприязни во мне вызывало нехорошее отношение в коллективе к музыкантам и то, что сам этот коллектив походил на «болото».

– Чем ты спасался от этого «болота»?

– Уходил на телевидение, во-первых. Там меня чайком поили, мы беседовали о культуре, искусстве. Во-вторых, семья лечила. А еще я спасался концертами. Ездил повсюду. Нарабатывал опыт. Приедешь с вахты или завода весь наполненный энергией, желанием творить. А если бы я сидел в классе с учеником, слушал, как он плохо играет, начал бы ему подсказывать: ну-ка, давай это делай, то из такого преподавания ничего хорошего бы не вышло. Наоборот, ученик стал бы еще хуже играть. Он либо начинает искусственно лениться, либо вообще бросает училище. Тут ты либо взрываешься, либо сидишь и спишь. Одно из двух. Но это не творческое состояние. Это не для меня. Я, в конце концов, избрал другой путь педагогики. Я стал в училище делать сольные концерты – большие, собственные. Собирал учеников и играл на балалайке – и классику, и народные мелодии.

– А какой побудительный мотив был?

– Мастерство.

– То есть? Поясни!

– Надо повышать мастерство не только свое, но и ребят. Здесь главное – показать, что ты играющий педагог. Не тот, который сидит в классе и пишет отчеты: провел столько уроков, столько часов... Обязательно другое: если ты преподаешь, ты должен играть. Это одно из условий преподавания.

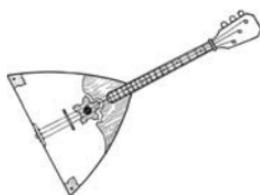
– Делай как я.

– Да. И вот я играю, дети смотрят на меня, вижу – есть контакт. Кто-то даже говорит: «Во-о, Юрий Михайлович играет так здорово!».

Новаторство помогло Клепалову стать одним из лучших преподавателей.

А поездки с концертами по всей Тюмени и за ее пределы закалили его характер, усовершенствовали технику игры, дали импульс для дальнейшего творческого развития. Еще Клепалов радовался тому, что благодаря его гастролям в регионе повисился интерес к балалайке, увеличился прием детей в музыкальную школу. Резонанс получился широким и полезным. Раньше в музыкальных школах не преподавали балалайку, а теперь – преподают.

Прошло время, и куда бы Клепалов не приезжал пропагандировать балалайку, его встречали бывшие ученики. Радость от таких встреч была и обоюдной, и бесконечной.

СУД НАД СТАТЬЕЙ «ТРИ ВОЛШЕБНЫЕ СТРУНЫ»

Два раза перечитал статью тюменской писательницы Любви Заворотчевой «Три волшебные струны», а так и не понял, почему за нее в училище судили Юрия Клепалова. Оскорблений, критики, лжи – ничего в ней не было такого возмутительного, что бы вызывало протест. А если бы и прошла сквозь газетный материал хоть какая стрела критики, скажем, в адрес директора училища, то и тут судить следовало автора, а не героя статьи. Но Любовь Заворотчеву, как писателя большого лирического дарования, как мастера художественных деталей, интересовала лишь личность творца, способного с балалайкой в руках открыть и для себя, и для людей огромный мир русской народной культуры.

Так к чему же придрался директор, какие строки в статье задели его, что он собрал коллектив и устроил судилище?! Присутствовавший на нем Клепалов не мог понять, в чем его вина. Не мог и я понять причин и мотивов для суда. Стал внимательно, абзац за абзацем, перечитывать. Вот Любовь Заворотчева вместе с Клепаловым открывают в статье бездну возможностей инструмента. По их мнению, балалайка сокрушает эмоциональную глухоту. Затем в статье отдается дань уважения учителю Клепалова, пропагандисту народной

музыки, известному на весь Урал Владимиру Знаменскому, который требовал такой игры от учеников, «чтобы на струне слеза выступала». Еще педагог говорил слова, ставшие для Клепалова неким завещанием: «Балалайка, как природа: чем больше ты с ней, тем больше душа очищается». Много в статье жизненных эпизодов, встреч, деталей, подтверждающих факт становления Клепалова как высокопрофессионального музыканта, жадно поглощающего все, что он видел и слышал в технике игры других, находя свой путь к балалайке.

Передо мной первый талантливо выписанный и трогательный за душу эпизод творческого общения Клепалова с простым народом, за которым проглядывается и твердый, цельный характер Клепалова, и его стойкая уверенность в правильности выбранного пути. Тут и искреннее желание учиться у народа, записывать то, что сохранилось в глубинных залежах его памяти. Тут и брошенный им вызов времени, в котором балалайка вроде как не в моде, устарела, и вызов тем, кто соглашается с такой несправедливостью. Клепалов борется с ними просто: садится и играет, играет и побеждает.

«И скоро набилась полна изба народу, – пишет Заворотчева. – Клепалов велел тащить стиральную доску, пилу, ложки, ведро... И самодеятельный звонкоголосый оркестр сотряс давно забывший веселые звуки бревенчатый пятистенок. Всю ночь ликовала балалайка в сонном царстве таежного хутора. В пояс кланялись балалаечнику старухи; он, усталый, счастливый, записывал под утро частушки, петые ночью старухами. Долго жал руку хозяин, благодарил за то, что и его, старого, снова

вернул к балалайке, которую он так легко променял на телевизор...

С благодарным волнением все вспоминал Юрий ту ночь, ту отзывчивость людей на балалайку. Нет, живет в потаенной памяти народа балалайка, живет! Только надо будить ту память.

И не мог он примириться с тем, что балалайку вдруг превратили в игрушку, в атрибут акробатов, в деревяшку без струн. Словно душу вынули, словно язык вырвали. Через все годы пронес он убеждение, что человек, играющий на балалайке, никогда не останется незамеченным народом, возле него всегда были и будут люди. В силу балалайки он верил как в силу живого существа: пока она с ним, ничто ему не страшно.

Он с ней и не расстается. Зайди разговор, заспорь кто на улице, что балалайка устарела, – сядет где-нибудь и тут же сыграет.

Он играл в Японии и Болгарии, в Москве и глухой сибирской деревушке... Везде – одинаково страстно, вслушиваясь и сам в красоту звука, познавая и открывая в балалайке возможность такой игры, когда не нужен ни аккомпаниатор, ни оркестр, когда все три струны сами звучат оркестром...».

Первое впечатление от прочитанного касалось даже не самого Клепалова, к труду которого проникаешься глубоким уважением, а автора статьи, сумевшей не только понять и раскрыть душу музыканта, но и бесповоротно и намертво влюбиться в балалайку. Писала о любви Клепалова к балалайке – и сама прониклась любовью к народному инструменту.

Следом открылось и второе немаловажное впечатление: а где в статье повод для возмущений и критики? К чему в ней можно придаться? Что тут выдуманного, ложного? Как можно балалаечника за его подвижническую устремленность и деятельность еще и судить?

Наверное, в других предложениях и абзацах кроется та опасность для директора училища, которая прошла мимо моего внимания при чтении. Я снова углубился в текст.

Но Заворотчева далее пишет еще интереснее, взволнованнее. Вместе с ней начинаешь понимать, почему незатейливая балалайка, мелодичная, простая в обращении дергает за нерв русского человека, вызывает к себе сильное притяжение.

Я читаю вслух, не торопясь:

«Мы зачастую умалчиваем о таланте, подменяя это слово другими, менее точными, расхожими, словно боимся чего, словно исчезли таланты, и все живут в мире одинаково понимаемых и принимаемых ценностей, словно все с одинаковой силой отдают себя любимому делу. Небрежно, будто боясь обидеть всех, не замечаем того, единственного, кто воистину талантлив, а не только, как мы любим говорить, раскрыл свои возможности (одно из словечек-подмен!). Талант – ярчайшее проявление того, что создала глубинная память предков, что копилось веками. И не сам по себе он таков, нет. Он живет по законам сотворения красоты, как память сама, как тихая наша принадлежность друг другу, неразрывная и единственная связь с будущим, связь, без которой исчезнет и сама возможность самовыражения, вера в единственно важное и главное дело.

...Где он, преподаватель Клепалов, выискивает таких же, как он сам, одержимых учеников?

А что, разве прошло время тех «странных» людей, которые знают, чего хотят, к чему стремятся и в достижении цели ломаются через преграды, отменяя робость? Нет, не прошло! И никогда не пройдет».

Заворотчева вместила в свою небольшую статью столько глубинно-житейского, мудрого, захватывающего материала, что другому писателю всего этого хватило бы на целую повесть.

Спокойное, вдумчивое чтение навело меня на разгадку, в чем директор и его сотоварищи увидели крамолу и учинили суд не над писательницей, а над коллегой-музыкантом. Главная вина Клепалова в том, что он есть, что не о них, высокочтимых и начальствующих, а о нем написали. Так ведь не они, а он играл в таежном хуторе и записывал утром частушки, петые ночью старухами, а потом ездил по деревням в поисках фольклора. Не они, а он вставал по ночам и уходил в ванную, чтобы сочинить музыкальные поэмы и раздумья о Родине, о степи, о Волге, о взволновавшей его картине тюменского художника Владимира Волкова «Думы об отце». Не их, а его любили дети в училище за безудержную фантазию, за сказки, которые он иллюстрировал музыкой.

Выходит, всему виной оказалась элементарная зависть. О своем выводе я сказал Клепалову.

– Меня судили не за зависть, а за то, что будто бы я сам написал статью о себе, – грустно сказал Клепалов.

– Ты написал о себе? – переспросил я, удивившись услышанному.

– Писал не я, а Люба Заворотчева. Она где-то услышала, как я играю и заявила: «Юра, ты такой балалаечник!». Вначале написала обо мне статью в «Комсомольскую правду», потом эта статья «Три волшебные струны» в более расширенном варианте, вышла в каком-то журнале. Здорово написала! В Тюмени газета вышла, как сейчас помню, 17 марта 1983 года. Народ прочел ее и пошел шухер по училищу. Против меня взбунтовались и профсоюз, и партком. Меня обвинили, что я написал о себе статью...

– Ты бы сказал, что под статьей стоит фамилия не Клепалова, а Заворотчевой, лауреата премии Ленинского комсомола.

– Нет, они меня и слышать не хотели... Собрали малый педсовет в кабинете директора. Я пришел, сижу у стенки, слушаю. Тут же мои ребята по ансамблю, с которыми я выступал (недавно мы коллективом пластинку выпустили). Сидят, правда, не молчат, гудят. Директор Михаил Зуев на весь кабинет громким голосом возмущался: «Объясните, на каком основании вы написали статью о себе? Какое вы имеете право писать о себе? Кто вы такой?!». Я говорю: «Эти вопросы задавайте писателю Заворотчевой, она писала, а не я. Объяснитесь с ней, у писателя есть право – писать о ком-то или не писать. Писателя никто не обязан за руку держать, никто. Раз обо мне написали, что в этом плохого?». «Нет, это вы сами написали, – перешел на повышенный тон директор. – Так не должно быть. Прежде чем писать, надо, чтобы она пришла в профком, в партком...».

– Помню, в те времена многие статьи журналистам приходилось согласовывать в райкомах и горкомах партии...

– Это адовы конюшни, которые надо было пройти. После обсуждения статьи директор Зуев сказал мне: «Вы должны извиниться перед коллективом!». Я решительно возразил: «Раз так, то я ухожу из училища. Завтра подаю заявление и ухожу, я вам не нужен. И какое вы имеете право меня судить, на каком основании?». В кабинете стояла продолжительная гробовая тишина. Все разом забыли про мои патриотические уроки, поездки, концерты. А ведь у меня с ансамблем были хорошие отношения. Они меня просто предали. Зуев говорил, а коллеги промолчали, как бы поддержали его. Предали, в общем.

– Никто за тебя не заступился?

– Никто! Лев Волков, правда, прибежал на следующий день ко мне на квартиру: давай, мол, возвращайся, чего там... А я ответил: «Не могу, после предательства, которое произошло, я не могу работать в училище». Только Лева, который пригласил меня на работу, понял, что произошла ошибка, попросил простить... Но я стоял на своем: «Лева, ладно, ты все понял, извинился, а как педагогический коллектив? Никто не зашел. Я ухожу. Мы спокойно расстались»

Клепалов написал заявление и ушел работать в филармонию.

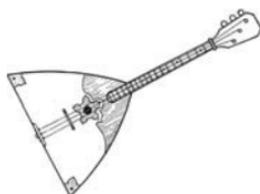
Директор филармонии Леонид Вячеславович Згерский долгое время видел в Клепалове не столько музыканта, так как он занимался организацией ансамбля, сколько хорошего менеджера. А раз у него была задача сделать из него администратора, то в филармонии его поставили на последние роли. Пять лет Клепалов

боролся там за право оставаться творческой личностью, заниматься сочинением собственной музыки.

Когда он ушел из училища, ему все каналы поддержки и общения перекрыли. К тихой незаметной травле подключился даже начальник управления культуры района и города. Клепалова обложили так, что он никуда не мог выехать и дать концерт. И только комсомол его выручал и оказывал помощь. Один из секретарей нашел для него крепкую нравственную и творческую опору. «Юра, в городе есть молодежный клуб Болгаро-Советской дружбы, – сказал он. – Иди туда, тебя там пригреют!». И он начал там активно работать, да с таким порывом, энтузиазмом, что потом стал президентом этого клуба. Ему удалось восстановить связи с писателями, поэтами, художниками, музыкантами, с журналистами радио и телевидения. Ощущение, что до статьи писательницы Заворотчевой была одна жизнь, другие отношения, а после статьи все пошло по-другому, наконец-то пропало. Пять лет мучений и трудов обернулись победой, он вновь заставил себя и окружающий мир задуматься, что интерес к балалайке не только не угас, но возрос, что она подарит еще много открытий. Приобретенная в клубе отдушина позволила залечить раны, снять нервное напряжение и забыть о проскальзывающих часто грустных мыслях, что он чужой и в филармонии, и в Тюмени.

Клепалов своим выдающимся исполнительским мастерством и фанатичной преданностью русской народной культуре каждый день, месяц и год демонстрировал новые достижения в игре на балалайке. И успех не прошел незамеченным: чиновники Дома Дружбы приехали из Москвы, чтобы вручить ему Почетную грамоту.

Спор вокруг статьи потух. Но правота писательницы Заворотчевой как была не опровергнутой, так и осталась, она заключалась в последних строках статьи о звездном часе маэстро Клепалова: «Появился в Тюменской филармонии первый артист, против фамилии которого в афише стоит: «Соло – балалайка». Это значит, что исполнитель берет на себя ответственность за все, на что рассчитывает слушатель: почувствовать нечто, исходящее всего из трех струн».

НЕ ХОЧУ БЫТЬ КАК ВСЕ

Время творческого взросления и поиска секретов и технологий мастерства оставалось в прошлом, впереди его ждали иные ступени совершенства. Уже не нужно было остро переживать, что не хватает творческой самобытности, свободы, знаний, музыкального кругозора. Клепалов чувствовал в себе уверенность, его музыка открывала человеку тот невидимый мир, что хранила народная культура, и которая преобразовывала человека.

Ему нужно было движение вперед, к иным ступеням совершенства. Для этого он продолжил свой внутренний рост, выстраивал в душе свой храм, вмещающий громадный мир русской народной музыки.

Творческие искания продолжились. Клепалов продолжил самостоятельную концертную деятельность, включая по-прежнему в свои программы русские народные песни, классику, обработки популярных советских мелодий, а также поэмы и романсы собственного сочинения. Такой большой диапазон произведений позволял ему показать неограниченные возможности балалайки. Он придал искрометность русским наигрышам и плясовым, напевность лирическим песням, наполняя их особой трепетной любовью к русской земле.

При всей зашоренности, черствости чиновничьего мира, в нем есть люди, осведомленные в культуре.

Они-то и обратили внимание на местного «гения балалайки», на его темперамент и виртуозную игру, на сильный и красивый звук его инструмента. Без особых обсуждений и согласований они послали Юрия Клепалова в Москву на молодежный фестиваль.

И вот она – столица великого русского государства – ворота для вхождения в видимый и невидимый мир большого искусства. Несмотря на заочно выученные уроки великих мастеров балалайки, а Юрий освоил и вибрированное тремоло, и вибрато за подставкой, и густое наполнение тремоло, он особо и накрепко усвоил девиз общепризнанного виртуоза-балалаечника Михаила Рожкова: «Я ухватился за хвост времени и стараюсь от него не отставать...».

Отыграв на фестивале с успехом, Клепалов цепляется за любую возможность выступить перед московской аудиторией и завязать связи. Он полностью окунулся в жизнь Москвы. По предложению сотрудников ЦК ВЛКСМ, Клепалов выступил не только на одной из красочных и многолюдных площадей, но и в Доме офицеров. Там ему пришлось испытать шок от того, что после его игры на сцену поднялся популярный певец Иосиф Кобзон. Медленные, выверенные шаги «звезды эстрады», казалось, отзывались эхом...

Среди комсомольских вожakov нашелся тот, который оценил творческий энтузиазм Клепалова и решил дать ему дорогу. То был Михаил Георгиевич Кизилев, курирующий в ЦК ВЛКСМ молодых писателей страны. Без ложной скромности и набивания излишней цены, Юрий Клепалов сразу откликнулся на его предложение выступить в Доме писателей среди известных деятелей

культуры и искусства. Играть довелось свой концерт. Программу составил самостоятельно и придумал ей девиз: «Балалайка как средство познания человека и мироздания».

**Пресс-конференция
на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов
в Москве**

Только Клепалов уехал в Тюмень, как из Союза писателей России поступило приглашение вновь приехать к ним с концертом. Разыскали его местные поэты и романисты. И так как у Клепалова были налажены дружеские отношения со старейшими писателями Тюмени Александром Мищенко, Николаем Денисовым и Александром Гришиным, то он принял их приглашение. Они дали направление. Концерт прошел на ура.

Последним, кто подошел к Клепалову, обнял его и похвалил, был писатель, главный редактор «Комсомоль-

ской правды» Валерий Ганичев. Он предложил ему: «Юрий Михайлович, приезжай ко мне на день рождения!». Клепалов с радостью согласился, но предупредил, что у него закончилась командировка, а работа в филармонии не позволяет прогуливать. Ганичев пообещал позвонить министру культуры и продлить командировку.

Так балалайка скрасила день рождения писателя. Клепалов там познакомился с большими музыкантами – Владимиром Мининым и Владиславом Чернушенко. Однако радость от общения и головокружительного успеха прошла быстро: когда он пришел в Министерство культуры, чтобы поставить печать на командировочном удостоверении, ему отказали. И хотя командировку Клепалову дал обком комсомола, а филармония была тут не при чем, она просто дала согласие, он стал переживать. Возникшая задержка в Москве могла обернуться очередным наказанием. И интуиция подсказывала ему, что беды не миновать. Клепалов настойчиво объяснил секретарше, кто он такой и что в Министерство культуры должны были позвонить, чтобы поставили печать. Секретарша смотрела-смотрела на гостя и вновь строго и нарочито повторила: «Молодой человек, я вам печать не поставлю». «Как так? – пуще прежнего разволновался Клепалов: – Мне же ехать на работу. Как я буду оправдываться?!». «Ничего не знаю. Печать не поставлю и все», – секретарша была непреклонна. Пришлось Клепалову повторно звонить Ганичеву. «Хорошо, я еще раз позвоню министру культуры», – отозвался он. Клепалов снова пришел к знакомой непробивной секретарше. И в этот раз она смилостивилась: «Ну ладно, поставлю

я вам печать». Музыкант из Тюмени надолго запомнил, кто командует Министерством культуры. Секретарша! Эта женщина всех министров пережила.

Вернулся Клепалов в Тюмень и, приступив к работе, стал ждать выговора или просто выволочки за продление командировки. И только все вроде бы успокоилось, как директор филармонии Згерский вызывает его и говорит: «А где вы там, Юрий Михайлович, в Москве были?». Он отвечает, что выступал с концертами там-то и там. Директор не успокаивается, спрашивает: «На каком основании вы задержались в Москве?». Клепалов показывает печать Министерства культуры, объясняет причину задержки. Но тот продолжает своё: «Нас это не волнует, объяснитесь. Это нарушение трудовой дисциплины». Клепалов повторил свой рассказ. Но уже почувствовал, что задержка в командировке – это не главное, а главное – его потихоньку хотят прижать. Он перешел в наступление и уже сам спросил директора: «А чем вы объясняете, что я там прогуливал?». И тут вдруг услышал глупое признание: «А у меня там был человек, который проверил все места, где вы бывали». «Ну что ж, ладно, проверяли, если бы я врал, вы бы меня сразу уволили». Директор, вероятно, ждал, чтобы музыкант соврал, что он не выступал в Москве, а отдыхал. Но когда убедился в обратном, то прекратил ругань.

Следующий вариант противостояния произошел в Дни культуры в Сладковском районе Тюменской области. Музыканты филармонии провели там хороший концерт. После него и небольшой вечеринки Клепалов вышел на крылечко подышать свежим воздухом. Стоит, думает о том, что надо сейчас, ночью, ехать домой,

так как завтра утром у него сдача программы на повышение ставки. Времени на подготовку совершенно нет. Вдруг к нему подходит директор филармонии Леонид Згерский. Клепалов тотчас поделился возникшими сомнениями: «Леонид Мечиславович, а как мне завтра играть? Можете вы мне навстречу пойти, и ничего плохого завтра не сделаете? Я ведь ночь не спал, а в девять утра играть». «Ничего, сыграешь как-нибудь, – спокойно ответил директор. А потом начал такой теплый, тихий разговор: «Ты знаешь, если надо быть лисой – надо быть лисой, если надо быть змеей – надо быть змеей». Клепалов понял, откуда ветер дует, и зачем его стали учить. Ему предлагали быть как все, подлаживаться и под начальство, и под ситуацию, и, если надо, то следует быть зверем.

С детских лет он знал эту безнравственную установку, не совпадающую с установками деда. В семье осуждали поговорки вроде той, что гласит «В волчьей стае жить – по волчьей выть!». Дед в ответ на нее всегда наставлял Юру: «Никогда не вступай в конфликт с душой, береги ее в чистоте!». С возрастом он все чаще придерживался дедовой истины, осознавал приоритет душевного и духовного. Музыкант перестанет радовать слушателей, облагораживать их души, если в его собственной душе поселится зверь. Он должен творить в душе стороннего человека иные духовные традиции, иные миры. Вот почему важно помнить слова апостола Павла: «Вначале душевное, потом духовное». Все молодые музыканты выходят на сцену с душевным, радостным и обаятельным зарядом, но далеко не все из них вырастают до гениев. Чтобы гению вызреть, нужно, как учил дед, беречь душу в чистоте.

Солист Тюменской областной филармонии

Музыканты приехали домой после концерта в два часа ночи. Утром Клепалов, одевшись в филармонии должным образом, отыграл с баянистом Владиславом свой номер и застыл в ожидании вердикта. Стоял вопрос о повышении ставки. Отыграли они под аплодисменты коллег. Однако директор вдруг заявил: «Мы не можем

повысить вам ставку. Есть одно обстоятельство: вы выступали в теплых ботинках». Клепалова взяла оторопь. «Откуда вы видели, что я выступал в теплых ботинках?» – спросил. И тут все коллеги, только что хлопавшие в ладоши, подхватили слова директора: «Да, ты в теплых ботинках».

Для Клепалова было железным, непреклонным правилом: если ты выходишь играть на концерте, у тебя должен быть костюм концертный, бабочка, ботинки концертные, в общем, соответствовать тому антуражу, который требует филармония. Он, естественно, ему строго следовал. И вдруг директор нагло лжет и объявляет во всеуслышанье, что Клепалов в теплых ботинках. Что делать? Как доказать свою правоту? Он отпахал два отделения не просто так. И тут Юрий догадался, в чем дело, догадался и успокоился, ведь директор сказал неправду для того, чтобы он рассердился, взорвался, тогда у них появились бы основания поговорить с ним по-другому и не дать повышенную ставку. Но Клепалов сдержался, он был чист со всех сторон, его не возьмешь за грош. Потому директору пришлось с трудом, но наскрести ему ставку повыше. Хотя это можно было сделать спокойно, ведь для других все прошло именно так. А Клепалову нужно было создать трудности, чтобы тот знал свое место.

Подобные рассказы Клепалова всегда порождали у меня не только протест, но и простые, недоуменные вопросы.

– Разве твои коллеги, да и сам директор, не видели, как на протяжении нескольких лет ты виртуозно играл, как выросло твое мастерство?

– Да, все в филармонии видели, как я играю, что я постоянно езжу по области, выступаю с концертами. Конечно, можно по результатам дать повышенную ставку. Но вся беда в том, что директору и кругу общения не нравится, что я езжу и играю на балалайке.

– Что в этом плохого?

– Плохо, что я езжу, а они – нет. Им хочется, чтобы я не высывался. А я не хочу быть как все.

– Правильно. Жизнь преобразовывают и делают лучше – подвижники, самобытные мастера, гении. Помню, я читал, какое сопротивление преодолел князь Юрий Николаевич Голицын, когда созданный им в девятнадцатом веке хор из крепостных крестьян села Салтыки и окрестных деревень стал выступать в Петербурге среди богатых дворян. Знать негодовала: как можно холопам петь, а князю дирижировать ими!? Но Голицын упрямо шел к своей цели, 15 лет радовал общество. И строгие ценители музыки потихоньку смолкли. Многие дворяне и купцы научились ценить особенную звучность хора, основанную на народных традициях пения без сопровождения, слияния десятка голосов в одно целое. Славу Голицын приобрел за счет одержимости и одухотворенности. Еще ему помогло воспитание отца, известного музыканта Николая Голицына, который переписывался и дружил с Бетховеном. Известно, что Бетховен его ценил и даже посвятил ему свою увертюру «Освящение дома». Голицын переводил стихи Пушкина. Сохранилось письмо Пушкина, в котором он благодарил Голицына за прекрасный перевод его стихотворения «Клеветникам России». Но сын все же не пошел по стопам отца, он раз и навсегда увлекся народной музыкой. Хор у него

состоял из 130 человек. В своем имении Салтыки он собирал и учил музыке одаренных крестьянских детей. Ни один хор в тогдашней России не мог соперничать с ним. Так что, Юрий Михайлович, не ты первый и не ты последний, кто преодолевает трудности и спесь чиновников на пути к пропаганде и торжеству русской народной музыки.

– Мне все это известно, – ответил, покачивая головой в знак согласия, Клепалов. – Через тернии – к звездам. Потому, как бы ни было трудно, всегда шел к намеченной цели. И балалайка всегда была со мной рядом.

По-иному, чем я, отнеслась к той провокационной ситуации писательница Любовь Заворотчева. Боевой характер, беспокойное отношение к несправедливости подтолкнули ее написать критическую статью о жизни театра, о конфликте в филармонии. Задеты в ней были не только равнодушные и бездеятельные чиновники, но и сам директор Леонид Згерский. В общем, она прокатилась, поругала чиновников, а Клепалова тихонько похвалила.

Статью опубликовал известный журнал «Театр». Ее прочли не только чиновники и деятели культуры Тюмени, но и многие жители города.

Помрачневший Клепалов заявил Заворотчевой: «Люба, ты чего наделала, меня из-за тебя опять засудят!».

Действительно, вскоре в филармонии произошло второе судилище. Сценарий у чиновников был тот же и обвинение знакомое: «Зачем ты написал статью о себе?!».

Ситуация у Клепалова осложнялась тем, что после успешного участия в фестивале было принято решение выделить ему трехкомнатную квартиру. Тогда он, имея двух детей, жил в двухкомнатной. Чтобы улучшить жилищные условия, приходилось днями стоять в очереди в облизполкоме, отмечаться в восемь часов утра...

И тут вышла новая статья Заворотчевой. Началась заваруха. Собрался худсовет и предъявил Клепалову знакомые претензии: «Как так вышло, что твоя Заворотчева написала черт знает что?!». Он пытался сопротивляться: «Обращайтесь к ней, ругайтесь с ней, выясняйте, на каком основании она пишет! Почему на меня бочку катите?!». Коллеги из худсовета оставались непреклонными: «Мы ничего не знаем, это вы организовали статью».

– Неужели тебя уволили из-за статьи?! – я не верю, что подобное может случиться в творческом коллективе.

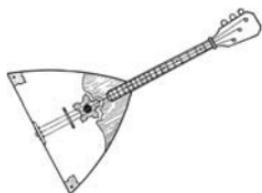
– Я сам ушел. Директор Згерский по полной программе прокатился по мне, потоптал меня. Через некоторое время передо мной встал вопрос: больше работать здесь я не могу. Тем более, обещанная в центре города Тюмени трехкомнатная квартира неожиданно уплыла. Я получил ее уже на окраине. До работы ехать на транспорте было далеко... Если бы не было статьи, то дали бы рядом с филармонией.

– Выходит, тебя сломали?

– Немного поломали, А что дальше? Я стал задумываться: если говорить о получении какого-нибудь звания, то они черта лысого дадут. Никогда не дадут. Потому что и директор Згерский и художественный руково-

дитель Проскураков и секретарь парторганизации все почему-то разом, единым фронтом наступали на меня. Чего там хорошего ждать? Я не был в компартии. Вскоре я принял решение уйти из филармонии. Написал заявление и ушел.

Новым местом работы он выбрал филиал известного в городе института культуры. Судьба, правда, только на два года, вернула ему возможность поработать там вместе с давним коллегой Львом Волковым. Со старой командой музыкантов они вновь дарили жителям Тюменской области русские народные мелодии. А Юрий, как старший преподаватель учил студентов не только игре на балалайке, но и дирижировал оркестром. Еще бы полгода работы в институте, и он бы получил степень доцента. Ректор его ценил, обожал, любил. Но в душе Клепалова еще большим огнем разгоралось стремление достичь более высоких творческих высот. Он уже видел себя покорителем Москвы.

ПЕСЕННЫЙ ДЕСАНТ В ТОБОЛЬСКЕ

Тобольск невозможно не любить. Клепалов почти каждый год бывал в этом былинном достопамятном городе. Ходил по его мостовым, любовался древнерусскими церквями – Богоявленской и Троицкой, подолгу стоял, затаив дыхание и крестя лоб, у Софийского Успенского кафедрального и Спасо-Преображенского соборов. С гордостью смотрел на добротный сделанный памятник «Покорителю Сибири Ермаку». Ходил возле Гостиного двора, возле Приказной палаты и вспоминал, как в этом глухом сибирском городе вздымались ввысь русская культура, наука, архитектура, православие. Погоревал на том месте, где стоял и сгорел деревянный театр, а вместе с ним навсегда исчезли атрибуты творцов русской сказочной красоты Билибина, Васнецова, Мавриной. Но оживали в памяти имена прославленных подвижников, живших в Тобольске, – Петр Ершов, автор «Конька-Горбунка», Дмитрий Менделеев, создатель периодической системы элементов.

Для Клепалова Тобольск был тем значимым городом, где он дал первый сольный концерт. В жизни всегда что-то происходит впервые. Символично то, что сам город занимал в давней истории пальму первенства во многих сферах деятельности. Великий писатель современности

Валентин Распутин отозвался на эту тему такой характеристикой Тобольску: «Он был столицей Сибири, отцом сибирских городов. Лишь Москва и Тобольск могли принимать послов и отправлять посольства. Все, что утверждалось в Сибири, – летописи, училища, книги, театр, науки, ремесла, православие, ссылки, лихоимства, фискальство и т.д. – все это и многое другое начиналось с Тобольска и только после распространялось вглубь. Во всем он был первым».

Именно в Тобольске, работая еще в Тюменском училище, Клепалов организовал фестиваль народной музыки. У него там были отчетные концерты от училища.

Влюбившись в Тобольск, Клепалов быстро обрел там и друзей, и единомышленников. Особым вниманием окружили его предприниматели, для которых он играл и народные наигрыши, и произведения собственного сочинения. К ним-то Клепалов и обратился с предложением превратить исторический город, сохранивший традиции отечественной культуры, в город фольклорного фестиваля.

Точно такой же фестиваль он пытался организовать в Тюмени, но никто его там не поддержал. А в Тобольске не только идею одобрили, но сразу нашелся спонсор, который оплатил всем артистам и командировку, и участие в концертах. Второй предприниматель подарил всем бесплатное проживание в гостинице.

Для участия в фестивале народной музыки Юрий Клепалов пригласил известную певицу Татьяну Петрову, а та в свою очередь позвала легенду русского фольклора, певицу Елену Сапогову. Согласие на приезд в Тобольск дал ансамбль «Аюшка» из Свердловска. В нем

работал давний знакомый Клепалова, с которым они вместе учились, Юрий Константинов. Он взял на себя организацию фестиваля, заверил, что все подготовит, договорится с Домами культуры, даст транспорт, вывесит объявления. Клепалову ничего не оставалось делать, как понадеяться на него, поверить, пригласить из Москвы известных музыкантов и певиц.

Клепалов прибыл в Тобольск за два дня до начала фестиваля. И каким же было его разочарование, когда он увидел, что в городе нет никаких объявлений о фестивале и никто не знает о намеченных концертах. Юрий набросился на Константинова с негодованием: почему тот ничего не предпринял для организации концертов? В ответ услышал невнятные отговорки, мол, в Домах культуры не проявили к фестивалю интереса.

«Безответственный ты человек! – сурово отчитал его Клепалов. – Дай мне машину, и я один все сделаю!». После жесткого напора Юрий дал ему машину и Клепалов поехал по Домам культуры, в музыкальное училище, в библиотеки и музеи. Организация фестиваля полностью легла на его плечи. Он объехал почти весь город и везде договорился-добился выделения концертных площадок для выступления артистов.

Труднее всего оказалось убедить выделить помещение для концерта руководство нефтеперерабатывающего завода. Клепалову представлялось важным организовать и провести именно здесь основную часть фестиваля, так как это было градообразующее предприятие. Он пошел к директору и проговорил с ним целых два часа. Вначале тот смотрел на музыканта-пришельца как на наглеца и сумасшедшего. Напрочь отказывался и выделить

помещение, и денежные средства на оплату концертных расходов. Но Клепалов, будучи хорошим организатором и пропагандистом русских народных инструментов, в конце концов сломал его, уговорил и подписал договор.

Тобольск был подготовлен к фестивалю за один день. Помогли в этом Клепалову и друзья-единомышленники, среди которых были и предприниматели, и писатели. Значительную лепту внес талантливый поэт Александр Пахомов, владеющий небольшим частным предприятием.

Народная артистка России Елена Сапогова выступила на нефтеперерабатывающем заводе. Пока она шла к сцене, протискиваясь меж заполнившими проход зрителями, то слышала, как пожилые женщины восторженно говорили: «Это же сама Сапогова! Голос у нее исключительной душевности! Только русские могут петь так былины, сказы, песни колыбельные!». Кто-то заметил: «Она наша – в Уральском хоре пела!».

Представляя заводчанам Сапогову, Клепалов и начал с похвальных слов тех женщин, которым был знаком репертуар певицы и которые ждали народных песен, былин, сказов. Не мог не сказать о том, в чем с горечью призналась ему сама Сапогова: «На большие концертные площадки русскую народную песню почти не пускают, а ведь Русь жива, пока поет!».

Зрители тепло принимали хорошо известные народные песни, исполненные мягко, душевно, с большим актерским мастерством. Вместе с Еленой Сапоговой они переживали, что русских народных песен сегодня почти не услышишь, а чуждый нам ритм часто вытесняет мелодию на эстраде, многие тексты модных эстрадных шлягеров убоги и духовно бедны. И когда Елена Сапогова

запела сказ «Запятыя о Русской Земле», сочиненный в далекое революционное лихолетье Максимилианом Волошиным, но современный по сей день, в зале наступила тишина. Мало кто знал, что эта баллада была под запретом и нигде не публиковалась, а жизнь ей дал первооткрыватель, поэт Сергей Викулов, предоставивший ее Татьяне Петровой. И если каких-то десять минут назад слушатели невольно ощущали, какая сила заложена в старинных национальных песнях и былинах, то теперь на их глаза навернулись слезы от переживаний за Отечество.

...Лежит Русь –
Разоренная,
Кровавленная, опаленная,
По всему полю –
...Кости сухие, пустые...
Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается...
...Встань, Русь, подымись,
Оживи, соберись, срастись, –
Царство к царству, племя к племени!..
Чтоб оно – Царство Русское –
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных...

Клепалову тоже понравилось исполнение Сапоговой патриотического сказа с его национальной мелодичностью, широким полетом чувств, с самовыражением русской души. В его широких глазах блестели слезы. Нет,

не зря он сподобился на проведение фестиваля народной музыки в Тобольске! Писатель Валентин Распутин назвал Сапогову «нашим национальным достоянием». Надо смело и активно нести, пропагандировать, возвращать людям то богатое наследие, которое завещано предками.

С такой же теплотой и душевным восторгом прошел концерт народной певицы России Татьяны Петровой во Дворце культуры завода «Электрон». Жителям Тобольска она была меньше знакома, чем Елена Сапогова, потому в первый день на концерт пришло человек сто. Однако, услышав ее чарующий, чистый и прозрачный, как родник, голос, людей на следующий день собралось раза в два больше. Татьяна выделялась старательностью, аккуратностью, прилежностью, природной скромностью и человеческой добротой. А на третий день в зале не только не было пустых мест, но и в проходах рабочие жались друг к другу. Сработало сарафанное радио. Клепалов видел успех, потому не стал менять концертную площадку. Татьяне Петровой пришлось вместе с ансамблем «Русская мелодия», руководителем которого был Вячеслав Тетерин, целую неделю отработать на заводе «Электрон».

Тобольск был покорен и другими звездами народной музыки, ансамблем «Аюшка», а более всего – выступлениями самого Юрия Клепалова. Он играл чаще всего один, играл на балалайке, исполняя известные народные мелодии, пропагандировал и свои поэмы.

Вышло так, что первый сольный концерт Клепалов дал в Тобольске, причем, в районе грандиозного Тобольского кремля. Наверняка балалайка никогда ранее здесь

не звучала. По крайней мере, преподаватели местного музыкального училища высказали это предположение талантливому гостю-музыканту. Это событие накрепко, на всю жизнь, запало Клепалову в душу.

– Чем же еще запомнился тебе праздничный Тобольск? – поинтересовался я, разделив с Клепаловым радость от воспоминания о том фестивале народной музыки.

– Не только тем, что я успешно пропагандировал балалайку, народную музыку, – отозвался музыкант. – Город дышит историей, и некоторые ее страницы весьма печальны. Погрустил я в том месте, где после революции узниками находилась семья последнего русского императора.

– Мне, живущему рядом с древним городом Угличем, интересен Тобольск тем, что сюда в ссылку был отправлен колокол, возвестивший об убийении царевича Дмитрия... Тобольск, судя по всему, подарил тебе знакомство, дружбу и сотрудничество с замечательной певицей Татьяной Петровой? Честно говоря, я считаю ее одной из самых ярких, самобытных, талантливых певиц наших дней. К сожалению, ненавистники всего русского в культуре перекрыли ей все дороги, все каналы для общения с народом. Мне посчастливилось не только общаться с Татьяной, но и вместе проводить в Волковском театре Ярославля областной конкурс патриотической песни среди местных клубов и Домов культуры...

– С Татьяной Петровой я познакомился в Союзе писателей России, в кабинете у Валерия Ганичева. У нее своя неповторимая интонация: песни, которые знаешь с детства, в ее исполнении приобретают объемное

звучание. У писателей я познакомился еще и с Татьяной Сеницыной. Вот тоже истинный русский талант! Она умела передать народный характер. У нее одна песня краше другой.

– Я ее тоже знал. Мне всегда казалось, что голосом Сеницыной поет сама глубинная Россия! Когда она приезжала ко мне на малую родину в поселок Борисоглебский, я повел ее в монастырь. У власти еще находились коммунисты, но нам, общественной организации «Родники России», было разрешено заниматься восстановлением и реставрацией древних храмов. В одном из них, отличающемся чудной акустикой, Татьяна Сеницына исполнила несколько православных песнопений. О, как они звучали! Потрясающе! Моя душа выворачивалась наизнанку. Казалось, вместе с Сеницыной в заброшенной обители пели и фрески, и купола, и метровой толщины стены. На ее совершенный, славный голос сбегались все, способные к чувству, сотрудники музея и даже настоятель монастыря.

– А каким образом она оказалась в Борисоглебе?

– Я попросил ее приехать и поддержать наше объединение, которое мне довелось возглавить. Мы не только спасали православные святыни, но и проводили выставки художников, выступали с театральными постановками, сажали кедры, боролись за народную трезвость, организовывали конкурсы для гармонистов и балалаечников. Татьяна Сеницына выступила перед моей командой с концертом. Это был доброжелательный, веселый и трудолюбивый человек. Когда она скончалась, то московское начальство отказалось выделить земельный участок для ее могилы, пришлось мне ходатайствовать

перед мэром столицы, чтобы талантливую певицу достойно похоронить.

– Она любую аудиторию держала в душевном напряжении. Привлекал ее красивый, сильный голос, завораживала сама песенная манера.

– А с Татьяной Петровой тебя все же подружил Тобольск?

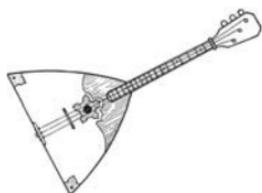
– Можно и так сказать. Нас объединила русская народная культура, за которой стояли народный опыт, мудрость, традиции, а также народная история, живая, исполненная разных красок, истины, обнаруживающая всю жизнь народа. Мне импонировало то, что при исполнении русских песен Татьяна Петрова уходила от того, чтобы исполнять их однотипно, бесцветно. После наших с ней концертов руководитель ансамбля «Русская мелодия» Вячеслав Тетерин пригласил нас обоих в Японию, во вторую мою поездку в Страну восходящего солнца.

Не только Тетерин, но и сама Татьяна Петрова, услышав виртуозную игру Юрия Клепалова на балалайке, прониклась к нему глубокой симпатией. Ей, как и жителям Тобольска, нравилась его самобытная манера исполнения, импровизационная свобода, непосредственность, щедрая самоотдача. Без раздумий она пригласила нового знакомого музыканта на радио в Москву записать песню «Кукушечка».

Откликнувшись на заманчивое предложение певицы, Клепалов приехал в столицу. Татьяна Петрова пела известную народную песню, он аккомпанировал ей на балалайке. После записи Юрий уехал домой, а через некоторое время у него раздался телефонный звонок, в трубке послышался знакомый голос: «Юра, худсовет

народного радио принял нашу песню на ура! Этот номер они регистрируют». Потом добавила: «Давай будем с тобой работать вместе».

Клепалов и хотел и не хотел переезжать в Москву. С одной стороны, он прирос к Тюмени, а с другой стороны – интриги и судилища чиновников подвигали его к мысли уехать. К тому же хотелось и дальше расти творчески. Последним аргументом для решения перебраться в Москву стал фестиваль в Тобольске. В него Клепалов вложил столько энергии и сил, что его московские единомышленники поняли: незаурядному таланту балалаечника нужны новые высоты, а здесь он его бесславно закопает. Прошел фестиваль, а о нем в прессе – ни слова, ни полслова. Чтобы полностью раскрыть свои творческие способности, показать себя широкой публике, поставить хорошую точку в биографии – нужно ехать в Москву. Большую роль в переезде сыграл лауреат Государственной премии России хирург Алексей Степанович Балалыкин, муж Татьяны Петровой. Он активно проявлял бескорыстное дружеское участие в судьбе Клепалова и убедил его – совершенствованию нет предела, а культурная столица страны поможет ему внести в его игру еще больший и глубокий национальный народный колорит.

АЗЕРБАЙДЖАН СЛУШАЕТ ЕСЕНИНА И НИЯЗИ

Перед репетицией он заглянул на сцену концертного зала и ахнул. Сердце обомлело от его пространств и размеров. Подобные масштабы ему довелось видеть лишь в Москве в Кремлевском Дворце съездов. Здесь, в Азербайджане, куда он приехал в юбилейные дни, посвященные празднованию 60-летия Советской власти, для участия в концерте, оказывается, тоже есть такая громадина – это концертный зал имени Ленина.

На репетиции Клепалов должен был исполнять в первую очередь произведения знаменитого азербайджанского композитора, классика советской музыкальной культуры Узеира Гаджибекова. Переживаний и волнений он не испытывал, так как еще в филармонии Тюмени играл в ансамбле народные мелодии Азербайджана. С интересом исполняли сибиряки и произведения самого Гаджибекова, то была чисто национальная, но оригинальная музыка, оформленная в классическом стиле.

Увлечение Клепалова иностранной культурой произошло в тот момент, когда на добыче и переработке тюменской нефти появились специалисты из Азербайджана. Среди них было много ученых, героев труда. Конечно, они часто присутствовали на концертах местной

филармонии и слышали, как успешно там играли музыку Гаджибекова. Им она нравилась. В знак дружбы нефтяники с Каспия решили провести у себя на родине совместный концерт, посвященный юбилею Советской власти. Кроме ансамбля скрипачей тюменской филармонии, приглашение получил и ансамбль народных инструментов, в котором играл Юрий Клепалов.

Азербайджан жил в ожидании большого концерта деятелей культуры Тюменской области. Жил ожиданием встречи с незнакомой публикой и балалаечник Юрий Клепалов. У него на юбилейном концерте должен был прозвучать, кроме совместного номера, небольшой кусочек соло на балалайке. Мелодия азербайджанского танца была сложная и в тоже время лирическая, глубокая, но Клепалов ее быстро освоил, проиграл дома несколько раз, потому совсем не переживал.

Когда Клепалов вошел в зал, то заметил, что многие музыканты стояли у стены и ждали, когда им будет разрешено репетировать. Кругом толпилось много народа. Сотни человек суетились и на сцене, и в концертной яме. Самым приметным был маленький пухленький азербайджанец, который дирижировал нехотя оркестром. Клепалов сперва не обратил внимания на старичка, который начал ходить вокруг оркестра и что-то советовал то одному музыканту, то второму, то он подумал: чего ему тут надо? кто мог позволить старичку указывать оркестру?! На большого музыканта он не тянул. Такой малорослый, неприметный. Спокойно спускается со сцены и показывает пальцем, кто и что из музыкантов должен делать. Клепалова это удивило.

Вскоре объявили репетицию тюменской филармонии. Клепалов вместе с коллективом разместился на бегущей

дорожке, на которой выехали на сцену. Этот неожиданный эффект передвижения во время игры был заимствован у Большого театра в Москве. Дорожка едет, и в это время ансамбль играет. Дорожка останавливается – музыканты продолжают играть. Потом всех увозят дальше.

Ансамбль из Тюмени выступил успешно. Клепалов старался, как мог. И когда он потом спустился со сцены в зал, к нему подошел тот маленький старикашка, что примелькался во время репетиции и о котором он думал так нелестно. Подошел и сказал: «Молодой человек, мне очень понравилось то, что вы играли, как вы солировали». «Спасибо», – единственное, что вымолвил Клепалов. Конечно, теплое слово на азербайджанской земле для него было значимым. Он только начинал играть сольные вещи, и важно было знать, что он делает правдиво, точно, а что ложно. Если зрителю не нравится то, как он играет, если до них не доходит игра, значит, надо работать, надо что-то делать, искать какие-то ключи к зрителю. А если после концерта к тебе подходит человек и благодарит – значит, правильной дорогой идешь.

Теперь Клепалов ждал начала концерта. Музыканты переоделись. И вскоре в зале зазвучало долгожданное объявление, что мероприятие в честь 60-летия Советской власти открывается. На концерте присутствовали глава Азербайджана Гейдар Алиев и его помощник Али Гасанов.

Концерт открыл оркестр, с первых минут очаровав зал классической музыкой. Торжественно пел хор. И тысяча человек, заполнивших огромную аудиторию, разом попала во власть скрипок, фортепьяно, виолончелей. Клепалов чувствовал, какая энергетика в зале. Стоило зазвучать оркестру, запеть хору, как у него пошла по телу дрожь...

Через несколько минут он увидел, что знакомый маленький старикашка стоит перед оркестром и дирижирует, машет палочкой. И делает это так, будто он и не дирижер вовсе, а полководец. Хор и оркестр моментально стали единым целым... А у Клепалова пот на лбу от напряжения и восхищения выступил. Большой академический хор Азербайджана исполнял песни на своем языке и на русском... И как же плохо Юрий себя почувствовал, когда зрителям представили государственный симфонический оркестр Азербайджана и его руководителя. Им оказался тот старик, с которым он так невежливо пообщался. Это был великий Ниязи – народный артист Советского Союза, Азербайджанской и Армянской ССР, Герой Социалистического труда, лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана, лауреат двух Сталинских премий, лауреат Международной премии Джавахарлала Неру. Клепалов, конечно, знал и слышал про этого выдающегося композитора, профессора. Порой он даже шутил: Ниязи, как на елке – светило. А по большому счету, такой пластики Клепалов ни у кого не видел. Все музыканты считали его великим.

Выступление симфонического оркестра и академического хора Азербайджана было встречено бурными аплодисментами.

– Почему же ты не узнал Ниязи? – удивился я.

– Если бы я раньше его видел, хоть разок пообщался... Только в Азербайджане и познакомился.

– Но как здорово, что вы еще не познакомились, а он тебя похвалил, оценил всего лишь по одной игре.

– После его похвалы я еще больше переживал. До нашего выступления стою и думаю: «Боже ты мой, ко мне

подошел великий человек, а я, негодяй, о нем так плохо думал! Эх, деревня глухая, топор без топорща!»». Обругал себя как мог. Очень мне стыдно было. Я думал, что он теперь будет следить за мной. Но после выступления он стал недоступным. Его окружили почитатели, для них Ниязи – национальная жемчужина. А я, огорченный, смотрел, как народ его боготворит. Меня грело и успокаивало только то, что он сказал мне хорошие слова. А мог бы и не говорить, мог бы и не спускаться со сцены, не подходить ко мне.

– Почувствовал талант, потому и подошел.

– Увидел что-то интересное в этой песчинке. Но я пережил волнения, вышел на сцену и отыграл.

Тюменский ансамбль исполнил две мелодии – «Калинку» и Гаджибекова. «Калинка» звучала как заявка о России, а пьеса Гаджибекова – как заявка любви к Азербайджану. Клепалов отчетливо осознавал, что исполнение в этом зале азербайджанской музыки – большое почтение для собравшихся, это для них высший класс, потому, пересилив волнение, играл собранно и вдохновенно. Клепалов заставлял петь свои три волшебные струны, а перед глазами стоял Ниязи – титан азербайджанской культуры. Потому он не просто играл, а летел... И, видимо, Господь Бог водил его рукой.

Как только на балалайке прозвучала национальная музыка Азербайджана, зал взорвался аплодисментами. Клепалов понял: сыгранный им эпизод понравился. Да и где бы еще азербайджанцы услышали балалайку?! А тут она звучала так пронзительно! И даже когда движущаяся дорожка увезла Клепалова с его коллегами, в зале слышались отголоски восторга.

После концерта тюменских музыкантов повезли на экскурсию по Азербайджану. В программе значились Нефтяные Камни. К ним проведены дороги, мосты. Рядом была построена землянка Брежнева, тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС. Откуда на берегу Каспийского моря землянка и для чего она нужна – никто не знал. Но было ясно: почитание руководителей страны – национальная черта характера азербайджанцев. В музее-землянке музыканты выступили с небольшим концертом для нефтяников.

Когда ансамбль отыграл, к Клепалову подошел незнакомый человек в строгом костюме и скомандовал: «Вы – со мной». Ребята переглянулись, пошутили, что его увезут в КГБ. Клепалов сам был на грани страха. Тем более, он видел, что всех его коллег посадили в автобус, а его – в машину незнакомца.

Однако переживал он зря. Его привезли в ресторан. Стол был накрыт в азербайджанском стиле и посумасшедшему богат. Чего там только не было?! Фрукты, сыры, колбасы, овощи, вино – всего завались. Незнакомец в строгом костюме посадил Клепалова рядом с собой. Юрий ничего не мог понять. К счастью, там была русская женщина, преподаватель русского языка для азербайджанцев. Она ему все тихо пояснила.

Оказывается, его привезли в то место, куда раньше приезжал русский поэт Сергей Есенин, – в знаменитый Дом нефтяника. Здесь Есенин писал известное стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...»!

Учительница поведала Клепалову историю путешествия знаменитого поэта в Персию. Так как коммунисты переживали, что Есенин может не вернуться из по-

ездки, то придумали спектакль. По одной версии, Киров требовал от руководства Баку лишь создать иллюзию, будто Есенин пребывает в Персии, а не в Азербайджане. По другой версии, Киров пошел на обман: «Сажаем Есенина на пароход, катаем, катаем и привозим тихим ходом в Баку. Здесь размещаем его во дворце знаменитого нефтяного магната. Пусть поэт считает, что его привезли в Персию». Какой из двух сценариев правдив, учительница не знала. Есенин увидел кипарисы, экзотику дворца, все, как в Персии, и успокоился. А когда заявил, что ему надо работать, но мешает жара, то ему вырыли большую яму. Дошли до ручейка, поставили в землянке стол, стул... В прохладной яме он и сочинял стихи. Учительница провела Клепалова в эту землянку, показала, где были написаны гениальные стихи вроде «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Природа вокруг действительно была экзотически красивой. Есенин навсегда стал в Азербайджане одним из национальных поэтов. Там его очень любят и хорошо знают.

А неизвестным человеком в строгом костюме был некто Али Гасанов, заместитель по идеологии компартии Азербайджана, второй человек в республике.

– Почему Гасанов выбрал тебя?

– Мне сказали, что ему понравилась моя игра на балалайке. И когда нас привезли в музей-землянку, то посадили на то место, где располагался Брежнев. Сюда Брежнев приезжал, ему показывали эту землянку. Осталась память. А раз я сидел на этом месте, то стал уважаемым человеком, приближенным.

Пока Клепалов беседовал с учительницей в доме нефтяного магната, вокруг них собралось все городское

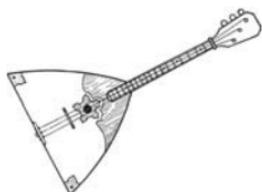
начальство. Тосты за здоровье, за культуру, за дружбу произносились без остановки. И тут один из чиновников неожиданно предложил: «А давайте почитаем Есенина. Люда, – обратился он к учительнице, – вы же литератор, прочтите ваше любимое...». Она согласилась и, показав рукой на Клепалова, добавила: «Только я бы хотела, чтобы этот молодой человек аккомпанировал на балалайке».

И тут произошло чудо. Учительница без устали читала стихотворение за стихотворением, а Клепалов ей подыгрывал. И вдруг в какой-то миг он почувствовал, как удивительно красивы и поэтичны произведения Есенина под звуки балалайки... И Юрий начал импровизировать. Импровизировать так, как никогда этого не делал. Слушатели были в восторге. Надо же: Есенин – под балалайку!

На следующий день азербайджанцы сводили их на базар, где они накупили всякой травы, полезной и вкусной. Дома, в Тюмени, жена удивится: зачем столько травы привез? Юрий похвально отметит: она же, мол, азербайджанская! Правда, дня через два кинза пожелтела...

Но тот, последний день в Азербайджане запомнился ему не покупкой травы, а тем, что на базаре к Клепалову подходили люди и, пожимая руки, говорили: «Спасибо вам за Есенина!».

В училище же, где Клепалов работал педагогом, музыканты получили по грамоте от управления культуры.

БОЛГАРСКАЯ ШКАТУЛКА

В Болгарию Юрий Клепалов приехал по профсоюзной путевке вместе с другими преподавателями Тюменского музыкального училища. Расположились они в древнем, солнечном городе Старая Загора.

За неделю объехали и осмотрели все близлежащие достопримечательности. В один из вечеров они ужинали в ресторане. И Клепалов обратил внимание на местных музыкантов, которые сидели в углу помещения. На столе перед ними лежали скрипка, контрабас и виолончель. Но заинтересовали его не инструменты, а то, как ребята пишут ноты. К нотам он был равнодушен и решил узнать, как болгары над ними работают. Подошел и без смущения попросил: «Вы ноты так красиво пишете, можно я посмотрю?».

Всю сознательную жизнь Клепалов считал, что писать ноты – это высокий знак мастерства. Если они написаны коряво, то ни один музыкант ничего не сыграет. В свое время, после женитьбы, Клепалов немножко подрабатывал в консерватории тем, что переписывал ноты. Приходил в библиотеку, ему давали материал, и он увлеченно погружался в переписывание.

Сейчас у него в руках были болгарские ноты, написанные четко, каллиграфически. Он восторженно пока-

чал головой: «Как здорово!». «А вы музыкант?», – поинтересовались болгары. Клепалов признался: «Да, музыкант! Из России!». «На чем играете?» – спросили у него. «На балалайке!», – ответил Юрий. Болгары переглянулись, в глазах вспыхнул огонек недоверия, потому предложили: «А можете нам сыграть на балалайке?». Для Клепалова эта просьба была немного удивительна, ведь ребята играли на скрипке, виолончели, фортепьяно, а тут какая-то балалайка! Не тот инструмент, чтобы его слушать... Вот если бы гармонь или гитара была! Но Клепалов не привык отступать и сказал самому себе: «Раз я из России, значит, надо что-то делать...».

Он принес балалайку, сел в центре зала за стол, молодые болгары расположились с другой стороны. И начал Юрий, как мог, изливать на балалайке душу... Поднимает глаза, смотрит: боже мой, не один стол, а целых пять уже рядом стоят, и за ними – люди. Сидят, слушают заморожено. Откуда пришли – неизвестно. Клепалова это раззадорило, и он подумал: раз так, ладно, я вам сейчас еще наломаю дров... Он вошел в новый образ и стал играть более азартно. Потом снова поднял глаза и видит: перед ним на столе стоит стопка и бутылка ракии. «Это что?» – спрашивает он. И в ответ слышит: «Это вам за то, что вы бесподобно играете!». Клепалов немного пококетничал: «Ладно, я не буду больше так играть». А потом, выпив стопку холодненькой ракии, продолжил сольный концерт. Снова началась исповедь балалайки... Болгары смотрят и удивляются: такой вроде несерьезный инструмент, а сердце сжимается, душа замирает.

Клепалову неудобно, когда на него так смотрят, он прикрывает глаза и задумчиво уходит в себя. А когда

поднимает голову, видит – идет по залу повар в белом халате, в одной руке держит на весу поднос, а на нем сковородка, а в ней картошечка жареная шипит, с грибами... Запах – по всему ресторану! Клепалов чувствует его и думает: хоть бы мимо прошел... Но повар подходит к нему, ставит сковородку на стол и говорит: «Это от меня тебе подарок. Ты так великолепно играл, я внизу слышал, что не могу не отблагодарить тебя!». А болгарские музыканты добавляют: «Это лучший повар нашего города». Тут более шумное веселье пошло. «Как тебя зовут?» – спрашивает повар. «Юра!» – отвечает Клепалов.

Болгары долго не отпускали русского балалаечника, пели в обнимку русские и болгарские песни. А Юрий боялся, что коллеги по училищу услышат их, придут и скажут: «Клепалов опять выпендривается, влез в какую-то историю!». Поиграв еще немного, он порадовался тому, что прихватил в далекую зарубежную поездку свою балалайку.

Наутро к Клепалову подошел один из участников ансамбля: «Тебя болгарин какой-то ищет». Он вышел в вестибюль гостиницы и увидел трёх вчерашних музыкантов: «Юра, от имени нашего коллектива, от имени всего болгарского народа приносим вам благодарность! Вот вам наша шкатулка!». И вручают ему красивую деревянную шкатулку, а в ней – известные болгарские духи «Красная роза». Клепалов попытался отказаться: «Да ладно, ребята, чего там, какие еще подарки!». Но болгары упорствовали: «Нет-нет, мы всю жизнь будем помнить, как вы играли, как делились своей душой! Нам это было очень приятно, и мы гордились, что сидим

с русским человеком, со славянином!». Эти теплые и искренние слова порадовали Клепалова. Он даже чуть не заплакал, поверил, что болгары и русские – славяне навек.

Приехав домой, Юрий отдал шкатулку с духами жене, а она спросила: «Где ты опять халтурил?». Юрий сначала пошутил, что занимался с балалайкой – болезнь у него такая, а потом рассказал, как его балалайка растопила сердца болгар. Музыка объединяет всех...

Еще одно чудо в Болгарии с Клепаловым произошло через пару дней. Вернее, с балалайкой чудеса случаются! Где бы она ни зазвучала, там всякие истории происходят.

Сидел Клепалов в гостиничном номере на втором этаже и что-то заскучал, хотя настроение было хорошее – их коллектив всюду хорошо принимали. Рядом море, солнечный берег. Вечер. В комнате торшер горит. Никого нет. Морской воздух колышет шторы... И вот, чтобы развеять грусть-тоску, он взял балалайку и начал играть. У окна хорошо думается о родине. Какое счастье, что есть родина! Когда она далеко, то впадаешь в невероятное ностальгическое состояние... Сыграв на балалайке несколько старинных мелодий, Юрий вдруг начал сочинять свою поэму. И сочинил «Размышления о родине».

После продолжительной игры Клепалов услышал непонятный шум. Откуда он? Глянул в окно и тут же отпрянул: из-за штор резко высунулась рука с бутылкой шампанского. Клепалов испугался, увидев незнакомого мужчину: «Вы, наверное, не туда попали?!». А тот как закричит: «Да туда я попал, открывай!».

В комнату с балкона, раздвинув шторы, зашел здоровый амбал. И нагло так сказал: «Я слушал твою музыку, подумал, что надо зайти, поблагодарить, бутылку поставить. Ты так душу мою растревожил мыслями о родине! Я слезами обливался. Подумал: если я с ним не выпью, – дураком буду, не знаю, что сделаю!». Смотрит Клепалов, а у мужика действительно слезы на глазах. Поставил он бутылку на столик и продолжил: «Ты меня на родину вернул. Я вспомнил всех своих дедушек и бабушек. У меня, благодаря твоей балалайке, пошло исповедание. Сидел и вспоминал, как у меня дед играл на балалайке. Порой заиграет, и в доме чудеса разные, хорошие происходят. Я услышал, как ты играешь, услышал эти звуки, они всколыхнули во мне многие чувства, думаю – надо родину вспомнить. Достал бутылку шампанского и решил с тобой выпить».

«А как ты ко мне попал?» – спросил его Клепалов. Мужик бесхитростно ответил: «Я с пятого этажа на твой второй по балконам спустился!». Оказывается, он приехал отдыхать в Болгарию из Воркуты. Приехал на море, на песочке поваляться. Услышав балалайку, затосковал по родине, вспомнил не только жену, но и всю родню – целое поколение!

Они посидели, поговорили. Только выпили по рюмочке, как в комнате появились коллеги по училищу. У них, видимо, нюх был хороший. «О-оо, у тебя шампанское! Давайте выпьем за нашу родину!».

Болгария поразила Клепалова своим гостеприимством. К русским музыкантам везде хорошо относились. В одной деревне им показывали болгарскую избу. Зашли они внутрь, а там женщина русоволосая сидит. Узна-

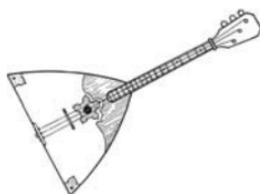
ла, что к ней заглянули русские, моментально вскочила, и откуда ни возьми притащила поднос огромный, а на нем – нарезанный арбуз. Сказала, что это – подарок от души. Вот, мол, вам, русские люди, наше уважение. Мы вас любим, и чтим. Потом стала рассказывать про город, где памятник русскому солдату Алеше стоит. Про легендарную Шипку. Именно там болгары воочию увидели, как сражаются русские, когда они даже «мертвые». Русоволосая женщина пересказала эпизод одного боя, о котором ей поведали предки. Холод был, когда турки наступали. На одной высоте в них полетели трупы, они ничего понять не могли, испугались и отступили. Победу одержали русские воины. Болгары, сказала в заключение женщина, это на всю жизнь запомнили. Однако, прощаясь, посетовала на молодое поколение, которое русские памятники коверкает.

Клепалов и без признаний этой русоволосой женщины видел, как Болгария меняется. На его глазах разрушали мавзолей Тодора Живкова. Антироссийская пропаганда работала усиленно. И русскому балалаечнику было невдомек: то ли во всем виновата Америка с ее оранжевыми революциями, то ли это специфика малых народов, которым все равно, под кого ложиться, лишь бы выжить!?

Но в Болгарию он не перестал ездить. Наоборот, стремился сделать как можно больше для объединения двух славянских народов. Последний раз он побывал в Болгарии вместе с сыном и певцом Юрием Цыганком. Их пригласило Национальное движение русофилов Болгарии. То была линия народной дипломатии. Они играли и в городе, и в селе. Объехали десять городов Болга-

рии – от запада до востока. Люди везде были настроены на дружбу с Россией. Некоторых болгар даже удивило, что русский консул, несмотря на отдельное приглашение, не появился на концерте, а вот народ – пришел! Более того, в посольстве болгарским инициаторам концерта сказали, что консул к русской национальной музыке и культуре относится негативно. Болгар это задело, оказалось, что они лучше относились к ансамблю, приехавшему из дорогой их сердцу России, чем консул.

У Клепалова не было ответа ни для консула, ни для болгар. Зато он знал, как поступать. Ему, выбранному в Тюмени Президентом клуба российско-болгарской дружбы, ничего не оставалось делать, как брать балалайку и играть собственную поэму «Размышление о Родине». Играть, играть, играть... Это произведение он сочинил в Болгарии.

МЕХАНИЗАТОР ПОДУМАЛ О ЖЕНИТЬБЕ

Писательница Любовь Заворотчева пригласила Клепалова поехать с ней в сельскую местность на встречу с механизаторами. Пообщаться, посмотреть на крестьянскую жизнь, узнать, сохранился ли в деревне интерес к народной культуре, посетовать, куда пропали семейные праздники и традиционные обеды всей семьей...

Любое предложение поехать в деревню Клепалов принимал с охотой. Чаще всего из таких добровольных командировок он возвращался с грустью в душе: крестьяне переставали петь. А деревня, где не поют песен, не проводят посиделки, уже и не деревня. Именно там рождались народные песни и музыка, и потому они всегда были неотъемлемой частью сельской жизни. Если крестьяне пели, то их песни обогащали талант крестьянского сына Есенина, и тот их тоже пел. Если бабушка-няня Арина Родионовна рассказывала юному Пушкину былины и сказки, напевала колыбельные, то и Пушкин писал сказки. Василий Андреев, услышав в своем имени, как лихо дед Антип наяривает на трехструнке «Вдоль по Питерской», сам заиграл на балалайке и создал Великорусский оркестр народных инструментов. А когда великий Грибоедов услышал пение крестьян, то написал: «Боже, до чего мы далеки! Если кто-то

не знающий, что это люди, принадлежащие к одной нации, оказался здесь, он подумал бы, что это совершенно разные народы...». Пророческий талант Грибоедова позволил оставить потомкам гениальную книгу «Горе от ума», в которой высмеивались пороки властной элиты, давно ставшей антинациональной, идолопоклоннической перед Западом, предавшей отечественную народную культуру и одевшей на голову французские парики. Как современен сегодня писатель, ибо те же песни и балалаечные наигрыши ныне почти вовсе не слышны на широких русских просторах.

Клепалов взял в поездку две балалайки, одну простую, а другую оркестровую, альтовую, она более глубокого, хорошего звучания.

Механизаторы ждали писателя и музыканта не в клубе, а на полевом стане. Они закончили работу, вернулись с поля, заглушили тракторы. Бригадир объявил, что на встречу к ним приехали Любовь Заворотчева и Юрий Клепалов. Кто-то из механизаторов выкрикнул: «Ну, приехали и приехали, ладно, давай послушаем!». Клепалова екнуло сердце. Заворотчева была известная в области писательница, а его почти никто не знал. Тем более, писателей всегда интересно послушать, они скажут так скажут, а тут на балалайке надо что-то играть и объяснять. Зачем все это!? Клепалов поджал ноги, призадумался: как будет с механизаторами общаться? Народ-то серьезный, работающий. Им про дело следует говорить, про трактор, про отношение к труду, им это понятно, а тут – человек с балалайкой... Как выкрутиться из положения? Думал-думал и решил просто показать хорошую игру.

Первой выступила Любовь Заворотчева. Она рассуждала больше не о бедах и нуждах сельского хозяйства, а о необходимости развития культуры на селе. Возрождая и сохраняя собственную культуру, народ приобретает твердость духа и стойкость в преодолении и житейских и исторических невзгод. В ее речи было много конкретики, сильных аргументов, на которые Клепалов вместе с усталыми трактористами согласно кивали головами. Если она говорила о разбитых дорогах, то добавляла, что везет не конь, а дорога. Если критиковала затянувшийся ремонт клуба, то обращалась к бригадиру, что построить новый сельский клуб – это еще не значит привнести культуру в село. А когда печалилась по поводу того, что в урбанизированной деревне жителям некуда приложить руки, то давала советы – петь народные песни, беречь фольклорные традиции, вынуть из сундуков прабабушкины рукотворные кофты. Для чего все это нужно делать? А чтобы у детей выработать подсознательный протест против стереотипа, стандартизации, ибо по природе своей человек патриот, он самобытен. Воспитывать чувство коллективизма необходимо, но это не значит, что все люди должны быть на одно лицо. Нужно воспитывать интерес к истории, духовности, к народной культуре, пробуждающей чувство национального достоинства.

Закончив свое выступление, Заворотчева представила Юрия Клепалова: «А теперь вам поиграет на балалайке известный музыкант». Один из механизаторов бросил реплику: «Ну насчет известности мы сейчас посмотрим. Пусть играет!».

Клепалов опять напрягся: действительно, мужики серьезные попались. Взял балалайку и начал играть. После первых же звуков, пораженные игрой, богатыми возможностями вроде как примитивного инструмента, механизаторы притихли. Всем сразу стало ясно, что перед ними музыкант глубокого проницательного и творческого ума. А когда он исполнил веселые русские народные песни, а затем и очень поэтические произведения, все дружно и весело захолопали. Даже попросили сыграть любимую мелодию «Светит месяц».

– Молодец, хорошо играешь на балалайке, а вторую зачем привез? – спросил неожиданно один из впереди сидящих механизаторов.

– Хочу вам и вторую показать, так как это другая балалайка, – ответил разгоряченный Клепалов. – У нее иной голос.

– Да они похожи друг на друга, как и есть треугольные, чего там, – возразил другой механизатор.

– Ну не совсем похожи, эта маленькая, а эта большая.

– На большой разве тоже играют? На маленькой – понятно, а на больших-то что исполняют?

– Ладно, давайте я вам покажу, как на большой играют.

Клепалов взял балалайку и начал играть «Размышления о Родине». Потом сыграл лирическую вещь, проникновенную, она, как женский голос, звучит в низкой тональности. Струны поют не просто открыто, а как-то изнутри. Только женщина умеет так блестяще делать. Клепалов перенял эту манеру, то есть освоил технологию игры, когда слушал великую русскую певицу Люд-

милу Зыкину. Он видел, как она умело уходила в себя и каким-то внутренним голосом начинала петь. Потому подлинность ее песен, не приглаженных, не отравленных манерой «а ля рюсс», восхищала Клепалова. А он, как исследователь, не просто музыкант, а именно исследователь, смотрел и впитывал, как это открытие, пойдет или не пойдет. Сегодня удалось его продемонстрировать этим серьезным мужикам, и он не выглядел как ворона в степи, наоборот, имел успех.

Под конец встречи Клепалов сыграл свою новую поэму «Баллада о русской женщине» и лирическую пьесу «Стоит меж лесов деревенька». Смолкли последние аккорды. Аплодисментов нет. Тишина. Мужики как сидели неподвижно, так и сидят. У Клепалова мгновенно в голове пронеслась мысль: зачем на большой балалайке играл? результата нет. Где улыбки, где аплодисменты?

В поисках поддержки глянул на Заворотчеву, а та тоже молчит и чего-то ждет. И вдруг из первого ряда встает мужик. Какой-то грустный, печальный. Он подошел к Клепалову, посмотрел на балалайку и ушел на задний ряд. Заворотчева обратилась к нему: «А чего ты назад ушел, чего тебе впереди не сидится?!». Он вздохнул и робко произнес: «Вот бы мне такую женщину, о которой балалайка играла. Я бы на ней хоть сейчас женился!».

Механизаторы прыснули со смеха, стали переглядываться меж собой. Вспыхнула улыбка и на лице Заворотчевой. Наверное, не все поняли, в чем смысл сказанного.

Я тоже по рассказу Клепалова не понял этих слов механизатора, потому попросил его разъяснить, что он имел в виду?

Для Юрия та история оказалась настолько важной и серьезной, что он подробно и прочувствованно стал пересказывать ее мне.

– Ты понимаешь, какие значимые слова сказал механизатор: «Хоть бы сейчас женился...». Ты представляешь, вот та глубина этого инструмента, которая так расстрожила мужика, что он выдохнул мечту, разрился признанием...

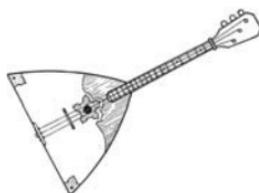
– Балалайка воспроизвела женский образ!? – уточняю я.

– Да! Я играю на балалайке, а он говорит: «Я хоть бы сейчас женился!». У него тоска по этой женщине. В нем сидит ее чудный образ. Моя баллада посвящена русским женщинам. И он через музыку догадался, кто она такая, потому и сказал: «Мне бы такую женщину». Хвала ему. Я понял, что в таком простом мужике, который в руках руль держит, управляет трактором, пашет землю, – нежная чувствительная душа. Какое высокое понимание самой женщины, той, какая ему нужна?! Может, идеал у него такой большой, либо он мечтал о ней?! Может быть, это мать его, может быть, сестра, которые остались у него в памяти на всю жизнь. Может, это детское впечатление о тех женщинах-учителях, которые ему встречались. Все они были негромкие, немногословные. Всем своим видом подчеркивали, что они не только себя ценят, но и мужчин. Здорово! Это тот идеал, который присущ нашей женщине. И этот мужичок его понял. Он так до глубины души меня взволновал, что я на всю жизнь запомнил его слова. Его признание стало для меня определенным ориентиром: если я чего-то играю женщине, то стараюсь вспомнить слова механизато-

ра. Они меня зажигают и начинают поднимать из меня подлинные, искренние чувства. Это редчайшее чудо! С помощью этих родных звуков у многих русских людей пробуждаются настоящие чувства. Значит, не случайно русский человек придумал балалайку, не случайно. Балалайка – это его личная собственная душа, душа русского человека. Если он играет, то он же живет с ней, он хочет жить так, как подсказывает инструмент.

– Господи, как мало русскому человеку надо – всего три струны! – восклицаю я, растроганный и убежденный.

– Эти три струны многое могут! Балалайка дарит человеку счастье, побуждает думать о прекрасной женщине, которая тебя понимает и любит. Она возвращает к истокам русской музыки, дарит глубинное духовное общение, которое уже уходит. Признание механизатора дорогого стоит.

ТВОРЧЕСКИЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В МОСКВУ

Каждая командировка в Москву заканчивалась для Юрия Клепалова обязательным посещением редакции журнала «Наш современник». В то время настоящему художественной русской периодике почти не выходило. Журналы один за другим мазали Россию однообразной черной краской пополам с экскрементами русофобии, навязывая ей чуждые либеральные и общечеловеческие ценности. «Наш современник» был крепким рубежом сопротивления, дающим право писателям, художникам, композиторам, педагогам, ученым, всем, кому дорога Россия, сказать свое слово в ее защиту. Безусловно, основу этого популярного литературно-общественного издания составляли патриотизм и любовь к России. Появление здесь сибирского балалаечника Юрия Клепалова не было неожиданным и непонятным. Главный редактор журнала Сергей Викулов приглашал его не только поиграть народные мелодии, но и поддержать его трудный выбор служения русской народной культуре.

Небольшие сольные концерты в редакции журнала дарили Клепалову новые встречи с интересными людьми, расширяли кругозор, обогащали душу. Одна из командировок подарила встречу с известной певи-

цей Татьяной Петровой. Первые добрые слово о ней он услышал как раз от Викулова. Знаком был и с репертуаром. Народная песня стала для нее смыслом жизни. Клепалову нравились такие певицы – они поют звонкими, чистыми, крепкими народными голосами, поют в совершенно неожиданных ладах, включаются в свою архаическую культуру, принятую от предков.

В один из творческих вечеров Викулов обронил одну фразу: «Эх, хорошо бы тебя познакомить с Татьяной Петровой!».

И на следующий день Клепалову в комнату гостиницы позвонила Татьяна Петрова: «Юрий Михайлович, а не могли бы вы завтра прийти в Дом союзов, у меня там концерт, и вы бы там поиграли!?!». Он согласился. Викулов говорил ему, что не раз упоминал Петровой его имя, мол, в Сибири есть парень, замечательно играющий на балалайке, и что она ищет музыканта хорошего в свой ансамбль.

Клепалов приехал в Дом союзов. На сцене шла репетиция ансамбля «Русская мелодия». Руководителем его был Вячеслав Михайлович Тетерин. С этим ансамблем выступала Татьяна Петрова.

Они столкнулись в зале. Клепалов увидел известную певицу в первый раз. Она оказалась еще и очень красивой. Это его и насторожило, и взволновало. Откуда столько достоинств и преимуществ? Необычайно хороша собой, выступает в престижном зале – в Доме союзов, куда просто так не попадешь, к тому же – солистка ансамбля, где все – музыканты высшего класса...

Петрова без лишних слов предложила: «У меня через десять минут будет выступление. Вы поиграйте пока

нашим ребятам, а я послушаю». Клепалов взял балалайку, сыграл им. Причем исполнил он известные мелодии на чужой балалайке, что не очень любил. У Петровой, может, не было времени, а, возможно, и желания сразу давать оценку игре, потому она сказала: «Ну хорошо, мы сейчас уйдем выступать, а я потом вам перезвоню». Клепалов понял, что о результате узнает позднее, потому ждать не стал, уехал.

После концерта она позвонила: «Юрий Михайлович, я бы хотела с вами поработать. Давайте попробуем записать на радио под сольную балалайку русскую народную песню «Кукушечка». В разговоре не прозвучало ни слова о том, понравилась или не понравилась его игра ребятам из ансамбля. Но Клепалов знал, что обычно большие музыканты уходят от ответа, потому не стал спрашивать. Пусть их впечатление останется некоей тайной. Будет желание – скажут.

Конечно, предложение певицы доставило ему большую радость. Наконец-то его музыка воспринята серьезно, она востребована. Он готов был хоть сейчас окунуться в работу, пойти на любые трудности ради записи. Но его ждали в Тюмени. И он сказал Петровой: «Хорошо, Танечка, я буду играть на сольной балалайке, только в следующий раз, у меня командировка закончилась. Я приеду, и мы порепетируем».

Следующая командировка в Москву состоялась лишь через полгода. Они встретились и сразу начали репетировать песню «Кукушечка». Петрова жила тогда на улице Горького, в большой хорошей квартире, с мужем. Её супруг Алексей Балалыкин был доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии. Всю жизнь

он занимался тем, что разрабатывал и внедрял технологии роботолечения. Его операции роботом были уникальными.

Репетиции прошли успешно. Они сделали запись на радио. Худсовет, прослушав песню «Кукушечка», не только одобрил ее, но и сделал замечательный отзыв.

– И где можно услышать твою «Кукушечку? – поинтересовался я у Клепалова. – Почему ее нигде не слышно?!

– Запись пошла в фонд. Раньше эту песню часто по радио передавали. Сейчас там иные предпочтения, попса все заполонила. Но история у песни на том не закончилась. Татьяна Петрова использовала нашу запись в фильме, посвященном монаху, который открывал церковь святого Николая в Токио. Это было в начале 90-х годов. Священника Николая, как известно, в Японию отправил патриарх, отправил, как миссионера. И тот построил там церковь святого Николая. Он пешком ходил по Японии, став оплотом развития православия. И на эту тему нашими документалистами был создан фильм. Я видел его. Татьяна Петрова пела под мою балалайку в тот момент, когда он возвращался в Россию. И когда он шел, то по пути звучала «Кукушечка». Невероятно, но режиссер так здорово и к месту вставил мою мелодию, что она многих зрителей зацепила.

– Именно такие фильмы, поступки, музыка воспитывают в молодежи патриотизм!

– Гражданина, истинного патриота ни техникой, ни научным прогрессом воспитать нельзя. Его могут воспитать история, литература, родной язык и народная музыка, поскольку в музыке заключена история Родины,

живой голос народа, его мудрость, красота и нравственность.

– После того успеха с записью на радио ты принял решение о переезде в Москву?

– Почти так и было, – кивнул головой Клепалов. – Петрова первой начала разговор на эту тему: «Тебе надо переезжать!». А куда я буду переезжать? Конечно, я давно был настроен на Москву. Знал, что в столице больше себя раскроешь, как музыкант, исполнитель, композитор. Викулов то же самое говорил мне. Но одно дело – мечтать, другое – совершать поступки.

– И как же ты решился со всем своим скарбом перебраться в Москву? Жилья нет. Семье негде ни жить, ни работать, ни учиться.

– Тут в мою жизнь вмешался второй человек, который не просто меня подбодрил, а вынудил переехать в Москву. Это муж Татьяны Петровой – Алексей Степанович Балалыкин. Он в меня, видимо, просто влюбился, вернее, в мою игру на балалайке. Хороший он человек. Я его зову своим ангелом.

– Неужели врач помог решить квартирную проблему?

– Он меня повез в Рузу, где у них был дом. Там высказал идею найти мне дом или квартиру, чтобы я переехал. Стали искать возможность где-то меня пристроить. В Наро-Фоминском районе Московской области у Алексея Степановича был хороший друг – директор крупнейшего свиноводческого совхоза имени 50-летия Советской власти Валентин Петрович Масалов. И был он тогда депутатом Верховного Совета СССР. Я по рекомендации Балалыкина к нему приехал, объяснил

причину своего появления. А так как обо мне разговор уже шел, то он безо всяких прелюдий заявил: «Устроим тебя сначала в гостиницу, будешь директором Дома культуры, а там посмотрим!».

Теперь оставалось главное – уговорить жену на переезд. Она чувствовала, что Клепалов ехать не хотел. Во-первых, прижился в Тюмени. Во-вторых, его удерживало здесь чувство долга, ответственности, негласной клятвы перед учениками. Да и у них была трехкомнатная квартира, которую тоже жалко было оставлять. Юрий не раз говорил жене: «Галя, я не поеду!». И жена его поняла, сказала, что решение о переезде полностью зависит от него, как он скажет, так и будет. Когда Татьяна Петрова с мужем узнали о том, что Клепалов передумал переселяться в Москву, они приехали к нему в Тюмень. Вспыхнули длительные, занудные и неприятные беседы-уговоры. Клепалов постоянно говорил одно: «Я не поеду!». Балалакин все время твердил другое: «Нет, поедешь!». И, в конце концов, Клепалов сдался, написал письмо Валентину Петровичу Масалову, сообщил, что на днях приедет.

Судьба сибирского балалаечника резко изменилась. Масалов устроил его директором Дома культуры в поселке Яковлевское Наро-Фоминского района. Спустя годы этот поселок стал районом новой Москвы.

Работая на новом месте, Клепалов не забывал навещать полюбившийся ему коллектив редакции журнала «Наш современник». Балалайка всегда была с ним. После каждого сольного концерта добродушные и отзывчивые писатели наседали на Клепалова: «Тебе надо квартиру в Москве!». Он отмахивался: «Да кто ее мне

даст?! Это может только Господь Бог! У меня таких возможностей нет».

Однажды в поселок к Клепалову приехала Петрова и радостно сообщила: «Наш ансамбль и тебя приглашают в Японию!».

Но для поездки в Японию нужна была виза, а ее без московской прописки получить было невозможно. Клепалову пришлось срочно менять трехкомнатную квартиру в Тюмени на двухкомнатную в Наро-Фоминске. Один из военных, родом из Тюмени, предложил обмен: он оставляет Клепалову свою квартиру, а сам переезжает в их. Можно было искать лучший вариант обмена или продажи, но срочные сборы в Японию, получение прописки не позволили это сделать.

– Япония тебя наверняка заворожила? – спросил я, уверенный в положительном ответе.

– Конечно! Япония – сказочная, мифическая страна, но, позволь, о ней я расскажу позже... Перед поездкой я успел прописаться. Жена устроилась работать учителем. А я оставался свободным художником, сотрудничал с Татьяной Петровой. Вместе с ней участвовал в разных концертах.

– А каким образом Петровой удалось организовать ваше выступление в Японии?

– Скорее всего, это удача Владислава Тетерина, руководителя ансамбля «Русская мелодия». Он каким-то чудом вышел на контакты с японцами. Каким чудом – я это не понял. В Японии есть профсоюзное общество, которое имеет право приглашать артистов и заниматься коммерцией. Нас по коммерческой линии туда и пригласили. Как Тетерину удалось договориться с японца-

ми о гастролях – не знаю. Может, показал Таню, а Таня Петрова – это беспроигрышный билет, показать ее японским продюсерам – значит, победить. Они увидели такую красавицу и сразу сделали приглашение, шучу, конечно.

– Кроме того, что Петрова – красавица, какое у тебя впечатление от ее голоса, репертуара?

– Татьяна очень творческий человек. Когда мы приступили к совместной работе, и она стала петь под балалайку, то она начала набирать очень хорошее качество пения. У нее появился редкой интонации голос. Я стал звать ее – серебряный голос России. У нее очень красивый голос. Потом с ней занимался пианист, тоже по вокалу. Хороший специалист. Он ее довел до такого профессионального уровня, что она могла петь арии, а не только народные песни. Людмила Зыкина тоже пела такие арии. Благодаря классике, Зыкина возвысила русскую песню, стала всенародно любимой певицей. Я говорил Татьяне: «Бери пример с Зыкиной, работай над классической технологией...».

– Твоя творческая жизнь в Москве стала зависеть от Петровой?

– У нас сложился шикарный ансамбль, как одно целое. Она меня слышала, а я ее. Мы начали выступать вдвоем. В ансамбле «Русская мелодия» она была как приглашенная певица. С этим ансамблем и другие певицы исполняли песни. Но не постоянно. Я в то время сочинил мелодию на картину Константина Васильева «Ожидание». Татьяна пела её, и она тоже прозвучала в фильме о монахе Николае. Я стал для нее чуть ли не единственным аккомпаниатором. Еще она обладала

великолепным чистым вокалом, пела без слов. Есть такой солированный жанр, такая форма пения. Женщина поет, будто плачет, а голос – будь здоров! Как говорил один государственный деятель: «Глыбже, еще глыбже звучит».

– Петрова – певица, безусловно, потрясающая, замечательная. А было ли в вашем совместном творчестве что-то общественно значимое?

– Мы стремились создать цельную историю русской народной культуры. Наш дуэт – балалайка и пение – покорила многие сердца. Где мы только с Татьяной вместе не выступали?! И до поездки в Японию, и после. Помню, мы выступали в Гнесинке. Что интересно, там преподавал ее педагог Нина Константиновна Мешко... Это легенда русской народной культуры! Она была народной артисткой Советского Союза, лауреатом Государственной премии России, художественным руководителем Государственного академического Северного хора. Еще и хормейстер-дирижер хора Русской песни Всесоюзного радио и телевидения. Титулы весьма большие. Очень тонкий и высокоодаренный музыкант. Будучи настолько глубоким специалистом по русской песне, по фольклору, только она могла создать один из лучших хоров мира!

– Тебе посчастливилось общаться с Мешко?

– Беседовали часто и помногу. Она со мной всегда была очень вежлива и ценила как мое творчество, так и то, что я работаю с ее ученицей Петровой. Мы много говорили с ней о творчестве, о манере исполнения, ведь она написала две важные для музыкантов книги – «Искусство народного пения», «Искусство и ремесло».

А помнишь, мы с тобой слушали поэму «Заклинание о земле русской» на стихи Волошина? Она – ее автор.

– Поражаюсь, как и ты: откуда в этой хрупкой женщине столько любви к народной песне, к фольклору?

– Из деревни, вестимо. Она родилась в тверской деревне Малахово. В родительском доме всегда пели песни. Отец руководил школьным хором, пел в местной церкви. Но более всего она своим выбором обязана брату, который поступил на композиторский факультет, привез ей однажды в деревню ноты и сказал: «Учись!». А судьба любимого брата сложилась трагично, он был расстрелян и реабилитирован посмертно.

– Повезло же тебе и Татьяне Петровой на встречу с таким великим педагогом!

– Мы с ней на равных говорили, она понимала, что интересует нас. Благодаря ее урокам Татьяна начала расцветать, стала любимицей не только зрителей, но и всего писательского сообщества. Мы довольно часто выступали на пленумах Союза писателей, выезжали в Новгород, Псков, Калугу. В общем, стали друзьями писателей. Когда Нина Константиновна Мешко скончалась, то уровень народных хоров резко снизился. Конечно, вина тут ложится и на власть, допустившую на экраны телевидения, в театры, на эстраду лишь разные развлекательные шоу, наносящие народу болезненные травмы, воспитывающие уродливое, бездумное общество потребления. Чиновники не понимают, что русская народная культура – главный, а может, и единственный оплот исчезающей духовности. Иудино племя пришло и заполонило культуру России. Среди бездушия «рэпа» и грохота «металла» люди грубеют и черствеют. И пока

народ испытывает духовный голод, мы должны нести свет русской культуры.

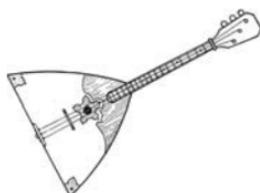
– Это звучит, как завещание Мешко...

– Пусть это будет нашим патриотическим и гражданским долгом. Я его вижу в воспитании культурной личности, как говорила Мешко, в возвращении к русской народной культуре, где народные инструменты, хоровое пение – все служило выражением эстетических и нравственных идеалов. Воспитание – дело долгое и кропотливое. Традиции народной культуры столетиями взращивались. Помню, читал, как в 1913 году в Пермской губернии инспектор учебных заведений Городцов устроил состязание хоров. Тогда 300 местных хоров пели отрывки из «Жизни за царя» Глинки, а сегодня там и двух хоров не сыщешь. Нельзя забывать, что вся русская жизнь была пронизана русскими песнями и музыкой. Потому Горький и писал, что русская песня сопровождает русского человека от колыбели до смерти. Что касается завещания Мешко, то оно изложено в ее статьях. Вот эта фраза из одной ее статьи звучит вполне по-государственному: «На культуре своей традиционной, коренной держится народ». Мне дорога и еще одна ее мысль: «Песенное искусство – летопись жизни всего русского народа».

После каждой беседы с Клепаловым у меня оставалось чувство недоговоренности. Душа просила продолжения. Уж слишком глубокими, мудрыми и содержательными были мысли сибирского самородка-балалаечника, приехавшего не покорять Москву, а будить в ней русского культурного человека. С наступлением следующего дня мне хотелось вновь заставить Клепалова вспомнить

о его совместных концертах с неподражаемой Татьяной Петровой и, конечно же, о его впечатлениях о подвижном подвиге великой фольклористки-народницы Нины Константиновны Мешко.

Хотя я и так знал, что Юрий Клепалов и Татьяна Петрова по сей день следуют заветам Мешко – дают концерты, поют русские песни, пропагандируют балалаечные наигрыши и лечат тем самым русских людей, оторванных от истоков родной жизни, от ее животворящей почвы и народной музыки.

ОЖИДАНИЕ

Надо же было такому недоразумению случиться: мы оба приехали в Москву из разных уголков России на выставку художника Константина Васильева, смотрели одни и те же картины, восторгались, но встретились и начали обсуждать творчество художника не на выставке, а спустя аж сорок лет?!

Тогдашнее знакомство не состоялось, может быть, потому, что мы подолгу стояли у разных картин, и они невольно разводили нас. Внимание Клепалова приковывали картины сказочно-поэтической тематики. А мне особо нравилась та часть творчества художника, которая посвящена была русскому былинному эпосу.

Клепалову дорогу к творчеству художника проторил знакомый писатель Анатолий Доронин. Он же и на выставку его пригласил.

Мой путь на выставку был проложен тоже усилиями писателя, только им был другой ценитель творчества Васильева – замечательный романтик, природолюб и защитник русского мира Владимир Солоухин, книгами которого зачитывалась вся страна. Его доверительный и честный отзыв о внезапно вспыхнувшем, как звезда, ярком и самобытном таланте Васильева подтолкнул меня к поездке в Москву.

– Если ту выставку перенести в наше сегодняшнее время, спустя сорок лет, то какие бы картины Васильева ты сейчас отметил? – спросил я Клепалова.

– Мне по-прежнему нравится картина «Гуси-лебеди», где художник создал возвышенный пленительный образ девы Февронии – героини оперы гениального русского композитора Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». В картине заложен символ верности русской женщины, ее доброта, чистота, благородство. В картине «Плач Ярославны» отчетливо выражен замысел художника – жена князя Игоря печалится, узнав о гибели мужа, а вместе с ней печалится вся природа. Но больше всего меня тронула картина «Ожидание» – и высоким мастерством исполнения, и тончайшей игрой света, и умением передать красоту прекрасной романтической женщины.

– Тебя привлекали и привлекают, судя по всему, женские образы?

– И портреты, выписанные с невероятной достоверностью, – маршал Жуков, писатель Достоевский.

– Мне запомнились многие его картины с русскими былинными богатырями, в коих живут и храбрость, и удаль, и единство силы физической и духовной. Названия их говорят сами за себя – «Илья Муромец освобождает узников», «Меч Святогора», «Алеша Попович и Тугарин», «Вольга и Микула». Образ крестьянского пахаря мне особо дорог, в нем чувствуется хозяин земли, чувствуется дух народный.

Наш разговор о давней выставке Константина Васильева, позволившей найти общие взгляды, мысли и устремления, закончился игрой Клепалова на балалай-

ке. Народные мелодии вновь объединили нас. Подумалось о благородной миссии собеседника, открывающего и мне, и другим людям тайну народного творчества, духовную чистоту и силу русских подвижников. Одни деятели культуры, помешанные на западных ценностях и шоу-бизнесе, унижают, ругают Россию, а другие, поборники русских традиций, – собирают и приумножают историческое наследие России.

Я не собирался просить Клепалова сыграть ту мелодию, что он посвятил картине Васильева «Ожидание». Однако он ее исполнил.

Желание высказать в музыке свои чувства к картине появилось у него на выставке. Тогда, во время очередной командировки, писатель Доронин отыскал Клепалова в фирме звукозаписи и увел за собой. Попросил поиграть на балалайке для зрителей, чтобы показать единство народного творчества, приобщить их к историческим и духовным истокам. А заодно привлечь внимание к молодому даровитому художнику, чье творчество раскрывает глубину русского человека и его неукротимый дух, а также дать бой засилью в Москве западного бездушного искусства.

Клепалов поддержал выставку известными народными мелодиями и своими импровизациями. Играл в Манеже, сидя на лестнице. Народ шел мимо него, останавливался, слушал, одобрительно отзывался. После просмотра картин многие возвращались. Он играл с перерывами. А в конце неторопливо прошел один по выставке. Остановился и надолго задержался у картины «Ожидание».

Несколько дней Клепалов был под впечатлением картины, вернее, того художественно значимого образа

девушки, стоящей у окна и ожидающей своего суженого. Такие девицы благородно и достойно ведут себя с парнями, умеряя горячность их чувств, заставляя себя уважать. И все это делается мягко, женственно, по-доброму.

Тихая, спокойная, миловидная девушка долго не отпускала его, приходила в снах, пока он не сочинил музыку к картине. Писал ноты легко, вдохновенно.

– Почему именно эта картина заслужила твоего музыкального прочтения?

– Очень интересный вопрос. Очень. Чем она меня взволновала? Я увидел образ своей жены, которая все время меня ждет. На картине нарисована сидящая у окошка девушка. На ней отпечаток долгого ожидания. Благостное лицо с глубокими глазами, и в этих глазах вся жизнь ее просматривается, начиная от того, как вышла замуж, как прожила с любимым человеком несколько счастливых лет. Умение художника – сохранять глубину женских глаз, сохранять надолго. Эта глубина настолько четко выражена, что о девушке ничего не надо рассказывать, посмотришь и все увидишь. Сперва прочувствовал, а если ты прочувствовал, то и увидел. Картина так надолго и глубоко меня взволновала, что у меня руки сами взяли инструмент и начали играть! Когда я вернулся из Москвы, то рассказал жене Галине Евдокимовне о выставке, об этой картине «Ожидание», которая перевернула мою душу... Она слушала меня, я сел у ее ног и сказал: «Я сочинил мелодию по этой картине и посвящаю её тебе, своей жене!». И начал играть... И тут мы заплакали с ней, просто заревели в два голоса. Такая душевная мелодия родилась! Не знаю, почему Господь послал мне ее. Но получилась она хорошо, ибо где бы

я ее не играл, она вызывает нежные чувства. После каждой долгой командировки жена меня просит: «Сыграй мне «Ожидание»!». Я беру балалайку, начинаю играть и тут происходит что-то необъяснимое. И что бы мы ни делали дома – читаем, занимаемся уборкой..., чувствуем, слышим, как эти звуки из «Ожидания» переливаются, и у меня, и у жены на глаза наворачиваются слезы. Такая невероятная жизнь у нас.

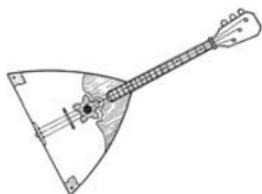
– Ты до сих пор играешь эту музыку жене?

– Да!

Пройдет немного времени, и Татьяна Петрова выучит, начнет исполнять песню «Ожидание» под балалайку Клепалова, написанную им по мотивам картины Константина Васильева.

Чудная мелодия звучала в разных городах страны. А когда надо было выступить в Москве, Татьяна Петрова звонила Клепалову в Тюмень и просила его срочно приехать. Он брал командировку, благо, обком комсомола не возражал, даже оплачивал ее, и мчался выступать. Петрова пела потрясающе. А он аккомпанировал ей, как всегда, мастерски.

На одном из концертов Клепалову и Петровой сообщили мимолетом, что две их песни – «Кукушечка» и «Ожидание» – прошли на худсовете на «отлично» и вошли в Золотой фонд радио и телевидения.

ВОЛГА ПОТРЕБОВАЛА ЗАЩИТЫ

На посиделки в редакцию журнала «Наш современник» заглянул режиссер Антон Васильев. В кабинете редактора Викулова, как обычно, собралась творческая интеллигенция, то и дело затевающая споры о том, как отличить подлинное литературное дело от его искусной имитации, о состоянии русской культуры, о размывании социально-нравственных критериев литературы. Несовпадение во взглядах и вкусах было там явлением редким, поскольку собирались единомышленники. В их кругу превыше всего ценились смелость, прямолинейность и правдивость. Писатели говорили, что романисту нужны знание жизни и талант слова. Философы хвалили коллегу, обладающего изумительным даром чувствовать связь всего сущего в мире. Молчание художников заканчивалось тем, что они не могли определить, что является смыслом работы над картиной – это прежде всего способ познания жизни или передача реалистически правдивой и характерной для того или иного времени подробности жизни? Шумнее всех вели себя поэты. Они неустанно в разных интерпретациях повторяли, что поэзия всегда восставала против бездушия и стандарта, всегда стремилась возвысить человека.

Лишь один человек не вступал в дискуссии, скромно сидел в углу комнаты, внимательно слышал всех, а потом по просьбе Викулова играл на балалайке. Режиссеру представили его – самородок из Сибири, музыкант Божьей милостью Юрий Клепалов.

Балалаечные мелодии Клепалова поразили режиссера своей необычностью. Понятно было, что музыкант нашел собственный творческий путь, несхожий с другими музыкантами. Васильев старался больше слушать его, а не мудреные речи писателей и художников, глубоко воспринимая мелодический строй народной мелодии и осознавая глубинную божественную мощь и силу народного инструмента.

После творческой вечеринки кинорежиссер Васильев пригласил Клепалова на запись фильма «Святая Волга», который он делал вместе с экологом Фатеем Шипуновым. Тот защищал русский кедр, спасал реку Волгу. По всей стране распространялись его пламенные статьи и выступления против министерских чиновников, решивших забрать часть водных ресурсов Волги и направить их в Москву-реку для увеличения ее водоносности. Страшной экологической катастрофой пахло от проекта, согласно которому власть собиралась перегородить Волгу выше Москвы и затопить земли Волговерховья. Под воду должно было уйти девять тысяч гектаров земель и лесов, более двух тысяч гектаров сельхозугодий. Возражения академиков А. Яншина, Б. Ласкорина, Б. Соколова и других известных ученых, что Ржевский гидроузел уничтожит последнюю на Волге речную экосистему, не принимались во внимание. Двигателями строительства пагубного проекта все чаще стали высту-

пять члены Государственной экспертной комиссии И. Айдаров В. Гришин, два одиозных политика и русофоба. Остановить их могло только широкое народное движение. Общественный комитет в защиту Волги возглавил тогда великий русский писатель Василий Белов, имеющий опыт борьбы с переброской сибирских рек. А вот всколыхнуть, поднять народ на борьбу взялся эколог Фатей Шипунов.

Режиссер Васильев без утайки посвятил Клепалова в суть проекта «Волга-Москва», противостояния народа и власти и сказал: «Юра, надо озвучить фильм, который мы снимаем с Шипуновым!». У Клепалова были сомнения лишь по поводу дефицита времени. Но режиссер его успокоил: «Сочинять ничего не надо. Я тебе включаю микрофон, показываю видеоматериал, а ты в это время играешь любые свои импровизации».

Клепалов согласился, но попросил предоставить ему ознакомительные документу по вредному проекту. Изучая их, он убедился, насколько опасно строить гидроузел и создавать новое водохранилище, которое затопит чудесные места Волговерховья.

Он посчитал долгом выступить вместе с Васильевым, Шипуновым, Беловым против реализации ржевского проекта. Приехав на киностудию имени Горького, Клепалов переговорил с Фатеем Шипуновым, отсмотрел первые кадры будущего фильма под названием «Святая Волга».

Документальный киноочерк вбирал в себя и правдивые, тревожные заключения экспертов, и поэтические волжские ландшафты. Шипунов, как один из редакторов фильма, поинтересовался у Клепалова, какие мелодии

он собирается играть. Вместо него ответил Васильев: «Пусть играет то, что лежит на сердце!».

Клепалов сел перед экраном и стал играть свою поэму «Размышления о Родине». Васильев ее сразу стал записывать. Шипунов сидел и слушал. А когда работа закончилась, удивленно сказал: «Получилось очень интересно. Я думал, что мы будем записывать импровизацию, а это не импровизация, это отдельное произведение. Спасибо!».

В минуты отдыха Шипунов не отходил от Клепалова, всё убеждал его в опасности нового поворота рек, показывал свои черновики для выступлений. Одну из газетных статей он собирался начать с докладной маршала Георгия Жукова, в которой приводилась директива Гитлера, намеревающегося затопить Москву. В ней, в частности, сообщалось: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были заполнены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

Клепалов понял замысел эколога Шипунова, одобрил его.

Три дня они работали над фильмом. У Клепалова, к сожалению, закончилась командировка. Для записи нужен был еще один свободный день. Васильев в это время параллельно делал художественный фильм «Босиком по траве». Это был его первый художественный фильм.

Раньше приходилось снимать лишь документальные. Но так как он недавно закончил театральный институт, то решил попробовать свои силы в ином амплуа.

Перед отъездом Клепалова, он сказал ему: «Шипунов просил прибыть на съемочную площадку через три-четыре дня. На одну ночь прилетаешь, мы тебя записываем, потом забираем и едем в баню к Ельцину». Клепалов ошалел: Ельцин тогда был первым секретарем горкома Москвы. Народ знал его уже по шумным партийным акциям. Не поверив предложению, Клепалов уточнил: «Будет встреча в бане с Ельциным?». Васильев подтвердил, но уже не так уверенно: «Может, будет, а может, нет».

В назначенное время Клепалов прибыл в Москву. Программа работы над фильмом была продумана до деталей. Еще и просчитана по минутам, так как директор филармонии после Всемирного фестиваля молодежи организовал за Клепаловым слежку. Как только обком комсомола выписывал ему командировку, филармония следом выписывала командировку своему сотруднику, который в столице, как агент КГБ, следил за Клепаловым. Этот сотрудник проверял, где находится и чем занимается их коллега.

Клепалов знал о слежке, потому приходилось идти на партизанский, зашифрованный вариант выезда в Москву. Он вечером прилетал, ночью работал, а утром улетал, чтобы быть на работе как ни в чем не бывало и свежим как огурчик.

До двух часов ночи они монтировали фильм, записывали музыку к нему. Фатей Шипунов был в восторге

от игры Клепалова на балалайке. «Все здорово, замечательно, ваша музыка украсила фильм!».

После записи стали ждать звонка от Бориса Ельцина. Но в четыре часа ночи Шипунов дал отбой, сказал, что баня отменяется, у политика идут политические подковырные схватки. Клепалов не расстроился, наоборот, вздохнул легко, успокоенно, ведь ему нельзя было задерживаться в столице. Он выехал в аэропорт и утром был уже на работе.

Фильм «Святая Волга» получился сильным, убедительным, злободневным. Неизвестно, насколько он повлиял на решение правительственных чиновников, отменивших решение строить гидроузел и водохранилище, но зритель был благодарен авторам. Клепалов был рад, что его музыка прозвучала в столь важном фильме.

В следующий приезд в Москву он начал писать музыку к фильму «Босиком по траве».

По ходу работы Клепалову позвонила Татьяна Петрова. Кто мог знать, что этот звонок станет судьбоносным для Васильева и Петровой?!

Клепалов долго разъяснял певице, где находится и чем занимается. У певицы в это время шла репетиция, и она хотела пригласить его на нее. Но Клепалов не мог оставить запись на киностудии, деликатно начал отбиваться от настойчивых просьб и приглашений. Васильев, услышав напряжение в разговоре коллеги, спросил у него, кто звонит.

«Певица Татьяна Петрова зовет на репетицию», – ответил он. Васильев неожиданно проявил интерес: «А пригласи-ка ее завтра к нам на студию, пусть она в фильме споет. А о чем она поет?». Клепалов похвалы-

но отозвался: «Она поет фольклор, народные песни. И замечательно поет! У нас завтра репетиция, я ей скажу о твоём предложении. Мы с ней приедем, и ты помотришь, как она поет».

На следующий день именитые гости приехали на киностудию имени Горького. Клепалов представил режиссеру Татьяну Петрову. Васильев как увидел ее, так и обомлел. Она сразила его красотой и улыбкой – всем нежным обликом. Клепалов сразу заметил, что с ним произошло что-то невероятное. Он уехал, оставив их одних.

Петрова а капелла пела свои, а также русские народные песни. Хорошо пела. Режиссеру пришлось разрывать договор с предыдущим композитором и певцом. Его объяснение звучало категорично: «Мне никого не надо, у меня есть Клепалов и Петрова, все!».

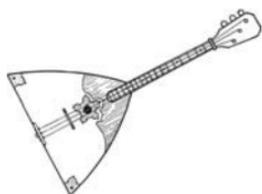
Две песни Татьяны Петровой легли в основу фильма «Босиком по траве».

Спустя неделю, режиссер набросился на Клепалова, приехавшего на киностудию: «Ты кого мне привел?!». Смущенный музыкант ответил: «Певицу, замечательную певицу!». Тот продолжил выплескивать эмоции и чувства: «Она до того замечательная, до того красивая! Она напоминает мне мою первую жену!». Клепалов подумал про себя: «Елки зеленые, он же влюбился в нее до потери пульса!». Так и вышло.

Он был кинорежиссером, и предложил Татьяне снять документальный фильм о её творчестве. Одна из съемок проходила на малой родине Татьяны Петровой в деревне Кукушкино Свердловской области. Клепалов ездил туда вместе с ними. У него вызывало смех то,

как местные жители шутливо отзывались о своей деревне: «Деревня Кукушкино – станция «Не зевай»». Васильев снимал родителей Петровой. Так как те были в разводе, то вначале он снимал отца певицы, а потом мать. Оказалось, певица из семьи шахтеров. Любовь к народной песне она обязана бабушке Анне, которая жила в деревне Лягушино. Жители ее по сей день помнят, как Анна долгими вечерами пела народные песни и знала их множество.

В детстве Татьяна Петрова много времени проводила за чтением книг, за рукодельем. А в 15 лет стала петь в Уральском хоре – уроки бабушки взяли свое. Жизнь пошла в сугубо творческом направлении. Вместе с концертной бригадой и русской народной песней поехала она по родимой России-матушке.

ВЛАДИМИРСКИЙ ГОВОРОК СОЛОУХИНА

В те дни москвичи, кажется, засыпали и просыпались с именем писателя Владимира Солоухина на устах. Его книги «Владимирские проселки», «Письма из русского музея», «Черные доски» зачитывались до дыр и передавались из рук в руки. В кругу друзей Юрия Клепалова то и дело возникали вопросы: «А ты читал у Солоухина про...?», «Что ты думаешь о предложении Солоухина...?». Чтобы быть в курсе обсуждаемых тем, ему пришлось искать книги писателя и читать. Постоянные переезды, концерты, записи на студии отнимали все свободное время. Читать приходилось урывками. Но он знал, что Солоухин жил борьбой за возрождение обезлюдевшей среднерусской деревни и памятников истории и культуры, выступал против поворота северных рек на юг, против равнодушного отношения к труду.

Не знал Клепалов одного: что в эти дни ему выпадет счастье не только встретиться с прославленным писателем, но и побеседовать с ним.

Он получил приглашение от Татьяны Петровой на день рождения. Но по обстоятельствам, не зависящим от него, приехать к ней смог лишь на следующий день.

Петрова жила тогда на Ленинском проспекте. Он пришел к ней со словами извинений и подарками.

«Садись сразу за стол, – сказала радостная Татьяна. – Еще вчерашние закуски с дня рождения остались!».

Только приступили к трапезе и пошел разговор о совместных проектах, как раздался стук в дверь. Татьяна пошла открывать, и вскоре Клепалов услышал торжественный, басистый голос: «Ну что, Танюша, здравствуй, я на недоедки пришел. Вчера мы с тобой погуляли, а сегодня надо все, что не доели, съесть». В зал вошел... Владимир Алексеевич Солоухин. У Клепалова при виде его сердце учащенно забилось. Надо же, на днях с друзьями обсуждали темы, затронутые в статьях писателя о необходимости сохранения и защиты русской природы, духовного богатства народа, а сегодня он с ним вот так запросто встретился!

Татьяна представила Клепалова: «Вот это – наш замечательный балалаечник Юрий Михайлович!».

Солоухин оглядел его сверху вниз и как-то глубокомысленно произнес: «О-о-о, хорошо, балалайка – истинно русский инструмент!».

Они уселись за стол. Писатель без лишних слов принялся за еду. А у Клепалова аппетит пропал, у него в душе в этот момент боролись два чувства. С одной стороны, ему хотелось расспросить писателя о возникших при чтении книги «Письма из русского музея» вопросах, но он боялся вступить в разговор. С другой стороны, он настолько уважал и почитал Солоухина, понимал, какой большой человек сидит перед ним, что едва сдерживал себя от желания сыграть ему любимые народные мелодии.

Стеснительный характер Клепалова не позволил заговорить о наболевшем. Недавно на киностудии он слышал, с каким вдохновением и азартом один режиссер го-

ворил другому о том, как благодаря книге Солоухина он поехал в Ленинград, в Русский музей, чтобы посмотреть три картины великого художника Нестерова – «Пустынный», «Портрет дочери», «Великий постриг». Ради трех холстов помчался в другой город! И там, стоя возле них в грустном раздумчивом настроении, он, как и Солоухин, восхищался талантом Нестерова, его неповторимым видением мира, тем, как личные переживания художника не только не снижали реалистической конкретности в изображении исторических сюжетов, а наоборот, прибавляли им индивидуальной точности. Случился и небольшой скандал в ходе беседы. Подошедший помощник режиссера вдруг пожурил писателя за то, что тот зачем-то обратил внимание на Русский музей, а не на Эрмитаж и даже не на французский Лувр, да и к чему петь дифирамбы устаревшим художникам, когда есть более талантливые и современные Кандинские и Малевичи?! Сердитая реплика режиссера остановила дискуссию: «Неужели нам, русским, даже непозволительно писать не только о русских музеях, но и русских художниках Васнецовых и Нестеровых?! Можно нам любить и беречь тех, кто дорог нашему сердцу!?!».

У Клепалова было желание продлить эту острую дискуссию с самим Солоухиным, раз уж судьба усадила их за один стол. Но и тут стеснительность помешала. К тому же при первой встрече особо и не развернешься на обсуждение откровенных тем. Зато Петрова мучила Солоухина своими переживаниями и впечатлениями о состоянии дел в культуре. Она с трудом давала концерты, которые возвращали в культуру в первозданном виде те шедевры русских песен, которые успели покалечить

советско-перестроечное время и шоу-бизнес. Солоухин поддерживал искренние переживания певицы, похожие на исповедь, ведь ему было знакомо состояние русской песни и ее исполнителей. Не раз ему приходилось выступать в защиту народной песенной культуры, причем, опираясь на опыт великого певца Митрофана Пятницкого, которому удалось собрать крестьян из дальних сел Рязанской, Воронежской и других губерний в один знаменитый хор. И сам Пятницкий блеснул явлением миру русской песни, блеснул уникальными народными голосами «поющей России».

Клепалов попал под обаяние речи писателя. В который раз он распереживался от того, что с ним не было его любимой разговорчивой балалайки.

Часа через полтора Солоухин проявил интерес к Клепалову и его творческим достижениям. Видимо, от Петровой он уже слышал о его существовании. Познания истории опалы балалайки у Солоухина были настолько глубоки, что Клепалов боялся вставить слово в разговор. Писатель не только знал, как трудно приживалась и стала исконно русским инструментом «дощечка с тремя струнами», но и цитировал указ царя Алексея Михайловича, который велел сжечь не по нраву оказавшиеся ему инструменты: «А где объявятся домры, то велеть вынимать и, изломав те бесовские игры, велеть сжечь». Откуда у русских правителей была такая ненависть к народным инструментам и народной культуре, писатель не стал раскрывать. Но то, что она отдаляла самодержцев от народа и усугубляла пропасть в отношении и понимании друг друга, эту горькую правду он знал. И о том, что народ русский не отрывался от корней народ-

ной культуры и, перебирая в горе и в радости струны, продлевал жизнь балалайке и домре, свидетельствовали и другие его рассказы. Оказывается, премудрости игры на балалайке были знакомы и сыну царя Николая II.

– Юрий Михайлович, а ты бы добавил к рассказу Солоухина, как Сталин относился к балалайке, – подсказал я Клепалову, прослушав его воспоминания о первой встрече с Солоухиным.

– Мне не известно об этом.

– Я сам случайно узнал о той истории. На одном из заседаний политбюро, где обсуждались кандидаты на вручение Сталинской премии, один из заседателей выступил против присуждения премии за игру на балалайке Павлу Нечепоренко. Аргумент был прост: это принизит значимость премии. Тут не смолчал композитор Тихон Хренников, рассказавший Сталину и его партийцам, как к писателю Льву Толстому приезжали в Ясную поляну балалаечники Андреев и Трояновский. Они играли для него, а русский гений рыдал от услышанной музыки. Сталину ничего не оставалось делать, как обрывисто сказать о премии балалаечнику Нечепоренко: «Дадим!». И премия была вручена.

– Какое же впечатление у тебя осталось от беседы с Солоухиным?

– Впечатление было неотразимо восторженное.

– Чем же он тебя расположил?

– Солоухин понравился мне как человек, как русский человек. От него исходили уверенность, надежность, богатая сила. Обычно в кино видишь такие сильные личности. Его речь настолько музыкальна, щедра по тембру, по красоте своей. Запомнился его владимир-

ский говорок, с «оканьем». Мы с ним про балалайку говорили, а казалось, что про всю трагическую историю России. Об одном тогда пожалел, что не сыграл ему на балалайке, ну и, конечно, о том, что мало читал его стихи и повести... Когда после той встречи я ездил в Москву, то не раз слышал про Солоухина, видел его на творческих вечерах, то с гордостью говорил себе и друзьям: а я с ним лично беседовал! Помню слова Патриарха всея Руси Алексия II, сказанные им в храме Христа Спасителя у гроба Солоухина: «Владимир Алексеевич первым начал духовное возрождение нашей жизни, первым пробудил в нас национальное самосознание».

– Слово «первым» отвечает правде. Оно не случайно в речи патриарха, так как Солоухин был не одним из первых, кто обратил русское общество к историческим и православным корням, но и первым, кто выступил за восстановление разрушенного коммунистами Храма Спасителя. Мне тоже посчастливилось и общаться с Солоухиным, и биться с ним против строительства у него на малой родине вредного химического производства. Так случилось, что мне и в организации его похорон пришлось принимать непосредственное участие. Солоухина не любили ни коммунисты, ни демократы. Пришлось, подключая коллегу по Госдуме, бывшего председателя советского правительства Николая Рыжкова, выбивать и предоставлять от Думы автобусы, чтобы родственников и тело усопшего отвезли на родину в Алепино. На могиле разместили и тот фотопортрет Солоухина, который я сделал при встрече с ним в Госдуме. То был и остался – великий сын земли Русской!

В те минуты разговора о балалайке, о ее историческом и судьбоносном значении Клепалов на всю жизнь сделал отметину, что только воистину русский человек может понять и прочувствовать величие и красоту балалайки.

Перед уходом Солоухин сказал по-простому: «Ну, Танюшка, до свидания, я откушал, пора домой, время и поработать...». Конечно, он ее любил как прекрасную русскую певицу с редким и уникальным голосом. И потому не смог удержаться от просьбы спеть ему на прощание.

Она ему спела народную песню, и он, счастливый, собрался уходить. Клепалов в третий раз пожалел, что у него не было балалайки. В коридоре Солоухин наставнически сказал: «Танечка, русская песня – это великая песня! Ты служишь великой России! О тебе уже наши писатели пишут. И правильно пишут. Не сворачивай никогда с избранного русского пути!».

За Солоухиным хлопнула дверь. Сердце Клепалова в который раз вздрогнуло. Когда ему еще повезет побеседовать с великим писателем, понимающим балалайку сердцем и душой?! А про упомянутых писателей, которые выступили в поддержку таланта Татьяны Петровой, он знал. Владимир Крупин, автор известной повести «Живая вода», так отозвался в печати: «Татьяна Петрова появилась в России в тяжелейшие времена не случайно. Она пришла как надежда на утешение в бедах, как упрек русским мужчинам в том, что они плохо и мало бьются за Родину. Татьяна поет, как поют в церкви, поет как женщина, любящая безответно и прощающая, и даже благодарная за неразделенную любовь. Ее душа

настолько сливается с голосом, что понимаешь: вот отчего лучшие в мире женские голоса – это русские. Россия, милая наша Россия, ты слышишь, поет твоя любимая дочь...».

Жаль, по телевидению, на главной смотровой площадке страны, не видно и не слышно голоса Татьяны Петровой, потому и народ наш лишен этого открытия и душевной радости. Услышал певицу могучий русский литературный критик, самый почитаемый в интеллигентских кругах столицы, Вадим Кожинов. Он написал: «Сейчас часто говорят: исполнитель русских песен. И действительно, подавляющее большинство тех, кто выступает с русскими песнями, именно исполнители, а не певцы. То есть они исполняют нечто чужое им, далекое, и поэтому получается пение музейное или даже пародийное. А Татьяна Петрова действительно певица, и для меня она стоит в одном ряду с Надеждой Плевицкой, Лидией Руслановой... Когда она поет песни народные, давние, вековые – они звучат совершенно современно, а когда она поет песни, созданные современниками, – они становятся в этот ряд, то есть присоединяются к той великой культуре».

Суждено было и самому Солоухину поделиться в печати своими впечатлениями от превосходного пения Татьяны Петровой, которое навсегда покорило его сердце. Он писал, представляя жителям страны первый диск певицы: «Чистота, искренность, задушевность, подлинность нередко уходят из современного искусства. Русскую народную песню широко пропагандируют и популяризуют, но, к сожалению, ее круг сузился до нескольких десятков вместо сотен и тысяч. Рядом

с нами нераскрытое богатство народной музыки, искусства, красоты. Татьяна Петрова, молодая певица с очаровательным теплым голосом, вводит нас в необъятный мир русской песни, открывает нам ее великолепные неизвестные или забытые образы».

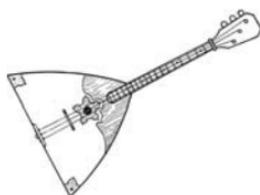
Клепалову отрадно было слышать от писателя Солоухина добрые, похвальные слова в адрес Петровой. Они все-таки вместе не только записывали народные песни на студии, но и выезжали с концертами. Она была на десять лет моложе его. Ей 29 лет исполнилось, когда он с ней на конкурсе в Ленинграде выступал. То был Всесоюзный конкурс исполнителей – в 1979 году. Клепалов играл с ансамблем. Они обозначены были в программе, как жанр народных инструментов, и шли как инструменталисты. А Татьяна Петрова выступала, недавно закончив Гнесинку, как солистка вокального жанра. Тогда они еще не знали друг друга. Когда им обоим посчастливилось стать дипломантами Всероссийского конкурса, Клепалова заинтересовало, какая русская певица в редком жанре взяла первое место. Тут впервые и услышал имя Татьяны Петровой. Ансамбль Клепалова занял третье место.

...Вслед за Солоухиным квартиру Петровой покинул и Клепалов. Но, в отличие от писателя, он много раз сюда возвращался. И в эту квартиру, и в другую – на улице Горького, куда она переехала, поселившись с большой собакой на шестом этаже. Татьяна приглашала его, чтобы он поиграл на балалайке и чтобы послушал ее песни.

А с Солоухиным судьба Клепалова еще свела, и он имел возможность вновь тесно и душевно пообщаться

с ним. Это было в Доме кино на выставке известного кинооператора, друга Шукшина, фотомастера Анатолия. Там шла и распродажа книг Солоухина. И еще на этом творческом вечере выступала Татьяна Петрова. Спеть ее попросил Солоухин.

Она пела под аккомпанемент Клепалова. Тот играл на балалайке захватывающе, с достоинством и глубокой верой в будущее народной культуры. Зрители были покорены проникновенной теплотой и чистотой голоса балалайки, богатством ее музыкальных красок. Солоухин подошел к Клепалову, обнял его, похлопал по спине и крепко поцеловал. И едва Владимир Алексеевич успел сказать несколько добрых слов в адрес балалайки, едва успел подарить Клепалову свою новую книгу «Соленое озеро», как другие участники выставки оттеснили, окружили его – всем хотелось пообщаться с Солоухиным. У него был непререкаемый авторитет в стране. Впрочем, то было золотое время как для Солоухина, Распутина, Белова, так и для Петровой, Клепалова... Время, дхнувшее свежим ветром перемен.

ПРАВОСЛАВНЫЕ, ВСТАНЬТЕ С КОЛЕН!

Малоизвестный поэт Владимир Волков написал стихи, ставшие песней. И эта песня подымала не только народный дух, но и всю трудовую страну на борьбу с несправедливостью, она так напугала власть предрержащих в Кремле, что за ее исполнение следовали опала, месть и расправа.

Татьяна Петрова принесла эти стихи Юрию Клепалову. Робко предложила: «Юра, посмотри, как они тебе?! Может, из них песня выйдет?». Он прочитал: «Ну-ка, матушка, встань с колен...», и у него аж сердце зашло от тревоги и боли за Россию. Без сомнения, песня выйдет, и она рано или поздно войдет в душу каждого русского человека, наполнит ее святым беспокойством, заставит двигаться к нравственным и духовным вершинам.

В клубе, где Клепалов работал, стоял рояль. Завороженный духоподъемностью стихотворения, он сразу, не откладывая, сел сочинять. Голос рояля устал раньше, чем композитор. Но мелодия родилась. Песня вышла боевой, торжественной, зовущей и к очищению, покаянию, и к решительному действию...

Клепалов вручил песню Татьяне Петровой. Она быстро выучила ноты, и, распевая ее в присутствии ком-

позитора, то и дело приговаривала: «Замечательная песня!». Следующим человеком, кто услышал ее, стал автор стихов Владимир Волков. И хотя у него был свой вариант мелодии, песня ему понравилась, и он дал добро на ее исполнение.

Первыми слушателями стали жители далекого города Сургута. Клепалов и Петрова прилетели туда по приглашению директора тепловой электростанции. Концерт проходил тепло и взволнованно, чувствовалось радушие зрителей, их понимание значения русской народной песни. Но когда прозвучала песня «Православные», с народом произошло что-то невероятное – зал встрепенулся, ожил, загудел. Клепалов испугался, что от всплеска эмоций и оваций рухнет крыша. Было понятно, что это песня масштабного звучания.

Татьяна Петрова включила ее в свой обязательный репертуар. А выбор репертуара был для нее принципиально важным делом. Она наполняла его из разнообразной, неисчерпаемой песенной сокровищницы России. Зрители ощущали гармоничное слияние творческого самовыражения певицы и самобытной исполнительской традиции. Как и «Православные», другие песни также глубоко национальны, духоподъемны и возвышенны.

С каждым новым концертом росло народное признание Петровой как высокопрофессиональной русской певицы. В зарубежной печати ее стали называть «серебряный голос России». Не скупилась на похвалу и отечественные писатели. Правда, давать заслуженные оценки ее неординарному таланту приходилось не с экранов телевидения и со страниц газет, завоеванных либералами и русофобами, а лишь на публичных высту-

плениях. Например, Юрий Лощиц, видя, как Петрова выступала в охваченной войной Сербии, сказал, что гастролы ее там были бы равносильны вводу двух российских дивизий. Солдаты и офицеры называли ее мужественной и смелой женщиной, потому что она не раз была вместе с ними в Афганистане и Чечне. У нее есть боевые ордена и медали.

Любовь к песням предков, высокую духовность и подлинность чувств несла Татьяна Петрова по всем доступным ей уголкам страны. После участия в Уральском русском народном хоре, в фольклорном ансамбле Дмитрия Покровского у нее был и успешный первый сольный концерт в Центральном Доме работников искусств. Оттуда потекли по стране творческие стежки-дорожки. В восстановленном Доме-музее писателя-славянофила Сергея Аксакова она пела для уфимских детей, а потом, вечерами, – для старушек из соседней деревни Зубово, заставляя плакать восьмидесятилетних песенниц. Пела она и митрополиту Петербургскому и Ладожскому, владыке Иоанну. Он тоже пребывал в радости, и дал ей завещание на всю жизнь: «Ты должна не тешить, а утешать людей». Пела и в Риге по приглашению Русской партии. Там открыто и грубо попирают права русских, но на концерт пришли даже латыши, которые давно, видимо, соскучились по подлинно русской песне и теперь вновь проникались ее величием.

Свою русскую творческую миссию Татьяна Петрова, будучи глубоко православным человеком, видела в том, чтобы не только словом, но и делом помогать возрождению культурного и духовного наследия предков. Все средства, собранные от серии ее Монастырских вече-

ров, например, в Свято-Даниловом монастыре, шли то в фонд Кирилло-Белозерского монастыря на Вологодчине, то в Борисоглебский женский монастырь под Звенигородом, основанный Евдокией Мещерской, теткой поэта Федора Тютчева.

24 мая 1991 года в Смоленске проходили Дни Славянской письменности и культуры. То был год выборов Президента страны. Но приглашение Татьяне Петровой пришло не из администрации президента, а из Союза писателей России. В город, кроме писателей со всей страны, приехали еще и кандидаты в президенты, к примеру, Жириновский, а с ними и журналисты Гостелерадио. Ельцин не приехал, прислал помощника.

Когда на концерте прозвучала песня «Православные» со словами «Ну-ка, матушка, встань с колен...», зал взорвался овациями, криками «браво», «Россия, вперед!». В славе купались и те, кто аккомпанировал ей, – пианист Геннадий Ехлаков и балалаечник Юрий Клепалов. Но если концертмейстера Ехлакова, который занимался с Петровой еще и по вокалу, мало кто знал, то имя Клепалова уже разносила народная молва. Они оба – Петрова и Клепалов, два гиганта русской культуры, вмиг стали знаменем патриотического движения.

Валентин Распутин отметил значительный творческий вклад Татьяны Петровой в сохранение, распространение и привнесение в жизнь современного звучания народной песни, а также русских традиций сольного пения различных регионов России. Он писал: «Уже сама природа наделила Татьяну Петрову двумя замечательными дарами – русской красотой и поющим самоцветным голосом. Самой природой ей был заповедан

репертуар – русская песня и романс от древности до наших дней. Другой песне душа не ответила бы с таким простодушием, радостью и искренностью... Чтобы стать Татьяной Петровой, которой мы сегодня восхищаемся со сцены, нужна была огромная работа, но благодаря ей произошло полное и счастливое слияние в одно целое таланта, внешности и духовности».

С той же большой душевной теплотой и искренностью Распутин воспел и талант Юрия Клепалова. Услышав, как он играет на балалайке сочинения, написанные по мотивам стихотворений Ивана Бунина, он в предисловии к его альбому нот начертал, как на божественных скрижалях: «Бунина под балалайку? Первое впечатление: это какое-то «переодевание», ряженость, нарочитое и неоправданное снижение высокородности и величавости на простонародную ступень. Да, Бунина – под балалайку. И философские, и интимные стихи его, всегда точной, филигранной отделки, чуть «застегнутые», замкнутые в себе, на стук читателя к ним словно бы прежде изучающие, а достоин ли этот читатель общения, – бунинские стихи, «озвученные» композитором Юрием Клепаловым и в его же виртуозном сопровождении под балалайку – да как еще звучат, как много нам говорят! Все в них – внимание к Бунину, все родственно и созвучно ему. Все – Бунин, но окрыленный, раскрытый, полнозвучный».

После триумфального возвращения Клепалова и Петровой из Смоленска, интерес к творчеству этих двух опытных закаленных борцов за русскую народную культуру, двух «самоцветных голосов России», рос как на дрожжах. Приглашения посыпались из Новосибирска,

Омска, Кузбасса, Красноярска. Ей приходилось петь в промерзших клубах знакомые народу песни – «Пойду, млада, за водой», «Уральскую лирическую», «Колыбельную», «Куковала кукушечка». Этот репертуар был подобран самым серьезным образом, подмечая обостренным духовным зрением болевые проблемы времени.

Знаменитый скульптор Вячеслав Клыков, оказавшийся на концерте Татьяны Петровой в зале имени П.И. Чайковского, так отозвался о нем в своем последнем интервью журналистам: «Когда слушаешь Татьяну Петрову, ты уверен: живет Россия. На концертах Татьяны Петровой живые души прозревают. И если бы звучала народная музыка чаще, если бы было больше концертов в самых престижных залах, молодежь пела бы народные песни. Сколько бы людей очнулось!».

Клепалов не успел прийти в себя, приехав из Смоленска, как в его квартире раздался телефонный звонок. Геннадий Ехлаков озадачил его новым предложением: «Юра, у нас с тобой будет репетиция во Дворце съездов. Таня Петрова будет петь песню «Православные», а нам нужно аккомпанировать!».

Предложение это очень обрадовало музыканта. «Здорово, что нас приглашают на главную концертную площадку страны, – подумал он. – Наша песня там зазвучит еще более широко!».

Концерт готовился под предвыборную президентскую компанию Ельцина. Этому политику хотелось показать свою близость к народу. Песня «Православные» как раз для этого подходила, ибо имела в народе оглушительный успех.

Они пришли на репетицию. Клепалов с восторгом посмотрел на тех, кто уже сделал пробные выступления, – это хор Минина, великий композитор современности Александра Пахмутова, оркестр народных инструментов имени Осипова. И только Клепалов и Ехлаков отыграли, а Петрова спела песню, как по залу неожиданно для всех забежали собаки. Волкодавы шныряли из угла в угол. Клепалов спросил появившегося офицера: «А чего собаки-то здесь делают?». Испуганная Татьяна Петрова тоже заметила: «Я люблю собак, но это такие волчары, с такими лапами и мордами... Только от одного их взгляда – перепугаешься. Как они могли здесь появиться?». Офицеру пришлось объяснить: «Сейчас здесь будет репетировать свое выступление Борис Николаевич Ельцин. Он должен на инаугурации клятву дать».

Концерт во Дворце съездов состоялся 11 июля. На сцене, как и планировалось, выступили выдающиеся артисты и коллективы – хор Пятницкого, хор Минина, а после под аккомпанемент балалаечника Клепалова и пианиста Ехлакова прозвучала песня «Православные»...

Татьяна пела эту песню в полной тишине. Продлилась застывшая тишина и после того, как стихли последние звуки песни. Минута-другая и огромный зал взорвался оглушительными аплодисментами...

За кулисами к Татьяне Петровой подошла Александра Николаевна Пахмутова. Не сдержав эмоций, она сказала: «Какая замечательная песня! Как спела ее ты! Молодец!». Весь остаток вечера восторженные слушатели не давали Петровой прохода. Она купалась в славе. Небольшой несправедливостью было лишь то,

что в стороночке от певицы и окружившей ее толпы стояли Клепалов и Ехлаков. Но так бывает часто: шум славы окружает того, кто заметнее.

Отголоски памятного и зрелищного концерта прокатились по всей Москве. Писатель Анатолий Доронин пригласил после него Клепалова в Моссовет, где у него был друг, депутат Алексей Лущик. И, разговаривая, депутат проинформировал друга: «Вчера была инаугурация Ельцина. На концерте кого только не было, но всех потрясла песня, которую исполнила Татьяна Петрова. Песня называется «Православные». Кто ее сочинил? Откуда она? Говорят, во Дворце съездов народ чуть с ума не сошел!». А Доронин повернул собеседника к Клепалову и сказал: «Вот автор – рядом стоит». Тот посмотрел на музыканта и спросил с удивлением: «Вы – автор?». Клепалов слегка кивнул головой и признался: «Да, я автор музыки». Весь день в Моссовете прошел при неутихаемом восторге политика. Торжественная, патриотическая песня накрепко связала дружбой Клепалова и депутата.

Однако не всем песня пришлась по душе и не всем помогла в дружбе, созидании и объединении. После того, как Ельцин услышал эту песню, она попала под запрет. Стало понятно: Ельцину она была нужна лишь для поднятия имиджа. Хотя Клепалов считает, что песня не понравилась не столько Ельцину, сколько его окружению. Она, по их мнению, потягивает на русофильство. Более того, когда непревзойденный оперный певец Борис Штоколов исполнил ее в Петербурге, ему все гастроли перекрыли. Он от такой опалы страдал.

Привела песня к конфликту и развела по разные стороны концертной деятельности и самих ее исполнителей – Клепалова и Петрову. Банальная размолвка произошла из-за того, что замечательная, талантливая певица забыла, кто написал ноты и музыку к песне и сознательно перестала упоминать на концертах имя автора, имя своего друга, композитора с таким же большим талантом Юрия Клепалова. Его просьба объявлять песню честно, указывая авторов стихов Владимира Волкова и музыки – Юрия Клепалова осталась без внимания. Клепалов прекратил творческие контакты с Петровой. Пострадавшей стороной стали, увы, не они, два крупных и значимых для России подвижника народной культуры, а сама культура и ценящая ее патриотическая общественность. На приглашение председателя Союза писателей России Валерия Ганичева поехать на их очередной пленум и выступить вместе с Петровой от Клепалова был получен отказ. И все-таки в историю навсегда был вписан концерт в кремлевском Дворце съездов, откуда по всей стране разлетелась песня «Православные».

КОМУ ПРОТИВОСТОЯЛ БОРИС ШТОКОЛОВ

Кто бы мог подумать, что сам маршал Победы, маршал Советского Союза Георгий Жуков определит Бориса Штоколова в консерваторию и тот станет великим оперным певцом?!

Кто бы мог подумать, что Борис Штоколов, выступивший на всех известных концертных площадках мира, попадет на Родине в опалу и запрет из-за песни «Православные»?!

Кто бы мог подумать, что судьба выдающегося оперного певца Бориса Штоколова дружески и надолго свяжет его с замечательным балалаечником Юрием Клепаловым, и они вместе исполнят романс «Гори, гори, моя звезда!»?!

История взаимоотношений двух русских подвижников Юрия Клепалова и Бориса Штоколова, посвятивших жизнь оживлению народной культуры, не могла не заинтересовать меня. Не потому, что один – балалаечник, а другой – оперный певец, и вдруг оба пропагандировали одну песню «Православные», а потому, что они оказались в едином строю против попыток вытолкать народную музыку на задворки отечественной культуры и придавить ее тяжелой могильной плитой. Их не устроила политика чиновников от культуры – не допу-

скасть народную музыку до народа, и они окажут сопротивление тому чуждому, что навязывается русскому человеку, и когда они почувствуют, испытают на себе месть и травлю власти, то не испугаются, не отступят, а продолжат борьбу.

– Юрий Михайлович, а когда ты впервые услышал имя Бориса Штоколова? – начал я очередную беседу с главного, как мне казалось, вопроса.

– Я никогда в жизни не думал, что встречу со Штоколовым и буду с ним общаться. От многих людей я знал, что это был талант глубоко народный. Его называли «советским Шаляпиным». Я обожал слушать его романсы. Удивительно, но у нас с ним общая история есть. Ведь Штоколов учился в Уральской консерватории Свердловска, и я учился там. Правда, Штоколов учился раньше, чем я. И было это во времена великого нашего полководца Георгия Жукова, который руководил Уральским военным округом.

– Штоколов не раз признавался, что маршал Жуков сыграл в его судьбе большую роль...

– Мне Штоколов тоже об этом рассказывал. Жуков присутствовал на выпускном вечере авиашколы, где в самодеятельном армейском хоре пел курсант Штоколов. Внимательно и придирчиво прослушав его песни «Дороги» и «Грустные ивы», он после выступления подозвал Штоколова и спросил: «Как тебя зовут?». Тот ответил: «Борис». «А фамилия как?» «Штоколов». И тут маршал произнес сакраментальную фразу: «Товарищ Штоколов, таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь». Через несколько дней в авиационном училище произошел переполох. Командир получил

приказ Жукова: направить Штоколова в Свердловскую консерваторию. Ректором там был композитор Борис Гибалин, создатель песни «Зовёт гора Магнитная». Эта известная уральская песня стала местным гимном. Жуков, оказывается, и дальше похлопотал. После того как комиссия Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени Александрова прослушала Штоколова, хорошо отозвалась о голосе и направила его в консерваторию, маршал позвонил ректору Гибалину: «Я вам посылаю парня молодого, талантливого, нужно его устроить по всем правилам». Штоколову предоставили отдельную комнату в общежитии и работу электриком в театре оперы и балета имени Луначарского.

– Зачем маршалу понадобилось продвигать и устраивать неизвестного парня в консерваторию?

– Надо знать Жукова. Он любил музыку, сам играл на баяне. Образованный человек. Я бы сказал, не только образованный, он был глубоко русский человек. Талант его сказывался не только в игре на баяне, но и в его полководческом деле. Он был стратег, великий полководец, которого Господь подарил нашей русской земле. Для нас всех это просто легендарная личность. И когда Жуков прибыл в Уральский военный округ, то первое, что он сделал, – создал хор, замечательный Уральский хор.

– И опять возникает простой вопрос: а хор-то зачем маршалу? Не его ведь это дело создавать хоры и направлять в консерватории парней, даже если они талантливые. Сегодня вообще не слышно о том, чтобы хоть один прибывший в регион командир дивизии или губернатор создавали народные хоры и стремились бы сохранить наследие народной культуры в «немузейном» виде.

– Так они и на баяне не играют. Им нет дела ни до народной музыки, ни до нравственного воспитания подрастающего поколения. Жуков – иное дело. Он не только создал хор, он его пестовал, поддерживал, потому что понимал: если страна поет, то она здорова. Если солдат поет, то любой враг будет обязательно побежден. Он придирчиво присматривался ко всем исполнителям, особенно к ведущим, и если замечал таких как Штоколов, то оказывал протекцию.

– Штоколов оправдал доверие Жукова?

– Еще как оправдал! Он понимал, что без Жукова не оказался бы студентом консерватории, потому делал блестящие успехи. Стал одним из ведущих студентов-вокалистов. А потом достиг таких высот, что стал надеждой всех оперных театров, буквально все мечтали, чтобы он спел у них. Яркий, сочный голос, глубокий, подкупающий манерой пения. Для нашей среды музыкантов любой его концерт являлся событием, и мы знали, что за ним – будущее, он станет оперным певцом мирового звучания. Кстати, Штоколов и Жуков много раз в жизни встречались, общались. За год до смерти маршала Штоколов был у него, получил в свой адрес теплые благодарственные слова, написанные зелеными чернилами.

– Как сложилась судьба Штоколова после окончания консерватории?

– Он пел в Уральском театре оперы и балета в Свердловске. Дальше были Украина, Москва с Большим театром, потом он переехал в Ленинград, и вся его творческая жизнь прошла в Театре оперы и балета имени Кирова. Здесь совершалось рождение знаменитого шаляпинского баса. И ленинградцы, когда шли в театр,

то так и говорили: «на Штоколова». Его истинно русский голос, как никакой другой, по мнению музыковедов, выражал характер русского народа, его удаль и талант. Только Шаляпину и Штоколову удавалось органично соединить строгий вокальный академизм с ухарской эмоциональностью и искренней задушевностью.

– Больше всего люблю у Штоколова романс «Гори, гори, моя звезда». Это шедевр. Романс пользовался исключительной славой. Меня также потрясают его партии Сусанина, Руслана, Досифея в «Хованщине», князя Гремина. Он был лучшим Борисом Годуновым, бесменным на протяжении десятилетий Мефистофелем. Популярность в народе у него была настолько широка и крепка, что власти позволили ему в 80-е годы исполнить в концерте гимн Российской империи «Боже, Царя храни».

– Мне еще нравится «Ямщик, не гони лошадей».

– Еще великолепно исполнял «Утро туманное», «Хризантемы», «Живет моя отрада», «Полюшко». Но «Гори, гори моя звезда» он пел настолько превосходно... Это был просто шедевр, неподражаемый... Никто не смог близко приблизиться к той манере, как он пел. Там была душа России. Там было все – и величие русской интеллигенции, которая жила до революции, и величие русского духа, который оставил наш великий полководец Жуков. Там все слышалось. Всё. Это и подкупало зрителей. С именем Штоколова олицетворялась вся наша культура. У многих наших молодых певцов было желание подражать и петь как Штоколов. В нем всегда жило высокое чувство любви к Родине. А раз

в нем сидел голос России, то он был, естественно, глубоко патриотичен.

Клепалов рад, что так все сложилось, что судьба свела его с великим Борисом Штоколовым. Произошло это совершенно неожиданно. Виной всему даже не Уральская консерватория, где они вместе учились. Когда Клепалов поступил в консерваторию, имя Штоколова гремело на всю страну. Их пути пересеклись необычным образом. В один из осенних дней директор Штоколова, выражающий его административные интересы, позвонил Клепалову и спросил, может ли Борис Тимофеевич исполнить его песню «Православные», и если может, то прислать бы ему ноты и слова. Оказывается, Штоколов слышал про эту песню много хвалебных отзывов, даже нашел ее в газете «Русский вестник» и захотел сам ее исполнить. Клепалов сказал, что обязательно вышлет ноты и пусть тот с удовольствием поет. И Штоколов эту песню спел. Да как еще! На одном из замечательных столичных мероприятий он спел так здорово, что зал, стоя, аплодировал, пожалуй, больше десяти минут! После этого концерта у великого Штоколова закончились все гастролы, все концерты. Либеральная верхушка власти в Кремле дала команду – не пущать, не поддерживать. Между тем, эту песню не каждый певец может исполнить. Проректор московской консерватории рассказывал Клепалову о неудачных попытках Надежды Бабкиной и Эдуарда Хиля ее спеть. Не получилось. Но дело в другом: ни Бабкину, ни Хиля, ни иную звезду попсы за исполнение песни «Православные» не подвергли опале, как Штоколова. Видимо, власть боялась именно талантливого, пробуждающего русский дух, исполнения.

Первая короткая встреча Клепалова и Штоколова произошла в театре МХАТ имени Горького, руководителем которого была знаменитая артистка Татьяна Доронина. Певец дал сольный концерт, а потом пообщался с патриотической общественностью, которая помогала ему, как в Питере, так и в Москве, преодолеть барьеры мести и опалы чиновников. Тогда Клепалов многое узнал из биографии любимого певца.

Его девизом, оказывается, были слова поэта Некрасова: «Воля и труд человека дивные дивы творят». Пятнадцать лет на сцене Кировского театра с успехом идет опера «Судьба человека». Причиной успеха стала не только героико-романтическая настроенность спектакля, но и тот яркий характер шолоховского героя, который олицетворялся у Штоколова с отцом, погибшим на фронте в 1942 году под Ленинградом. По ложному доносу отец был репрессирован и, добившись освобождения, сразу ушел на фронт... В редкие минуты отдыха Штоколов любил кататься на коньках, бродить по лесу и часами сидеть на берегу речки. Бродя по берегу Финского залива и повторяя про себя стихотворение Есенина «Отговорила роща золотая», он разбудил в себе дар композитора – сочинил музыку к романсу на есенинские строки и стал исполнять его так же успешно, как и другие.

Вторая встреча произошла в Государственной Думе России, где работал родственник певца. И когда Клепалов зашел в ресторан парламента, то увидел за одним из столов Штоколова. Не подойти и не поприветствовать кумира было бы непростительной ошибкой. Поздоровавшись с певцом, Клепалов сказал: «Борис

Тимофеевич, это я, тот музыкант, из-за которого все ваши гастроли закончились...». Штоколов не понял нешуточного раскаяния подошедшего человека и резко заявил: «Какую чушь Вы несете? Как Ваша фамилия?». Клепалов представился. И Штоколов тут же изменился в лице, разулыбался: «А-а-а, Клепалов, это же ты подарил мне песню «Православные»?! Я ее очень люблю!». На воспоминаниях об этой песне они и сошлись.

Штоколов не преминул рассказать-вспомнить, как маршал Жуков направил его своим распоряжением на учебу в консерваторию, как он сегодня мечтает создать свою русскую республику, чтобы там не было людей, которые мешают русскому человеку жить. «Дайте мне свободную, настоящую Русскую республику! – гремел по залу ресторана голос оперного певца с басом Шаляпина. – Я буду там жить!». Клепалов догадался, чем было вызвано желание собеседника создать свой мир, без чужих людей. Он, видимо, до предела испытал на себе тяжесть гонений и опалы чуждых русской культуре чиновников, преследующих и мешающих его творчеству, концертам, гастролям, встречам с людьми.

Штоколов был страшно обижен на эту опальную ситуацию, мешающую общению с народом, и которую сознательно создала ему власть либералов и русофобов. Он старался много ездить по городам России, выступал в Европе, в Прибалтике и повсюду его дружелюбно встречали, но сколько на все это уходило сил и здоровья!

Когда к столу подошла официантка и расставила тарелки с едой, Штоколов посмотрел на своего директора, на Клепалова с сыном Женей и сказал: «Ну что, мы

будем сегодня обедать?». Все дружно взялись за вилки-ложки. Но спустя несколько минут Клепалов подтолкнул Штоколова к продолжению разговора о творчестве: «Борис Тимофеевич, вы говорите, у вас какая-то школа своя есть?!». Тот ответил: «Да, у меня есть школа, называется – «Открытая глотка». Так пошутил.

Штоколов рассказал Клепалову, как ему удалось сформировать собственную методику обучения вокалу, как голос должен звучать. Подробно о ней он написал в своей книге «Гори, гори, моя звезда» с подзаголовком «Как надо петь». Вот только передавать свои знания ученикам ему приходилось не в консерватории, а дома. В комнате у певца для ребятишек была нарисована специальная схема гортани. Они учились у Штоколова правильно ставить дыхание, с помощью нужных упражнений делать из глотки рупор как у Шаляпина.

– А почему он преподавал ученикам дома, а не в консерватории? – переполненный гневом за опалу великого оперного певца, вписанного золотыми буквами в реестр великих русских басов, я прервал рассказ Клепалова.

– Такая антинародная, да и антирусская нечисть пришла к власти в России. Все знали, что Штоколов – Шаляпин советских времен. Его голос узнавали мгновенно в любой аудитории. Все знали, что он – ярчайший артист в плеяде русских басов, один из титанов в истории оперного театра двадцатого века. Но именно эта власть вынудила его уйти из консерватории. Он не только преподавал на дому, но и сдавал свою квартиру в знаменитом «номенклатурном» доме, где жил, к примеру, великий русский пианист и тоже гонимый властью Андрей Петров, сдавал внаем, чтобы заработать на пропитание.

Сам же жил на окраине Санкт-Петербурга. Сын Штоколова, окончивший дирижерский факультет и тоже оставшийся без работы, подрабатывал извозом.

– Я не от одного депутата Государственной Думы слышал, что власть окружила блокадой Штоколова не столько за песню «Православные», сколько за то, что он был на президентских выборах доверенным лицом Зюганова.

– И то, и другое повлияло. Он тоже так считал. Зюганов ему помогал. Я помню тот концерт, когда Штоколов в Питере исполнил песню «Православные», а Зюганов его обнял, и тут пошли гонения. Он не случайно примкнул к Зюганову... А где искать опору? У либералов, у космополитов? Это хоть какая-то опора была! Штоколов очень сильно страдал от того, что был не востребова- ван. У него была такая слава! Он весь мир объездил, а тут какие-то временщики и лилипуты во власти объявляют бойкот. Согласись, это преступление власти против всей русской культуры, а не только против Штоколова или Пахмутовой. Кстати, когда я ехал с Пахмутовой в машине по сибирской земле, она призналась в том, что чиновники уничтожают нашу национальную культуру.

– Да, это преступление. Я выступал в Думе в защиту Штоколова. Ругал и после его кончины тех, кто знал о блокаде и говорил о ней, но ничего не делал для ее прорыва. Помню, как телевидение взорвалось критикой: мол, почему Штоколов оказался в опале? А я вопрошал: а вы разве не знали, что его убрали с телеэкранов по политическим соображениям?!

В подтверждении сказанного я вынул из папки стенограмму Государственной Думы России и зачитал фрагмент своего выступления перед коллегами-депутатами:

«На этой неделе Россия простилась со своим великим сыном певцом Борисом Штоколовым. Все телеканалы были опечалены тем, что в последние десять лет он был изгоем в стране, не допускался на телевидение, со стороны государства никакой поддержки не имел. В этой ситуации я вспоминаю слова Есенина «В своей стране я словно иностранец», потому что огромное количество людей, служащих культуре и искусству, и писатели В.Г. Распутин, и В.И. Белов, и скульпторы наши, например, В. Клыков, и художники, – все они изгои в нашей стране. Пришло время узнать, как у нас будет выстраиваться государственная политика по развитию культуры, по поддержке национальной элиты. С тем, чтобы не дешевая, вульгарная эстрада царствовала на телевидении, а те люди, которые достойны этого».

Клепалов достал копию статьи из «Российской газеты», опубликованной 16 марта 2002 года, и в продолжение разговора о травле певца зачитал мне слова признаний об этом самого Штоколова. За три года до неожиданной кончины он заявил журналистам:

«Увы, мой голос, который, кстати, звучит не хуже, чем прежде, оказался сегодня не востребовавшимся – сольных концертов практически нет, а для меня пение – смысл жизни. Но я не бездельничаю, много времени ушло на запись лазерного диска, в нем 20 произведений, столь любимых моими слушателями: «Малиновый звон», «Живет моя отрада», «Полюшко», «Ямщик, не гони лошадей». Однако тираж пока не напечатан: о причине догадаться нетрудно. Нынешняя жизнь для меня неимоверно сложна: на настоящее искусство денег нынче не дает никто. Смотрите, кто только не выпускает сейчас

лазерные диски, а у меня с одним-единственным – проблема. Я пою классику, великие русские романсы, но оплатить оркестр для записи даже одного диска – просто невысказано! Поэтому я записывался лишь с баянистом и пианистом, которые, поверьте, не получили ни копейки! Забвение для артиста – самое страшное, тем более, когда у тебя еще столько сил...».

Еще смелее и откровеннее Штоколов был с журналистом газеты «Завтра». Вместе с Клепаловым я прочел несколько абзацев беседы и понял, почему власть не могла остановиться в своей травле артиста, пусть и всемирно известного: он был не просто патриотом своей земли, но и воителем, борцом с несправедливостью и чужебесием власти.

Штоколов на все вопросы отвечал откровенно и без страха иудейского:

«Хотят превратить нас в быдло, в рабсилу для будущих оккупантов. А молодежь едет на Запад, хотя там не получается и трети причитающегося заработка. Но едут. Западный мир страшен, и молодежь абсолютно не знает этого. За тридцать лет я не раз объехал земной шар, повидал хваленый западный мир. Это жуткий, ужасный мир. И рвутся туда потому, что здесь, у нас, вообще ничего не осталось. И ничего не платят».

«Должен заметить, что я, пожалуй, являюсь первым, и возможно, пока единственным учеником Карузо и придаю большое значение процессу становления мастерства певца, пытаюсь теперь и сам рассказать об этом в написанной мною книге «Гори, гори, моя звезда», в которой основной акцент делаю на проблеме «как надо петь» – это, в сущности, второе название

моей книги. Нынче же хочу создать свою студию, и все деньги, которые я зарабатываю, намерен вкладывать в аппаратуру, чтобы было хорошее качество звука. Я не хочу записываться, делая из Окуджавы Шаляпина, а из меня – Окуджаву».

Газета «Советская Россия» 17 января 1995 года опубликовала куда более смелую и боевитую беседу с Борисом Штоколовым под названием «Какими мы стали Иванами?». О мужестве певца говорит каждая фраза. Но меня больше всего поразила мысль Штоколова о незаметной прививке космополитизма нашему народу.

«Что же произошло с народом? Мы стали Иванами, не помнящими родства. Мы не хотим знать своей истории, своих предков. Принимаем все в том варианте, как преподносят нам радио и телевидение. Известно, если человеку долго внушать, что он свинья, то он захрюкает. Через эстраду, телевидение нашу культуру пытаются американизировать, на что находятся средства. Но я-то поездил по заграницам и знаю, с каким уважением, с какой завистью говорили о нас за рубежом: вы первые в мире по количеству библиотечных залов и оперных театров, ваши симфонические оркестры и ведущие певцы на уровне мировых фигур и коллективов... Да, еще совсем недавно мы имели великое искусство, и оно в прямом смысле служило народу.

...Эти космополиты напрасно думают, что найдут на Западе счастье и уважение. Ни Рахманинов, ни Шаляпин не приняли Запад, и он их до конца не понял. Секрет в том, что истинно русский человек живет не только ради сытости и достатка, но есть у него и другая жизнь – души и сердца. «Цивилизованному» Западу

этого не понять... Преобладающее большинство у нас в культуре и политике – приспособленцы. Особенно актерская среда, певцы. Ловят каждый взгляд сильных мира сего, ждут подачки с царского стола. Предают свой нищий народ, который, в свою очередь, тоже теряет чувство гордости, самоуважения, коллективизма. Ну вот, может быть, писатели Василий Белов или Валентин Распутин честны перед совестью и народом».

– Юрий Михайлович, а в ваших беседах Борис Штоколов рассказывал о том, о чем ни одна газета не писала? – задал я вопрос, полагая, что он каверзный и будет вновь касаться безнравственной и губительной политики.

– О чем мы только ни говорили! Обо всем трудно вспомнить. В одном разговоре речь, например, зашла о талантливом певце Юрии Гуляеве.

– Интересно...

– Штоколов рассказывал, как он жил в общежитии. Жил достойно. К нему никого не подсеяли. Жуков велел никого не подсеять. За все добро, оказанное ему Жуковым, Штоколов приглашал его на все свои концерты в Свердловске... Однажды Штоколов приходит в общежитие, смотрит, а в его комнате стоит дополнительная кровать. Что за чертовщина? Кто такую наглость имел? Смотрит – на кровати сидит мальчишка-пацан. Штоколов подумал: «Еще не хватало мальчишки в комнате?! Мало того, что кровать поставили, так еще и незнакомца привели!». Конечно, все в общежитии знали, что это комната Штоколова, потому никто не мог без его разрешения заняться подселением. Следовало идти к ректору с жалобой, и тот все бы исправил.

Штоколов сурово посмотрел на подселенца, а тот сидит так испуганно, руки сжал, коленки сжал, голову склонил. И Штоколову вдруг стало не по себе, жалость откуда ни возмись проснулась. А пацан так сидит, зажался, поглядывает на него молящими глазами. Тут Штоколов спрашивает: «Ну, и кто ты такой? Рассказывай. Как тебя зовут?». Мальчишка начинает отвечать: «Меня зовут Юра, фамилия – Гуляев». «Юрка Гуляев, значит?», – переспросил Штоколов. «Да, Юрка Гуляев». «Ну ладно, смотрю, ты парень хороший, живи со мной», – Штоколов смирил свой пыл.

– Чем же Гуляев ему понравился?

– Не знаю. Скромностью поразил. Когда Штоколов уходил из консерватории, то сказал Гуляеву: «Ладно, живи и дальше, не забывай меня». А от ректора консерватории потребовал, чтобы комната осталась за Гуляевым и к нему никого не подселяли: иначе, мол, разговор будет тяжелый. Он ушел, закончив консерваторию, а Гуляев года три-четыре так и жил один в комнате.

– Они, кажется, всю жизнь были друзьями?

– Судьба не раз сводила их после окончания консерватории. Мне было приятно, что два русских человека умели дружить и поддерживать друг друга. Дружба их была крепкой, замешанной на любви к народной культуре. Об этом мне говорил лично Штоколов. А когда на концертах я пересекался и общался с Гуляевым, то же самое слышал и от него. Два великих человека говорили друг о друге с восторгом. Для меня это было потрясением.

Запоминающейся оказалась встреча Юрия Клепалова с Борисом Штоколовым на одном из концертов

у Татьяны Дорониной во МХАТе. Они тогда необычно долго разговаривали и в основном об искусстве. Штоколов говорил о значении голоса, о том, как надо петь, о своей работе над учебным пособием для желающих овладеть тайнами пения... Иногда он вкраплял в разговор фрагменты воспоминаний о службе юнгой на Соловках, о работе электриком на кораблях Балтийского флота. Но больше всего говорил о творчестве: «У меня сейчас голос стал звучать лучше, как никогда!». «А чем это вызвано?» – интересовался Клепалов. И Штоколов откровенно делился: «Что-то во мне такое открылось! Удивительно! Голос стал звучать настолько мощнее, и полётно, и красиво... Я хочу открыть свою школу...».

Клепалов знал, что Штоколов активно занимается педагогикой, работает с детьми. К нему записываются, ходят на консультации... Все то, что он приобрел, что Господь дал, ему хотелось отдать молодежи. И он учил их петь, открывал им тайны искусства пения.

Он не сдавался. И Клепалов, бывая на его концертах, замечал, как у Штоколова необычайно красиво стал звучать голос. Ему показалось, что это было связано с тем, что он освободился от пут, сковывающих его талант, от бед и напастей, которые на него обрушивали власть и пресса. Он раскрывался в своем творчестве все глубже и сильнее.

Для Клепалова в то время главным было подбодрить и внушить любимому певцу его нужность обществу и стране. А Штоколов, чувствуя в Клепалове друга и единомышленника, пересказывал ему свои жизненные истории и перипетии. Они были связаны и с недоброжелателями в театре, которые всегда старались его в чем-

то уколоть, высказать ему критические замечания не по существу... Якобы, у него какая-то странная манера исполнения... Завистники и конкуренты, не заслужившие ни успеха, ни внимания народа, по щепочке разбирали арии Штоколова даже тогда, когда он был в зените славы...

Клепалов чувствовал, как болезненно и обостренно воспринимает Штоколов критику. Он мог посоветовать ему делать то, что делали отдельные неудачники в театре, – изменить репертуар. Некоторые и предлагали другие песни петь. Но Штоколов не пошел на это. Если петь то, что в арсенале пошлой эстрады, то тогда ты не можешь быть «советским Шаляпиным», и это вообще не русская культура. Поэтому Клепалов не давал советов, а подбадривал и благодарил Штоколова за то, что он исполнил его песню «Православные». То был смелый шаг. И Штоколов тем самым открыто показал, что он – русский человек, и будет петь то, к чему душа призывает.

Накрепко, настойчиво, с большой любовью скрепляла дружбу Клепалова и Штоколова народная артистка Советского Союза, главный режиссер МХАТа Татьяна Васильевна Доронина. Она тоже была порождением народной культуры. Как и эти два русских богатыря, являла собой незамутненный и чистый источник вдохновения и творческого озарения. При первой же возможности она звала Клепалова в театр для творческого сотрудничества.

Когда режиссер Антон Васильев готовил в театре к показу спектакль «Высотка», Доронина пригласила Клепалова поучаствовать в нем в роли композитора.

Он должен был озвучить спектакль одной балалайкой. Клепалов согласился, заключил договор. И самая пронзительная сцена в спектакле – когда мать вспоминает своего сына, проявляет к нему любовь – происходит под нежные звуки балалайки. Это было потрясающе! Зрители вытирали слезы от сочувствия, переживаний и красивого образа. Спектакль увидел Штоколов, и после этого он стал чаще бывать у Дорониной на всяких мероприятиях.

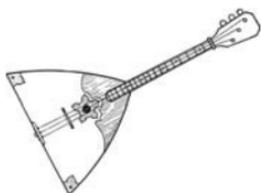
В следующий раз Клепалов со Штоколовым пересеклись в этом же театре, но уже не на спектакле, а на небольшом концерте, после которого у Штоколова появилось желание исполнить романс «Гори, гори моя звезда» под балалайку. Он тут же попросил Клепалова вместе порепетировать. Доронина, наблюдавшая за репетицией, предложила им выступить у нее в театре с этим номером на отдельном концерте. Штоколов согласился. Более того, он заявил, что готов с Клепаловым поучаствовать и в других концертах. Однако репетиции были, а вот сделать концерт не удалось. Сложности упирались в одно: Штоколов жил в Санкт-Петербурге, а Клепалов в Подмосковье. Неблизкие расстояния мешали состыковать удобное для каждого время. К тому же их встречи чаще всего происходили на вокзале. Когда Штоколов выезжал в Москву, то он звонил Клепалову и просил встретить его. Тот вместе с сыном приезжал на вокзал, брал тяжелую сумку и отвозил-сопровождал его до гостиницы. Такие бытовые встречи его также радовали, как и беседы в театре.

Романс «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Клепалова и Штоколова был записан у Татьяны Дорони-

ной. Жаль, что репетиция была мимолетным событием. Видимо, потому запись и не сохранилась. Клепалов по сей день переживает, что постеснялся и не забрал кассету сразу.

Но в душе Клепалов радовался тому, что Штоколов спел его песню «Православные». Это чувство сопричастности к великому искусству оперного гения и есть самое близкое и родное, что может быть. К счастью, запись этой песни у него сохранилась. Есть у него и запись романса Штоколова на стихи Ивана Бунина, и совместная фотография с ним. Компакт диск «Сириус» он хранит в домашнем архиве как зеницу ока.

Штоколов на всю жизнь остался для Клепалова недосягаемой звездой – звездой русского накала, русского уровня, русского неба.

ЛИРИЧЕСКИЙ БАРИТОН ГУЛЯЕВА

Для одних россиян имя композитора и певца Юрия Гуляева запомнилось благодаря его авторской песне «Желаю Вам», для других – пахмутовской песней «Знаете, каким он парнем был», для третьих – есенинской песней «Над окошком месяц».

Юрию Клепалову Гуляев запомнился тем, что песню «Желаю Вам» он исполнил ему первому.

Прежде чем кем-то стать, а тем более известным музыкантом, нужно много учиться. Гуляев закончил музыкальную школу по классу баян, вокальный факультет Уральской консерватории имени М. Мусоргского. Вначале работал на Украине солистом Государственного русского театра оперы и балета в Донецке, затем солистом Киевского театра оперы и балета имени Т. Шевченко, а вершиной творческих достижений стало покорение Большого театра в Москве, где он исполнял отдельные партии. Добрую славу принесли ему партии Онегина в опере Чайковского «Евгений Онегин», Валентина в опере «Фауст», графа Ди Луна в опере «Трубадур», Жермона в опере «Травиата», Фигаро в опере «Севильский цирюльник». Однако большую популярность, всеобщую народную любовь принесло ему сотрудничество с композитором А. Пахмутовой и поэтом

Н. Добронравовым, когда появился в его исполнении музыкально-вокальный цикл песен «Созвездие Гагарина». Критики взахлеб писали и отмечали его несравненный лирический баритон. Зрители восхищались внешним обликом певца – его мужественными и в то же время мягкими чертами лица. Это восхищение обернулось тем, что его неподражаемую обаятельную улыбку тотчас окрестили гагаринской. А композитор Пахмутова признавалась коллегам, что «женщины любили Гуляева до слез», зная о приходивших ему домой мешках писем от поклонниц.

Будучи талантливым композитором, Гуляев написал музыку к 40 романсам и песням. Одна из наиболее известных – «Желаю Вам» на стихи поэта Роберта Рождественского. Хотя зрители при его появлении на сцене часто просили исполнить и другие шедевры, исполняемые им удачно, – песни «Русское поле», «На безымянной высоте», «Песня о тревожной молодости», «Вдоль по Питерской», «Из-за острова на стрежень».

Знакомство двух Юриев – Клепалова и Гуляева – произошло в Уральской консерватории во время учебы Клепалова

В консерватории тогда в зените славы был оркестр русских народных инструментов, которым руководил Евгений Григорьевич Блинов. Кроме того, что он был народным артистом, отдающим свой талант и свое сердце русской самобытной народной культуре, он являлся и непосредственным педагогом Клепалова. Чтобы ученики прониклись особым чувством к выбору своей профессии, чтобы почувствовали очарование звуков их инструментов, слышали мелодии русских народных

песен, Блинов приглашал на занятия и концерты именитых композиторов. Он говорил ученикам, что если они будут чутки и внимательны к народной музыке, то сумеют ощутить душу народа.

Работая в Киеве много лет, Блинов знал всех известных композиторов и певцов, общался с ними, налаживал контакт, ездил за границу. И когда он приехал на Урал, то стал приглашать их, чтобы они пели вместе с его оркестром. Таким образом он воспитывал учащихся консерватории. А приезжали к нему и народный артист Советского Союза Борис Гмыря, и потрясающий певец Анатолий Соловьяненко. И как-то приехал Юрий Гуляев, работающий тогда в Киевском театре оперы и балета имени Т. Шевченко.

После одного из концертов, проходивших в Доме офицеров в Свердловске, Юрий Гуляев задержался. Оркестр отыграл и разошелся по домам. Намеревался уйти и балалаечник Клепалов. Но произошло невероятное, какие-то неведомые силы заставили его пройтись по Дому офицеров. То ли любопытство распирало молодого музыканта, то ли в его душе продолжали звучать знакомые мелодии и мягкий, глубокий и объемный голос приехавшего из Украины известного певца.

Клепалов проходил по коридору и вдруг услышал звуки рояля. Завернув за сцену, он увидел Гуляева. Тот одиноко сидел в закутке и что-то наигрывал на большом рояле. Увидев Клепалова, подозвал его: «Ну-ка, иди ко мне!». Клепалов робко подошел. «Как тебя зовут?». «Юрий». «Садись Юрий, я тебе песню спою, я ее сам сочинил». Клепалов осмелел, отозвался: «Да хорошо, давайте, я послушаю с удовольствием!». Гуляев пробе-

жал пальцами по клавишам рояля и сказал: «Песня называется «Желаю Вам!». Сегодня я только для тебя ее исполню!».

Только он спел первый куплет, как в закуток сбежались люди. Песня всем очень понравилась. В восторге был и Клепалов. Каждое слово в песне было одухотворено мыслью и чувством. С помощью музыки они становились образом, несли поэзию любви с ее неповторимым движением через времена и пространства. Манера его пения подкупала и завораживала.

Последующие их встречи проходили уже под знаком знакомства. Но встречались они в основном на концертах. Между тем, Клепалов мечтал повидаться с Гуляевым в Тюмени, так как тот был родом из этого города. Землякам было о чем поговорить на родной земле. Но судьба дарила им встречи лишь в Москве. Уже после кончины Гуляева, Клепалов выступил за то, чтобы сделать в Тюмени конкурс-фестиваль имени Гуляева. И ему удалось провести там первый конкурс. Потом он стал международным.

– Я помню, конкурс ярко вспыхнул и так же мгновенно затух, – вывожу я Клепалова на откровенный разговор. – Почему он так быстро затерялся?

– Понятно, но так случилось. Много факторов повлияло.

– Гуляев не только наш земляк, это великий певец, и для нас роднее его не может быть ничего.

– Его плотный гастрольный график. Перегрузки. Тяжелая форма астмы. Еще выпивал, понятное дело, стали причиной его ухода...

– У него что – слабый характер?

– Мне трудно сказать, слабый характер всему виной или что-то иное.

У него сын есть. Юрий его любил, назвал своим именем. Очень умный парень. Кандидат философских наук, преподаватель факультета педагогического образования МГУ.

– Не подвел великого отца?!

– То, что Гуляев-старший – великий, это однозначно. Мне не раз хотелось расшифровать вот этот его замечательный красивый тембр, который сводил с ума миллионы людей, и это мне было не под силу. Только на одном концерте, когда мы вместе играли, я понял, что в его тембре есть не то что нота грусти, а какая-то сердечная боль, и она перекадывалась на его семью, а, в частности, на его сына. Да, сын у него родился не очень здоровым, но он его горячо любил и такой невероятной нежной любовью! Слава Богу, Юрий Юрьевич, не подвел отца, оправдал его надежды и заботу. Но вот эта боль о сыне, то, что он все время о нем думал, она отразилась в его голосе, в его тембре. И если внимательно его слушать, то можно в голосе уловить тонкую пронзительную сердечную краску. Этот оттенок украшает голос, он становится еще глубже, ярче по красоте и по тембру. Заметил я и другое. Когда Гуляев поет, то он как бы общается со слушателем, не говорит о том, что у него трагедия, болит сердце, он советует ему, что не надо вот так страдать, а надо принимать все как есть, даже если боль остается. И боль становится доминантой и происходит очищение. И чистота голоса, чистота тембра – очищает нас всех. И песня «Каким он парнем был» – он ее не только

о Гагарине пел, но и о своем сыне – какой замечательный парень у него!

– Конечно, боль отца не может не сказаться на творчестве...

– Про сына он мне не говорил. Это только со слов жены, что муж страдал. Но ты прав: на творчестве все это сказалось... Редкий был голос. Волнительный, запоминающийся. Сердцевиной стали переживания за сына.

Бывает как: вот вышел певец на сцену, благо, голос ему дал Господь, и он поет хорошо, но за сердце не берет... А Гуляев самобытностью брал. Она усиливала эффект пения. Порой слушатель это не замечает, но он чувствует это душой, и это потрясает.

– А ты сына знал?

– Мы виделись на концертах, я играл, он слушал, аплодировал. Больше приходилось общаться с Гуляевым и его женой Ларисой Михайловной.

– О чем говорили?

– Гуляев на сцене практически ни с кем не разговаривал. Он был строг по отношению к себе. Переживал, что на концертах народной культуры мало молодежи. Ему хотелось пробиться к ней, поскольку ни по радио, ни по телевидению не проафишируют ни подлинно русскую песню, ни народные инструменты. Жанр народной культуры там давно не присутствует. Музыкальным мусором он называл «рок», «попсу» и прочий зарождающийся шоу-бизнес в эстраде, который в свою очередь к народным инструментам относился, как к ширпотребу, ко второму сорту. В стране набирал силу андеграунд, а там свои кланы и свои зоны влияния,

поддержки. И мало кого во власти интересовало, что народная музыка, фольклор – основа любого национального искусства, загонять его в резервацию – значит, потерять народ и страну.

– Через твою жизнь прошли два великих гения, два великих голоса – Штоколов и Гуляев. Их уже нет. О них никто не говорит, не пишет, они как бы растворились, ушли навсегда и в небытие... Как ты с этим живешь? И как с этим можно жить? Я живу, например, с тревогой, потому что, если их нет, то нет и народной культуры, а какой народ может быть без своей национальной культуры?! Они же были носителями народной культуры, они влияли, воспитали огромное количество музыкантов, они насытили русскую культуру тем профессионализмом, талантом, которые и дальше питали и питали таланты... И вдруг все это обрушено. Подобных Штоколову и Гуляеву, по-моему, уже нет. Как с этим жить? Как ты воспринимаешь, что их нет? Да, они у тебя в душе живут, но их нет там – в консерваториях, на эстраде, на афишах, на телевидении. У молодежи другие воспитатели – не народная музыка, а рэп, поп-музыка, рейв, драйв. Если Гуляева на первом курсе подсадили к Штоколову, то сегодня подселенцами могут быть Бори Моисеевы и Шафутинские...

– Как человек, я страдаю, и еще как страдаю! Это мой мир, это то творчество, что делает меня человеком. Когда лишаешься общения с такими великими композиторами и певцами, которые наполняли твою генную память, то ты становишься беднее. Самое интересное, что в каждом человеке существует, грубо говоря, некая кубышка, и эта кубышка есть генная память, так вот все

мельчайшие встречи с творцами и деятелями культуры откладываются в ней для будущих поколений. Это та передача знаний и идей, которая нужна людям. Рано или поздно генная память даст о себе знать. В человеке откроется Божий дар, откроется через тебя, через твоих детей. Может, через несколько поколений. Почему бывает так, что талант проявляется в третьем поколении или в четвертом?! Оказывается, все великое, что он подарил другим, он взял еще от предыдущего поколения! В моем понимании, генная память передается, она должна передаваться.

– Не передается. Выйди на улицу, спроси у молодых людей, кто такие Штоколов и Гуляев и окажется, что девяносто процентов их не знают, а может, и все сто. Если на один правильный ответ нарвешься – радуйся. Но разве это правильно?

– Нет, так не должно быть. Мои размышления лежат в другой плоскости. Человек на девяносто процентов живет бытовыми интересами и запросами. И лишь десять процентов, на мой взгляд, остается, чтобы вот эту генную память сохранить. Десять процентов, а может, и пять. В каких-то ключевых моментах жизни генная память всплывает и дает результат! Это бывает в разных поколениях и при разных обстоятельствах. Случись война, и тут все мгновенно становятся патриотами! Не все, конечно, поднимаются на защиту Родины, но лучшая часть народа – это точно. Им подсказывает память – надо действовать, надо спасать... Говорю грубовато, но так потому, что я сталкиваюсь с детьми. И когда они слышат балалайку, то, что она несет геном русского духа, – я это вижу. Я чувствую, что они прекрасно понимают народ-

ную культуру. Более того, когда я с ними занимаюсь, то они еще больше раскрываются, они мне одно предлагают сыграть, второе, третье... У них фантазия! Это главное! Вот для чего существуют Штоколов и Гуляев, и все наши великие певцы. То, что их в наше время никто не вспоминает, плохо. Но только дай музыку оркестра народных инструментов послушать, дай послушать голос Гуляева или Штоколова, уверяю, все проснется, все придет в движение. Народная культура – это наша духовная защита. Я знаю по себе: как бы нас не уничтожали, как бы не шлифовали народную музыку, как бы детей не закатывали под бульдозер пошлой и бездарной эстрады, как бы не уродовали детей авангардом и массовой культурой, все равно очищение происходит. Кто-то может выбраться из пут губительной массовой культуры, кто-то – нет, но само ядро нации выстоит, возродится. И эта часть нации, которая хранит в себе генную память, она идет в будущее. Почему Россия несколько ужасных войн выиграла, перенесла революцию, которая перемолотила русских белых и красных, и все равно выжила и живет по сей день?! Да за счет народной памяти, за счет веры предков и, прежде всего, за счет народной культуры.

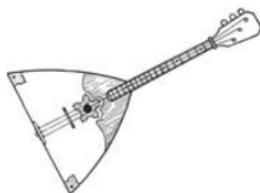
В который раз я отказался философствовать и спорить с Клепаловым. К чему заниматься бесполезным занятием?! У меня была встреча в одном из ярославских университетов, на которой я поставил кассету с музыкой моего любимого балалаечника Юрия Клепалова, и я видел, что многие студенты действительно прислушались, ожили, вспомнили, кто они есть и кем были их предки, и долго потом благодарили меня, выпрашивали кассету в подарок. Есть за позицией и подвижническим трудом

Клепалова правда, неудобная и трудная, но есть – надо сделать все возможное и невозможное, чтобы сквозь русофобию, космополитизм и идолопоклонничество перед западными ценностями нести своему народу музыку и песни их дедов и прадедов. Виновата, конечно, власть – губит на корню народную культуру, шельмует, не дает развиваться, но мы-то зачем живем, мы-то чего ленимся и боимся?! Клепалов же не боится, ездит по стране и миру и весело, азартно играет на балалайке!

Когда в Москве отмечался посмертный 75-летний юбилей Юрия Гуляева, то жена его пригласила на концерт Юрия Клепалова. Последние годы он общался с Ларисой Михайловной, помогал ей в увековечивании памяти легендарного певца. А тут такая необычная просьба – исполнить на балалайке народную песню «Вдоль по Питерской». Клепалов знал, что она была любимой у Гуляева, он ее понимал, ценил и так проникновенно пел своим масштабным голосом, что дрожь пробегала по телу. Да и он сам виртуозно владел фортепьяно, играл просто исключительно. Эта песня однажды произвела на Клепалова такое впечатление, что он хотел записать ее, сохранить для себя, но под рукой не оказалось магнитофона. Лариса Михайловна продолжала настойчиво просить Клепалова, чтобы он сыграл «Вдоль по Питерской». Клепалов возражал: «Это же вокальная вещь! Как я могу заменить Юрия Гуляева, этого великого человека, на балалайке?!». Но она не принимала отказов, умоляла: «Юрий Михайлович, вы можете, можете, сделайте что-нибудь! Он так любил эту песню!». И Клепалов сделал обработку и сыграл ее.

Когда-то он играл «Вдоль по Питерской» вместе с Гуляевым. Теперь в память о нем сыграл вместе с сыном Евгением на юбилейном концерте.

За кулисами их ждала композитор Александра Пахмутова. У нее был следующий выход. Она подошла к Клепалову, тепло обняла его и с теплой улыбкой сказала: «Юра, как здорово вы сыграли!..». После такой замечательной встречи и неожиданных добрых слов великого композитора он смог лишь тихо благодарственно произнести: «У хороших людей хорошие отзывы, впечатления. Сюда к Гуляеву такие и пришли».

РУССКАЯ МУЗЫКА ПОКОРЯЕТ ЯПОНИЮ

Этикетка на ботинках гласила: сделано в Японии. Клепалов прочел эти мистические слова и его словно током шархнуло: из каких далеких и неведомых краев дошла до него эта обувь! Он только что купил в тюменском магазине красивые блестящие ботинки, они были кожаные, светло-коричневого тона, и выглядели потрясающе. Полчаса ушло на любование ими. В душе свербила мысль, что наконец-то к нему, простому музыканту, пришло счастье, привалило счастье, что он купил ботинки неопишуемой красоты. Придя домой, он сразу надел их и стал ходить взад-вперед по комнате. Жена, глядя на неожиданного модника, пошутила, что теперь никуда с ним гулять не пойдет, девки, мол, перехватят.

Клепалов также отшучивался, но обновку не снимал, чувствовал, как они хороши, как душа лежит к этим ботинкам. Кажется, ничего в них нет особого, но снимать не хочется. Мысли о них так и рвались наружу: какая культура, как сделаны, целовать да целовать эти ботинки, такая радость от них! Тут жена не выдержала и говорит: «Ты что – девка, туфлями-то любишься?». А Клепалову и говорить в оправдание ничего не хочется. Он жил в рабочем поселке на Уралмаше, жил в таких местах, где подобных ботинок и на фотографиях никто не видел.

А он взял и купил их. В общем, у него был такой сладостный день, а затем и второй день, что он подумал: а кто и вправду изготовил ботинки? Прочел заново: «Made in Japan».

Он не понимал, каким образом ботинки из Японии попали в Тюмень и достались не кому-нибудь, а именно ему. Лишь спустя время он начал осознавать, что то был сигнал ему – Страна восходящего солнца ждет его в гости. Попасть за границу, конечно, редко кому из музыкантов выпадало, то был исключительный случай. И он подумывал об этом лишь тогда, когда надевал ботинки. Они, правда, немного жали. Но он терпел: это Япония, это счастье! Пусть вещь малозначительная, но она так может волновать человека! Высочайшая культура иностранных обувщиков надолго потрясла Клепалова. Ему никогда не доводилось видеть красивых мужских ботинок.

История со счастливой покупкой начала немножко забываться. Но благодаря привлекательной обуви Япония стала для Клепалова не просто Страной восходящего солнца, а и загадочной страной.

Он играл в ансамбле русских народных инструментов, когда из ЦК ВЛКСМ в 80-м году пришла в Тюмень разрядка: собрать творческую группу для поездки в Японию. Поскольку балалаечник Клепалов, как и его коллеги из ансамбля, были комсомольцы ударные, отзывчивые на разные молодежные субботники и концерты, то все были откомандированы за границу. Клепалова включили в делегацию еще и потому, что его очень любили в обкоме комсомола, и он был президентом областного общества Советско-болгарской дружбы.

Дорога до Японии оказалась долгой. Почти неделю они ехали на поезде до Находки. Затем пересели на пароход «Феликс Дзержинский», наполовину забитый туристами, наполовину ими, музыкантами, выделялась там еще и команда спортсменов. Пароход шел в том месте, где погиб легендарный «Варяг». Моряки при подходе к знаменитому острову, где в 1905 году проходило неравное сражение русских с японцами, вышли на палубу, бросили в глубокие воды океана большие красочные венки. Вместе с ними помянули русских героев и музыканты.

Клепалов ни разу в жизни не плавал ни в Тихом океане, ни в Японском море. Выходил на палубу, стоял у мачты... Сначала его укачивало, потом он как-то привык, закалился.

Круиз совершался вокруг Японии. Пароход останавливался почти в каждом городе, и там ансамбль давал концерт. Первым был Нагасаки. В этот город с трагической судьбой музыканты приехали вечером. После концерта их посадили в автобусы и отвезли в большой ресторан. Там Клепалов испытал второй шок. Первый, как известно, был от покупки японской обуви. А здесь его потряс стол, на котором чего только не было – и фрукты, и рыба, и крабы, и овощи, и многочисленные десерты. Клепалов, как и его друзья-музыканты ничего подобного не видели. Навалились на угощение и все съели.

На следующий день они пошли на памятное место города Нагасаки, туда, где в позе лотоса стоит Будда и держит пагоду, указывая на то, что здесь взорвалась атомная бомба. Американские варвары сперва уничтожили

Хиросиму, а потом и Нагасаки. Осмотр исторического места произвел ужасное впечатление.

Клепалов ходил по храмам и музеям с грустным чувством. На его настроение меньшее влияние оказывали размеры храма в Осаке, хотя в нем было чему удивляться, – очень высокий, метров 70 в высоту. Больше поражала трагедия города Хиросимы, которую хранил местный музей. В нем были собраны все свидетельства взрыва американской атомной бомбы. Таких музеев он не видел никогда – музей погибших от ядерного удара. Тяжело было на это смотреть.

Настроение не улучшилось и когда музыканты, побывав в Хиросиме и Осаке, прибыли в Токио. Там их встречали две группы. Одна, стоя с баннерами «Добро пожаловать!», пела советские песни. Другая группа пылала ненавистью и скандировала: «Вон из Афганистана!», «Вон из Японии!». Клепалов догадался: раз наша страна воюет в Афганистане и весь мир ополчился на нас – отсюда и митинги японцев. Местные газеты и телевидение начали атаковать Советский Союз, а музыканты из Тюмени оказались крайними, пострадали от молодых налетчиков. Успокоился Клепалов лишь тогда, когда случайно увидел, что обе группы – и та, что пела, и та, что орала-протестовала – мирно сидели и обедали в ресторане. Стало ясно: оба мероприятия хорошо оплачены.

И тем не менее, музыкантов в Токио приняли хорошо. К ним пришли чиновники из спортивного комитета Японии. Все они являлись членами Общества японо-советской дружбы. Среди них был хороший паренек-переводчик, который обслуживал всю советскую деле-

гацию, его звали Кити. Многие над ним подшучивали, не воспринимали всерьез, потому что он был нежный, утонченный и говорил, будто являлся не мальчиком, а девочкой. И взгляд его был таким изучающим, пожирающим, будто смотрел сквозь человека.

После одного из концертов, когда переводчик услышал, как Клепалов играет на балалайке, он будто приклеился к нему. И как-то спросил: «Юра-сан, можно я с вами постоянно буду?». Клепалов похлопал его по плечу: давай, мы, мол, русские люди – добрые, общительные! Прижал его к себе для пущей убедительности как сына. После этого Кити глядел на Клепалова с особым уважением и ловил каждое слово.

– Видимо, твоя игра на балалайке сразила его наповал, – предположил я, пытаюсь разгадать привязанность молодого японца к нему.

– Кити признался: «Я учусь на филологическом факультете, изучаю русский язык. Мне бы хотелось узнать ваши пословицы, поговорки, сказки». Я тогда подумал: я же не филолог, как я с ним буду общаться? Попробовал отказаться, а он упрямо затвердил: «Можно я спрошу тебя, мне бы хотелось знать, что такое серьги?». Я объяснил, что у нас, мол, женщины их носят. «А-а-а, хорошо, Юра-сан! – заулыбался Кити. – А вот у вас говорят в народе про какого-то ерша...». «У нас есть рыба ерш, мы его ловим, уху варим!» – стал объяснять я. А он не соглашается: «Нет, это какой-то напиток». Я был парень веселый, потому, известное дело, признался, что, мол, есть такой замечательный напиток. Кити обрадовано спросил: «А можно мне его попробовать?». Я говорю: «Это не желательно, конечно. Потому что мне

жалко твое здоровье». Он стал настаивать: «Я все-таки учусь, изучаю русскую литературу, русские пословицы, мне надо это знать». Пришлось пообещать...

– Неужели ты его напоил «ершом»?

– Помогли наши спортсмены. Была акция, связанная с политикой, о которой я узнал лишь в Японии. Мы должны были встретиться с японскими спортсменами в их спорткомитете. Они же отказались ехать на Олимпиаду в знак протеста против нашего ввода войск в Афганистан. Отказались, поддержали санкции. Мы должны были каким-то психологическим образом повлиять на них. Может, как-то уговорить, может, уболтать?! Для этого у нас с одной стороны была культурная группа, с другой – спортивная.

– И причем тут «ерш» и спортсмены?

– Они как-то все время меня поддерживали. А тут услышали мой разговор с японцем и решили помочь. Один подходит ко мне и говорит: «Мы сейчас все устроим. У нас водочка есть. Нам сейчас положено по полтора литра на каждого спортсмена в течение всей поездки. Поделится, раз такое дело! А пиво у них у самих есть. Какие проблемы?!». Я соглашаюсь: «Ладно, сегодня вечером собираемся и делаем дегустацию ерша».

– Рисковые же вы ребята...

– Я предупредил Кити, что это тяжелый случай. Он спокойно мне возразил: «Ну и что, мы ядерный взрыв пережили, и это как-нибудь переживем». Я удивился: «Ух ты, молодец, хорошо по-русски мыслишь и говоришь». Он отвечает в том же духе, мило и душевно: «А как же, я учу русский». Мне ничего не оставалось делать, как тяжело вздохнуть и вымолвить: «Госпо-

ди, какой ты наивный!». Хотя он может и не был таким наивным, как мне казалось. В общем, мы собрали стол, спортсмены организовали стаканчики, поставили пиво... Один из наших спортсменов начал учтиво объяснять Кити: «Значит так, уважаемый японский переводчик Кити! Делаем таким образом: берем стакан...». Кити повторяет за ним: «Да, берем стакан!». Тот продолжает: «Конечно, стакан. Наливаем туда водку». Он переспрашивает: «Что такое водка?». Спортсмены хором загалдели: «Это наш национальный напиток, как у вас сакэ, так у нас водка». Он задает вопрос: «А что дальше?». И получает ответ: «А дальше, как в знак нашей дружбы с Японией, наливаем ваше пиво в стакан с водкой». У Кити рот открывается от удивления: «И это зовется ерш?». Спортсмен согласно кивает: «А как ты думал?! Как выпьешь, так сразу ершистым становишься. Сразу из тебя глупость выйдет, что-то плохое выскочит, и ты будешь чистым и аккуратным мальчиком».

– И тут ты вмешался, остановил ребят и не дал переводчику выпить «ерша»?!

– Мужики подхихикивают. А я держу марку, чтобы, значит, не выдать их. Меня тоже распирает от смеха. Поставили мы ему стакан и говорим: «Ну, а теперь пробуй!». Он спрашивает: «А как попробовать?». Спортсмен подсказывает: «Взял и выпил залпом, до конца. У нас по-русски до конца пьют. Хочешь по-русски?». Кити ответил смело: «Конечно!». Спортсмен подбадривает: «Ну, давай, пей! Только не останавливайся». Он взял и стал пить, пил не спеша и все выпил. Тут я поинтересовался у него: «Все нормально?». Он сказал: «Нормаль-

но». Я спросил: «А еще надо?». Он отозвался «Еще...». Я подумал: вот наглость такая, у нас и так водки мало. Спортсмен махнул рукой: «Да ладно, не жалко, мы ему сейчас еще полстакашка нальем». Я осторожно говорю: «Мужики, это может для него плохо кончиться». «Мы немножко нальем, да пива побольше добавим», – сказали они. Разбавили ему водку пивом. Тот опять до конца выпил. Спрашиваю уже построже: «Ну как теперь?» Он так весело на меня поглядел и говорит: «Вкусно!». Я не мог не засмеяться. Глядеть на него – как он с чистым сердцем все воспринимает – было и смешно, и весело. Кити чисто так, по-русски, взял и опрокинул стакан без лишних слов. Я его как-то даже зауважал. Мне показалось, что он стал мне еще ближе. Говорю ему: «Все, Кити, я тебе больше не наливаю!». «Почему?» спрашивает он. «Потому что потом плохо будет!». Он переспрашивает: «А как это плохо будет?». Пришлось не разъяснять, а скомандовать: «Ты сиди, а мы за твое здоровье выпьем. Ты должен почувствовать, что это не просто отдельный напиток для каждого, а общий напиток. У нас его пьют и здравицы произносят. Спортсмены подняли тост за него. Переводчик их слушает... А я смотрю – у него что-то с глазами начинает твориться... Он странно начал смотреть в разные стороны. Я спрашиваю: «Кити, тебе плохо?» Тот бурчит: «Нет, я пойду». Спрашиваю его: «Куда ты пойдешь, ложись здесь на диване». Было понятно, что «ерш» начинает чесать. Кити твердит свое: «Нет, я пойду». Удерживать его было бесполезно. Он ушел. Ко мне подошел руководитель нашей делегации, стал ругаться: «Вы что с японцем

делаете?!». Вместо меня ответили спортсмены: «Все нормально, хорошо посидели, очухается, еще спасибо скажет».

– Складывается впечатление, что ты вместо того чтобы удивлять японцев игрой на русском народном инструменте, занимался их спаиванием?!

– Нет, мы сидели, разговаривали. Я организовал на пароходе небольшой музыкальный салон, играл на балалайке и японцам, и нашим ребятам. Играл и в тот вечер. Правда, сердце у меня екало от переживаний: а вдруг с Кити что-то случится? Это же международный скандал! Я представил, что приеду в Тюмень и меня засудят, скажут, что отравил японца. И как мы после международного скандала будем налаживать отношения на фоне нашей Олимпиады? Я пошел искать Кити, обошел весь корабль – нигде его нет. Потом смотрю, по лестнице поднимается Кити. Тяжело поднимается, но держится. «Юра-сан, не волнуйся, у меня почему-то в голове спутники летают. Как ерш выпил, так они и полетели». Меня чуть снова смех не разобрал, и я предложил ему остаться у нас до утра, отдохнуть на диване. Но он вызвал такси и уехал домой. Спортсмены хохотали от души, для них эта сценка стала приятным развлечением. Ну, а мы с Кити крепко сдружились.

– Надеюсь, история с «ершом» закончилась благополучно?

– Рано утром слышу, что кто-то стучится в мою каюту. Открываю – стоит матрос, здоровый такой... Спрашиваю его: «Что случилось?». Он отвечает: «Ничего не случилось». Я продолжаю интересоваться: «А чего ты стучишь?». Матрос недоуменно говорит: «Да я

тебе тихонько постучал». Но у меня его стук в ушах стоял, потому поругал: «Таким кулаком можно и двери разломать». Он заявил: «Там какой-то японец к тебе приехал». Я поворчал, все-таки на часах шесть утра, но пошел. Выхожу на палубу корабля, смотрю свысока на пристань, а там стоит маленький Кити, пиджаком машет и кричит: «Юра-сан, спутники сели!». Надо же, подумал я, какой эстет – не поворчал, что башка болит, не выругался, а красиво признался, что спутники летали и вдруг сели... Зову его: «Поднимайся, снова полетим...». Он замотал головой: «Не надо, я уже понял, что такое ерш. Это какой-то космический напиток». Я стою и не знаю – плакать или смеяться. Кити уехал. Как переводчик, он сопровождал нас и дальше, во время всего кризиса. Изучал русский характер в разных ипостасях.

Познать русский характер довелось в тот день и другим японцам. Только Кити уехал, как на пароход пожаловала важная официальная делегация во главе с председателем спорткомитета по спорту Японии. Звали его Муто-сан. Это был невысокий, но рослый, коренастый чиновник. Российские спортсмены провели его делегацию в столовую парохода, где должны были пройти и переговоры, и концерт, и совместный завтрак.

Пламенные речи звучали и с той, и с другой стороны. Японцы оказались очень вежливыми собеседниками. Клепалов в этих переговорах не участвовал, лишь слушал, переживал. До самого концерта оставалось непонятно, будут или нет японские спортсмены участвовать в Олимпиаде в Москве. Слишком запутанными были дипломатические выступления ораторов. Зато когда заиграл ансамбль русских народных инструментов,

всем участникам переговоров все стало ясно: нужно дружить. Музыка имеет свойство объединять всех.

Председатель японского комитета по спорту больше всего проявлял интерес к сольным номерам Клепалова. Как только начинала звучать балалайка, он вставал и внимательно всматривался в инструмент, желая, видимо, понять, каким образом три струны создают такие великолепные мелодии. А когда концерт закончился, он подошел к Клепалову и сказал: «У меня племянник есть, я бы хотел, чтобы вы научили его играть на балалайке». Предложение было необычное, но Клепалов не растерялся, согласился: пусть ученик приходит хоть сегодня, хоть завтра. Договорились, что он придет на следующий день. Интерес японского чиновника Муто к русскому инструменту был вознагражден: Клепалов вручил ему в качестве сувенира балалайку, но не свою, а подарочную.

Во время застолья председатель комитета по спорту, утомившись от тостов за мир и дружбу, опять подошел к Клепалову: «Пойдем, посоревнуемся с тобой. Я хочу узнать, победишь ли ты меня». Клепалов растерялся: «А в чем?». «Вон там столбы стоят, опорные. Я встану к столбу, упрусь руками, а ты сзади будешь меня давить и не сможешь сдвинуть меня с места». Клепалову ничего не оставалось делать, как согласиться, при этом он намекнул японцу, что тот не знает русского балалаечника и сейчас покажет ему, где раки зимуют.

Японец Муто не стал предлагать посоревноваться спортсменам, потому что они ребята здоровые, а музыканта на балалайке, видимо, полагал, легко победить.

Вокруг опорного столба собрался живой круг. Японец встал крепко. Клепалов подошел сзади, навалился, и под громкий счет спортсменов «раз-два-три» японец рухнул. Когда он встал и повернулся, Клепалов увидел у него под глазом фингал. Оказывается, председатель, падая, ударился о стол. «Вам как, плохо?», – перепугался Клепалов. Тот ответил: «Ничего, все нормально, все хорошо». Спортсмены обняли его и под задорный хохот пошли к столам, опять выпили за мир и дружбу, и разошлись.

На следующий день к Клепалову пришел мальчик-племянник. Он умел играть на местных национальных инструментах, на гитаре. Но на одном из концертов услышал балалайку и, пленившись ее мелодиями, захотел ее освоить. И вот дядя помог найти учителя.

Они примостились в просторной каюте, закрыли дверь на ключ. Клепалов рассказал мальчику, как держать балалайку, как работает одна рука и как другая, каким образом извлекаются то нежные, умиротворяющие звуки, а то звонкие, струящиеся. Меньше времени ушло на творческие открытия и уроки, больше на практические занятия. Ученик оказался смышленным, схватывающим все на ходу, с тоненькими, как у девочки, пальцами. Скажет ему Клепалов плотнее прижимать гриф – он сразу делает, как надо.

За каких-то десять-пятнадцать минут мальчик выучил четыре русские песни. Клепалова это поразило. Правда, он уже играл на гитаре русские народные песни «Во саду ли, в огороде», «Во поле березка стояла». И все-таки не каждый за считанные минуты может подобрать на инструменте чужую мелодию, тем более, на балалай-

ке. Клепалов показывал ему прием за приемом, а тот моментально схватывал. Как тут не быть потрясенным, не восхищаться хваткой японцев?! Только им чего-нибудь покажи – и они сразу возьмутся за учебу.

Потом Клепалов дал юному японцу ложки, показал, как на них играть. Озорная, звонкая дробь заполнила каюту. Не прошло и трех минут, как мальчик научился играть на ложках. Чтобы отметить его прилежность и талант, Клепалов подарил ему в качестве сувениров и балалайку, и ложки.

Он сиял от счастья. Взяв балалайку, ложки, прижав их к груди, вышел на палубу. А там дядя Муто идет. Они по-японски о чем-то коротко поговорили, затем повернулись к Клепалову. «Аригато, домо аригато!», – заговорил председатель спорткомитета, что в переводе на русский язык означало «спасибо, большое спасибо». Перед отъездом российской делегации домой, он подарил Клепалову шкатулку с надписью – «Муто. 1980 год».

– Юрий Михайлович, а как ты думаешь, ваша поездка, концерты, неформальное общение с чиновниками комитета по спорту повлияли каким-то образом на решение правительства Японии ехать в Москву на Олимпиаду? – задаю я трудный завершающий вопрос, понимая, что рассказ о поездке в страну восходящего солнца подходит к концу.

– Отчетливо помню тот день – 24 мая. Собирается олимпийский комитет Японии для принятия решения – ехать или не ехать в Москву, участвовать или не участвовать в Олимпиаде. И решение было принято – ехать, но участвовать в Олимпиаде только под белым флагом,

не под японским. Как объяснил нам в кулуарах начальник спорткомитета, американцы заплатили их правительству 900 миллионов долларов за отказ ехать. Участие было допустимо лишь под нейтральным флагом. Как известно, японские спортсмены приехали в Москву и выступали под белым флагом.

– Скажи о своем ощущении от выполненной миссии. Ты повлиял на нее?

– В какой-то степени, да. Мальчик, которого я учил игре на балалайке, естественно, повлиял на своего дядю, да и тот расположился к нам, доверительно общался, выражал слова восхищения. За нами был масштаб народной дипломатии, за ними – то же самое. Они прекрасно понимали, где политика, а где настоящая дружба, культура, спорт. Самое интересное, что на пароходе побывали и министр сельского хозяйства Японии, и наш посол в Японии. У меня с послом состоялась личная беседа. После игры на балалайке он высказал мне много добрых слов и оценок. А я ему на прощание такую пророческую фразу сказал: «Сегодня мы с вами здесь встретились, но где бы вы не были потом, мы вновь к вам приедем!». Он посмеялся. И что на самом деле произошло? Его перевели послом в Норвегию. Через некоторое время и я приплыл в Норвегию на корабле. И когда мы там с ним встретились, узнали друг друга, я ему напомнил: «Вот мы к Вам и приехали!». «Счастливы Вас видеть!» – ответил он. Звали посла Полянский Дмитрий Степанович.

– Чем тебе еще запомнилась Япония?

– Японцы – народ добрый, отзывчивый, а еще трудолюбивый и аккуратный. Когда мы были в Осаке, то попали на мероприятие, связанное с каким-то японским

национальным праздником. Наш ансамбль играл прямо на улице. Рядом с нами хор пел, затем девчата танцевали, местный оркестр играл. Этот совместный концерт был потрясающим событием. Крепкое впечатление я испытал в Токио. Помню, стою я на пирсе, где машины отгружались на теплоходы. Кругом трубы горкой лежат, а горки эти бантиком перевязаны. Металл цветной – и бантиком завязан. Эта картина потрясла. У нас же трубы валяются где попало, надо тебе – бери. Какие там горки с бантиком! А тут эстетика. Смотрю дальше и получаю второе эстетическое удовольствие. Высокий кран берет огромный ящик, поднимает его с земли и ставит на верх корабля. Берет и ставит идеально точно! А с другой стороны посмотрел, как загоняют машины на пароход. Удивительно большая скорость, но точность и порядок опять же покоряют!

– Ты забыл рассказать про переводчика Кити. Как с ним попрощались?

– Кити всегда меня сопровождал. Я ему, видимо, чем-то понравился.

– Виновата опять волшебная балалайка...

– Пришло время нам домой возвращаться. Трогательная вышла сценка. Мы с ним попрощались. Пароход отходит, а он стоит на пирсе и все машет, машет... Потом снимает пиджак и им крутит, крутит... Так и остался в моей памяти Кити с этим пиджаком. Прекрасный человек, удивительный.

25 мая пароход взял курс на родину. За бортом начался шторм. Но Клепалов при виде громадных и сильных волн испытывал не страх, а удивление и радость. Люди

ушли в трюмы. Спортсмены, зеленые, пластами лежали на койках... А он сидел на самом верху, на прогулочной палубе, держался за перила и смотрел на океан. Для удобства наблюдения пододвинул деревянное кресло, сел поудобнее... Волна шла за волной... Он смотрел на их рев и столкновения и хвалил капитана. Волна идет на пароход как гора, а он мастерски между этими горами лавирует... Огромная волна вновь наезжает, а судну хоть бы что. Клепалова сидит мокрый, но не уходит. И только когда к нему пришел помощник капитана и прогнал его, пришлось уйти с палубы. Но на этом история наблюдений за штормом не закончилась. Его подозвал капитан и отчитал: «Ты что, дурила, пошел на палубу? Тебе жить надоело?». Клепалов хотел отшутиться, душа, мол, рвется на волю, что с ней делать?! Но капитан был строг: «Знаем, видали таких, как ты, хорошо, что волна тебя не унесла. Тоже мне, герой с душой!». Отругал он его крепко. Из груди Клепалова аж вырвался вздох сожаления и вины. Он промолвил, словно мальчишка: «Хорошо, я больше не буду!».

Рядом с капитаном стоял еще один мужчина, одетый в строгий темный костюм. Чуть позже Клепалов узнал, что это был сотрудник КГБ. Прослушав тираду музыканта о душе и воле, он попросил его зайти к нему в каюту. На возражения Клепалова, что он мокрый и наглотался морской соли, сурово заявил: «Нет, ты зайди!». Еще раз окинул его пристальным взглядом и ушел.

Клепалов собрался к нему идти, а тут капитан вдруг предложил: «Потом зайдешь, а сейчас давай выпьем. Мне так понравилось, как ты играешь на балалайке,

всю душу перетряхнул. Молодец!»». Он достал бутылку коньяка, нашел граненые стаканы. Клепалов для приличия возразил: «Как можно выпивать, когда за бортом вон что делается?». «Э-э-э, брат, это же море, это корабль, – прогремел в ответ бас капитана. – Раз ты на корабле, то должен научиться в такой ситуации выпивать как мы! Держи стакан!»». Он налил и произнес тост: «Я хочу выпить за тебя, ты молодец, ты мне очень понравился. Как хорошо ты играл на балалайке! За душу берет твоя музыка!»». После третьего тоста они стали друзьями.

В каюте чекиста разговор зашел о таможене. Клепалов, скрывая, что выпил коньяк, сидел молчаливо. Первая его мысль – что раз с ним разговаривают таким суровым тоном, – значит, это серьезный человек. Потом по задаваемым вопросам он догадался, из каких товарищ органов. Раньше на пароходе он видел его, но не знал, кто он, думал, что турист. Ходит мимо, приглядывается, гуляет, будто тень Гамлета...

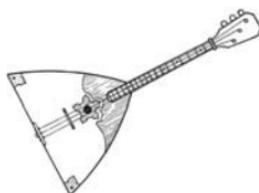
Чекист настойчиво выпытывал: «Я знаю, что ты хороший парень, у меня к тебе претензий нет. Но ты мне скажи, почему на таможене, я обратил внимание, всех наших ребят, кроме тебя, трясли японцы, просматривали вещи, а ты прошел с балалайкой и тебя никто не остановил?!»». Клепалов помнил, что прошел через все технические аппараты и никто не досмотрел ни его балалайку, ни личные вещи. Отдал паспорт, ему поставили штамп, и он спокойно прошел. А вот коллектив оркестра проверяли тщательно. Особо досталось коллеге Геннадию, играющему на флейте. Пока его обыскивали, с него, наверное, сорок потов сошло. Конечно, Клепалов не мог

знать, почему его так осматривали. Как не знал, почему его пропустили без всяких проблем. Подумал: может, балалайка сработала каким-то образом?! Чекист уточнил вопрос: «Объясните, почему вы прошли безо всякого госконтроля?». Клепалов посоветовал за ответом обратиться к японским таможенникам. Но допрашивающий продолжал гнуть свою линию: «Недипломатично обращаться к ним по этому вопросу. Дипломатично с вами разобратся...».

У Клепалова начали трястись коленки, руки. Коньяк весь вышел. Сердце ритмично стучало. Как найти ответ? В чем причина его свободного прохождения через таможню? А чекист все сидит и давит на педаль: давай рассказывай! Вдруг Клепалова осенило. Он достал паспорт заграничный, положил его на стол и сказал: «Знаете что, уважаемый товарищ, почитайте внимательно этот паспорт!». Он отозвался: «А что там такого?». Взял, полистал, ничего особенного не увидел. Клепалов тоже проявил настойчивость: «Вы еще раз внимательно посмотрите». Собеседник возмутился: «Вы за кого меня принимаете?». Грозный такой тон у него вышел. Клепалов смиренно продолжил: «За кого? За человека, который несет ответственность за наше здоровье, за наше пребывание за границей». У чекиста голос подобрел: «Это правильно. Но почему вы просите еще раз посмотреть?». Клепалов протянул паспорт и дал совет: «Будьте внимательны, посмотрите еще раз. Тут написано: Клепалов Юрий Михайлович. Родился такого-то. А дальше прочитайте, где я родился?». Чекист пробежал глазами и прочел вслух: «Сахалинская область, район Южно-Сахалинский». «Это вам чего-то говорит?» –

спросил Клепалов более уверенным голосом. Но ответ опять был неутешительным: «Особо нет. Ну, родился на Сахалине и родился». Тут Клепалов окончательно раскрыл свою версию: «Вы обратите внимание на то, что японцы считают, что кто родился на Южном Сахалине, тот родился на их территории. Потому все люди с этой территории проходят безо всяких проверок!». Это разъяснение чекиста устроило, и он воскликнул: «Ой, я это знаю!».

Он вспомнил, что других пассажиров на пароходе, рожденных на Сахалине, не было, вспомнил и о том, почему японцы постоянно предъявляют претензии к Сахалину. Но тут уже была замешана политика. Молча побранив себя за забывчивость, чекист расстался с Клепаловым тепло и мирно. А тот, уставший и довольный, побрел спать под шум разъяренных волн. Впереди его ждала родная земля.

У ЯПОНЦЕВ ГЛАЗА ГОРЕЛИ

Вдохновителем и организатором второй поездки в Японию выступила народная певица России Татьяна Петрова. В ее творческом распоряжении был замечательный ансамбль под руководством Вячеслава Тетерина. Вместе с ним, а заодно и с талантливым балалаечником Юрием Клепаловым она и отправилась в заграничное турне.

Клепалов только-только трудоустроился в Подмосковье и начинал там приживаться. А тут такое заманчивое предложение – посетить знакомую Страну восходящего солнца! Цель неплохая, практичная – коммерческие концерты, которые организовывала одна из самых крупных японских профсоюзных организаций Миньон. Российская действительность тогда утопала в беззаконии, нищете, коррупции и экономической разрухе. Появилась возможность и подзаработать, и показать свои способности.

В Японии их встретили тепло, достойно. Так же качественно, блестяще были организованы гастроли. Клепалов даже удивился, как всего три человека умело справлялись с огромным количеством аппаратуры, световой и звуковой, шустро доставали ее из автобуса и так же

шустро перевозили. Настолько у них все потрясающе было организовано!

Профсоюзная организация выделила им автобус, и они на нем пустились в поездку по побережью Хоккайдо. Клепалов радовался, что побывал в районах, где обитали простые люди. Жили они довольно скромно, дружелюбно и к гостям из России относились очень хорошо. В знак благодарности за гостеприимство, за то, что японцы угощали их в своих небольших кафе, и особенно за любовь к русским Клепалов играл им на балалайке.

Так как профсоюзы организовывали коммерческие концерты и встречи, то российские музыканты были в полном их распоряжении. Ансамбль приезжал из города в город, давал концерт и ехал дальше. В программу входили и совместное участие в народных праздниках, и посещение местных достопримечательностей.

В одном небольшом уютном городке Клепалову довелось попасть на самодеятельный национальный концерт, где народный исполнитель играл на флейте. То был местный инструмент. Пожилой японец играл на нем так, что казалось, не играл, а разговаривал. Клепалов даже слышал, о чем он говорит, – настолько он был понятен и доступен. И сама музыка была близка ему, потому что Клепалов исповедовал ту же культуру исполнения, что и японец. Столько души и сердца вложил он в игру на флейте, хотя у него, у чужестранца, совершенно другое состояние. Но душа-то у всех отзывчивая, Господи! Клепалов просто влюбился в него. Он заразил его своей высочайшей культурой исполнения. Нужно уже было уезжать из городка, но Клепалов не мог стронуться с места, стоял как вкопанный, загнипнотизированный.

Татьяна Петрова стала дергать его за руку, он же твердил одно: «Таня, как он играет, это потрясающе!». Она прямо-таки потащила его из зала, а он повторял своё: «Это национальное достояние. Один из лучших музыкантов Японии».

Интерес Клепалова к японскому фольклору был замечен и поощрен. Лидеры профсоюзов разрешили ансамблю задержаться на народном празднике. По ходу концерта Клепалов познакомился с потрясающим музыкантом из России, ведущим на нашем телевидении передачи по народному творчеству Сергеем Николаевичем Старостиним. Они успели побеседовать о внутреннем эмоциональном богатстве японцев, об их духовном совершенствовании. Но больше всего Клепалов был рад тому, что ему дали поиграть на местных народных инструментах – на сямисэне и кото. Он познакомился и поговорил со всеми народными исполнителями.

Кото – это большой струнный инструмент длиной примерно с небольшой стол, широкий, он напоминает русские гусли. Клепалову показали, как на нем нужно играть, надели на пальцы специальные медиаторы, которыми струны щипают. При первом же прикосновении к инструменту Юрий почувствовал, что в нем есть особый японский строй. Рядом с ним сидела тоненькая молодая девушка, исполнительница на кото. Она играла, показывая технику, очень осторожно, культурно. Когда Клепалов брал кото, то она слушала его и поражалась, как быстро он учился, как у него все умело получалось. Играл же он не так мягко и осторожно, как она, а по-русски, азартно, чтобы душа трепетала. У японцев глаза горели и сверкали радостью от увиденного и услышан-

ного. Юрий решил: «Буду играть густо, «с мясом», ведь у меня струна в душе есть, куда я ее выброшу?! Она созвучна этим гуслям». Не отходя от молодой японки, Клепалов сходу сочинил какую-то поэму. Играл один минут семь. Японцы с восторгом слушали.

Они быстро сдружились. На прощание Юрий сыграл ей на балалайке. Она все время так внимательно, так ласково его слушала и так поразительно долго смотрела, что он невольно думал: чего она на меня так смотрит, у меня жена есть. Лишь спустя время понял, что японцы чувствительные во всем. Хотя в них и живет самурайский дух, но он настолько скрытен, насколько культура позволяет сдерживать себя. Если случай дает им возможность открыть в себе самурая, то они могут перерезать друг друга. Боевой дух у самурая идет от стремления защищать не только свое отечество, но и семью. Клепалов видел инсценированные сцены поединка самураев. Один достанет кинжал с криком: «Банзай! Банзай!». А другой откликается: «Банзай! Урусай! У-уу-у!». И голоса такие страшные, что становится не по себе.

Накрепко Клепалову в память врезалась поездка в город Киото. Там японцы показали им разные храмы. Один из них, известный под названием «Тысяча лиц», резко отличался от других. Когда музыканты подъехали к нему, они удивились: перед ними стоял одноэтажный дом, длинный, типа барака. Экскурсовод сказал: «Там вы найдете свое лицо». Они вошли в музей, а там стоят скульптуры Будды, около тысячи штук, самых разных. В центре возвышается главный Будда, по бокам – мелкие. Экскурсовод отметила: если вглядываться в них, то можно найти либо свое лицо, либо знакомое, либо

чужое. И каково же было удивление Клепалова, когда он увидел спешащую к нему счастливую Татьяну Петрову. «Я нашла свое лицо!» Клепалов удивился, не поверил, но пошел посмотреть. Вся их группа подошла к одному из сидящих Будд, пригляделись к нему и действительно увидели сходство с лицом Петровой. Ну просто копия. Клепалов удивленно заметил: «Танечка, тебе везет!». Она радостно ответила: «Да, мне везет!».

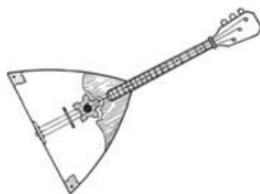
Музыканты разбрелись по музею. Каждый искал Будду с похожим на себя лицом. И многие нашли свои образы, в том числе и сын Клепалова Евгений. Не повезло лишь Юрию Клепалову: он обошел весь зал, но ни в одной скульптуре не обнаружил сходства с собой. Зато увидел пять Будд с лицом как у Петровой. Он подозвал ее и спросил: «Ты святая, что ли? Каким образом приехала в Японию и отдала свое лицо этим Буддам?!». Певица рассмеялась: «Да нет, это я во сне к ним приехала». Раздосадованный Клепалов иронично пошутил: «Мое лицо еврейское, как оно сюда пойдет?!». Конечно, лицо у него было обычное, широкое, сибирское. А пошутил он так потому, что у музыкантов была хохмочка: «Ну что, братья евреи, чем займемся: в карты будем играть или водку пить?!». И когда она прозвучала, один из коллег Клепалова радостно отозвался: «Будем делать и то, и другое одновременно».

После концертов организаторы поездки дали участникам ансамбля свободный день для того, чтобы они могли съездить в какой-то город, посмотреть его, полюбопытствовать, сделать нужные покупки. В магазинах Японии в то время чего только не было – одежда, обувь,

техника, сувениры. И все было настолько богато и красиво, что музыкантов это шокировало.

Клепалов рискнул и купил себе музыкальную аппаратуру. Все деньги, что заработали на концертах, истратил подчистую. Даже в долги залез: при посадке на самолет «Аэрофлота» ему сказали, что за перегруз следует заплатить две тысячи долларов. Отсюда и долги. Так как деньги он все расходовал, лишних не оказалось, то аппаратуру нужно было оставлять. Выручила принимающая сторона – местный профсоюз. Организаторы пошли навстречу и заплатили все за него. Клепалов привез аппаратуру в Москву. Но каково же было его удивление, когда дома, в магазине, через полгода он увидел точно такую же аппаратуру. Боже, оказывается, вскоре ее можно было здесь купить.

Через год ему позвонил один из знакомых руководителей профсоюзов Японии и дружелюбно предложил: «Юра-сан, приезжай...».

ПРИЗНАНИЕ ЛАУРЕАТОВ КОНКУРСА ЧАЙКОВСКОГО

Япония заставила Клепалова грустить... Частые мысли об удачной творческой поездке туда незаметно перешли в ностальгию. Он думал, что раз первая поездка в Японию была и вторая прошла, значит, и третьей не миновать. Ностальгия клокотала в душе и по этой стране, и по тому, как тепло его встречали там, и по нравственной чистоте местных людей, и по высочайшей национальной культуре.

Ему повезло: случай такой представился.

Однажды к Клепалову приехал пианист Геннадий Ехлаков. Они дружили, вместе выступали на концертах. Клепалов играл на балалайке, а тот замечательно аккомпанировал ему на фортепиано. И вот он предложил: «У меня есть хороший друг, певец Большого театра. Он продает рояль, на котором занимался Шаляпин. Поедем. В театр приедут гости. Ну, там надо поиграть...». Отказаться от предложения поехать в гости к певцу Большого театра и посмотреть на рояль Шаляпина было невозможно. Тем более, Клепалову друг пианист сказал, что в театре будет Каёко-сан, жена помощника посла Японии. На родине она закончила консерваторию, а в России, чтобы не сидеть без дела, стала заниматься пением.

Учителем выступил Геннадий Ехлаков. Он учил ее пять русских романсы.

Именно Каёке принадлежала инициатива пригласить японцев, чтобы продать кому-то из них выставленный на продажу рояль великого Шалапина.

Покупателем этого бесценного музыкального инструмента стал очень известный в Японии архитектор Ибусуки, он был и богатым бизнесменом, и большим любителем музыки. Его дочь училась в московской консерватории, в аспирантуре. Так были завязаны культурные связи России и Японии. Слава о талантливом архитекторе и бизнесмене гремела по всему миру, так как он в Саппоро во время Олимпийских игр построил знаменитый аэропорт. Клепалову довелось побывать и в городе, и в том удивительном уютном аэропорту, где можно жить, так как там есть и магазины, и театр, и бассейны.

Кроме того, архитектор создал в Японии неповторимый музей. Он посвящен его коллекции старинных инструментов, собранных по всему миру, на которых играли великие классики европейской и русской культуры Моцарт, Рахманинов, Гендель и другие. По большому счету, то были не столько материальные ценности, сколько духовные. Ему повезло: он купил механическое пианино, на котором была установлена карта с игрой великого Николай Рубинштейн. Клепалов видел его в музее и даже слышал его звуки. Этот инструмент настолько точно передавал состояние исполнителя, что когда его слушаешь, ощущение такое, будто исполнителя нет, думаешь, будто дух его играет здесь. Он производит потрясающее впечатление. Это механическое пианино.

Архитектор приехал без опоздания. Клепалов организовал для него небольшой концерт. Он вместе с пианистом Геннадием Ехлаковым аккомпанировал Каёке-сан, жене помощника посла, которая хорошо спела русские романсы. У нее был легкий японский акцент, и это было настолько привлекательно, красиво, а сами романсы так украсили концерт, что архитектор впал в полный восторг. Клепалову же подобная встреча показалась незначительной. В Москве постоянно на разных уровнях проходят такие встречи. Ничего особенного он от них не ждал. Клепалов играл на балалайке, как всегда, душевно и мастерски. Для Каёки-сан ее выступление было приятным событием... В общем, рояль успешно продали. И вся эта история закончилась тем, что архитектор увез рояль Шаляпина в свой личный музей, где спустя время, Клепалов увидел его.

Знакомство с японской певицей Каёкой-сан не прошло бесследно. Клепалов съездил с ней в Красноярск на Тихоокеанский музыкальный фестиваль, правда, они выступали там не от России, а от Японии. На концерте Юрий аккомпанировал ей на балалайке. Союз ему составили еще одна балалайка и фортепиано.

Прошел год, и зимним днем в квартире Клепалова раздался звонок: «Вас беспокоят из посольства Японии. На вас готов билет в Токио. Вас пригласил товарищ...». Клепалов так растерялся, что едва успел записать телефон, кому звонить и где забирать билет.

Он позвонил. Женский голос ему ответил: «Я, Шина-сан, звонила по просьбе моего папы. Папа решил пригласить вас на свой юбилей в Японию. Мы купили вам билет и хотели, чтобы вы приехали туда. Папа вас

полюбил и ждет». Клепалов растерянно переспросил: «Лететь-то когда?». Шина-сан ответила: «К сожалению, билет есть, но время ушло». Оказывается, Клепалов опоздал, самолет уже улетел. Но он не положил трубку, а продолжил разговор, поинтересовавшись, каким образом она оказалась в Москве. Дочь знаменитого архитектора ответила: «Я пианистка, учусь в московской консерватории». Клепалов обрадовался и предложил ей посотрудничать. В это время он как раз записывал романсы на стихи Ивана Бунина, готовил пластинку из собственных сочинений и ему нужен был концертмейстер.

Шина-сан согласилась встретиться. Взяла у него ноты, выучила их за короткий срок. Ее игра на фортепиано поразила Клепалова – у неё был очень красивый звук, нежный, лирический, как раз для романсов. Они записали диск. Завязался контакт. На одной из встреч Шина-сан неожиданно сказала Клепалову: «Я вчера с папой разговаривала. Он приглашает вас в Японию. На будущий год к нам приедут с концертом лауреаты конкурса Чайковского. И вы приедете с ними на гастроли. Папа вас будет ждать».

Так Клепалов побывал в Японии в третий раз. Ему выпала честь попасть там в команду лауреатов конкурса Чайковского. Вместе с ним в концертах участвовали сын Евгений и солист Большого театра Петр Глубокий.

В первый день в Японии Клепалову не удалось встретиться с архитектором. Тот оказался не просто занятым бизнесменом, но и влиятельным человеком в правительстве. Времени на беседу с русским музыкантом у него не нашлось. Он вложил большие деньги в проведение

в стране гастролей лауреатов конкурса Чайковского, среди которых были и молодые исполнители, и со стажем.

Встреча состоялась на следующий день. А перед этим у Клепалова был концерт в Токио – первый и ответственный. Играть ему предстояло одному, без Евгения. И он запланировал исполнить вначале свои сочинения, а потом фантазии на русские и советские песни.

Но перед концертом случился небольшой инцидент...

Среди приехавших гостей был выдающийся пианист, лауреат первой премии первого конкурса имени Чайковского, народный артист России Наум Львович Штаркман.. Первую премию тогда дали американскому исполнителю Вану Клиберну, а вторую – Штаркману, хотя по сути дела они поделили первое место между собой. Решение принимали политики ради, конечно же, налаживания дружеских отношений с Америкой.

Инцидент произошел именно из-за этого великого пианиста Штаркмана.

– Представляешь, вот-вот начнется концерт, зрители в зале изучают программку, – вспоминает Юрий Клепалов. – Меня, конечно, никто не знает. И Наум Штаркман не знал тоже. Он пианист потрясающий. И Шопена играл очень хорошо, просто изумительно играл. Так вот, он должен играть в финале концерта, как бы завершать его. И вдруг он видит, что впереди него идет балалайка, какой-то Юрий Клепалов... Он устраивает легкий скандал: «Я не буду после балалайки выступать. Не буду и все».

– А почему? – недоумеваю я.

– Балалайка – это же такой инструмент простонародный, а тут, понимаешь, лауреаты конкурса имени Чайковского! Возрастало наряжение. Но японцы кое-как его замяли, сказали Штаркману: «Успокойтесь, мы в следующий раз его поставим позади вас, не в первом отделении, и вы будете играть как положено. В данную минуту программу менять нельзя!». У них такой закон: что объявлено и записано в программке, то и должно исполняться. В общем, все строго.

– И Штаркман согласился?

– Да, согласился. Я играл минут двадцать.

– А что за сцена была в зале?

– Это был Сантори Холл в Токио. Один из выдающихся залов мира. Там было пять тысяч зрителей. Сцена громадная, впереди меня сидят участники конкурса, все титулованные. Выходишь – стоишь, как оголенный... Это было тяжелейшее психологическое состояние, просто тяжелейшее. Тем более, я никогда не был в такой ситуации, когда сзади сидят музыканты, как говорится, собаку съевшие на классике, а за сценой на тебя смотрят лауреаты конкурса Чайковского. Что можно испытывать в это время? Я тихо молюсь: «Боже, помоги!». И вот выхожу один на сцену с маленькой трехструнной балалаечкой и думаю: я должен сейчас сыграть так, чтобы ни у кого вопросов не было, и чтобы сзади меня слышали...

– А сзади еще и Штаркман?!

– Я переживал не сильное волнение, не трагедию, а...

– Землетрясение?

– А как ты думал?! Нашу московскую группу лауреатов возглавлял проректор Московской государственной консерватории Владимир Владимирович Суханов. А он,

как мне показалось, весьма осторожно отнесся ко мне: как, мол, балалайка влезла среди замечательных великих инструментов – роялей и пианино, среди скрипачей и вокалистов?! Имеет ли она право быть здесь? И что это за русский дух, к чему он здесь нужен? У нас классика, знаменитые пьесы и арии. Представляешь, как мне пришлось тяжело? Это было испытание! Однако надо ведь показать японской публике, что ты можешь, а как это сделать трясущимися руками?! Это невозможно сделать. У меня внутри все трепетало. Еле собрался с духом, успокоился. Выхожу. Они не объявляют выступающих. У них программка и в ней записано: «Выступает Клепалов Юрий-сан». Сел на стул и стал играть. Ушел весь в себя, целиком ушел. Никого не вижу, никого не слышу, никого не знаю. Это меня спасло. Я стал играть для себя. Потому что знал: только ты, родной и любимый человек, который может тебя слушать. Я ему играю, а сам лечу, лечу где-то в пространстве... Так и отыграл всю программу.

– Какие же мелодии ты играл?

– Вначале я исполнил четыре свои вещи – пьесу «Размышления о родине», «Баллада о русской женщине», «В Новгороде» и «Каслинское литье». Затем исполнил фантазию на темы русских песен – «Калинку», «Эй, ухнем!», «Светит месяц». Все по порядку.

– Штаркман выказал тебе свое впечатление о твоей игре?

– Ушел я со сцены совершенно отрубленный... Сел в артистической... Шикарная комната, диван, холодильник, в котором чего только нет. Я на этом «сервисе» отдыхал, отходил, а сам все время думал что завтра мне

скажет Штаркман! Ты ведь знаешь, как народников достается, тем более, за границей! На следующий день пошел в кафе гостиницы позавтракать. Смотрю, там сидит Наум Львович. Я что-то взял себе поесть, прохожу мимо него, поставил тарелку. А он так разворачивается и подзывает меня к себе... Ну, думаю, все, сейчас он меня отчитает, и я или помру, или выживу – не знаю. Подхожу к нему, сажусь за стол. Он так напротив меня сидит, всматривается пронизывающим взглядом.

– Он слышал твою игру?

– Да, слышал. Сижу, жду его слова... Скажет сейчас, чтобы я уехал и не портил концерт лауреатов конкурса Чайковского. Кто, мол, ты такой? Чужак какой-то. А он так строго посмотрел и говорит: «Знаете что, молодой человек, я хочу перед вами извиниться. Вы замечательный музыкант!» Тут у меня как будто лопнуло все внутри. Все струны, какие были натянуты, – лопнули. Вот это для меня – высочайшая оценка! Высочайшая! И признание. Это для меня был просто билет в мою судьбу. Сам Наум Штаркман сказал, что я замечательный музыкант, и теперь я могу ходить и радовать людей своей игрой на балалайке и говорить им: «Испытайте, что я испытал, и тогда вы почувствуете, что такое получить признание от первого лауреата конкурса Чайковского!».

– А если бы он сказал, что ты плохой музыкант, неужели ты перестал бы играть и бросил балалайку?

– Нет, балалайку я бы не бросил. Мне и в голову такое никогда не могло прийти. Я все равно остался бы самим собой. Любую критику надо переступить и быть честным музыкантом.

– Он похвалил и все? Или вы поговорили?

– Конечно, поговорили. Он повторил: «Какой вы замечательный музыкант, такую балалайку я еще не встречал. И вообще вы достойно выступили с точки зрения общей культуры...». Кроме него, были хорошие отзывы и от публики. Но для меня не это было главное, а его слово. Слово от человека, который встречался с Ван Клиберном! Я внутри плакал и страдал. То, к чему я шел всю жизнь, шел к своей балалайке, – это не напрасно. И этот жанр, который на грани фольклора и классической музыки и который я осваивал, он был признан! Мы поговорили, пришел Женя, и мы все утро просидели за чаепитием. Анекдоты травили. И стали друзьями. То есть, мы поняли друг друга. Только настоящий музыкант, талант, гений может оценить и признать другой талант. Он великий человек, чего ему извиняться, беседовать с незнакомыми музыкантами? Но он извинился и дал высокую оценку моей игре. Таким качеством обладают лишь великие музыканты.

– Это был единственный концерт у вас?

– Нет. У нас была гастрольная поездка по Японии. После первого концерта состоялся второй, третий, четвертый, пятый... Я там больше месяца выступал. Группы менялись, а мы с Женей оставались. Наум Львович после третьего концерта уехал домой. А мы с молодыми новоиспеченными лауреатами тоже нашли контакт, и выступали как одна дружная команда.

О каждом памятном концерте Клепалов рассказал мне подробно и увлеченно, будто они проходили на прошлой неделе, а не спустя несколько лет. Из скромности упустил лишь одну деталь. Организаторы гастролей придумали забавную фишку. Они решили провести

опросы зрителей. Перед каждым концертом раздавали в зале специальные анкеты, в которых зрители отмечали, какие музыканты и какие номера им понравились.

Продюсером данного проекта выступил сын бизнесмена и архитектора Мото-сан. Он в начале гастролей официально заявил, что зрителям будут розданы бланки, и они должны определить, кто играл хорошо, а кто лучше всех. К опросу в зале не имели отношения ни пианисты, ни скрипачи, ни лауреаты.

Каково же было удивление Клепалова, когда после завершения гастролей им объявили, что по опросу зрителей он с сыном Женей оказался на первом месте!

То был триумф. Из всех лауреатов самого престижного в мире музыкального конкурса – конкурса имени Чайковского – на Олимп взошел балалаечник Юрий Клепалов. Давненько, пожалуй, со времен триумфальных дореволюционных гастролей великорусского оркестра Василия Андреева, русская балалайка так громко о себе не заявляла. А тут выступал не оркестр, а всего лишь один музыкант. Да, ему аккомпанировал сын, но вся исполнительская энергия исходила от единственного богатыря – Юрия Клепалова. И главное, кто выступал в роли судей? А ими были самые независимые судьи – зрители Японии!

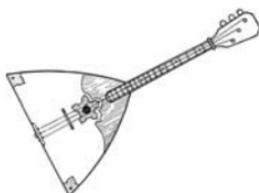
Высоко оценил игру Клепалова и бизнесмен, архитектор Ибусуки. Первая встреча двух талантливых подвижников состоялась в гостинице. Ибусуки только что отметил свой шестидесятилетний юбилей и пригласил Клепалова прийти к нему и поиграть на балалайке.

Юрий с удовольствием исполнил несколько русских народных мелодий. Бизнесмен признался, что и раньше

слышал их в его исполнении – на дисках. А слушать вживую, да в таком талантливом исполнении – совсем другое ощущение, просто восторг! Признался бизнесмен и в том, что к нему обращались не только иностранные музыканты, но и московские профессора с предложениями не выпускать балалаечника на столь престижный концерт. Он всем отвечал строго, что это не их дело, а сугубо лично его, как хозяина гастролей. После такого категоричного заключения Клепалов с балалайкой вошел на много лет вперед в японскую программу гастролей.

Ибусуки попросил Клепалова сыграть и собственные сочинения. По ходу исполнения одного романса он вдруг остановил игру и сказал: «А я бы здесь не так сделал, а вот так, и добавил для красоты тремоло». Клепалов уловил подсказку, повторил ее, получилось хорошо. Оказалось, бизнесмен замечательно разбирается в балалайке. Не зря она – его любимый инструмент.

Встреча затянулась. Клепалов играл, стараясь, как мог, и на вибрато, на одной струне и без него. А Ибусуки слушал, смотрел и млеял от душевных и трогательных мелодий, от того, как необычно звучит русский народный инструмент.

ЗАПАХ БАРРАКУДЫ

Если кого-то не понимал Клепалов в Японии, так это профессоров из России. После долгих и многотрудных гастролей по чужой стране у него наступало пресыщение, душа требовала отдыха, хотелось в родные пенаты, а у них было все наоборот: они стремились ездить и ездить. Причем те профессора, которые ездят в Японию постоянно, как к себе домой. Клепалову такой отрыв от родины надоедает, возникает ощущение, будто становишься больше японцем, чем русским. Такое перевоплощение он наблюдал при встрече с соотечественниками, уехавшими в Японию на заработки. Они разговаривали в основном на японском и тяжело потом возвращались к русскому языку.

Япония имеет хорошие сильные культурные традиции. Это завораживает людей. Им нравится природа, чистота улиц, питание, доброжелательное общение. Через некоторое время в человеке происходит утрата русских традиций, он начинает жить по-японски, ну, а Россия как бы где-то вдалеке. Про такие метаморфозы Клепалову рассказывали люди, которые там остались, женились на японках. Он им верил, да и сам чувствовал, что чем больше бывает в Японии, тем чаще проникается уважением к чужим традициям и культурным ценностям. Потому, составляя график концертов, Юрий просил организаторов сжимать его до предела, не рас-

тягивая на два-три месяца, и разбавлять рабочие дни знакомством с памятниками архитектуры и природы.

Клепалов объехал с концертами практически всю Японию. Даже побывал на самом южном острове Окинава, где базируется Седьмой флот ВМС США. У него были концерты в тех залах, которые находились рядом с американской базой. По утрам он выходил на балкон и видел военные самолеты.

На одной экскурсии ему показали музей, состоящий из шахты, где находились американские ракеты, направленные против Советского Союза и Китая. Конечно, там муляжи стоят. Да и сама иностранная база являлась не только воинской частью, но еще и курортной зоной, туда приезжали на отдых военные. И Клепалов видел по телевизору, как толстые солдаты то дерутся между собой, то пиво пью. Ничего серьезного журналисты не показывали, а бардак на базе был замечен и очевиден.

Недалеко от острова Окинава около четырехсот километров вглубь Тихого океана, расположились два маленьких острова вулканического происхождения. Их в свое время открыл Иван Крузенштерн и дал им русское название Бородино. Но поскольку они далеко от России, то японцы эти острова прибрали, и не просто прибрали, а привезли землю, засыпали кратер, благоустроили и стали выращивать там сельскохозяйственную продукцию – сахарный тростник, бананы и прочее.

Ни один корабль не может обычным путем причалить ни к первому острову, ни ко второму – между этими островами страшное, мощное тихоокеанское течение. Японцы считают, что эти острова движутся в сторону Японии, по два сантиметра в год.

Каким-то невероятным образом японцы доставили Клепалова с его командой на небольшом корабле на один из островов. Они дали для местных жителей концерт и пошли знакомиться с достопримечательностями. Потом их перевезли на второй остров.

На первом маленьком острове, который по периметру занимает полтысячи километров, живет пятьсот человек. Есть школа. В ней американцы преподают английский язык. Стоит там и одна гостиница, рядом с ней видовая площадка. Клепалов поднялся на нее, встал на самом верху и увидел, что кругом раскинулся широкий океан. Над ним плывут облака. Картина настолько впечатляет, что аж дух захватывает!

На другом острове, площадь которого составляет полторы тысячи километров, ему показали замечательную пещеру, где сталактиты свисают вниз на два метра. Там было так красиво, что Клепалов с друзьями решил спуститься на самое дно, но их не пустили. Японцы сами боятся туда лазить.

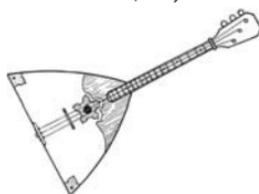
Большое достоинство островов – рыбалка. Там от нее просто с ума сойти можно, лови – не хочу. Клепалов оказался везучим, с первой же минуты он вытащил красивого тунца, а потом какую-то рыбу черной расцветки с расширяющимися глазами и много других разноцветных...

Но самой азартной была рыбалка на Окинаве. Японцы организовали ее для Клепалова в семи километрах от острова, увезли туда на катере. Только Клепалов забросил спиннинг с большой креветкой, как тут же последовала поклевка. Пятиметровое удище, вставленное в специальное гнездо, заходило ходуном. Клепалов взял его в руки, упер в живот и стал крутить-вертеть, а рыба то выскакивает на поверхность, то вглубь воды уходит.

У него просто сумасшедший азарт проснулся... Но чем больше он подтягивал рыбу, тем ощутимее было сопротивление. Тут к Клепалову подошел японец, почувствовал, что тот один не справится и стал помогать. Вдвоем они вытащили барракуду. Это была морская щука, вся зеленая, больше метра размером. Клепалов никогда в жизни не ловил таких громадных рыб, да еще и зеленых. Фотосъемка с ней длилась минут двадцать!

Вечером японцы отдали барракуду местным поварам, и они приготовили отменный ужин. Из рыбины получились вкусные суши, а самое главное – жареные кости. Клепалов видел, как повара взяли зеленые, фосфорные кости и положили их в жаровню. Вышло потрясающее блюдо. Кости стали как сухари. Клепалов такое первый раз в жизни попробовал. Правда, после такой трапезы от человека месяц пахнет рыбой. И когда Юрий вернулся домой, жена сразу же спросила: «А чего от тебя так рыбой прет?!» Он перевёл в шутку: «Знай наших, мы не только на балалайке играем, мы еще и барракуду ловим!».

Ловля барракуды стала для Клепалова событием. После этой рыбалки его отправили на фуникулере в горы, где было тоже много незабываемых эффектных картин – хлестал холодный ветер, шел снег, но... Клепалова уже манил только океан. По его просьбе японцы несколько раз возили его на Окинаве на рыбалку – давали возможность поохотиться за барракудой. Но она больше не попала ему на спиннинг. Зато каждый выход в океан дарил ему и его коллегам ящик, набитый всякой рыбой.

В ПАЛЬЦЕ У НЕГО ЧИП

В городе Наха, столице Окинавы, Юрий Клепалов познакомился с местным мэром при загадочных обстоятельствах.

Рядом с Окинавой есть остров, где готовят особую водку, – сакэ, по местному она называется аваморе. Она близка российской водке и по качеству, и по наличию сорока градусов. После концерта Клепалова и его команду решили угостить на банкете именно этим национальным напитком. Притащили большой чан, а в нем – аваморе. Японцы наливают его поварешкой в стакан как чай. Принесли стакан и Клепалову. Не успел он выпить, как к нему подошел маленький японец. Ни слова ни говоря, не представившись, он начал притискиваться к Клепалову, а тот стал отстраняться от него. Вышел конфуз. Чем дальше отходил Юрий от незнакомца, тем плотнее тот прижимался к нему. Тогда Клепалов взял и обнял японца, выпил с ним аваморе и погладил по голове. Он думал, что это один из служащих ресторана. Они выпили еще по стакану, разговорились... Довольный незнакомец вновь прижался к Клепалову, расцвел в улыбке и начал приставать с расспросами, как можно без устали одними пальцами так долго играть на балалайке. Пока переводчик переводил слова Клепалова, японец разглядывал его пальцы. А когда они выпили еще аваморе

и японец полез обниматься. Клепалов спросил, кто этот маленький человек – из служащих ресторана или местный музыкант? Переводчик рассмеялся и сказал: «Да вы что?! Это мэр нашего города Наха. И счастлив он от того, что стоит с русским человеком в обнимку!».

Неожиданное знакомство с мэром обернулось долгой беседой и выпивкой еще двух стаканов аваморе. Вскоре японец зашатался. Клепалов по-товарищески подхватил его, посадил в машину и отправил домой.

Через день он выступал в частном университете, где вновь к его рукам и пальцам был проявлен неподдельный интерес. После яркого, замечательного концерта Клепалова и его друзей, как всегда, пригласили на фуршет. Там к нему подходит японка средних лет, продолжительно смотрит, затем неожиданно берет его руку и начинает ее жать, гладить. Кроме растерянности, этот жест ничего у Юрия не вызывал. Она продолжает гладить и рассматривать руку. А Клепалову становится неудобно, так как на него смотрят люди, и он хочет отнять руку, но она ее не отдает...

Накаленную обстановку разрядила переводчица. Она подошла и перевела слова японки: «Юра-сан, вы так играли на балалайке! Я хотела посмотреть, какие у вас руки. Они у вас такие нежные, хорошие, так мне понравились... Можно я их поцелую?!». Клепалов отдернул руку и отошел в сторону. Ему не хотелось, чтобы женщина выказывала ему уважение таким необычным образом. Но когда он увидел в ее глазах искренность и восхищение его игрой на балалайке, то понял, что ничего плохого в ее поступке нет. Она не хотела скрывать своих чувств. И это подкупало. Тем более, переводчица

сказала, что эта женщина – профессор университета. В разговоре с ней Клепалов почувствовал ее высокий ум, образованность и любовь к России. В знак благодарности он обнял ее и расцеловал.

За этими двумя историями, когда японцы проявили интерес к рукам Клепалова и им хотелось узнать, что в них такого особого, почему они такие таинственные и талантливые, последовала история третья.

Для выступления на концерте в городе Осаке Клепалов взял две балалайки, будто чувствовал, что пригодятся. Так и случилось. В одном из номеров он вместе с сыном Евгением исполнял русскую народную песню «Ай все кумушки домой». Играли на двух балалайках. Номер прошел на ура! Но когда Клепалов один играл венгерскую мелодию «Чардаш», у его инструмента вдруг лопнула струна. Он встал, ушел за занавес, взял вторую балалайку и продолжил игру. По залу пробежал гул восхищения. У многих был шок: как это так, у него струна лопнула, а он пришел и играет опять. Никто не понял, что у него было две балалайки. Все получилось, как в цирковом номере.

После концерта у музыкантов и зрителей, как обычно, произошла теплая встреча. К балалаечнику Клепалову, как к самому большому, уникальному человеку, выстроилась очередь. Все норовили его палец рассмотреть. Одни японцы не просто подходили и смотрели, но и трогали его, расспрашивали, как он пальцем играет такую великолепную музыку! Так как они играют на ся-мисэне медиатором, то никак не могут понять, как русский музыкант обходится без него.

Одна очередь зрителей проходит, появляется вторая... Клепалова разворачивают, и он снова стоит в очереди, а палец щупают и щупают. Тут Евгений подошел и сказал продюссеру: «Пора уезжать, время. Скажите, чтобы они прекратили смотреть. Скажите им, что у него в этом пальце вживлен чип японского производства!». Услышав это, японцы отступили и заголосили: «Вай-вай, это же наш японский чип!». И после этого счастливых японцев как ветром сдуло. Сработала находчивость Евгения.

На следующем концерте Евгений, когда выступал, то образно и весело рассказал зрителям эту историю. Эффект вышел еще более потрясающий. Он стал часто повторять эту историю: «Если у Юрия Михайловича пощупать палец, то там окажется японский чип. Это шутка!».

К веселым шуткам японцы относятся с должным почтением.

В городе Киото Клепалова привели в храм, где стоят две фигуры, – крупные, гривастые львы. Но чтобы зайти в храм, нужно похлопать в ладоши. Тогда ты очистился и можешь проходить. Еще перед храмом стоят две ступы. Одна маленькая, с тычинкой, другая – большая... Юрий подошел не к маленькой, а к большой ступе, поднял тяжелую тычинку, потом зашел в храм. Позади себя услышал ропот и возгласы удивления. Оглянувшись, а там стоят японцы и радуются, что он поднял самую тяжелую тычинку. Оказывается, японцы очень любят физическую силу. Отсюда становится ясно, почему у них хорошо развита знаменитая борьба сумо. Клепалов второй раз подошел к ступе и чуть-чуть поднял тычин-

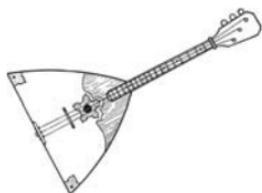
ку. Пусть видят и думают, что русскому человеку не положено брать легкую ступу, мы же победители и не можем уйти побежденными! Японцы вновь обрадовались, захопали, побежали к Клепалову за автографами. При этом называли его не русским именем Ваня, а Джоном. Видимо, они приняли его за американца. Чтобы разубедить их в этом, Клепалов стал рисовать им балалайку на чистых листах бумаги и билетах. У него давно был выработан свой профессиональный шарж с обозначением балалайки. И когда он начал рисовать им балалайку, то они закричали: «Рашен, рашен... Русский». Вокруг него образовалась очередь. Столько автографов Клепалов не давал ни разу в жизни!

На одном из маленьких островов шутка японцев оказалась правдой. После очередного концерта российских музыкантов привезли в гостиницу. Она была большой, на полторы тысячи номеров, но без указания «звездочек». Клепалов зашел в номер, чтобы устроиться, а переводчик ему вдруг и говорит: «Юра-сан, а вы знаете, что это за номер?». «Нет, не знаю». Переводчик вроде как шутливо: «В этом номере останавливался брат императора. Это его номер!». Клепалов тоже отшутился: «Замечательно, я буду другом императора». Каково же было его удивление, когда утром директор гостиницы подтвердил, что в этом номере действительно жил император.

В другой гостинице и в другом городе Нагоя произошла тоже весьма забавная история. Ночью после концерта к Клепалову пришел переводчик и сказал: «Вас там японец в ресторане спрашивает!». Клепалов спустился вниз и увидел, что перед плитой сидит японец и что-то

жарит. Увидев гостя, тот сказал: «Рашен, рашен..., садись, давай по-русски выпьем». Переводчик объяснил, что это богатый человек и ему хочется выпить со знаменитым балалаечником. Юрий не стушевался, не отказал, выпивать по-русски ему не привыкать. Японец принял наравне с ним и вскоре вырубился. А у Клепалова, как говорится, ни в одном глазу. Помощники бизнесмена унесли его за руки за ноги к машине. По дороге он успел дернуть за юбку проходящую мимо японку, показывая тем самым, что он не совсем пьян и что-то еще может.

За время пребывания в Стране восходящего солнца Клепалов понял, что японцы, когда видят русских, хотят доказать им, что пьют так же, как они. Еще большую расположенность к русским японцы демонстрируют тогда, когда приглашают к себе домой. Вообще, у японцев не принято звать в гости. Это почти табу. А вот Клепалова один из руководителей их группы пригласил домой на чашку чая – удостоил такой чести.

ПОЧУВСТВУЙ СЕБЯ ЯПОНЦЕМ

Балалаечные наигрыши Клепалова имели на Окинаве такой грандиозный успех, что через год его пригласили на этот остров снова. Это была четвертая поездка в Японию. И пригласил его уже другой бизнесмен, ранее попавший под обаяние игры Клепалова на балалайке. Он организовал ему гастроли по Окинаве и по близлежащим островам.

Окинава – очень самобытный остров, как бы отдельное государство Японии. Его центральным городом является Наха. В нем Клепалов и остановился. Причем поселился в гостинице, владельцем которой был тот бизнесмен, что их пригласил на гастроли. Он музыкантов встретил, обнял и повез в свои владения. Оттуда Клепалов выезжал в разные города и на самые дальние острова.

Перед каждым концертом Юрия тепло встречали главы разных городов. Для музыкантов из России это был самый высокий показатель уважения. После выступлений японцы обычно везли их поужинать в ресторан. Там к Клепалову всегда подходили любопытствующие. Для них игра на скрипке и виолончели была понятным явлением, а вот звучание балалайки было чудом таинственным и самобытным.

В Наха Клепалов встретился с мэром города. Они узнали друг друга, обнялись, расцеловались как старые друзья. Как и в прошлую встречу, мэра опять заинтересовало, откуда у Клепалова такой талант играть на трех струнах?! Только теперь вместо просьбы сыграть для него русские народные песни он потащил его в консерваторию. Ему хотелось показать талантливому гостю сямисэн – инструмент, который родился на Окинаве.

В консерватории Клепалову показали сямисэн, который изучают дети, и даже дали на нем поиграть. Когда звуки инструмента смолкли, мэр стал намекать Клепалову на то, что он хотел бы пригласить его преподавать у них русскую балалайку. Клепалов давно почувствовал, что в Японии возник очень большой интерес к балалайке. И японцы не раз признавались ему, что хорошо бы наряду с их национальными народными инструментами в консерватории изучались бы народные фольклорные инструменты из России. Местные музыканты особо тянулись к России. И понятно почему: Россия – самое большое государство, которое несет свет культуры во всем мире, в нем жили и живут выдающиеся композиторы, писатели, скульпторы, художники. Один знаменитый русский балет чего стоит! Японцы мечтали создать оркестр, где бы звучала балалайка из России.

Клепалов в тот день ушел от ответа. Но спустя неделю переводчица спросила его, что он думает по поводу преподавания в их консерватории. И Юрий, подумав, сказал: «Конечно, это хорошее предложение, но меня беспокоит другое: я не смогу жить далеко от Родины. Я полтора месяца нахожусь в Японии, и уже устаю от того, что начинаю меньше говорить по-русски, больше

думаю по-японски. Порой разговариваю в общих фразах на вашем языке. В общем, начинаю понимать японцев... А потом я встретил тут одного переводчика, и он сказал: «Это, Юра, опасное явление, ты можешь стать японцем, но потеряешь все русское, что в тебе есть, и тебя надо будет переводить на русский язык. Ты потеряешь его, такое вот свойство жить вне России».

Клепалов и без переводчика понимал, что предложение хорошее, но долго жить в Японии он не мог.

– И надолго ли тебе предлагали жить в Японии? – спросил я Клепалова, впервые услышав о том, что он мог перебраться на заграничное местожительство.

– Да я и двух-трех месяцев не смогу там жить, не выдержу. Они могут на год-два взять, и за работу будут платить прилично, но за эти годы, когда ты не будешь приезжать в Россию, у тебя корни начнут усыхать. Меняется обстановка, питание и плюс еще сам климат – все повлияет на твой характер. Я уже заметил: чем южнее находишься, чем ближе к экватору, на южных островах, тем тяжелее играть на балалайке – падает иммунитет. А в этом творческая кухня.

– Приведи, пожалуйста, пример.

– У них есть рисовая водка. 28 градусов. Я сравнивал. Мы взяли водку и сакэ. Когда сакэ выпил, чувствуешь себя нормально, как положено, как в России. Но когда выпьешь нашу водку в Японии, то организм чувствует себя очень тяжело, тебя раздирает на части, потому что иммунитет падает. И главное, сопротивляемость к таким серьезным напиткам слабая. Почему японцы не много выпьют и им кирдык?! Они все время хотят показать, что они как русские. Конечно, у них есть сила воли,

причем, потрясающая, характер волевой, да, у них это есть, ведь они самураи. Но они все равно будут уступать русскому человеку именно в силе и воле характера. Хотя они свое государство обустроили замечательно.

– Выходит, твое долгое пребывание за рубежом влияет на качество игры на балалайке?

– Именно так. Иногда выхожу на сцену, а у меня все тело расслабленное. Мне таких трудов стоит, чтобы собрать силы, энергию, дух. Любой концерт требует полной отдачи. Однажды в Японии у меня появились пузыри на пальцах, потому что там вода другая, плохо прошла акклиматизация. Такие страшилки возникают у спортсменов. Организм в другой стране должен работать, как у космонавтов. Это особенность длительного проживания, длительных гастролой. Наши великие исполнители – пианисты, скрипачи – они пользуются короткими гастроями. Два-три концерта и больше не дают. Когда ты только приезжаешь за границу – ты свежачок, ты живешь на тех угольках, которые привез из России. И концерт успешно проходит.

– А дальше?

– А дальше надо бороться. У меня в Японии возникла как-то иная сложность. Балалайка как карта разложилась – вот так, раз и все. Приходилось дополнительно в гостинице заниматься и заниматься, чтобы и инструмент, и себя физически восстановить. Многим музыкантам кажется, что они смогут играть без подготовки, без учета климатических и прочих особенностей пребывания за границей, но это не так. Тут срabатывает целый комплекс: если ты где-то и что-то потерял, то это «неизвестное» выстрелит в игре, и ты вылетишь с концерта

со страшной силой, будет позорище. Нельзя небрежно относиться к подготовке к выступлению за границей.

– Талантливый, блестящий наш музыкант Клепалов взял и отказался от престижного карьерного предложения?

– Я отказался там остаться. У них есть свой оркестр, там те японцы, которые обучались у нас в России играть на балалайках, на других народных инструментах. Они в своей тарелке. Не знаю, как они в России выживали, но тут они нормально себя чувствуют, мастерски играют на наших инструментах. А мне здесь приходится себя чувствовать немножко по-другому. Вот это одна из особенностей. Помню тот день, когда в России бомбили Белый дом. Я смотрел расстрел парламента по японскому телевизору и обратил внимание, как после танковых выстрелов по Белому дому японцы презрительно смотрели на нас. Они не могли взять в толк: как можно расстрелять свой родной дом – дом правительства?! У них появлялось какое-то неуважение к нам: ну кто вы такие, если убиваете то царя-батюшку, то своих граждан в Москве?! Эта тема была сквозная в прессе и на телевидении. И мне после этих нервотрепок сложно было собраться с силами и играть на концертных площадках. Еще сложнее было выступить во время визита Президента страны Владимира Путина в Токио. Он приехал и жил в гостинице рядом с императорским дворцом. Дворец средневековый, большой, вокруг ров... И недалеко гостиница, где он жил. И я вижу, что как только Путин туда заселился, так там появилось порядка двухсот машин, столько же полицейских автобусов с решетками, протестующие люди с мегафонами. Один митингующий орет в громко-

говоритель по-русски, другой – по-японски. Все требуют отдать им Курильские острова. Не знаю, каково было нашему президенту все это слушать, но мне было плохо, грустно, омерзительно. Тяжело мне, патриоту, было это слышать. Мы с Татьяной Петровой сидели и переживали... Ладно такое видеть дома, там родные стены и легче пережить горе. А когда ты здесь, когда столько чужих глаз на тебя смотрит, ты понимаешь, что Россию на себе несешь, ты ее с плеч не сбросишь. И кто ты такой? Ты, раздетый догола, и кому ты нужен. И с тобой разговаривать могут как угодно.

– И много в Японии таких агрессивных протестантов?

– Боже упаси. Их, конечно же, мало. Я видел, что большинство любит Россию. Я тебе говорил о том, как влияет чужая обстановка на творчество. Как с точки зрения патриотизма для меня было тяжело. Иду на концерт, а кошки на душе скребут. В те протестные дни со мной произошел интересный случай. На одном концерте я немного повредил ноготь, и нужны были ножницы. Вечером в гостинице я только подумал, где их достать, как мне один японец их принес. Как он догадался? Не знаю. Но японцы настолько прозорливые во всех отношениях, что диву даешься. Они видят, как ты пошел, как ты взглянул... Это все изучается автоматически. Владеть интуицией могут только добрые и творчески одаренные люди.

В ту четвертую поездку в Японию в памяти Клепалова особо отпечатались история, произошедшая в городе Сендай. Жил он в гостинице рядом с тем местом, где год назад прошел чемпионат мира по футболу.

Эта гостиница стоит на горе. Клепалова с друзьями поселили на восьмой этаж, с которого была видна знаменитая атомная станция Фукусима, спустя годы взорвавшаяся. Утром Клепалов посмотрел в окно и увидел еще одну достопримечательность. Перед его балконом стояла огромная статуя Будды, и взгляд его был направлен прямо в его комнату. Клепалову невольно подумалось: вот так, попал под наблюдение! Долго он не мог привыкнуть к этому памятнику, но со временем успокоился. И когда начинал играть на балалайке, то смотрел на Будду, и ему казалось, что тот глядит на него.

Юрий узнал, этого Будду поставил один миллионер в знак почитания своей религии. Раньше в России так купцы строили храмы, как бы отдавая дань Богу.

В городе был университет, частный, большой. Туда постоянно приезжали с концертами артисты. Играл там на балалайке и Клепалов. После концерта к нему подошла женщина. Взяла его руку, сжала и он ее узнал, вспомнил ту давнюю встречу и слова: «Юра-сан, мне очень хочется поцеловать ваши руки...». В этот приезд Клепалова она снова пришла на его концерт, снова выразила свое восхищение. Более того, пригласила в гости к себе домой. Плотный график не позволил Юрию принять приглашение, но в этот день он от души наговорился с ней – с душевным и образованным профессором.

Первого сентября на Окинаве в городе Наха отмечали День пожилого человека. Клепалова пригласили выступить в местном музее. А музей у них знаменитый, посвящен памяти четырехсот тысяч погибших японцев во время боя с американцами.

Клепалов заметил, что музей сделан в виде храма. Когда в него заходишь, видишь огромного Будду. Переводчик предупредил Юрия, что русских туда никогда не пускали и не пускают: это святое место для японцев. А вот они, русские музыканты, там, на фоне Будды, должны были выступить.

Во время своего выступления Клепалов чувствовал, что Будда обладает невероятной силой, которая действовала на него. Играть было тяжело. Будда сидит в центре музея, а музыканты расположились у него в ногах. Было в этом что-то неловкое. Для православного Клепалова подобное соединение в какую-то минуту стало психологическим тупиком. Он еле смог собраться с духом и совместить свое присутствие под лоном Будды, с хорошим бодрым началом концерта, чтобы помянуть погибших ветеранов.

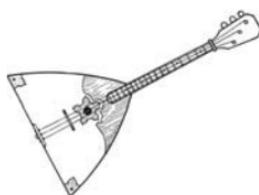
Клепалов победил себя, сыграл так, что японцы остались довольны. На удивление, они были очень благодарны ему. Один из стариков сказал: «То, что вы нам сыграли и напомнили о русской земле, это трогательно. Россия всегда побеждала, у нее дух такой... И мы, соприкасаясь с этим духом, сами себя чувствуем сильными!». А Клепалов больше был рад другому: после того, как он пережил такой психологический барьер и мастерски отыграл концерт, японцы стали относиться к нему теплее. Перед выступлением многие из них смотрели на него с прохладцей, а потом все резко изменилось. В музее звучали и аплодисменты, и слова благодарности.

Следующий храм Клепалов посетил уже в Киото. А город этот известен множеством храмов. Юрия же пригласили в храм не простой, а в особенный – посвя-

щенный национальному музыкальному инструменту. В нем происходит особый важный ритуал – здесь читают молитвы и делают посвящение тем артистам, которые туда приходят. Это особый знак уважения талантливым музыкантам. Чтобы туда пригласить кого-то, прочитать ему молитву, – это надо заслужить. После такого ритуала музыканту негласно присваивается звание народного артиста Японии.

Нынешняя молитвенная литургия со всеми обычаями была посвящена Юрию Клепалову. В память об этом знаковом событии ему и его сыну Евгению вручили грамоты. В них записано, что Юрий Клепалов-сан и Евгений Клепалов-сан отныне являются прихожанами этого храма, и они могут в любое время туда приходить. Подобное искреннее уважение японцев к русским музыкантам зиждилось, безусловно, на почитании их таланта, на любви к высокой народной культуре.

В этом храме Клепалов впервые за время пребывания в Стране восходящего солнца немножко почувствовал себя японцем.

МЧИТСЯ ТРОЙКА ПОЧТОВАЯ... В ЯПОНИЮ

Профессор Танако получил от мэра города Нагои задание подготовить комплекс мероприятий, посвященных Дню города. Для организации праздника ему выделили деньги и предоставили всю полноту власти. Танако, будучи известным в Японии музыкантом и певцом, а также талантливым педагогом вокала, разослал приглашения знакомым деятелям культуры. Из России на День города он позвал балалаечника Клепалова с сыном Евгением.

Клепалов приехал в город Нагоя, и сам профессор Танако встретил его. Он жил в красивом пригороде Нагои. Там у него на собственном участке земли был большой двухэтажный дом. Клепалову понравилась его планировка. На первом этаже разместился камерный концертный зал, где стояли стулья, два рояля, а на втором жил профессор с семьей.

Обычно по выходным профессор Танако проводил в своей резиденции творческие вечера для родных и близких. Но муниципалитет дал ему право проводить мероприятия и для местных жителей. Когда Клепалов приехал, профессор вместо семейного концерта организовал для него прогулку по городу. И Юрий обратил внимание, что когда они шли по уютным улицам,

то с профессором все здоровались, жители его знали, подходили и заводили беседу. Интересная встреча произошла с японским художником. Он пригласил Клепалова в свой огромный частный дом, показал свои керамические работы, в основном это была оригинальная посуда, которая светилась то зеленым, то красным, то другими цветами.

Концерт планировалось провести не в доме профессора Танако, а в городском Доме культуры. Там был огромный зал, и народа в нем могло уместиться гораздо больше. Придя туда на репетицию, Юрий обомлел: стены Дома культуры оказались стеклянными. Внутри стен как таковых тоже не было – только стекла и живописная оранжерея.

Клепалов спросил у профессора: «Есть ли тут акустика? Как все будет звучать?». Тот заверил: «Не волнуйся, все будет хорошо!». Пройдясь по залу, Юрий заметил, что по стенам были поставлены каким-то особым способом необычные шторы, которые и усиливали акустический эффект. Репетиция подтвердила этот потрясающий эффект.

В программе концерта значились как сольное выступление Клепалова, так и совместное с сыном Евгением. Но на репетиции профессор Танако внес свои коррективы. Он изъявил желание спеть вместе Клепаловым. За пару часов они выучили две японские народные песни – «Акатомба» и «Сакура», а также отрепетировали два русских романса. Сомнений в том, что их номера пройдут блестяще, у Юрия не было, так как у профессора с вокалом было все в порядке, пел он шикарно, в том числе на русском языке.

Когда начался концерт, Клепалов увидел, что зал полон народа. Здесь были и старики, и молодые, и лица у всех были светлые, радостные. Клепалов подумал, что давно, наверное, с советских времен, не видел такой заинтересованной и волнительной публики. А он помнил крестьян из далеких колхозов, жизнь у которых была тяжелой, но они не утратили способности смеяться, хохотать, приходили на его концерты и радовались вместе с ним. Сегодня в японском городе все хорошо и красиво, и в глазах жителей ощущение общей радости.

Концерт вел профессор Танако. Он же выступал и в роли конферансье. А поскольку понимал русский язык, то старался отпускать такие шуточки, которые были бы хорошо встречены и японцами, и гостями из России.

Клепалов играл на концерте сольные номера, обработки русских народных песен. Затем с сыном Евгением исполнил свои оригинальные сочинения. Люди были очень довольны, хлопали без устали. А когда профессор Танако спел под балалайку Клепалова и гитару его сына японские народные песни, то шквал аплодисментов и слова восхищений, казалось, не имели конца. Для японцев стало большим открытием и чудом, что их певец под балалайку исполнил японские народные песни, да еще и русские романсы. В этот Дом культуры никогда не ступала нога русского человека, тем более, артиста, а тут приехал балалаечник и перевернул их души, устроил настоящий праздник!

После концерта к Юрию подошла японка с маленьким внуком. Мальчик очень плотно, крепко прижался к бабушке и так внимательно слушал ее речь, что Клепалов невольно расчувствовался. Переводчица перевела

ее просьбу: «Вы не могли бы для нас исполнить песню «Вот мчится тройка почтовая»? Клепалов играть её не соби́рался, но мальчик своим поведением так его покори́л, что он согласился исполнить эту песню.

Играя на балалайке, Клепалов наблюдал за старенькой женщиной и видел, что ее глаза наполнялись слезами. И когда балалайка смолкла, она начала что-то рассказывать внуку, рассказывает и плачет, рассказывает и плачет. Клепалов спрашивает переводчицу: «Что случилось, почему она плачет?». Та выяснила: «Она рассказывает внуку, что эта песня «Вот мчится тройка почтовая» – любимая песня его деда, то есть ее мужа. Во время Второй мировой войны он находился в лагере для военнопленных под Байкалом. Она приезжала к нему туда один раз. И русские очень хорошо относились к ней, как хорошо относились ко всем пленным японцам. Они, как положено, там работали. И муж рассказал ей, что кто-то после работы принес в лагерьный барак балалайку. Они научились на ней играть. И муж ее пел вот эту песню про тройку почтовую. Естественно, они и водочку там обязательно пили. И кто пел русскую песню, и водочку пил – те выжили. Кто этого не делал – тот не выжил. Были страшные морозы. Каторга есть каторга. Вот муж ее выжил!».

Клепалов, затаив дыхание, слушал от переводчицы рассказ старой женщины, и ему казалось, будто она сама вместе с пленными переживала страдания лагерной жизни. Мальчик стоял, не отрываясь от бабушки, и молча слушал. А она продолжала рассказывать ему, как ее муж каждый вечер ложился спать и пел «Вот мчится тройка почтовая». Из ее глаз бесконечно текли слезы.

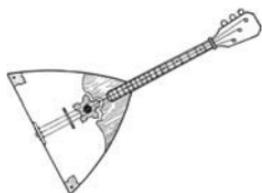
После появления в лагере балалайки, японцы сгруппировались: те, кто поет, жили в одном углу барака, а те, кто не поет, – в другом. В тоскливые и безрадостные времена они обращались друг к другу: давай, мол, запевай русскую песню. Понимали, что находились в России, сидели в лагере близ великого озера Байкал и раз уж попали в плен, то горе надо песней лечить под аккомпанемент балалайки.

Вскоре японцев выпустили на свободу. Она приехала в лагерь забрать своего мужа. Вместе они пустились в длинную дорогу домой. И пока ехали до Японии, пели эту песню «Вот мчится тройка почтовая».

Клепалова до глубины души тронул рассказ старой женщины. Она поведала внуку потрясающую историю его деда, передала ему самые светлые чувства о России. Не о войне, а о великом русском духе, о значении балалайки. Они не просто услышали эту историю из каких-то источников, а сами прочувствовали и прожили ее, и прожили так, что эти чувства остались на всю жизнь. И эту историю она хотела передать своему внуку, маленькому японцу, чтобы он был таким же счастливым, как дед и бабушка, когда они возвращались из России домой. В те времена были случаи, что там, в лагерях, японцы не хотели возвращаться домой, находили себе русских девушек, женились и оставались в России навсегда. Это говорит о том, что страшнее войны ничего нет, но война войной, а духовная связь между народами, между людьми остается. Она дарит людям долгожительство, радость, свет. Тут Клепалов вспомнил рассказ своего тестя, педагога по профессии, Евдокима Николаевича Шаманова. Если многие японцы в советских

лагерях выжили, то почти все российские пленные в фашистских застенках погибли. Обращение немцев с пленными было изуверским. Фашисты загнали тестя и его товарищей в озеро и стали расстреливать. Он спасся тем, что взял соломинку и дышал через нее под водой. Тех, кто высовывался, – расстреляли. С японцами в советских лагерях никто жестоко не обращался. Они отсидели свой срок и вернулись на родину.

Любовь японцев к России имеет загадочный, мистический характер, и в то же время сугубо реалистический подход. Ну зачем японцу из далекого далека, через многокилометровые пространства океана ехать в Россию, учиться там игре на балалайке, а затем, вернувшись домой, создавать у себя школу игры на балалайке и оркестр русских народных инструментов?! Такие поступки вершатся только из любви.

КОНЮХОВ УТИХОМИРИВАЛ ОКЕАН ЗВУКАМИ БАЛАЛАЙКИ

Путешественник Федор Конюхов ничего не смог придумать оригинальнее, чем позвать на свою свадьбу Юрия Клепалова, чтобы тот поиграл на балалайке. Кроме того, что свадьба была скромная и проходила не в ресторане, а на квартире известного кинооператора и писателя Анатолия Заболоцкого, так ему еще понадобилась старинная народная музыка. Клепалов сначала думал, что это шутка, но, прибыв на указанную квартиру, убедился, что Федор и Ирина Конюховы настроены серьезно. Пришлось заряжать гостей игрой на балалайке с огоньком и от души.

Долгое время оставалось загадкой, почему всемирно известный путешественник, совершивший пять одиночных кругосветных плаваний по океанам и морям, пересекший семнадцать раз Атлантику и покоровивший семь главных вершин мира, отказался от шумного свадебного застолья и яркого, звонкого, музыкального сопровождения в пользу скромной балалайки. Эту тайну и мне, и Клепалову доведется раскрыть позднее. А в тот вечер Федор Конюхов, отблагодарив музыканта за праздник души, попросил подарить ему кассету с его музыкой. Путешественник в это время собирался идти на Килиманджаро.

После восхождения на известную своей крутизной гору встреча двух русских подвижников и творческих личностей Конюхова и Клепалова произошла у путешественника дома. Именно та встреча позволила Клепалову узнать много неожиданного и интересного из жизни хозяина. А какой редкой и замечательной оказалась у Федора жена Ирина, хозяйка дома! Она под стать мужу увлеченный и очень образованный человек – доктор юридических наук, профессор, писатель, автор многих книг, разработчик проектов африканских государств... Преподавала во французском университете Сорбонна и в швейцарском Фрибургском университете.

Рассказывая о своем недавнем восхождении на гору Килиманджаро, Конюхов буквально сразил Клепалова одной историей: «Ты, Юра, подарил нам на свадьбе кассету, и я взял ее с собой. Взял магнитофончик, наушники. Иду, слушаю... И когда мы поднялись на одну гору, проводник вдруг попросил у меня дать ему послушать твою кассету. Я ему дал с просьбой вернуть назад. «А что за музыка?» – поинтересовался он. «Это балалайка, потрясающая балалайка», – объяснил я ему. Проводник надел наушники, стал слушать. Через некоторое время спросил: «А можно мне и дальше слушать?». «Да, конечно», – разрешил я. И пока мы поднимались на самую высокую точку Килиманджаро, он все слушал. А я был занят другими мыслями. Начали спускаться, прошу проводника вернуть мне кассету, а тот вдруг заупрямился: не отдам! И не отдал. Я не стал настаивать, подумал, что ты еще мне подаришь. А проводнику, кроме кассеты, подарил и магнитофон».

Клепалова эта история тронула не только тем, что его балалаечные мелодии звучали на Килиманджаро.

Приятно удивило то, что проводник-переводчик, который не имел никакого понятия о русской народной культуре, так заслушался игрой балалайки, что забрал кассету себе на память.

– Замечательная история, – соглашаюсь я, попав под ее впечатление. – Но мне, кажется, вся жизнь Конюхова состоит из таких вот удивительных сюжетов. Мне тоже не раз посчастливилось встречаться и общаться с Федором. Мы даже проводили с ним вдвоем совместную пресс-конференцию в Государственной Думе России, посвященную современным экологическим вызовам. Он разносторонняя творческая личность – и художник, и скульптор, и писатель. А чем тебя привлек Конюхов? Какие неожиданные истории своей жизни он еще тебе открыл?

– В нем живет великая русская душа и колышет необузданная русская энергетика, – поддержал мою мысль Клепалов. – Он мне рассказывал, как воевал с пиратами на Филиппинах. Прибыв туда на яхте, заразился тропической инфекцией. Пока лечился, пираты подняли якорь с его яхты и угнали ее в неизвестном направлении. Конюхов, вместо того чтобы пойти с заявлением в полицию, пустился в самостоятельный поиск. И вскоре нашел свою яхту, забрал ее и уплыл восвояси.

– Смелость у него проявляется не только в покорении океанов, но и в борьбе с преступниками.

– Его в Касабланке чуть не зарезали. Он мог проплыть мимо... Но не смелость потянула его познакомиться и пройтись по городу с тысячелетней историей, а книги Антуана Экзюпери. Начитавшись их, он залез в те бедные кварталы, куда нога туриста не ступала,

где старые дома арабов, мечети. Кругом полицейские с автоматами. Когда к Конюхову подошел араб со словами «Чайна канф» и стал отнимать рюкзак, то он подумал, что полицейские защитят его. Но те отвернулись. Конюхов хотел убежать, но его окружили еще два араба, подставили нож к спине, отобрали паспорт и бумажник с семьюдесятью долларами. Рюкзак с консервами брать не стали. Им они были не нужны. Бросили его на землю и пошли прочь. Конюхов не растерялся, крикнул им, чтобы вернули хотя бы паспорт. Те догадались, кинули его к ногам путешественника.

– Федор говорил мне, что смерти не боится. При этом добавлял, что уходит в путешествие с надеждой, что обретет истину. В одной из опаснейших экспедиций, переplывая океан, он чуть не погиб...

– А чего ему бояться смерти, если он глубоко православный человек?! Смелость ведь идет не столько от преодоления страха, сколько от силы веры. Мало кто знает, что Конюхов не только служил в армии, но и воевал во Вьетнаме, взрывал мосты в Сальвадоре. В одном походе по океану с ним приключилось несчастье, заболел так, что пришлось самому себе операцию делать. Вот это характер!

Мы долго говорим о подвигах путешественника Федора Конюхова.

На его счету – более сорока экспедиций. Вспоминаем, как он осуществил свою мечту водить караваны верблюдов, пройти по Великому шелковому пути. Клепалов с гордостью рассказывал, каким образом Конюхов стал первым и пока единственным покорителем пяти полюсов нашей планеты: Северного географического,

Южного географического, Эвереста (полюс высоты), полюса относительной недоступности в Северном Ледовитом океане и мыса Горн (полюс яхтсменов)... Но больше всего Юрия радовало, что в своих неумных походах Конюхов брал с собой кассеты с его музыкальными сочинениями.

Незабываемой и красивой по сюжету была история кругосветного путешествия Конюхова через Атлантику на весельной лодке, когда он вновь взял с собой кассету Клепалова.

Плавал он днями и ночами в гордом и свободном одиночестве. Так как не признавал тесных рамок обычной жизни, то всегда стремился плавать один, без коллектива, и далеко-далече, чтобы ощущалось состояние, когда ты один на один с необъятным и пугающим простором океана. И чтобы эту свободу чем-то ограничить, и чтобы океан не был так грозен и пугающ, он брал с собой кассеты с любимыми мелодиями. Авторы были разные – от Высоцкого, с которым он дружил и который посвятил ему песню, до современной певицы-патриотки Вики Цыгановой.

В этот поход он взял с собой кассету с игрой на балалайке Юрия Клепалова.

Плывет он день, два, три, неделю, вторую... Море спокойное, все на яхте и вокруг хорошо. Конюхов заскучал, взял кассету, включил магнитофон. На море зазвучала балалайка. И наступила такая Божья благодать, музыка враз заморозила и завоевала его душу, настроение улучшилось. Кажется, плыви и плыви дальше. Но тут путешественнику сообщают по радиации: надвигается шторм! Конюхов думает, что делать? Надо менять маршрут – советуют специалисты. Однако этого

делать нельзя – потеряешь скорость, упустишь время... Пока рассуждал, балалайку не выключал. И ее поэтика, и лирическая, и в тоже время жизнеутверждающая, повлияли на решение. Ладно, сказал он себе, буду рисковать, пойду прямо – балалайка мне поможет. Он сказал о своем решении специалисту, который отслеживал и сопровождал его по всему маршруту передвижения. Тот удивленно переспросил: «Тебе балалайка поможет?». Конюхов твердо ответил: «Да, поможет!».

И балалайка зазвучала еще громче, и полетела ее мелодия вдаль и вширь. Конюхов видит, что на горизонте небо становится темнее и темнее, волны поднимаются выше и выше. Но душа его не робеет, магнитофон не выключен, балалайка продолжает звучать. Конюхов опускает руку в океан, гладит волны, говорит ему добрые слова и возносит молитвы к Богу. А балалайка поет свои песни... И шторм обошел его!

Он спокойно доплыл до места назначения. На пирсе у всех встречающих – глаза круглые от удивления, всем хочется узнать, как Конюхову удалось без происшествий пройти сквозь шторм. Подбежал и специалист: «А ты где плыл?». Клепалов указывает на карте: «Да вот здесь!». Тот и поверить не может, и восторгается, и тревожится: «Не может быть, невероятно! Там же такой шторм был!». И все тычет, тычет пальцем в карту: мол, там был шторм, он должен был задержать мореплавателя! Тогда Конюхов стал рассказывать, как плыл, как гладил свирепые волны, как разговаривал с океаном... И как над просторами океана звучала русская балалайка... Федор слушал ее, усердно читал молитву... Так и приплыл. Встречающие были потрясены.

Юрию Клепалову слышать эту историю от Конюхова было и приятно, и поучительно. Он узнал одну деталь: балалайку хорошо слышно по морю, мелодии ее разносятся очень далеко. И перед каждой важной экспедицией он дарил Федору свои записи, понимая, что звуки балалайки скрашивают одиночество путешественника, помогают ему в борьбе со стихией.

– Юра, а как думаешь, что движет Конюховым, когда он идет навстречу смерти? – задаю я мучающий меня вопрос. – Что его влечет навстречу буре? Кто его заставляет идти туда, где опасность на опасности?

– Лучше писателя Александра Проханова мне вряд ли удастся это объяснить. Я с ним полностью согласен, считай, что это и мое мнение. В беседе с Конюховым тот на подобные вопросы ответил так: «Когда там, в этих стихиях я попадаю в беду, и надо мной начинает летать погибель, когда я чувствую, что меня никто не спасет, я начинаю молиться моим предкам: моему отцу, матери, бабушке, деду, всем моим сродникам. Я начинаю молить о спасении. И в этих страшных пучинах среди грома, среди молний, среди бурь они являются ко мне. Выхватывают из пучины и спасают меня, поэтому я двигаюсь туда, чтобы встретиться там со своими предками, со своим народом. И для меня нет более высокого счастья, чем эта встреча, потому что они со мной, живы, а я с ними. Это принуждает меня вновь и вновь отправляться в странствия на встречу с моими родными и близкими».

– А что тебе больше всего нравится в его характере?

– В нем есть такая устойчивость характера, невероятная сила глубокого мужика, русского мужика. И мыслит он, как подобает православному человеку, с болью, с со-

страданием, что о людях, что о природе. Живет эта боль в душе, и она ему помогала преодолевать все сложности и трудности странствий. У него всегда горит сердце. Ему все подвластно! Он все преодолевает! То в составе группы водолазов погружается с аквалангом к месту гибели линкора «Новороссийск», то побивает российский рекорд по длительности полета на воздушном шаре, продержавшись в воздухе свыше 19 часов, и лишь нехватка топлива не позволила побить мировой рекорд, то преодолевает на экспериментальном воздушном самолете на солнечных батареях около 1700 километров... А еще Конюхов становится первым человеком в истории, который в одиночку пересекает на весельной лодке Южный океан от Новой Зеландии до пролива Дрейка, разделяющего Южную Америку и Антарктиду.

– Ты нашел ответ на вопрос, как этому человеку, неширокому в плечах, не особо мускулисту, вдруг удалось стать этим первым рекордсменом и к тому же покорить все океаны?

– Все его странствия, испытания себя и техники просто потрясающи! Будучи православным человеком и родственной душой ему, я могу сказать только одно: это Господь Бог ему помогает!

– Кто же атеистам помогает?

– Атеисты дьяволу служат, они отрицают философию духовной жизни, связанную с верой в Бога. Атеисты и нормальную-то жизнь отрицают. Кто как не Бог помог Конюхову, когда он плыл в океане, проходя тайфун?! Это же чудо. Тайфун прошел мимо – это же чудо! Как Конюхов проходит тайфун и делает мировой рекорд? Это чудо, дарованное Богом.

– Твои слова атеист в одну минуту все исковеркает. Он считает себя более значимым, чем Бог, и скажет, что вера, религия – это одна из форм угнетения человека.

– Мало ли умных дураков на свете? Когда подобные умники обвиняют Конюхова в гордыне, будто это она толкает его на установку рекордов во время кругосветок, он поясняет, что намеренно меняет маршруты походов, «сбивая» с толку судьбу. И за этим он как бы прячется, ищет лазейку. В одну из кругосветок он взял, к примеру, цветок. И когда перевернулся на яхте, то просил у Бога: «Я грешен. Но если я утону, то и безвинный цветок погибнет». В этом признании я нахожу ответ и на вопрос, почему Конюхов принял сан священника.

– Какие у вас еще были общие темы в беседах?

– Помню, мы с популярной нашей певицей Викой Цыгановой принимали участие в художественной выставке Конюхова. Он, замечательный художник, представлял свои работы. Я играл на балалайке, Вика пела свои чудные романсы. (Кстати, у меня есть пластинка, на которой звучат романсы в исполнении Цыгановой с нашим аккомпаниментом.) Там мне удалось поговорить с Конюховым, мы с ним вдвоем посидели. Я поинтересовался: «Как ты картины рисуешь?». Он мне ответил: «Все не так сложно, Юра, я их проживаю. Увидел, допустим, гору, и не просто ее запечатлел – я ее прожил, я ее прочувствовал, я к ней нашел особенные краски, краски, которые меня волновали. Картина тем и хороша. Я рисую не потому, что творческий человек, что хочу сказать свое слово в живописи и у меня открытая душа. А потому, что хочу донести до зрителей красоту природы, заставить их поразмышлять вместе со мной. Мне не нужно приукрашивать моря и океаны, птиц и зверей,

я пишу правду, которую открыл сам. И если зрителя до глубины души тронула картина, связанная с морем или с пейзажем, которые я видел, если каждый находит в них что-то свое, то в этом, наверное, и кроется секрет таланта художника». Я понял, что Конюхов через свои картины разговаривает со зрителем, он хочет заставить их волноваться вместе с ним.

– Зачем ему, великому путешественнику, живопись?

– Тут, на мой взгляд, есть как бы два момента. С одной стороны, компенсация того, что ему не хватало где-то еще реализоваться. Он много путешествует, впечатления накапливаются, все эти пейзажи, киты, дельфины, альбатросы напитали его душу. Все эти впечатления прожиты им. А куда их девать? Он и «выбрасывает» их все в картины, а картина идет к зрителям. Отдал живые впечатления, а они обратно вернулись в виде радостных откликов зрителей. Конюхов счастлив. Художник, который отдал картине душу, а душа перешла к зрителям, и они переживают так же, как он, что может быть счастливее для художника? Это же самое главное.

– А каким образом судьба связала вас троих – тебя, Конюхова и Вику Цыганову?

– Вика Цыганова часто приглашала нас на свои сольные концерты. Конюхов очень дружит с Викторией и с ее мужем, у них теплые отношения. Есть история, которая говорит об их доверии друг к другу. Вика имела свою яхту в Эмиратах, и из-за каких-то там событий ее надо было перегнать в Черногорию. Они попросили сделать это Конюхова. Лучшего мастера найти было трудно, и Конюхов яхту эту перегнал... Я тоже высоко ценил и ценю Конюхова, потому откликаюсь на его просьбу

поиграть на балалайке, зная, что он любит русскую народную культуру...

Помню, когда мой друг писатель и депутат Госдумы Сергей Шаргунов делал для телевидения очередную передачу «Двенадцать» и посвящал ее известному поэту, редактору патриотического журнала «Наш современник» Станиславу Куняеву, которого и ненавидели, и травили чиновники-либералы и русофобы всех мастей, то я подсказал ему, чтобы он вставил в свою передачу маленький полуминутный сюжет с поэтом Мандельштамом, а все остальное время посвятил Куняеву. Только в таком режиме работы можно было сохранить передачу, рассказать зрителям о творчестве замечательного поэта и издателя, а также уйти от обвинений в антисемитизме.

– Правильно... А с Викой Цыгановой мне повезло работать три года. Мы ездили с ней по всей стране, даже в Эмиратах выступали. У неё была знакомая, которая побывала на одном из моих концертов и предложила: «Я хочу вас с Викторией Цыгановой познакомить. Если бы вы объединили свои усилия, то ваш концерт прошел бы еще с большим успехом!». Я согласился. И когда мы начали репетировать вместе, Вика Цыганова сказала: «О-о-о, прекрасно. Для творческого зрителя мы открываем и даем что-то новое, волнующее душу и сердце. Совершенно другое дело – русские романсы, народные песни!». Наш концерт стал удивительным чудом. Его надо было записывать. То было какое-то откровение. Зрители были в шоке.

– И какие номера более всего покорили их?

– Самые удачные – «Ямщик, не гони лошадей», «Хризантемы», «Я ехала домой», «Пара гнедых». Еще романсов пять-шесть публика принимала на ура!

Мы Цыгановой аккомпанировали. Потом мы с сыном Женей еще две сольные вещи играли, в частности, «Гляжу в озера синие». Концерт стал откровением. Цыганову чуть ли не на руках носили. Русская тема тронула всех без исключения. Помимо нашей программы ее шлягеры всегда звучат замечательно – «Приходите в мой дом», «Андреевский флаг», «Калина красная». Эти номера она исполняла со своим ансамблем.

– Мне тоже нравится творчество Цыгановой, хотя больше трогает Жанна Бичевская.

– Бичевскую и Цыганову объединяет, конечно же, православная тематика. Из эстрадников по исполнению Вика Цыганова выделяется своей яркой манерой, своим тембром. Бичевская – это другое. Она прекрасный бард. У Вики программа очень разнообразная, она отличается патриотическим уклоном, особенно «Это Крым», песня, предвосхитившая присоединение Крыма к России. Вика сама сочиняет песни, музыку. У нее и муж пишет прекрасные, замечательные стихи.

– В Эмиратах, говорят, вы помогли установить православный храм?

– В Дубае живет много русских, которые занимаются бизнесом и прочими делами. Они долгое время собирали деньги, чтобы поставить русскую церковь. Арабы для нее место выделили – километрах в пяти-шести от Дубая. Нужны были деньги. Для того чтобы собрать пожертвования, пригласили Вику Цыганову, яркую певицу, которую знает как богатенький, так и бедненький народ. Я выступал на том благотворительном концерте вместе с Цыгановой. Сцена была установлена в парке рядом с бассейном, где дельфины плавают. Хозяином

парка и дельфинария был русский бизнесмен. Мы поем, а рядом дельфины плавают... Хорошая поездка была.

– Кроме Эмиратов, куда вы еще ездили с концертами?

– За рубежом мы больше не выступали. Ездили много по России – Екатеринбург, Тюмень, Новокузнецк, Кемерово, Новосибирск. Летали в основном самолетами. Помню, прилетели в Тюмень, отыграли концерт и собрались лететь обратно в Москву. А к Цыгановой вдруг подходит администратор и говорит: «За вами из Петербурга прилетает частный самолет... Вас приглашают на юбилей одного из руководителей Санкт-Петербурга». Виктория Юрьевна спрашивает меня: «А ты полетишь в Питер?». Я, конечно же, согласился. Впервые в жизни летел на таком комфортном самолете и почувствовал, как шикарно живут небожители. На борту самолета был такой стол с яствами, там такие стюардессы нас обслуживали, что я почувствовал себя премьер-министром. Мы прилетели в Петербург часам к 12 ночи, успешно выступили с концертом на мероприятии. Цыганова пела любимые всеми романсы, а мы ей аккомпанировали.

– Но вернемся к Конюхову. Ты хорошо заметил, что он пишет картины для выражения своих чувств. Но он не только художник, он еще и писатель, книги пишет. Как ты воспринимаешь его в этой роли?

– К сожалению, я его мало читал. Все больше мучаюсь музыкой. У него прекрасные книги «Мой путь к истине», «И увидел я новое небо и новую землю», «Все птицы, все крылаты». Приступаю к чтению только что вышедшего его знакового произведения «Там, где видно Бога». Он великий подвижник. Если бы это был Мандельштам или еще кто-то не из русских личностей, его возносили бы по всему бы миру, вся пресса бы на него

работала. А тут появился русский богатырь с такими подвигами и возможностями... Его стараются принизить.

– Анатолий Заболоцкий мне рассказывал, как директор одного из телеканалов, господин Эрнст требовал от Конюхова прекратить называть себя в эфире русским путешественником. Рекомендовал называться россиянином. Но Конюхов не послушался, и с той поры его перестали показывать у Эрнста на телевидении. Кстати, сам Конюхов на мой вопрос, а правдива ли эта история, ответил мне: «Примерно так все и произошло!».

– А как он может не сказать, что он русский?!

– В нем чувствуется русский характер. А как ты думаешь, в чем эта русскость заключается?

– Я считаю, русскость Конюхова состоит в той любви, которую он проявляет. В большой любви к делу, которому всего себя посвятил. Потому что любовь охвачена не просто чувствами, она в самом его характере заложена. Она выстрадана его поколениями. Дед у него плавал с великим путешественником Седовым. Русский человек не может жить без того, чем занимается. Я, например, живу балалайкой, и бизнесом каким-то никогда в жизни заниматься не буду. Пока живу – буду пропагандировать балалайку, и для меня это единственно верное русское дело, то глубокое понимание истины, которая владеет мной. Конюхов, как первопроходец, идет от тех моряков, от их высочайшей культуры покорять все непокоренное. Он продолжатель их дела, испытатель. И то, что он испытывал в кругосветных экспедициях, испытывали и предыдущие великие путешественники, которые открывали новые острова, новые горизонты. Поэтому Конюхов чувствует себя как соучастник, как коллега. Ему Богом дано дальше продолжать эту линию.

А оборвется эта линия – оборвется история, оборвется то величайшее духовное наследие, которое он в себе несет. Вот в чем дело. По-моему, в этом вся русскость. Русский несет духовное наследие нашего народа. И несет не просто, а страдает как всякий нормальный русский человек, ведь через страдание, через муки он возвышается. Это чисто христианское понятие. Как Христос страдал и возвысился.

– Он и смерти не боится. Пишет в дневниках, что идет в плавание и понимает, что может не вернуться...

– Так может сказать только русский человек. Ему это характерно. Однажды я летел на самолете в Токио. Выглянув в иллюминатор, увидел, что за нами несется громадный тайфун, и вдруг он как мотанет самолет за хвост! В «Боинге-747» находилось человек пятьсот, и все тут же разом ахнули. Рядом со мной сидел сибиряк, который спокойно мне сказал: «Держись, ты же русский!». И я держался, как мог.

– Конюхов, по твоим рассказам, очень любит балалайку. А ты играл специально для него? Какие мелодии он просил исполнить?

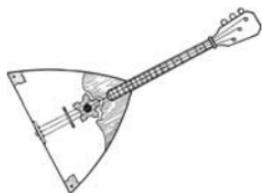
– У него, как у Заболоцкого, есть что-то общее в характере, в поведении, в восприятии культуры. Заболоцкому нравится моя мелодия «Стоит меж лесов деревенька». Он ее очень любит. И так же ее любит Конюхов. Я играл ее для Федора на квартире у Заболоцкого. Там мы часто встречались. Заболоцкий, бывало, звонит: «Конюхов приезжает, давай и ты выдвигайся. Послушаем балалайку, приобщимся к народной культуре!». Тогда Конюхов только-только начинал путешествовать... Гостил я у Федора и дома на Таганке. Свой дом он сделал самолично, по собственному плану и, главное, на том самом месте

на Таганке, близ станции метро «Павелецкая», где в стародавние времена его дед держал конюшенный двор. Федор рассказывал мне, как боролся с местным начальством, которое не давало ему это место для стройки. Не давали ни землю, ни здание. Находили разные причины. Между тем, это место его родовое, и только благодаря этому ему и дали разрешение на стройку. Когда он боролся, воевал с начальством, я приходил к нему, поддерживал. Здесь же Конюхов открыл часовню во имя святого Николая чудотворца Мирликийского, посвященную всем путешествующим. Я иногда прихожу в нее помолиться. На стене висят два якоря, подаренные адмиралтейством.

– Он тебя звал с собой в море, в путешествие?

– Нет, он меня не заманивал. Я бы пошел, но у меня семья, боюсь, как все вцепятся... У него же семья боевая, жена и сын часто с ним путешествуют. Я же тоже так много ездил на гастроли, что жена однажды сказала: «Ты за нашу совместную жизнь, наверное, всего месяца два дома был!». У меня душа как у Федора Конюхова – путешественница.

Тут я заметил, как загадочно и обнадеживающе сверкнули глаза Юрия Клепалова. Он все-таки готов броситься на встречу с океаном, где из воды показываются редкие ленивые киты, а небо бороздят уставшие и благородные альбатросы. Лишь бы Конюхов позвал за собой...

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Режиссер Ирина Поплавская пригласила Юрия Клепалова сняться в фильме «Очарованный странник». Он без раздумий согласился. И потому, что любил писателя Лескова, читал не только его повесть «Очарованный странник», но и другие произведения, а еще и потому, что это была его первая роль в художественном фильме.

Перед поездкой на съемки он заглянул в сборник лесковских рассказов и повестей. От их сюжетов, слов и образов веяло древностью, загадочностью. Перед глазами стояли золотые оклады икон и березовые рощи с белоствольной чистотой. Кружилась голова от пения колоколов с высоких строгих колоколен. Только гениальному писателю с православным мировоззрением дано чувствовать, видеть и писать о величии русской души, о прекрасной природе срединных регионов России. Более того, благодаря таким писателям не прерывается необыкновенное по красоте и содержанию живописное полотно великой русской народной культуры. Атеист никогда в жизни так не может написать – с такой любовью, нежностью, с такой тонкостью. Клепалов читал Лескова и чувствовал, какое очарование шло от его слога. А тут еще судьба связывает его с прекрасной повестью Лескова «Очарованный странник», где ему уготована участь быть сопричастным к ее оживлению!

На съемках фильма «Очарованный странник»

Он собрал чемодан и приехал на съемки в город Хвалы́нск. Первый, кого он там встретил, был замечательный артист Александр Михайлов. Вокруг него бегали женщины экспансивно-романтические. Одна с невинным лицом что-то с жаром говорила ему. Ветер порывисто шумел и клубил ее разноцветное платье. А Михайлов сочувственно взирал на нее. Был он красив и строен.

Только успел Клепалов поздороваться с Михайловым и артистками, как к нему подошла Поплавская. Без лишних разъяснений скомандовала: «Давай мы тебе бороду приклеим, усы. Бери балалайку, тебе сейчас придется играть. Будешь сидеть на скамейке, перед тобой пройдет парочка – мужчина и женщина. Она его не любит, и все время смотрит на балалаечника, то есть на тебя. Ты должен ей глазки строить, и в это же время частушку спеть, которую Лесков сочинил о женщинах».

Играть на балалайке Клепалов готов был хоть на протяжении всего фильма, но вот петь частушки не мог. Хотел на сей счет высказать недоумение. Но режиссер Поплавская сама спросила: «А петь можешь?». «Нет, – замотал он головой. – Петь я не могу». И рассказал ей забавную историю, которая произошла с ним на одном из концертов. После того как он спел на сцене какую-то песню, ему из зала передали записку: «У вас замечательный ситце-бархатный голос, у вас не голос, а клад, и как любой клад, его нужно глубоко закопать в землю». Потом пришла и вторая записка: «Слушали вас в первом отделении, слушали во втором, надеемся услышать и в третьем отделении». И подпись внизу: «Начальник третьего отделения милиции Петров». «И я талант «закопал»: перестал пробовать петь», – признался Клепалов.

Услышав этот рассказ, режиссер сказала: «Ладно, Юра, не обижайся, артисты колючие, завистливые. Попробуй все же спеть».

Начались пробные съемки, и Клепалов сыграл отведенную ему роль. Спел и куплет, сочиненный Лесковым:

«Барышни злодейки, с вами пропадешь.

От вас, чародейки, места не найдешь».

Он сидел на лавочке, играл. Мимо шла парочка... По улице народ всякий прогуливался. В это время Михайлов разговаривал о своей жизни с женщинами. По замыслу режиссера все это происходило как бы на фоне народных гуляний. Клепалов играл задорно, глазки строил. Бороду с него сняли, усы лишь оставили.

Только он сыграл на балалайке и стрельнул глазами, как режиссер остановил камеру: «Все, стоп, снято!». Клепалов переспросил: «Что значит все?». Поплавская ответила: «Эпизод снят. Все вышло блестяще! Ты, Юра, отыграл хорошо». Довольный Клепалов заходил кругами по улице, где столпились и артисты, и зрители. Ему хотелось показать всем, что он сразу, с одного дубля, вошел в роль и сыграл ее на высокой ноте. Тем более, это была его первая актерская роль. Но на него мало кто обращал внимания. Местные жители нарасхват рвали актера Михайлова, просили дать автограф, сфотографироваться с ними...

В конце работы Поплавская сказала: «Юра, мы с тобой еще в одном фильме сыграем. Я тебя обязательно приглашу, будешь играть на своей замечательной бала-

лайке!»». Она погладила его по голове, по плечу и добавила: «Молодец, Юрочка!»».

Вслед за режиссером поблагодарила Клепалова и та женщина, которой он строил глазки: «Знаете, молодой человек, я хотела сказать Вам большое спасибо». Клепалов опешил: «За что?». «А на меня никто и никогда не смотрел так, как Вы. Спасибо!»».

Потом он узнал, что этой женщиной была не профессиональная актриса, а местная жительница, служащая в какой-то конторе статистом.

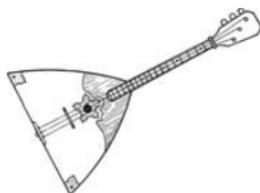
Вечером Клепалов взял балалайку и пошел на берег Волги. Свой инструмент он не привозил. Балалайка была местная, четырехструнная. В те годы мастера делали и четырех, и пятиструнные инструменты. Экспериментировали. Клепалов понимал цель мастеров. Если играть на четырех струнах, то первая струна – она как бы удваивается и немножко делает звук чуть-чуть фальшивым, получается такой шарм, будто на гармошке играешь. Конечно, игра не точная, а с каким-то легким тембральным отклонением. Но эффект от этого хороший. Хотя, если взять чистые ноты и в игре следовать им как на фортепьяно, то звук будет не очень. А игра на трех струнах – это открытая дверь в классику. Тут великий балалаечник Василий Андреев всем урок преподнес: на трехструнке безукоризненно исполнял любые классические произведения.

Клепалов сел на крутой берег реки, взял балалайку с народным строем и начал импровизировать. Какие только мелодии он не исполнил! Всех и не счесть. А рядом широко течет Волга. Места вокруг живописные, знаменитые. До революции здесь отдыхали богатые

и расторопные купцы. Художник Петров-Водкин любил эти родные пейзажи и просторы.

Сидит Клепалов, играет на балалайке час-другой, думает о жене, о детях. А река течет, притягивает к себе... Но все же пора уходить. Поднялся он с бугорка... И вдруг услышал голос. Откуда – непонятно. Людей не видно, и, кажется, не должно быть и слышно. Постоял, присмотрелся и вновь услышал голос – с того берега реки: «Эй, мужик, ты чего бросил играть? Мы за тебя тут выпиваем! Сыграй нам еще что-нибудь такое задумешное, чтобы шибко душу растревожило!».

Тут Клепалов вспомнил, как путешественник Федор Конюхов после очередной экспедиции в океане говорил ему, что звуки балалайки настолько органичны с природой, что идут легко вдаль по воде. Пораженный этим свойством природы, Клепалов сыграл для далеких и невидимых гостей еще несколько народных песен, вложив в них душу. И услышал в ответ: «Все правильно, дружище, балалайка – это наше родное, и твое, и народа. Спасибо тебе за игру, теперь можешь идти домой!».

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ ПАХМУТОВОЙ

До прихода машины, которая должна была отвезти его в аэропорт, оставалось много времени. Он сидел в администрации Ямало-Ненецкого округа и ждал. В голове кружилась знакомая романтическая мелодия, и Клепалов не удержался, запел:

*...Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед.*

Откуда пришла эта мелодия, откуда этот порыв сердца, заставивший его петь, он не ведал. Знал лишь, что стихи принадлежат Льву Ошанину. А мелодию для них сочинила композитор Александра Пахмутова. И если бы ему сейчас сказали, что через каких-то десять минут он будет беседовать с ней о жизни, причем один на один, то он бы не столько удивился, сколько осерчал. Пахмутову – поистине уникального композитора – знала и почитала вся страна. Вряд ли у нас можно найти человека, который не знал хотя бы одной ее песни – «Надежда», «Хорошие девчата», «Песня о тревожной молодости», «Геологи», «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Куба, любовь моя», «Старый клен»,

«И вновь продолжается бой», «Как молоды мы были», «До свиданья, Москва», «Обнимаю небо», «Беловежская пуща»... Александра Пахмутова стала символом эпохи. Она написала более четырехсот песен – в них и чувственная лирика, и оправданно пафосная героика, ударные стройки и космические подвиги. Эти песни настолько известны и любимы, что исполнять их в семейном кругу, на концертах вместе с публикой – стало доброй традицией.

Клепалов относился к той категории редких людей, для которых среди земных радостей одна была самой большой – радость общения, особенно с тем человеком, с которым можно петь любимые песни. Дело порой не в магической силе песни, а в понимании ее значимости, в умении связать единой патриотической нитью разные поколения. Если песня зовет к служению великой цели, к самоотдаче во благо родной страны, к нравственному и духовному совершенствованию, то это его, Юрия Клепалова, песни! А общение с теми чрезвычайно редкими людьми, которые сотворили эпоху и дали Клепалову стимул для достижения великих нравственных и культурных целей, к которым он относил и Пахмутову, позволительно только по Божьему проведению.

И тут происходит невероятное-очевидное. В кабинет заходит глава администрации Ямало-Ненецкого округа и сообщает Клепалову, что сейчас в аэропорт идет его машина, и он поедет вместе с Александрой Николаевной Пахмутовой. Второй машины нет, а на самолет опаздывать даже великим людям непозволительно.

Далее все произошло, как по клепаловскому правилу: настоящая песня быстро объединяет людей. Всю

дорогу они ехали в одной машине и тепло беседовали на самые разные темы. Клепалов вспомнил, как впервые увидел Пахмутову на Всемирном фестивале молодежи и студентов, который проходил в 1985 году в Москве. Он участвовал в нем по линии комсомола. Клепалов уже тогда, в юности, понимал, что этот композитор – человек святой, и все, что она делает, – однозначно делает во славу Божию, во славу России.

Из всех рассуждений о жизни и творчестве Клепалову по душе были те, что касались ее незабываемых встреч с творческими личностями, ставшими единомышленниками, – со Свиридовым, Ведерниковым, Архиповой, Федосеевым, с поэтами Владимиром Костровым и Робертом Рождественским, с космонавтом Юрием Гагариным. Единственную тему обходил стороной Клепалов – это политику. Тогда во все структуры власти проникла либерально-космополитическая команда Ельцина, и русская, советская культура в один миг стала изгоем в стране. Но Пахмутова сама затронула эту нелицеприятную и ранимую тему. У нее при всех правителях была репутация недостаточно лояльного человека, так как она ни перед кем никогда не заискивала, не выпрашивала смиренно подачек и наград от власть предержащих. И власть это чувствовала и не могла простить. Наказание строптивой и слишком патриотичной особы в непатриотичное время выдуманно было тяжелое, страшнее смерти – ее решили уничтожить забвением. Это из ее признаний. Клепалов понял: период мести и опалы не прошел бесследно для композитора, ставшего при жизни нашей национальной гордостью. Безусловно, это ей было горько и трудно понять и принять.

– Разве можно уничтожить Пахмутову? – взорвался я, когда услышал о преступлении, чинимом властью против великого и любимого народом композитора, и стал засыпать Клепалова острыми вопросами: – Куда они выкинут ее песни, по которым можно изучать историю нашей страны – «На Мамаевом кургане тишина», «Усталая подлодка», «Знаете, каким он парнем был», «И вновь продолжается бой»? Как они собирались Пахмутову уничтожить?!

– Все просто: ее перестали приглашать на телевидение, – сказал Клепалов. – Песни, которые звучали в советское время, прекратили звучать. Концертные площадки, театры – все было для нее закрыто. А что такое для великого человека, когда его еще при жизни начинают уничтожать? Если сказать просто и прямо, то это – трагедия.

– Она осознала, что находится в информационной блокаде?

– Конечно. Искусственное забвение, блокада – все вершилось открыто. Один критик-русофоб так и сказал: подрезали певчей птице крылья.

– Власть подчеркивала ее не востребованность, ненужность? Она в этом признавалась?

– Да, да! Один чиновник имел наглость советовать ей не восхищаться бурно музыкальными достижениями Советского Союза и не выступать против «нынешних реалий». Но кто может заткнуть рот Пахмутовой? Никто! По всей матушке России разлетелся ее вердикт, вынесенной либеральным кремлевским сидельцам во власти, как приговор: «Если бы я была девочкой в это время (нынешнее), никакого композитора Пахмуто-

вой не было бы. В лучшем случае я была бы нянькой у какого-нибудь олигарха».

– Ты пропустил в этом честном вердикте сказанное выше предложение: «Спаси нас может только нормальная нравственная и художественная среда, подобная советскому радиовещанию, воспитавшему и образовывавшему нас, и (это очень важно) и бесплатное образование». Но Пахмутова на этом блокадном фоне, тяжелейшем, не впала в уныние, не спряталась. Никакой капитуляции и отступления от своих принципов не произошло. Наоборот, она решила сделать ответку, нормальную, патриотическую. Записала песню «Русский вальс». Ее спел тогда малоизвестный певец Юлиан. Она взяла восходящую звезду Юлиана, так как это было ее стратегическое решение. И он прекрасно спел эту духоподъемную песню. Это был его дебют. Но главное – и власть, и страна услышали: Пахмутова никуда не исчезла, она в боевом строю, она с народом.

– И тут появилась песня, которую власть космополитов и русофобов в Кремле на дух не могла снести, чиновники скрежетали зубами и готовы были Пахмутову разорвать на куски, – «Остаюсь с обманутым народом».

– А еще «Настало время бить в колокола», «Погуляем по России», «Веры тонка свеча на окне горит», «Госпожа нищета», «Горькая моя Родина».

– Это вызов колониально-продажной и бесовской власти, как ее называли классики современной русской литературы Белов и Распутин, или это программа новых времен?

– По-моему это песни народного и социального протеста. И когда их поет народный трибун, то весь зал

встает. Так было всегда. Под песню Пахмутовой «Поклонимся великим тем годам» народ вставал, и вставал весь в слезах. Под ее песню «Мать и сын» в исполнении великой Людмилы Зыкиной опять же вставал весь зал. Замечательно пел эту песню и Юлиан.

– Напомни слова ее...

– С удовольствием...

*«Жизнь открыта недобрым ветрам,
Только истинный выстоит храм,
Ты мой сын. Ты – сын России.
Не молись чужим богам...»*

– Боевая, патриотическая песня. Я знаю ее хорошо, часто слушал кассеты в магнитофоне. Только думал, что название у нее другое... Слова пробирают до костей.

*«Трудно соколу в небе лететь,
Трудно песню о Родине петь,
И никто, никто не знает,
Сколько нам еще терпеть...»*

*Гнутся деревья. Гнутся к земле,
Мы не согнемся.
К нашим истокам даже во мгле
Снова вернемся».*

– Юра, а ты по телевидению эту песню слышал?

– Тексты подобных песен, тем более с пахмутовской правдой, убедительностью и экспрессией, организаторы концертов на дух не переносят. Не то что боятся их

включить в программу, пустить в эфир, но и помыслить не могут: как это, возвращаться к русским истокам? У них иные идеалы – нажива, разнообразные удовольствия и чуть ли не каждодневный поход в торговые центры.

– Потому и молятся чужим богам, продажной и коррумпированной правительственной «элите». Выходит, ни телепрограммы, ни эстрада не могут сменить курс?

– Мне запомнились слова Пахмутовой на сей счет: «Я не оправдываю артистов эстрады, когда они поют только то, что разрешается, то, что поощряется. Идите дальше, смотрите, почему поощряется. Это же социология, это политика. Не думаю, будто артистам эстрады говорят: «Пой нарочно про грязь». Но, оказывается, это прибыльно. Еще говорят: зато свобода! Да мне не нужна эта свобода!».

– Очевидно, что власть боится того, чтобы эстрада прониклась патриотическим духом, тем более, национально ориентированным. Не отсюда ли убийство Игоря Талькова, зовущего композиторов и певцов вернуться к истокам? Мои запросы в Генеральную прокуратуру с предложением докопаться до истины не нашли поддержки. Отсюда, видимо, и непростая судьба певца Юлиана?!

– Триумфальным взлетом стали в его исполнении «Русский вальс», «Звездная река». А когда Юлиан спел «Остаюсь с обманутым народом» и «Мать и сын», то покорила всех думающих россиян, поднявшись до высоты гражданского искусства. Однако если бы он хорошо выучил уроки Пахмутовой и Зыкиной, то и судьба бы его не стала сложной. Почему все, что я знал и слышал о Пахмутовой, как о «последнем композиторе, достигшем невероятных высот в жанре художественной пес-

ни», все подтвердилось при личной встрече с ней? Наши мнения совпали. Да потому, что великий музыкант не может быть каким-то другим, он обязательно должен быть национальным достоянием. Он должен нести все то, что есть в русском человеке, в русской нации – сочувствие, душевность, благородство, сострадание, трудолюбие. Я уверен, что когда Пахмутова писала музыку, то пропускала через себя как страдания наши русские, так и подвиги народные. И когда она мне говорила в машине о том, что ее власть взяла в блокаду, то она переживала не за себя, а за то, что уходит из эфира ее родная тема, которой она отдала всю жизнь. Тема служения Родине. Она же воспитывалась на русской классике, на великих музыкантах, композиторах, которые несли нашу величайшую русскую музыку! И поэтому, конечно, ей было обидно. В этот момент мы и застали ее на Ямало-Ненецкой земле.

– Чем же закончились ваши беседы в машине и в аэропорту?

– Вместе со мной был сын Женя, и мы, конечно осторожно, тихонько успокаивали Александру Николаевну, говорили, что мы ее любим, чтобы не переживала. Мы не сидели, как два сухаря, и не молчали. Она немножко успокоилась. На такой доверительной ноте мы доехали до аэропорта. Первая встреча с великим композитором, гигантом в области песни открыла мне многое. Мне понравилась в ней удивительная скромность, простота и очарование русской женщины, которые свойственны лишь гениям. Она не стеснялась говорить о своей беде. Другой бы человек промолчал, а она, видимо, почувствовала во мне родственную душу, раз поделилась сокровенным. И мы стали как-то ближе к ее беде, к ее по-

ложению, ближе по духу. Мы внимательно ее слушали, а она подробно нам рассказывала, как ее закрывали и там, и сям, особенно на телевидении, какие у нее уничтожили записи на Всесоюзном радио и телевидении. Для нее это была полная катастрофа, кошмар. Когда в аэропорту мы стали прощаться, я ее обнял и повторил уже сказанное: «Александра Николаевна, держитесь, мы вас очень любим!». Она меня тоже обняла, и я понял, что ей нужно было теплое слово, ей нужна была наша поддержка.

Вторая встреча с Пахмутовой у Клепалова произошла спустя годы. Кажется, время должно брать свое, стирать все сиюминутное, скоротечное, если оно, конечно, таковым было. Но та давняя беседа в машине по дороге в аэропорт не прошла бесследно. По иронии судьбы в новой встрече вновь свою мистическую роль сыграла Ямало-Ненецкая земля. Вернее, она стала связующим звеном между Ямалом и Ярославлем.

У главы представительства Ямало-Ненецкого автономного округа Николая Аркадьевича Бородулина ожидался юбилей. Из любви к народной культуре, из благоговейного отношения к музыканту Юрию Клепалову, он пригласил его поиграть... А так как родился он в городе Данилове на Ярославщине, то и решил отметить юбилей там. Местная власть предоставила ему для концерта Дом культуры.

Среди приглашенных выступить с музыкальным поздравлением была и композитор Александра Пахмутова. Как оказалось, она была другом Николая Бородулина.

Перед началом концерта Клепалову не удалось поговорить с Пахмутовой, потому что он приехал в Данилов позднее ее. Вместе с ней в зале присутствовал певец Юлиан.

На концерте Клепалов с сыном Евгением решил сыграть песню «Прощание с Братском», обработку ее он сделал давным-давно, когда работал в музыкальном училище Тюмени. Это была одна из его самых любимых песен. Когда он впервые услышал ее в Тюмени в замечательном исполнении студенческого ансамбля «Ермак», у него появились слезы. После этого он дал себе зарок, что в будущем обязательно сделает обработку песни. И сделал ее для балалайки без сопровождения. Сыграл во Дворце культуры «Геолог» в Тюмени, и даже не ожидал такого успеха – народ принял ее с восторгом. Казалось бы, что тут особенного – сыграл один на балалайке «Прощание с Братском»?! Но в музыке было собрано столько чувств и мыслей тех людей, которые на самом деле верили в то, о чем песня, в то, что строят, что успех был неминуем. Люди ощутили эмоциональное состояние первопроходцев. В общем, в зале было потрясение... После концерта зрители не отходили от него. Клепалов понял, что это великая песня о России с ее высочайшей благородной болью, которая очищает душу и наполняет человека святыми чувствами. А по сути, без этой боли, без чувства нет русского человека. Песня звала вперед, к светлому горизонту.

Пахмутова сидела в зале и слушала, как Клепалов с сыном Евгением стали играть «Прощание с Братском». В какую-то секунду Юлиан неожиданно начал подпевать. «Тихо, дай послушать!», – оборвала его Пахмутова. Она сказала негромко, но ее слова все-таки долетели до Клепалова. Они стали для него своего рода поддержкой. И когда он закончил играть, то подошел к ней, она его узнала и обняла. Со свойственной ей прямоотой и ис-

кренностью сказала: «Какой ты молодец, Юрий Михайлович! Я могу чувствовать себя спокойно, что мои песни играют на балалайке. Для меня это высший показатель. Потому что «Прощание с Братском» поют, но с оркестром, а чтобы на балалайке... Да так мастерски!».

В нескольких словах композитора было высказано большое уважение к балалайке как к родному инструменту, как к фортепьяно. Она понимала, что балалайка – это национальный инструмент, и песня, исполненная на ней, становится народной. Она так и сказала: «Теперь это народная песня!». Хотя многие ее песни и так ушли в народ, они и так широко поются... Но тут другое дело – ее на балалайке играют! Значит, она уходит в вечность. Эти слова Пахмутовой потрясли Клепалова до глубины души, он на время застыл, не мог и слова вымолвить. Насколько глубоко и проникновенно она разбиралась в музыке... Лишь ее подошедший муж, поэт необыкновенного таланта Николай Добронравов, также похваливший его, смог привести Клепалова в чувство. Он поблагодарил и композитора, и поэта за высокую оценку. Пожалел, что в этот раз, не как в прежнюю поездку на машине в аэропорт, ему не дают поговорить... Пахмутова была настолько величайшим деятелем культуры, композитором, с которым по части мелодичности песен никто не мог сравниться. С ней даже в провинциальном маленьком городе все хотели поговорить.

Они попрощались и пожелали друг другу успехов. Для Клепалова важно было, что высказанная похвала стала ему подспорьем, девизом в творчестве.

Потом были точно такие же короткие встречи. Клепалов слушал на концертах ее музыку и чувствовал

глубину народной культуры, того национального кода, которые также закрепились в глубине его души. Рядом с ней всегда находился Николай Николаевич Добронравов. Знаменитый подвижник и поэт! Судьба дарила всего-то пару минут пообщаться в зале после концерта. Но Клепалов не переживал. Он ощущал, что перед ним две такие величины, что кроме слов благодарности иных сразу и не найдешь!

И все-таки судьба подарила Клепалову еще одну важную, знаковую встречу с Пахмутовой. Она произошла в Москве на концерте в Президент-отеле. Они встретились как старые друзья, – и она, и Николай Николаевич... Поговорили о творческих делах, о резко сократившихся количествах интервью, о ничтожных рецептах, как сделать популярную песню, которая принесет деньги. Пахмутова оказалась прекрасным рассказчиком, остроумным, тонким, с самоиронией... Не поведала она лишь об иных рецептах: как написать песню, чтобы вся страна сразу начала ее петь? Тут уж ее песни должны были сами все подсказать.

Клепалов подарил Пахмутовой компакт диск со своей музыкой. Она поглядела на него с улыбкой и сказала, что обязательно послушает. Перед выступлением Юрий с ней сфотографировался на память. И теперь у него в альбоме есть хорошая фотография с женщиной-композитором, которую он искренне любит, и о которой может бесконечно говорить. То, что она делает в музыке, это, по его мнению, феноменальное мелодическое богатство. В народе говорят проще: это пахмутовская музыка! Специально для нее он сыграл на концерте «Фантазию» для оркестра народных инструментов.

Его балалайка пела, и он чувствовал, что это его фантастически отшлифованное пение покорило сердце Пахмутовой. Иначе и быть не могло, ведь они вместе служили великой русской народной культуре. И она шла рядом с ним, и она, как солнце, освещала ему творческий жизненный путь.

– В творчестве Пахмутовой, безусловно, есть своя индивидуальная интонация, она редкий мастер, обладающий большой силой воздействия на слушателей. Откуда эта редкость, самобытность? Ты, Юра, тоже самобытный балалаечник. Значит, должен знать эту тайну?

– Тайны большой тут нет. Самобытность кроется в строгом следовании живой русской традиции, которая в свою очередь питается от народных истоков. Мастер, работающий в национальной традиции, не позволит себе пошлости, он стремится достичь чистейшей, совершенной мелодии. В этом громадность его таланта и безупречный вкус. А Пахмутова, как известно, училась у великих музыкантов. У Виссариона Шебалина – он ученик Мясковского, а Мясковский – ученик Римского-Корсакова, который сам являлся вечным учеником русской песни.

– А откуда в ней такая скромность, мягкость, улыбочка, снисходительность?

– Гений всегда скромен. Это его отличительная черта. К снисходительности следует добавить благородство. Она ведь не только не изменила своим принципам, но и осталась независимой, не заискивающей перед властью. Все генсеки и президенты искали с ней дружбы, а она демонстрировала им любовь к родине, патриотизм. Откуда патриотизм? От нежелания быть пессимистом,

ниспровергателем, равнодушным обывателем. От природы деятельной, созидательной, и опять же все от истоков... Девчонкой она играла на аккордеоне раненым солдатам в госпитале, в пальтишке, который ей купили в складчину всем поселком, чтобы отправить на учебу в Москву. Забыть все это – значит, убить в себе патриота.

– Пахмутова одна из немногих прославленных Советской властью деятелей культуры, кто не стыдится ни своего прошлого, ни, тем более, открытой патриотичности. Пахмутова и Кобзон – верны и себе, и Родине. Они друг друга поддерживали.

– Пахмутова из военного детства. Этим все и сказано. Кстати, у современного поэта Владимира Кострова есть стихотворение «Последние», на которое Пахмутова написала песню. Пронзительная песня, говорящая о ее безупречном служении патриотической русской традиции.

*«Мы последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники, мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны».*

– Это стихотворение я знаю, этот мелодический стиль с его душевной болью, конечно, только у русского гения мог появиться. Костров подарил мне и другое стихотворение, посвященное напрямую самой Пахмутовой. Оно символично тому, о чем ты говорил с ней, когда власть космополитов и русофобов взяла ее в блокаду.

*«То даешь надежду,
то над горем плачешь,
То летишь далеко
в широте полей...
Мы хотим, чтоб знала,
как ты много значишь,
Маленькая птичка –
русский соловей.*

*Пусть трещат сороки,
пусть кричат вороны,
Но не заглушить им песни
соловья.
В городах и весях
по родной сторонке
В каждом русском
сердце музыка твоя.*

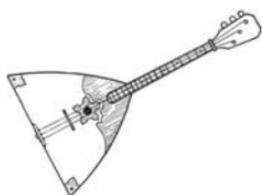
*И в тайге дремучей,
и в сиянье сада,
И в концертном зале –
вейся и живи,
Царствуй, Александра,
Здравствуй, Александра,
Охрани Россию
музыкой любви!».*

Событийной и символичной оказалась еще одна встреча Клепалова с Пахмутовой. Жена известного певца Юрия Гуляева проводила в Доме музыки вечер памяти своего мужа. Пригласила друзей и единомышленни-

ков – Пахмутову, Кобзона, Лещенко и, конечно же, Клепалова. В программе концерта вдове хотелось избежать забубенной эстрадной ахинеи и шоу, которым охвачены все телевизионные каналы. Вместо дисгармоничной музыки она давала возможность прозвучать той, которую любил ее муж Юрий Гуляев, и которая всегда благотворно влияла на зрителя.

Клепалов исполнил обработку любимой песни Гуляева «Вдоль по Питерской». А когда отыграл и спустился со сцены, то увидел, что его поджидает Александра Пахмутова. Они обнялись, и великий композитор вновь не удержалась от того, чтобы сказать коллеге добрые слова поддержки: «Молодец, так хорошо играл, что я аж заслушалась!».

Что он мог сказать в ответ этому уникальному подвижнику и рыцарю русской песни, обладателю всех престижных наград, званий и титулов?! И нужны ли были в данном случае его слова, если она давно стала ему родным человеком?! Главный подарок, который он мог сделать, – это порадовать ее своим оригинальным творчеством – подарить новую пластинку своих сочинений. Он ее и вручил под аплодисменты Николая Добронравова.

ВАЯТЕЛЬ И ВОИН ДУХА

«Юрий Михайлович, сейчас русскому человеку тяжело, как в годы революции, когда царь был убит, а храмы порушены. Но в этом, наверное, и смысл нашего стояния. Они взорвали мой памятник Николаю II и думают, что нас мало, что русских можно запугать, что мы отступим. А мы не отступим... И памятник я воссоздам ради славы России, вопреки насилию и злу. Скажу твердо: если даже два-три истинно русских человека выстоят в вере, Россия спасется»...

Клепалов слушал горячее слово скульптора Вячеслава Клыкова и поддерживал его, и радовался тому, что он с ним заговорил. Его больше тронула не высокая оценка игры на балалайке, а откровенная реакция и отзыв на недавний акт вандализма, когда в подмосковном селе Тайнинском был взорван установленный скульптором памятник Николаю II.

Ранее ему доводилось неоднократно выступать с сольными концертами в Международном фонде славянской письменности и культуры, где Президентом был Клыков. Вячеслав всегда внимательно, прилежно слушал народные мелодии и... молчал. И было в этом молчании нечто настораживающее, необъяснимое. Клепалов замечал радостный свет глаз скульптора и то, что время от времени он осторожно, стараясь не шуметь, менял позу,

поудобнее устраиваясь в кресле... Непонятным оставалась продолжительная немая реакция.

Видимо, взрыв памятника крепко расстроил скульптора. И в какую-то минуту отвлеченных раздумий он открыл душу давно полюбившемуся композитору. Вначале сказал, что для него музыка – это универсальный язык, который проникает в самые глубины подсознания и души. Однако благодаря Клепалову он понял, что у балалайки особый язык музыки – это искусство мысли, народных переживаний, мелодии, гармонии, страсти. Затем разговор плавно перешел на обсуждение трагедии с варварским взрывом, эхо которого прокатилось по всей России. От памятника остались одни мелкие куски. Сохранилась лишь небольшая передняя часть постамента. Куски металла и камня разлетелись по округе на тридцать-пятьдесят метров. Памятник восстановлению не подлежит. По мнению Клыкова, то был не просто акт вопиющего вандализма, а спланированная, если не политическая, то секто-религиозная акция, причем ритуального свойства. Обычно на первое апреля сектанты то оскверняют в Иерусалиме крест над Гробом Господнем, то устраивают гонения на христиан в Европе, а теперь взрывают памятник православному царю.

Когда Клепалов выразил уверенность, что скульптор восстановит памятник, тот согласился, что так и будет, что новый памятник окажется еще лучше. Чтобы убедить его в правдивости сказанного, он пригласил музыканта к себе в мастерскую.

С этого времени двери мастерской Вячеслава Клыкова надолго открылись для Клепалова. В первый же день он был поражен трудолюбием и упорству мастера.

По духу, творческим поискам, да и по отношению к русской культуре, он был близок ему. Искренняя устремленность к прекрасному чувствовалась в каждой скульптуре, находившейся в мастерской. Они вдохновляли, вызывали восторженные чувства. Клепалов подолгу стоял около них, всматриваясь в барельефы великих полководцев и писателей, чувствовал масштаб их личности, их титаническую энергию. Все они были выполнены классически безукоризненно. А глубокое проникновение в пластическую суть скульптуры в сочетании с собственными открытиями и почерком так сразили Клепалова, что он склонил голову перед мастером, признал в нем великий талант. На следующий день Юрий принес ему кассету со своими романсами на стихи Бунина.

Клыков в то время занимался сразу несколькими проектами. Но многие из них пришлось остановить, так как его ждала работа над восстановлением взорванного памятника Николаю II. Он не боялся постороннего взгляда, не скрывал техники, а наоборот показывал Клепалову, как прорисовывал каждую новую деталь. И Клепалов смотрел, наблюдал... Иногда заводил разговор: «Царя второй раз убивают, а он живет. Вернее, оживает в ваших руках, благодаря вашему замечательному творчеству».

В перерывах он играл на балалайке популярные народные мелодии. Заметив, что они не тревожат и не отвлекают скульптора, Юрий заполнял лирической музыкой пространство мастерской, создавая еще большую творческую обстановку.

Два русских подвижника – музыкант и скульптор – тесно сблизились на Алтайской земле. Там, во время

установки памятника писателю Василию Шукшину, между ними завязалась дружба.

На родину великого режиссера, киноактера и писателя в село Сростки Клепалов приехал вместе с Клыкковым и Заболоцким. У дороги их ждала команда местных чиновников и большая грузовая машина со скульптурой. Клыкков разругался с чиновниками, не пошел в село и не дал транспорту туда двигаться. Рассерженный и огорченный он ходил взад-вперед и ругался. Клепалов подошел к нему выяснить, что случилось. Клыкков сказал: «Не знаю, что делать?! Я планирую ставить памятник на горе Пикет, а местные власти возражают. Они подготовили площадку у трассы, все очистили... Там стояли два или три дома, так они выкупили их за девять миллионов, чтобы освободить площадку. И теперь настойчиво требуют поставить памятник здесь. Как ты думаешь, Юра, где лучше?». Обратился и к Заболоцкому: «Толя, а как ты считаешь?...». Анатолий Заболоцкий сходу поддержал скульптора. На горе памятник смотрелся и достойно, и красиво. Тем более, этот памятник хроникально воспроизводит финальный кадр фильма «Печкилавочки», изъятый из картины в советское время, и его съемка производилась на этой горе.

Для Клепалова выбор тоже был однозначно в пользу скульптора. Он сказал: «Вячеслав Михайлович, я, по большому счету, небольшой специалист в монументальном искусстве, как вы, но, на мой взгляд, и вы, и Заболоцкий правы – памятник следует устанавливать на горе. Я уважаю решение творца, прежде всего, и если творец видит, где и как нужно разместить скульптуру, то так тому и быть!».

Вокруг установки памятника разгорелась жаркая дискуссия.

Окрыляющую и вдохновляющую поддержку Клыкову оказал губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. Посетив мастерскую скульптора, обсудив проект памятника, он сказал: «Вячеслав Михайлович, отпущенный тебе Божий дар ваятеля дает нам надежду достойно увековечить имя нашего земляка и в бронзе. На Алтае в разгаре посевная, днями буду в Бийском районе, специально заеду в Сростки и тоже посоображаю о месте для памятника. А ты найди время, приезжай с «дедом» Заболоцким, обговорим все «за» и «против». Местная общественность подготовила решение ставить его у тракта».

Евдокимов сдержал слово, приехал в Сростки. Поднялся на гору Пикет. Там его ждали Клыков и Заболоцкий. Подъехали местные чиновники и деятели культуры. Аргументы противников установки памятника на горе звучали с той же категоричностью: на гору далеко ходить, грунты не позволят укрепить скульптуру, собиратели цветных металлов разнесут памятник. Страсти разгорались и кипели нешуточные. Одни наседали на Клыкова с требованием: «Перестаньте разорять Россию... Десятки тонн бронзы... Зачем повторять Мамаев курган, хватит одного». Не знали «доброхоты», что средства на создание памятника шли не из бюджета государства, а из пожертвований Клыкова и русского предпринимателя Сергея Павловича Козубенко. Нашлись и другие критики с собственными интересами. Председатель Союза художников Алтайского края Прахода В.Ф. заявил: «Мы сами лучше сделаем. Дайте

нам деньги». Остудила всех незнакомая женщина. Она сказала: «В одиночку Россию не спасти, а возвеличить можно. Клыков совершил такой подвиг!».

После всех совещаний, обсуждений, встреч все ждали окончательного слова скульптора. По репликам Евдокимова чиновники поняли, что он прислушается к его мнению. И Клыков завершил дискуссию: «Три раза я приезжал в Сростки, выискивал место и определял размер памятника, его силуэт, думал о нем не одну бессонную ночь. Для места, на котором вы настаиваете, нужно другой памятник создавать, значительно меньше. И почему вы, не будучи специалистами, беретесь решать задачи, доступные не всякому. Даже государимператоры покорялись воле ваятелей. Подумайте. Вы готовите постамент для моего замысла у дороги, здесь он будет сидеть как нищий на обочине, а на горе он будет символом, трогающим душу русскую...».

Клепалов изначально придерживался выбранной позиции. Его аргументация звучала убедительно. Скульптура – это важное явление в нашей культуре, она высоко нравственна, она воспитывает... Если ее поставить внизу под горой, то она будет нести отрицательный эффект. Почему? Да потому, что скульптура огромная и когда к ней будут подъезжать дети, то увидят, что Василий Макарович Шукшин сидит с голыми ногами у дороги, и всё – реакция сразу будет отрицательной. Впечатление будет не положительным, а разрушительным. «На мой взгляд, устанавливать памятник надо так, как и было задумано, – утвердительно заявил Клепалов. – С учетом пространства, с учетом этой природы, с учетом того, что на горе он будет виден издали, к нему, тяготея, пой-

дут люди!». Один из местных руководителей возразил: «Местные бабки не пойдут к памятнику, им тяжело на гору подниматься, цветочек принести туда». Клепалов не растерялся, ответил: «Во-первых, смотря какие бабки!.. А во-вторых, если мы будем слушать этих бабок, то полстраны потеряем!». Тут и Клыков возвысил голос: «Правильно говорит наш композитор. Я лично за то, чтобы поставить памятник на горе». Ему вторил Клепалов: «Я уверяю, что как только на горе поставят памятник, народ потянется туда. Потянется. Будет хороший результат». Скульптор вновь кивнул головой в знак согласия и благодарности за поддержку.

В шукшинские Сростки пришлось приезжать еще раз.

Местная власть все-таки пошла на уступки, сделала на горе площадку, подвела к ней дорогу. Так как дорога к памятнику должна быть в асфальтированном варианте, а денег на строительство ее у администрации района не нашлось, то в качестве благодетеля пришлось вновь выступить самому Вячеславу Клыкову. У чиновников хватило лишь сноровки для установления шлагбаума, чтобы ушлые люди не поехали в гору на машинах.

В те минуты раздора и примирения Клепалов, как мог, вселял в скульптора уверенность: «Вячеслав Михайлович, я вас поддерживаю во всем. Мне, как музыканту, чувствующему музыку на расстоянии, а памятник – это же музыка на расстоянии, хочется вам сказать: если она звучит, то звучит тот образ, который мы слышим постоянно, и который в нашем сознании, и называется он – Василий Макарович Шукшин! Писатель у нас навечно и в душе, и в голове, как и его знаменитые рассказы, пьесы, сам фильм потрясающий!».

На этой хорошей творческой волне они сели в машину и поехали к горе, где устанавливался памятник Шукшину. По дороге поднимались вчетвером – Клыков, Клепалов, Заболоцкий и киноактриса Людмила Зайцева. Пока шли, Зайцева отвечала на похвалы в адрес своей героической роли командира женского отряда в знаменитом фильме «А зори здесь тихие»...

На горе уже громыхал кран. Когда он поднял скульптуру и стал ее устанавливать, то Заболоцкий кинулся запечатлеть на фотоаппарат для истории весь этот процесс. Идея Клыкова торжествовала. Он смог увлечь ею многих людей, заразить даже чиновников. Тут проявились не только его талант творца, но и организаторские способности.

Вскоре Шукшин глядел с горы на родное село. Скульптору удалось удачно выстроить образ любимого народом писателя. Василий Макарович присел на взгорок. Босой, в рубашке с расстегнутым воротом, он задумчиво оглядывал окрестности... Это подчеркивало его близость к родной земле.

Клепалов вслед за Заболоцким тоже сделал несколько фотоснимков. А увидев, как Заболоцкий породственному смотрит на Шукшина, гладит его по руке, скомандовал ему: «Толя, садись на колени к Василию Макаровичу!». И тот залез, и получилась историческая фотография, публиковавшаяся потом во многих газетах и журналах. «Ах, Юра, как удачно ты нас сфотографировал!» – признавался Заболоцкий... Прошли годы с тех пор, когда Шукшин и кинооператор Заболоцкий были вот так вместе на съемках известных фильмов «Калина красная» и «Печки-лавочки».

Высоко оценила художественные достоинства памятника и артистка Людмила Зайцева. Она назвала его выдающимся образцом реалистического решения образа и при этом памятник остался творением, отвечающим всем канонам классического искусства. Положив к подножию букет цветов, села на скамейку рядом с Клепаловым. Вокруг них раскинулось обширное луговое пространство. Оно и навеяло на разговор о состоянии русской культуры, о духовности как о краеугольном камне русской жизни, благодаря которой Россия и является Россией. Никакая Америка не могла дать миру такие имена, как Рублев, Пушкин, Сергей Радонежский, Чайковский, Достоевский, Толстой, Астафьев, Белов, Распутин, Шукшин... На них держится Отечество. Однако с приходом к власти русофобов и либералов в России появились иные имена, которые превращают страну в колонию, в невысказанный порно клуб и торговый супермаркет. На них не может страна держаться – на Чубайсе, Абрамовиче, Лившице, Жванецком, Познере, Фридмане... Только Шукшины в состоянии оздоровить и обустроить заново Россию, вернуть человеку благородные порывы души, сильные переживания, без которых невозможно вдохновение.

«По сути, Василий Макарович – это наша икона, – заключила артистка. – И свои думы о культуре, духовности, истории мы должны сверять с ним. И чувства свои чистить, равняясь на него».

У Клепалова давно сложились хорошие отношения с артисткой Зайцевой. Он отзывался о ее творчестве самыми высокими словами, а она отвечала ему тем же. Потому и сегодня, находясь во власти Шукшина, он поддерживал

ее позицию и говорил, что для духовного возрождения страны нужно обратить внимание на великих русских подвижников, таких, как Шукшин, создавших классическое наследие, и на чистые родники народной культуры.

Их теплую беседу прервал автобус, показавшийся на дороге в низине. Он подъехал, остановился у шлагбаума и из дверей выбежали детишки с цветами. Клепалов не успел сообразить, что к чему, как веселая ребятня уже очутилась у новоявленного памятника. У него еще цемент не высох, а у подножия уже лежали цветы. Клепалов обрадовано воскликнул: «Правильно, я ведь чувствовал, что так и будет, что к памятнику понесут цветы!».

Минут через десять дети ушли, а Клепалов заметил, что к памятнику неторопливо, покачиваясь с боку на бок, тяжело пыхтя и гремя клюшками, подтягиваются неизвестно откуда взявшиеся бабушки. В руках у них колыхались пышные головки цветов. «Ничего себе, памятник не прожил и двадцати минут, а народ уже идет, – Клепалов подтолкнул в бок Клыкова, а у того глаза повлажнели от радости. – Понимаешь, какая история, Вячеслав Михайлович?! Это ваша заслуга и Василия Макаровича, что подняли народ на такую гору, что они поднялись, чтобы отдать дань уважения нашему народу. Василий Макарович ведь из гущи народной, потому сельчане и идут к нему!».

Бабушки по цепочке шли и шли... И уже к вечеру народ облепил весь памятник.

Пора было уходить. Клепалов первым спустился вниз к недавно отстроенной сцене, где намечалось проводить фестивали артистов и писателей. К нему тотчас подошел мужичок. Постоял, подумал и вдруг изрек: «Слушай,

дай мне 800 рублей, я расскажу про Ваську Шукшина, как он тут хулиганил». Оторопевший от наглости Клепалов сразу отрезал: «Я, во-первых, денег тебе не дам. А, во-вторых, еще раз скажешь такое, я тебя со сцены спущу». Наглец запричитал: «Понял, понял!» и исчез. Тут же подвернулась толстая бабка: «Да-а, Макарыч, хулиганил, девкам проходу не давал. Шустрый такой. И отец у него шустрый был. Тяжелый мужик, хваткий. Репрессировали его, расстреляли, а сын переживал...». Клепалов не дал ей договорить, перебил: «Бабка, что ты плетешь?! Видишь, какой идеальный человек вырос у вас, ему памятник поставили, потому что он писатель с мировым именем. А может, и надо было, чтобы он такой был человек – шустрый!?».

Разговорчивая бабуля приуныла, но добавила: «Я хотела, чтобы памятник у дороги стоял, рядом с селом, как планировалось. Мы хотели возле него открыть базарчики, продавать сувенирчики и все прочее. Я хотела там поторговать. А сейчас как я буду на горе торговать!?».

Поняв суть претензий бабули, Клепалов успокоительно ей разъяснил: «Зачем тебе у памятника торговать, там народ должен быть». И показал рукой в сторону горы. Там народ продолжал идти к Шукшину. И что удивительно, никто его не заставлял.

Клыков, видимо, слышал отголосок неприятного разговора, потому переспросил у Клепалова, чем недовольна старушка. «Вячеслав Михайлович, вы не только потрясающий художник и скульптор, но и мудрый человек, – сказал Клепалов. – Вы мудрый настолько, что точно попали с установкой памятника в цель. Он и должен был стоять на горе. С горы видно и север, и запад, и вос-

ток, и юг. Получается, что памятник как глыба – и великому писателю Шукшину, и всей нашей русской культуре!»». Почему так решительно и категорично Клепалов поддержал выбор Клыкова? Да потому, что видел, как скульптор неоднократно приезжал в Сростки, лазал по окрестностям, поднимался в гору, чтобы найти правильное решение. И в день установки памятника все, что он мог сказать в ответ своему другу, это слова признания: «Я рад, Юра, что ты разгадал мой замысел!»».

Очередной раз Клепалов приехал к памятнику Шукшину в юбилейные торжества писателя-классика. В дорогу позвал Заболоцкий, просил поиграть на балалайке – крепко, с душой, по-русски.

На знаменитый фестиваль в Сростках собрались многие именитые писатели, художники, философы, историки, артисты кино и театра. Среди тех, кто счел почетной миссией поклониться памяти Шукшина, поблагодарить скульптора Клыкова, были авторитетные актеры – Александр Михайлов, Панкратов-Черный, Никоненко, Золотухин. Однако главным духовным стержнем фестиваля стала пламенная речь писателя Валентина Распутина. Заболоцкий записал ее и опубликовал без правок в своей книге «Все отпечатано в душе». Она была короткой, но звучащей будто набат. Только что над Сростками прошел дождь. Валентин Григорьевич стоял с непокрытой головой, твердо, как солдат, и чеканил слово за словом:

«Всякое Святое дело требует окропления, что сегодня и произошло. Погода уже разыгрывается, и разговор может продолжаться, пока вы не устанете. Я не первый раз в Сростках, не первый раз на Пикете, но такого фантастического зрелища, как сегодня, мне не приходилось видеть. Настолько фантастическое: будто марсиане

собрались на горе Пикет и в таком количестве, будто и туда дошел слух о Шукшине и вот они спустились, чтобы посмотреть, что здесь происходит. Мы здесь, слава Богу, похожи на православных русских – почитателей Василия Макаровича. Первый раз я здесь был в 1984 году и еще дважды в ближайшие годы после того. Замечалось, пикет представляет из себя Всенародное вече. Многие десятки тысяч народу, тогда был еще Советский Союз, отовсюду, отовсюду ехали и шли послушать людей, которые близки были Шукшину или его идеям.

Тогда говорили здесь о государственных делах, говорили о том, что нужно или не нужно строить Катунскую ГЭС, говорили о ненужности поворота Северных и Сибирских рек и расходились по всей России люди, получившие здесь благословление на дальнейшую деятельность.

Василий Макарович весь плоть от плоти Сросток и русской деревни, потому и не приходилось ему выдумывать ни язык, ни мудрость и характеры, которых у Шукшина много – они не выдуманы, и действие, которое есть в рассказах, Макарыч находил сохраненными в деревне, не напрасно он говорил: «Нравственность есть правда». Не просто правда, а Правда с большой буквы. Большое мужество и честность – жить народной радостью и болью. Чувствовать, как чувствует народ. Народ всегда знает правду – великая истина. Ни в каких ВУЗах и кинематографических в том числе, эту истину не добыть. Ее найти можно только среди своего народа. Один из героев у него говорит: Посмотри, что ни великий человек, почти всегда из деревни. Почитай газеты, что не некролог, то выходец из деревни. Я не хочу этим примером умалить великих людей города, но из деревни их больше и они более крепкого замеса люди. Но это

все в прошлом, сегодняшняя деревня унижается. Слава Богу, ваши Сростки еще благоденствуют. Благополучие достигается благодаря Василию Макаровичу, но ведь десятки тысяч деревень на Руси сводятся с лица земли. Как нет ни одного лишнего человека в нашем народе, тем более нет ни одной лишней деревни на наших просторах. Деревня – это, прежде всего, тот человек, который должен познать истину, исходящую из деревни.

У нас принимается много программ, а почему бы не принять программу о спасении деревни?! Программа спасения деревни – суть программа спасения России. Не будет деревни – не будет России. Без деревни Русь потеряет лучшие свои качества: совесть, человеческую близость, мастерство и просто природное чутье и любовь к природе, много чего потеряет. На такую программу стоило бы не пожалеть любых денег, чтобы она вышла из того положения, в котором сегодня – кладбище за кладбищем и одни трубы торчат. России без деревни, еще раз повторю, – не быть. Не быть. Диву даешься тому, как ощутил будущее России Шукшин. Вспомните, казалось бы, такая вольная сказка «До третьих петухов», когда Иван-дурак идет за справкой, дабы удостоверено было, что он не дурак, и ему может быть, визы получать, ну и просто доверия больше. Какая простая сказочка, это ведь 70-е годы, казалось, ничего не предвещало бед, навалившихся сегодня. И ведь догадался Василий Макарович довести Ивана до монастыря, но бесы и его уже окружили, рвутся в монастырь, и могучий стражник на пути, его не одолеешь – так чем берут этого русского человека – поют русскую песню «Бежал бродяга с Сахалина». Да так исполняют, что стражник

плачет и ворота отворяет, бесы врываются и там уже начинаются другие песни-пляски. Вот я смотрю на этот прекрасный памятник Василию Макаровичу и думаю, что будет он служить здесь две службы. Первая служба – Пикет, сторожевая гора, далеко видно, как и в старину, приближение кочевников... А кочевники ныне – это не какие-нибудь дикие люди, потомки Чингисхана, а, напротив, самые цивилизованные и зарятся они в жадности своей ненасытной на наши земли и в любой момент могут прискакать с грамотами от Чубайса или Грефа. Смотри, Василий Макарович.

И вторая служба – гнать отсюда бесов, которые гораздо были в недавние годы распевать здесь дурные песенки для культурного развлечения земляков Шукшина. Пикет не для этого. Здесь, в Пикете, надо говорить о главном, слушать лучшее».

Каждое слово Распутина отзывалось в душе Клепалова болью. Он ловил их, переживал, запоминал. И радовался, глядя уже на скульптора Клыкова, который выполнил более чем государственное дело – установил памятник писателю-нравственнику Василию Шукшину. Не будь памятника, не решился Клыков его воздвигнуть и собрались ли бы тысячи людей и слушали ли бы они честные слова об их горькой судьбе, о будущем многострадальной России, где убивается и деревня, и народная культура, и природа-матушка?! И как здорово, что Клыков отстоял свою идею поставить скульптуру на горе Пикет, с высоты которой Шукшин оглядывает русские дали и присматривает за соотечественниками, напоминая им, что «нравственность есть правда».

Клепалов бесконечно удивлялся неумемной энергии Заболоцкого, который то опекал Распутина, то орга-

низовывал видеозапись фестиваля, то фотографировал выступающих. Он заснял круговую панораму, истратив 22 кадра, – под зонтиками, во время дождя, – чтобы было зримое доказательство огромного присутствия людей на Пикете. Когда он только все успевал! Его фигура мелькала в разных местах в людской толпе. А он к каждому делу профессионально относился – даже открыл свою фотовыставку в местном музее. Попросил Клепалова выступить на ней с небольшим концертом.

Воодушевленный речью Распутина и тем, что на фестиваль собралось множество равнодушного народа, Клепалов с огоньком начал играть на балалайке русские народные мелодии. И концерт его помог вовремя погасить конфликт, разыгравшийся в музее вокруг пропавшей посмертной маски Василия Шукшина. Приехавшая на фестиваль вдова писателя актриса Федосеева-Шукшина согласилась передать в музей хранящуюся у нее вторую маску. Перед тем как отдать ее Заболоцкому, она устроила ему разнос, не простила, что он поддержал на выборах губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова, в отличие от нее, агитировавшей за посредственного политика Суркова. Их примирила балалайка Клепалова. Под ласкающие слух мелодии спорить было невозможно. Она передала маску Заболоцкому, и тот сразу отдал ее скульптору Клыккову, чтобы тот сделал копию.

После концерта к Клепалову подошел Клыкков. Приобнял, поблагодарил и сказал: «Ты, Юра, придал нашему общему празднику и государственное, и народное звучание. Твоя музыка несет в себе запас духовных ценностей, накопленных народом за долгие столетия. Хорошо, что ты порадовал земляков и поклонников творчества Васи-

лия Макаровича... Да и сам Шукшин на небесах слушал, затаив дыхание, твою балалайку. Тебе с твоим могучим талантом надо играть в местах более значимых, вроде Кремлевского дворца. Ты заслуживаешь громадной аудитории». Клепалов понял намек скульптора и только вознамерился пояснить, что ездит с концертами по всей стране, как в их разговор вмешался сторонний молодой мужчина. Он многозначительно заявил: «Я был в Японии, а там в каждом городе его знают. Он там со своим сыном такого шухера наделал!». И мужчина рассказал историю своих гастролей по Стране восходящего солнца. Чтобы туда поехать, он женился на японке. И где бы он ни выступал, зрители всюду помнили Клепалова.

– Юра, а в Японии, наверное, нет таких нервозных споров и интриг вокруг установки памятников, как у нас в России? – задал я вопрос, оставаясь под впечатлением от воспоминаний Клепалова о трудностях установки памятника Шукшину на его малой родине.

– Не помню случая, чтобы в Японии сносили памятники. У них культура на высочайшем уровне, причем, не только на уровне бытовом, но и духовном. Памятники культуры настолько совершенны, что диву даешься. Памятники великим соотечественникам только у нас с трудом устанавливаются. Особенно тяжело шли памятники у Клыкова – преподобному Сергию Радонежскому, царю Николаю II, князю Святославу, маршалу Жукову, писателю Шукшину.

– Почему?

– А потому что это наша Родина. А она колонизирована теми, кто не любит все русское...

– Не потому, что Клыков?

– Не потому, что Клыков, а потому, что он русский ваятель и воин, и памятники его полны русской силы и духа. Одним дано видеть опасность будущего, а Клыкову – возвращать людям их память.

– Чиновники боятся русской истории, русских памятников?

– Правильно. Очень боятся. Как им не бояться? Ведь памятники, как и вся русская культуры, воспитывают в русском человеке чувство национального достоинства, заставляют думать, а не верить на слово, тем более тому, что вещают по телевидению. Космополиты у власти боятся, что русский человек будет думать своим умом.

– Где же Клыков находил силы делать памятники русским богатырям, несмотря ни на что?

– Делает он их гениально. Просто гениально. А силы берет в русской истории. Помню, я с ним разговаривал по поводу памятника маршалу Жукову. Ему не разрешили ставить его там, где он хотел, – на Красной площади. По Москве пошла волна дискуссий – нездоровая, злая. Чиновники кричали: зачем на Красной площади? Что это такое? А Клыков спокойно разъяснял, что Красная площадь – это самое нужное место нашему герою, русскому маршалу Победы. Патриарх РПЦ благословил Клыкова на Красную площадь... Удалось тогда убедить мэра Лужкова, но не столичных деятелей культуры. Президент на всю страну дал слово ветеранам, что Жуков будет стоять на Красной площади. Пошла большая битва. И кто же оказался хозяином России? Неизвестные чиновники вместе с их подхалимами сказали: нет, лучше памятник поставить у Исторического музея на Манежной площади. Он сейчас там и стоит... Клыков

согласился тогда: надо из двух зол выбрать меньшее. Все равно Жуков рядом с Красной площадью!

– Какой памятник Клыкова тебе больше всего нравится?

– Русскому сердцу дороги все его памятники. Они заставляют задуматься над духовным смыслом деяний наших великих предков. Образы предков подсказывают, чтобы мы не сбились с истинного пути. На мой взгляд, все памятники Клыкова – это символы непобедимости русского народа и непоколебимости православной веры – Георгий Победоносец, Николай Чудотворец, Владимир Великий, Илья Муромец, княгиня Ольга, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, протопоп Аввакум Петров, Серафим Саровский, Савва Сербский, братья Кирилл и Мефодий, Святослав Храбрый, Георгий Жуков, Константин Рокоссовский. Это и знаменитая клыковская звонница, установленная на Прохоровском поле, ключевом победном сражении на Курской дуге! А какие чудные памятники у него посвящены нашим гениям словесности – Пушкин, Батюшков, Достоевский, Бунин, Рубцов, Шукшин. Клыков – безусловно, скульптор истинно национальный, все его работы из мира русской культуры и истории. А неустанный, упорный поиск, многолетний опыт мастера, помноженный на жадность в работе, делали его творчество сильным и любимым у народа.

– Ты все его работы видел?

– Практически все. Царя Николая II видел. Затем – поэта Николая Рубцова в Тотьме, братьев Кирилла и Мефодия на Славянской площади в Москве, Сергия Радонежского...

– Можешь не перечислять. Как Клыкову удалось переломить сопротивление властей по установлению памятника Радонежскому? И почему чиновники были против, ведь Радонежский вошел в историю как политический и религиозный деятель, активно поддержавший объединяющую и национально-освободительную политику Дмитрия Донского, как один из героев русской борьбы против ордынского ига!?

– Коммунисты в верхах были тогда космополитами, безбожниками, и они запрещали памятники за использование церковной тематики. Яростное сопротивление было оказано не только установлению памятника Радонежскому, но и надгробию героям Куликовской битвы – монахам Пересвету и Ослябе, памятнику Елизавете Федоровне, которая была убита и сброшена в шахту... Памятник Николаю II взорвали, в лампаду, находящуюся в постаменте памятника Кириллу и Мефодию, стреляли! Святой Сергей Радонежский остался бы без памятника, его ведь пытались арестовать, доступу к его установке препятствовали чекисты, электрички проскакивали станцию, если бы в его защиту не выступили грозно и массово писатели-трибуны Белов, Распутин, Балашов, Маслов, Шуртаков.

– Посчастливилось ли тебе принять участие вместе с Клыковым в установке памятников, как Шукшину в Сростках, в других городах и весях?

– Мне повезло, я с Вячеславом Михайловичем был на его родине в Курске. Мы сидели с ним в одном купе – я и певица Татьяна Петрова. Всю дорогу общались. Здорово получилось. Он пригласил меня на установку памятника Надежде Плевицкой, она оттуда родом. Это уди-

вительная певица, с необыкновенной судьбой, с захватывающим дух творческим диапазоном. Известность ей принесли не только народные песни, гражданско-патриотические вроде «Варяга» или «Плещут холодные волны», но и работа с Рахманиновым. Клыков взял Петрову, потому что она исполняла произведения Плевицкой. Я, естественно, играл на балалайке. Мы ходили на кладбище, где был поставлен памятник великой русской певице. Хотя она была в эмиграции, тем не менее, внесла большую лепту в нашу культуру. Ох, как она пела песню «У церкви стояла карета»! А потом ее шедевр – «Москва золотоголовая»! Мы почтили ее память. Вечером дали концерт. Посидели, пообщались. Клыков поделился планами – поставить в Курске памятник великому земляку, композитору Георгию Свиридову. Хорошая, запоминающаяся вышла беседа.

– Чем же еще она запомнилась тебе, кроме впечатлений от самого мероприятия по установке памятника Плевицкой?

– Клыков проявил себя большим знатоком балалайки. Он не видел в ней ни архаичности, ни несовременности. Наоборот, ее звуки рождали зримую красоту, очаровывающие мелодии, рождали с той непосредственностью и легкостью, что подвластно только балалайке. Обращение к душе и сердцу человека – главный посыл существования балалайки. Когда я играл в мастерской Клыкова, то он смотрел пристально на то, как шлифуется каждый звук, ткется ажурное полотно народных песен. Удивительный знаток и слушатель! А как он приставал с расспросами о моих гастролях по Японии! Его интересовало, как я отношусь к японской культуре, что делает государство для развития там национального искусства...

– Кажется, мечта Клыкова увековечить в бронзе творческий подвиг Свиридова не исполнилась?

– Жизни не хватило. Он думал о памятнике постоянно. Искал книгу Свиридова «Музыка как судьба». И жаловался мне, что не может найти. О чем книга? – спрашиваю его. А он сурово отвечает: «Русское слово о России!». В ней гимн русским гениям – Белову, Распутину, Гаврилину, Солоухину, Есенину. Свиридов – это наша сердцевина, душа России. Он и сам Клыков понимали подлинный мистический смысл духовных утрат, крови, горя, репрессий, и потому осознавали важность православной русской идеи, спасительной как для России, так и для западного мира. Всем своим творчеством они возвращали русский народ к своим вековым устоям, идеалам и традициям. После хвалебных од книге Свиридова, я тоже пустился на поиски ее. Пришел к своему другу, журналисту газеты «Русский вестник» Володе Танакову. А он говорит: книгу Свиридова уничтожили, я сам, мол, хотел ее купить, прихожу в типографию, а там говорят, что кто-то выкупил весь тираж. В общем, тираж выкупили и уничтожили.

– Трудно было общаться с Клыковым?

– В общении он был не таким удобным, как казался. Он настолько все видел и все слышал, что с ним так просто не поговоришь. Энциклопедически образованным был человеком. Прежде чем с ним заговорить на какую-то важную тему, нужно самому сосредоточиться, покопаться в памяти... Он всегда был правдив, никогда не юлил, говорил: с этим согласен, а с этим нет. Зато когда не согласен, то был крут.

– Мог свою точку зрения отстоять? Не поддакивал?

– Да, конечно. А поддакивающих он просто терпеть не мог.

– Мне тоже посчастливилось знать Клыкова, пообщаться с ним. Вместе с Анатолием Заболоцким я был в его мастерской. Но он не производил впечатление сильного человека, мне он показался спокойным, скромным. Хотя чувствовалось: характер сильный.

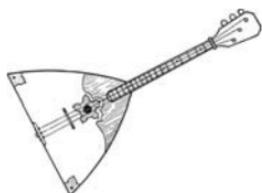
– Сильный. Обстоятельства закалили. И если он видел, чувствовал, что кто-то ему мешает сохранять и возрождать нашу русскую историю и культуру, то был решителен и непримирим.

– А ты был свидетелем того, когда он проявлял характер?

– Ему нельзя было не проявлять характер, ведь он по натуре был воин. Однажды мы сидели в ресторане, так он одному хаму рот заткнул, а третьего хулигана попросил уйти. И все побоялись ему возразить. А дело было так. Клыков, как президент Международного фонда славянской письменности и культуры, пригласил меня на очередное культурное мероприятие. Я выступил и ко мне подошел Леонид Ивашов, отважный и мудрый генерал. Подошел и говорит: «Пойдем-ка мы с тобой в офицерский ресторан, водочки выпьем, я угощаю!». Пошли. Немножко посидели, пообщались. Вдруг в зал заходит Клыков, а с ним – армада людей. Увидев меня и генерала за столом, где стоит бутылка, он решил спасти нас, подумал, что мы лишку выпьем. Меня он усадил за свой столик, а генерала отправил домой. Только Клыков посадил меня с собой рядом, как вдруг на середину зала выбежал какой-то человек неопределенной национальности с гитарой и выдал: «Я вам сейчас сыграю!».

Тут Клыкков проявил характер, выпроводил гостя и настойчиво сказал ему: «Лучше Клепалова тебе не сыграть, потому иди восвояси». Тот кругами ходил: я вам это сыграю на гитаре... Хотел понравиться Клыккову, погулять с ним, поиграть, пообщаться. Но Вячеславу наглость не понравилась, и он с трудом его выпроводил. Затем на весь зал произнес тост: «Давайте выпьем за Клепалова! Здравница в честь его безупречного русского таланта!». Мы в тот вечер с ним тепло пообщались, поговорили. Он подарил календарь со своими работами, с фотографиями. То была наша последняя встреча.

На похороны любимого скульптора и единомышленника, завещавшего похоронить его на родине в курской деревне Мармыжи, Клепалов поехать не смог. Помешали гастролы, будь они неладны. Но, разъезжая по необъятной России, Юрий часто видел, что стоят в городах и селах хранители земли нашей – полководцы и святые, писатели и деятели культуры, созданные трудом и талантом Вячеслава Клыккова. Они зовут народ к созиданию и подвигу, напоминают о национальных корнях, оберегают нас от беспамятства и, главное, символизируют победу русского народа над силами зла. А для себя Юрий Клепалов из общения с Клыкковым вынес важный урок, который выучил сам: это высокий профессионализм, стремление к глубокой духовной содержательности и спокойной вдумчивости, не терпящей суеты.

ЭМИГРАНТЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Для эмигрантов первой волны, прозванных «белыми», не принявших революцию и разъехавшихся по всему миру, вдруг наступило время вернуться на родину. Советские коммунисты, разрушив в стране все, как хотели, до основания, а точнее, православные храмы, усадьбы дворян и помещиков, расстреляв белых офицеров, дворян, писателей, казаков, крестьянских «кулаков», неожиданно для себя и всего мира в начале 90-х годов двадцатого столетия потеряли власть, проиграли выборы и решили стать другими. Они даже признали рыночную экономику, веру в Бога и отказались от классовой борьбы.

Русские «белые», истосковавшись по России, решили проверить, насколько правдиво и действительно в России изменилась политическая и экономическая власть. Они собрались в дорогу...

Для того чтобы путешествие по новой России было и полезным, и содержательным, через туристическую фирму заказали пароход, который должен был прокатить их от Москвы до Петербурга.

Журналист Владимир Танаков, посвятивший годы своей жизни духовному возрождению России, а также примирению белых и красных, предложил композитору-

балалаечнику Юрию Клепалову принять участие в этой интересной и многообещающей поездке. Раз белая эмиграция пожелала увидеть и понять, что в России делается, то почему бы ей не помочь.

Танаков сформулировал задачу: «Юра, надо продемонстрировать нашим русским иностранцам, чтобы они поняли – все утраченное при власти коммунистов сегодня в России возрождается. Мы возвращаемся к национальным и духовным корням. Кто-то из эмиграции будет прощаться с Россией. Кто-то будет смотреть с надеждой на Россию. А тебе надо сшить историю, сказать, что сегодня нет белых и красных, есть только одна нация – русские!».

Юрий Клепалов согласился попутешествовать с белыми эмигрантами, выступить перед ними, прибегая к помощи балалайки, в роли идейного вдохновителя, открывателя и агитатора.

Вскоре корабль со старым названием «Советская Россия» поплыл из Москвы в Санкт-Петербург. Эмигранты по всему этому маршруту должны были увидеть достоинства и недостатки нового демократического времени. Таким образом Клепалов попал в эту команду.

От пирса теплоход отчаливал под музыку военного духового оркестра. Над рекой и зелеными просторами звучали знакомые мелодии: «Славянка», «На сопках Манчжурии» и многие-многие хорошие русские вальсы. Клепалову, очутившемуся в этой удивительной атмосфере, на миг пригрезилось, что он попал в дореволюционную, имперскую Россию. И в этой имперской России, в этом маленьком отрезке времени, на этой небольшой территории парохода, он почувствовал свои

национальные корни. А патриотическая музыка звучала и звучала, наполняя душу чем-то родным и близким.

Вечером на пароходе состоялся концерт. Блестяще выступили артисты театра оперетты. Потом предложили Клепалову поиграть. Он с удовольствием согласился. Взял балалайку и где-то с полчаса играл народные мелодии и свои музыкальные сочинения. Между паузами рассказывал о балалайке, о верности традициям, заложенными еще великими музыкантами Андреевым и Трояновским. Тут приезжий народ, конечно, воспрянул, взбодрился. Кто-то из них знал, что Василий Андреев – пророк русской народной музыки. Это он совершил триумфальное шествие по планете этого неприметного вроде инструмента – балалайки, ставшей впоследствии символом России. В то время на афишах Великорусского оркестра Андреева стоял гриф: «Под высочайшим покровительством государя императора». Кому-то балалайка позволила вернуться в Россию детства и юности. А некоторые просто попали под обаяние и целебное воздействие балалайки, почувствовали, что она лечит душу, снимает чувство угнетенности и вселяет надежду на лучшие времена.

Особенно понравилось игра на балалайке одному из руководителей и организаторов поездки в Россию, эмигранту Алексею Ермакову. Он жил в Сан-Франциско. Добрые, восторженные слова из него лились, как из рога изобилия. По его признанию, он не знал, что в России сохранился этот народный инструмент, он не видел такой удивительной игры на нем. К нему тотчас присоединился замечательный седовласый старичок. Он увлеченно поведал историю своей жизни во Франции.

Все годы, проведенные за границей, прошли у него под знаком любви к балалайке, на которой он играл и в горе, и в радости. Более того, у него есть своя мастерская по ремонту и изготовлению русских народных инструментов. «Я мастерю прекрасные балалайки, – сказал он. – Но у вас она какая-то особенная!». После таких слов Клепалов другими глазами посмотрел на дорогой ему инструмент.

Устав от наблюдений с палубы корабля, эмигранты в каждом городе делали остановки. Первым на берег спускался оркестр. Пассажиры ждали: как только раздавалась музыка, все выходили, гуляли, общались. Не обделяли вниманием и Клепалова. Фотографировали его на фоне корабля. То один хотел запечатлеть себя с балалаечником-виртуозом, то другой... И каждый просил отойти немножко в сторонку, плечом закрыть слово «Советская» на общем названии корабля «Советская Россия». Таким образом балалаечник Юрий Клепалов на протяжении нескольких минут был лицом России.

На берегу играли два оркестра. Начиная концерт духовой оркестр, его сменял другой – из суворовского военного училища. Музыка звучала без перерыва с 12 часов утра до 12 часов ночи. Эмигранты слышали все знаменитые вальсы, все марши, какие только есть... Клепалов испытывал счастье, как и гости, вспоминая старое время.

Вечером расчувствовавшиеся эмигранты стали подходить к Клепалову – им хотелось поговорить, пообщаться. Они вдруг почувствовали себя в России, когда-то ставшей им чужой, – как в родном доме. Клепа-

лов только успевал запоминать, откуда они приехали – из Сербии, из Австралии, из Канады, из Америки... А потом Юрия Клепалова позвали капитан и руководитель поездки Алексей Ермаков. И потекла беседа с ними – непринужденная, откровенная. Ермаков признался, что приехал попрощаться с Россией. Он уже не верил в Россию, полагал, что она разваливается, ей конец, и вот на эти развалины ему хотелось напоследок посмотреть. Он просто жаждал попрыгать на наших костях. Но ничего не вышло. Ермаков положил руку на сердце и признался Клепалову, что после его игры на балалайке у него в голове произошли изменения. Он понял, что не все потеряно в России, что это неправда, будто русские там живут на своих капищах и ни о чем не думают, нет, они возрождают страну.

Разговор долго шел о культурном наследии, о том, как необычно и замечательно играет Клепалов. «Это не балалайка, это волшебство, это – душа России!» – то и дело восклицал эмигрант. Затем притих, задумался о чем-то своем, достал из сумки бутылку коньяка. Осторожно, бережно вынул три необычные рюмочки. Первый тост он поднял за Россию, второй – за Клепалова. Как только выпили, капитан не удержался и спросил: «А что это за рюмочки у вас?». Ермаков с гордостью ответил: «Эти рюмочки подарены Николаем II моему дяде – генералу Врангелю, а Врангель подарил мне».

Клепалов с капитаном принялись их рассматривать: чем особенным они отличаются? Ничего эксклюзивного не нашли, кроме инициалов генерала и того, что все три рюмочки были сделаны из чистого золота.

Весь вечер Клепалов провел в компании капитана и эмигранта Ермакова, провел его под знаком любви к России, но не к нынешней, современной, а к той, царской, имперской России. Хорошее отношение к ней у Юрия сложилось из-за деда Александра Федоровича Маркова, который все время вспоминал о том, как он достойно жил при царе и все события и праздники, проходившие тогда, оценивал положительно. Эти добрые воспоминания внук впитал в себя.

Ермаков часто отрывался от беседы и смотрел на деревни и поселки, раскинувшиеся вдоль берегов. Заметив, что на многих домах крыши обновлены, покрыты чистым железом, он сказал: «Россия не умрет, раз крыши крепкие и красивые ставит. Значит, Россия выживет!».

На этой оптимистической ноте, отвергающей ожидаемый апокалипсис, эмигранты приплыли в Санкт-Петербург.

Первую экскурсию они совершили в высшее военное училище имени Фрунзе. При царе оно называлось Морским кадетским корпусом, а по-народному – «пажецким» корпусом. Старинное здание встретило их мраморными колоннами при входе. В вестибюле на стене висела ровная памятная доска с фамилиями тех, кто закончил это училище. Один из эмигрантов подошел к ней и положил рядом с ней на плиту букет цветов. Клепалов узнал его. Это был тот старик из Парижа, который признался ему, что играет и мастерит балалайки.

Клепалов спросил у него: «Скажите, пожалуйста, а кому вы положили цветы?». «Я положил их своему дяде». «А кто ваш дядя?». «Мой дядя – авиаконструктор Сикорский». «Вот те на! – воскликнул Клепалов. –

А как вы в Париже оказались, ведь Сикорский уехал в Америку?». И старик откровенно рассказал о знаменитом предке: «Когда началась революция, Сикорский действительно отбыл в Америку. Он сказал родным, что как только встанет там на ноги, так вывезет их во Францию. И он вывез нас в Париж. Не все было так гладко там. Мы сменили фамилию. Многие русские работали шоферами. Но Сикорский помогал нам, и мы быстро встали на ноги».

Вместе с потомком Сикорского Клепалов прошелся по зданию училища. От сопровождающего их экскурсовода он узнал, что в этом здании вместе с Сикорским учился другой известный авиаконструктор Туполев. Отсюда вышли великие русские путешественники Миклухо-Маклай и Семен Дежнев.

После посещения пажецкого корпуса Клепалов тепло расстался с эмигрантами. Из Санкт-Петербурга поездом он вернулся в Москву. Встреча с русскими, впервые после революции побывавшими в России, произвела на него неизгладимое впечатление. Он был рад, что его игра на балалайке растопила их сердца, заставила поверить в возрождение России.

Спустя время он вспомнит о той встрече, примиряющей белых и красных. И случится это во время американских бомбардировок сербского города Белграда.

...Клепалов, как и многие русские деятели культуры, приняли близко к сердцу нападение войск НАТО на православный сербский народ. И писатели, и певцы, и художники – все потянулись в Сербию поддержать и помочь братьям-славянам.

В один из военных дней, когда шла бомбежка Белграда, туда прибыл Юрий Клепалов со своей музыкальной группой, в которую входили сын Евгений и певица Татьяна Черкасова.

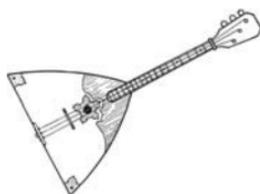
После серии концертов помощник российского посла в Сербии показал Клепалову разбомбленные мосты, жилые дома, телецентр, китайское посольство, здание министерства обороны. У военного ведомства он оставил машину и рассказал историю, приключившуюся с ним на днях. Так как в городе остался единственный не разбомбленный американцами мост, а ему нужно было ехать по нему на работу и не попасть под ракету, то он решил проскочить его со скоростью 160 километров в час. Разогнался, нажал вовсю на газ и изо всех сил помчался по этому мосту... И вдруг рядом с ним с гнусавым противным звуком пролетел томагавк и влетел прямо в здание министерства обороны. Там сразу образовалась громадная дыра, вспыхнул пожар...

Закончив мрачную экскурсию, помощник посла повез Клепалова в русскую церковь. Рядом с ней и телецентром, на площади валялись трупы убитых людей. Когда Клепалов зашел в церковь, то заметил, что все иконы убраны. Священник боялся, что они погибнут под бомбардировками. Ранее от них в стене появилась небольшая трещина.

Священник рассказал Клепалову об истории храма и показал сохранившуюся в нем могилу генерала Врангеля. Стоя у нее, перекрестясь, Клепалов вспомнил, как плыл на корабле с русскими эмигрантами первой волны из Москвы в Санкт-Петербург и как пил коньяк с потомком Врангеля. Не иначе, как судьба привела его

от корабля, где он пил из рюмочек Врангеля, до могилы самого Врангеля.

В храме Юрий впервые осознал, что балалайка ведет его туда, куда надо, – к большим событиям. Балалайка дарит встречи с интересными людьми, она находит отклик у тех, кто ощущает себя русскими, славянами. Перед отлетом домой, на последнем концерте, где была исполнена песня «Православные», к нему подошел мужчина средних лет и сказал: «Вы играли нашу музыку, славянскую. Спасибо. Мы приехали в Сербию добровольцами защищать дальние рубежи России, мы тут все разные – прибалты, украинцы, белорусы, испанцы, русские. Вчера нас всех, славян, объединил один окоп, а сегодня – ваша прекрасная музыка!». Клепалов был рад, что угадал и подарил славянам их любимую песню.

...ВОН ИДЕТ «БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»

Не пытайтесь спрашивать у людей, кто такой – артист Анатолий Кузнецов. Подавляющее большинство наверняка скажет, что не знает такого. Если уточнить, что он играл роль «товарища Сухова», то уже появится группа киноманов, которые назовут истинную фамилию артиста. Но стоит задать вопрос: а смотрели ли вы фильм «Белое солнце пустыни», как сразу получите положительный ответ, люди моментально вспомнят, что «товарища Сухова» потрясающе сыграл актер Анатолий Кузнецов.

Подобная история произошла и со мной. Композитор Юрий Клепалов зашел ко мне в гости уставший и расстроенный. Тихо объяснил причину: приехал с похорон Александры Анатольевны, супруги актера Кузнецова. «А что это за актер, и в каких фильмах он снимался?», – спросил я, стыдясь своей некомпетентности.

Клепалов высоко поднял голову и как-то торжественно произнес: «Достаточно того, что он играл товарища Сухова в гениальном фильме «Белое солнце пустыни»». Меня будто кипятком ошпарило, я вздрогнул и перед моими глазами сразу нарисовался образ русского солдата, идущего по пустыне со скрученной и переброшенной через плечо шинелью. Стало стыдно. Как же так я забыл про него?! Это же любимый фильм!

Весь вечер Клепалов рассказывал мне, как он подружился с этим знаменитым актером и сколько великолепных совместных концертов они провели по стране.

Первая их встреча произошла в городе-герое Волгограде. Общественная организация «Русский дом» пригласила Клепалова выступить там со своими музыкальными номерами. Сцена стояла на берегу реки Волги – крепкая, масштабная. Осмотрев ее, Клепалов понял, что концерт ожидается грандиозный. И он не ошибся. Даже по тому, кто принимал участие в репетиции, – Пахмутова, Захарченко и его бессменный Кубанский казачий хор, – все было очевидным.

Пока на сцене наблюдалась суета и беготня, Клепалов с сыном Евгением тоже решили порепетировать. Нужно было восстановить утраченные с дороги силы. Присели они за кулисы, тихонько начали играть, вспоминать свою программу. И вдруг Клепалов замечает, что около них ходит какой-то подозрительный человек – проходит, затем возвращается, опять проходит и искоса наблюдает за ними. Потом подходит и представляется: «Анатолий Борисович Кузнецов!». А что ему было представляться? Клепалов как разглядел его, так сразу узнал и обомлел. Перед ним стоял знаменитый актер, легенда кинематографа. Фильм «Белое солнце пустыни», где он исполнял главную роль, так нравился Клепалову, что он смотрел его несколько раз. И там играла балалайка, от звуков которой теплело на душе. Образ удалого солдата стал родным и запоминающимся.

Анатолий Кузнецов понял, что его узнали, расцвел в улыбке и предложил: «А давайте, ребята, я с вами спою что-нибудь». «Да ради Бога, мы с удовольствием! Толь-

ко получится ли!» – выпалил Юрий. «Ничего, вы замечательные ребята, все получится, – без сомнения в голосе сказал Кузнецов. – Ну, с чего начнем? Пожалуй, с романса «Дремлют плакучие ивы». Хорошо? А второй романс – «Очи черные» – тоже попробуем. Порепетируем прямо сейчас».

Клепалов легко откликнулся на предложение киноактера спеть вместе романсы не потому, что перед ним стояла звезда кинематографа, а потому, что ему подсказывало профессиональное чутье: у них все получится, перед ним – настоящий артист. И чутье не подвело.

Порепетировав романсы минут пять-десять, Кузнецов вдруг предложил: «А сможете вы подыграть, когда я буду петь «Госпожу удачу», которая звучит в фильме?». Клепалову и тут пришлось согласиться.

На сцену они вышли втроем. Там стояли два стула и три микрофона. Знаменитый волгоградский концертный зал встретил их бурными аплодисментами. Понятно, вышел «товарищ Сухов». Он вышел и сказал: «Дорогие зрители, полчаса назад я неожиданно открыл интересных музыкантов. Я наблюдал за ними, когда они репетировали, прошел мимо несколько раз, потом предложил выступить вместе. Они мне очень понравились. Когда они согласились, мы порепетировали пять минут. Послушайте, что из этого получилось».

Несмотря на переживания, Клепалов играл мастерски, прекрасно пел романсы и Кузнецов. Зрители благодарили их громкими и продолжительными аплодисментами. Перед тем, как спеть песню «Госпожа удача», Кузнецов рассказал зрителям о ее первом исполнителе – блестящем актере, которого уже не было в живых,

Павле Луспекаеве. Отметил, что эту песню он поет в память о нем.

После концерта Клепалов поинтересовался у Кузнецова, зачем он так много говорит о том, что первым исполнителем был другой актер, ведь главный герой фильма – он. Создается, мол, впечатление, будто он второй герой, а первый – Луспекаев. Но это же неправильно. «Почему?» – спросил Кузнецов. Клепалов продолжил: «Справедливо будет, когда вы упоминаете о нем, но основную актерскую нагрузку берете на себя. Когда вы поете эту песню, то образ героя фильма намного увеличивается...». Кузнецов не согласился с этим советом. Спустя время, Клепалов понял, что был не совсем прав, а Кузнецов оказался просто интеллигентным, деликатным человеком.

Прощались они так быстро и суетливо, что забыли обменяться адресами-телефонами. И Клепалов, вспоминая то удачное выступление с киноактером Кузнецовым, его прекрасный голос, с сожалением думал о том, что увидеться им больше не доведется. Но он ошибся. Прошел десяток лет, и судьба подарила им вторую замечательную встречу.

У известного писателя Вайнера был юбилей. Организаторы его не смогли ничего лучшего придумать, как пригласить Юрия Клепалова.

Концерт проходил в зале гостиницы «Космос». Клепалов с сыном Евгением сыграли две мелодии – «Чардаш», «Гляжу в озера синие» – и тут на сцену из зала поднялся киноактер Анатолий Кузнецов. Подбежал к ним и сказал, как в давние времена: «Ребятки, давайте с вами что-нибудь споем!». Оказывается, он увидел

Клепалова и вспомнил концерт в Волгограде. Они ушли за кулисы, чуть-чуть порепетировали и вновь вышли на сцену. Ведущий, объявляя их номер, объяснил, что он только что родился. Выступление, конечно, было принято публикой с восторгом. Понравился романс и писателю Вайнеру.

После концерта Анатолий Кузнецов осторожно предложил Клепалову: «Юрий Михайлович, я бы хотел сотрудничать с вами. Впереди у меня будут концерты, я могу пригласить вас принять в них участие?». Клепалов с радостью согласился, ему хотелось и дальше учить и играть романсы с великим киноактером.

Так перед двумя яркими и самобытными артистами открылась дверь в интересную, творческую концертную жизнь.

Правильность идеи и решения окончательно подтвердил фестиваль «Южная ночь», проходивший в Геленджике. Кузнецов приехал на него с дочерью. И теперь Клепалов встретил его радостным предложением: «Анатолий Борисович, сейчас споем?!».

На фестивале выступал легендарный певец Иосиф Кобзон. Исполнив песню, он не покинул зал, а стал слушать других артистов. После того, как Клепалов сыграл мелодию песни «Гляжу в озера синие» Кобзон подошел к нему, крепко пожал руку и сказал: «Как замечательно вы сыграли!». Кстати, с тех пор Кобзон, замечая балалаечника на концертах, всегда подходил к нему и высказывал добрые слова поддержки и благодарности.

Следующим номером выступал Анатолий Кузнецов с песней «Одинокая гармонь». Клепалов ему аккомпанировал. Кобзон и тут не удержался – похвалил их.

– И вы начали ездить с концертами по стране, – радостно заключил я.

– К организации концертов подключился мой сын Евгений, – продолжил Клепалов. – Поскольку киноактер Кузнецов человек известный, то они вместе начали созваниваться с губернаторами областей, с бизнесменами, с директорами предприятий и договариваться о выступлениях. Те, как правило, отвечали: «Какой вопрос, Анатолий Борисович, приезжайте!».

– Сколько же длилась ваша совместная творческая концертная жизнь?

– Мы общались, выступали лет семь. Я впервые в жизни увидел, что такое народная любовь. Понятна, например, любовь к Гагарину. Народ с ума сходил при встрече с ним. Но чтобы у артиста была такая народная любовь – я этого даже представить не мог.

– А в чем она выражалась? В объятиях, в поцелуях? В чем уважение проявлялось?

– Едем мы в город Ноябрьск. Это Ямало-Ненецкий округ. Нас с Кузнецовым пригласили глава города и директор ТЭЦ выступить с концертом. Стоим мы в аэропорту в очереди на регистрацию. Вдруг подходят две милые женщины и говорят: «Анатолий Борисович, а что вы здесь стоите, давайте к нам в вип-зал». Он соглашается: «Я с удовольствием, только и моих ребят возьмем». В общем, попали мы в вип-зал. А там работники подходят: «Анатолий Борисович, дайте автограф». Он аккуратненько расписывается. Нас поят чайком, кофе. Отдельно отправляют наши инструменты, чемоданы. Когда объявили посадку – отвезли в самолет на отдельном микроавтобусе, посадили в бизнес-класс. Только

взлетели, Анатолий Борисович обращается к стюардессе: «А как у вас насчет коньячку? И мне, и ребятам?». Посидели мы, пообщались. Анатолий Борисович потом говорит: «Ну что, Женя, доставай гитару...». И мы достали гитару, балалайку, стали играть для стюардесс. Отблагодарили их таким образом за хороший сервис. Вскоре пилот вышел. Анатолий Борисович поговорил с ним, и ушел в кабину пилота. Так мы долетели до Ноябрьска. Там к самолету подогнали трап и в первую очередь пригласили на выход Кузнецова и нас. Посадили в микроавтобус, отвезли в аэропорт, сдали организаторам концерта. И подобные приемы были не один раз...

– Спасибо, ты доходчиво разъяснил, что такое народная любовь!

– Разместившись в гостинице, Анатолий Борисович говорит: «Нам надо пойти к главе города. Он пригласил, оплатил, нужно его отблагодарить». А до города надо идти пешком. Просить транспорт мы не стали. Идти было недалеко, меньше километра. Холод стоял суровый, но терпимый. Чтобы не замерзнуть по дороге, я говорю: «Анатолий Борисович, давайте-ка пройдем двести метров, зайдем в магазин погреемся, и дальше пойдем. Опять дойдем до магазина, погреемся... Так дойдем до администрации города». Он соглашается. Через несколько минут заходим в продуктовый магазин. В углу парень видеокассеты всякие продает. Заходим, осматриваем товар. Вдруг подбегает директор магазина, раскланивается и говорит: «Анатолий Борисович, пройдемте за мою стойку. У моей дочери день рождения, давайте отметим!». Тут и вправду появляется дочка. Директор поставил бутылку коньяка,

разлил содержимое по рюмочкам. Кузнецов пригубил, сказал теплые слова имениннице. Когда стали уходить, директор в знак благодарности подарил Кузнецову пивную кружку и коробку сибирского пива. «А моим ребятам?», – удивленно произнес он. Мне стало неудобно, и я возражаю: «Анатолий Борисович, не хорошо!». А тот отвечает так полуважно-полушутя: «А что тут такого? Мы – коллектив. Заверните, пожалуйста, еще две кружечки!». В дверях на Кузнецове буквально повис торговец кассетами. Он где-то отыскал кассету с фильмом «Белое солнце пустыни» и с придыханием попросил: «Анатолий Борисович, ну распишитесь». «Где же я распишусь, тут места нет», – удивился Кузнецов. «Вот здесь!» – скомандовал парень. Кузнецов достал ручку: «Что это у тебя такая замызганная кассета? Ладно, вот здесь светлое место, здесь и распишусь!». Короче, этот магазин долго гудел.

– Потом второй гудел, третий... И вы, конечно, не дошли до главы?

– Мы дошли до главы. С утра пошли, к обеду пришли. Все сделали. Итак, в магазине первом чуть-чуть согрелись. Идем дальше. Метров через двести заходим в следующий магазин. Там такой шухер поднялся! Все просят Кузнецова расписаться, кто паспорт дает, кто чек кассовый. Один парень побежал в соседний магазин за кассетой. Вернулся в одной рубашке, купил кассету и тоже просит автограф. Анатолий Борисович говорит ему: «Таких ребят я люблю, они жертвуют ради искусства. В первую очередь ему распишусь». Приходит директор магазина, говорит: «Мы уже стол накрыли, проходите!». Анатолий Борисович смотрит в мою сторону,

спрашивает: «Что скажете?». Я отвечаю: «Не знаю, вы решайте сами. Мне кажется, мы так до администрации не дойдем». Кузнецов начинает объяснять: «Пожалуй, нам нельзя. Спасибо большое, у нас еще встреча в администрации». Директор не сдается: «Ну, хоть на минуточку, на полшажочка, хоть зайдите туда, мы сфотографируемся». Анатолий Борисович уступчиво заявляет: «Ну что, ребятки, зайдём!». Заходим в помещение вроде небольшого склада, а там стол, полный закусок. Хозяйка сходу торжественную речь произносит: «Анатолий Борисович, как мы счастливы, что вы в наш город приехали!...». Кузнецов прерывает ее: «Завтра мы выступаем, чтобы я вас видел в первом ряду!». Она говорит: «Я буду на коленках стоять в первом ряду». Мы не стали выпивать. А они начали поднимать тосты за Анатолия Борисовича, признаваться в любви: ой, как мы ваш фильм любим, какой вы молодец! Люди были полны искренних чувств, светлой энергии. Мы еле вырвались из этого магазина. А на улице уже толпа ротозеев идет. С трудом я вырвал его из этих теплых и жадных рук. А он лишь весело смеется: «Да что это за народ у нас такой, кричат – люблю, люблю, а сами мне весь пиджак облапали».

– И всему виной один фильм – «Белое солнце пустыни». Но какой фильм!

– Это народный фильм, по сути, о каждом из нас. Как Василий Теркин с его особенным русским характером. В общем, пришли мы к главе. Он нас уже ждал. Подарил книгу о городе, фигурку, сделанную местными народными умельцами.

– И тут Кузнецов добавил: «Подарки и для моих ребят!».

– Сказал: «И моим ребятам». Еще пару анекдотиков рассказал.

– Он любил рассказывать анекдоты?

– Он один из классиков по рассказыванию анекдотов. Юрий Никулин и Анатолий Кузнецов. Лучше их никто не рассказывал.

– Только Никулина показывали по телевидению, а Кузнецова – нет.

– Вечером – концерт. Естественно, полный зал. Влюбленные глаза. Анатолий Борисович выходит с шуткой: «Я вообще забыл, как меня зовут». И называет не свою фамилию, а «товарищ Сухов». Кстати, когда заходили в клуб, на крылечке стояли молодые парни, курили. Один увидел Кузнецова и говорит: «Слушай, кто это идет?». А пацан с папиросой во рту ему отвечает: «Ты что, не знаешь? Это прошло «Белое солнце пустыни»!»... После концерта нас опять с помпой проводили в аэропорт. Зарегистрировали. Отвели в вип-зал. Летим в Москву. Смотрю – Анатолий Борисович сидит в проходе в неестественной позе. Спрашиваю, что это он так изгибается? «А что мне с ними делать, ты только посмотри, – он показал на пассажиров, ползущих к нему на четвереньках за автографами. Одни проездной билет дают, другие просят расписаться на книгах. А один подполз, задрал рубаху и говорит: «На майке распишитесь». Этот гусиный ход долго двигался туда-сюда, туда-сюда. Наконец Кузнецов взмолился: «Юрий Михайлович, – а он меня только так звал, – может, вы за меня распишитесь, я устал, у меня рука болит». Я отвечаю: «Анатолий Борисович, я вам сочувствую и горжусь вами. Слава Богу, что у вас такое здоровье – автографы раздавать всем пассажирам самолета».

– Слава его мучила или нет?

– Нет, слава его не мучила. Он относился к ней достаточно сдержанно, спокойно. Говорил, что стоит только пустить себя в ее объятия, – сгоришь в этой любви народной.

– А на концертах ваших он только пел или рассказывал что-то, читал стихи?

– Говорить он старался меньше. Стихи читал – Пушкина, Есенина, Рубцова. Русских наших поэтов. Он мне признавался: «Меня все время сравнивают с Лановым. Вроде лучше меня читает...». И все-таки, он, а не Лановой, делал цикл поэтических передач на телевидении – читал Рубцова. Любил Анатолий Борисович сценки разные устраивать. Например, изображал пьяного человека, держащегося за дерево, с перекошенным лицом, с косыми глазами. Зрители хватались за животы от смеха. Никто таким мастерством не обладал. Когда Анатолий Борисович отдыхал, мы с Женей играли, а Татьяна Черкасова пела.

– Какие ты фильмы с участием Кузнецова, кроме «Белого солнца пустыни», который больше всего любили космонавты, ты еще смотрел?

– Он в военных фильмах играл – «В зоне особого внимания», «Ответный ход». А космонавты не только фильм, но и самого Кузнецова обожали. Мы часто ездили в город Звездный, где космонавты живут. Я там впервые в таком количестве видел героев Советского Союза и России. Мы выступали перед ними – я играл сольные номера, аккомпанировал Кузнецову. Но космонавты всегда говорили: «Анатолий Борисович, анекдот нам какой-нибудь расскажите». И он как затравит! Они

хохочут без умолку. Дело в том, что он не просто рассказывал анекдот, а применял прием, актерски обыгрывал его. Сценку делал. Вроде ничего особенного там нет, но так обыгрывал, что люди падают со смеху.

– Расскажи хоть один его любимый анекдот.

В царской армии был такой негласный закон, если вдруг солдат вечером после службы выпивал он обязательно утром об этом докладывал офицеру. И вот утром сильно выпивший солдат докладывает офицеру «Вааашшеее Благоооородие, я вчера был пьян!» Офицер ему отвечает «Ах ты скотина, ты и сейчас еле на ногах держишься!» А тот ему в ответ «Об этом завтра!».

– На Олимпийском проспекте есть музей космонавтики. Мы приехали туда с Кузнецовым. Когда космонавты достали его просьбами рассказать анекдот, он им выдал несколько штук с картинками.

– А чем запомнились встречи с космонавтами?

– После исполнения романсов гвоздем программы была песня Окуджавы «Госпожа удача». Он ее в финале пел. И не просто пел, а создавал целый образ. И, конечно, после этого начинала проявляться народная любовь, его таскали нарасхват туда-сюда, чуть ли не на руках носили. Однажды Алексей Архипович Леонов рассказал нам такую историю. Перед каждым полетом они смотрят в Доме культуры фильм «Белое солнце пустыни». Вдруг кто-то в 90-е годы предложил: зачем этот фильм? Давайте «Ширли-мырли» посмотрим. Ну, давайте. Посмотрели этот фильм – и ракета не состыковалась со станцией. И снова вернули «Белое солнце пустыни». Он – как талисман.

– А что они про фильм расспрашивали?

– Про фильм-то? Один из космонавтов говорит: «Анатолий Борисович, мы каждый год в день космонавтики делаем викторину по вашему фильму, задаем вопросы. Спрашиваем, например: когда чайник стоял у головы Саида, до или после того, как его раскопали? Но самый главный вопрос, на который никто не ответил: какой ширина ноги была у Екатерины Матвеевны, жены товарища Сухова? Одни думали – полметра, другие – метр». Тут Анатолий Борисович отвечает: «Знаете, размер ноги, бедра – не полметра, не метр, а в ширину экрана». И затем рассказал, откуда появилась в фильме Екатерина Матвеевна. Оказывается, была женщина на киностудии, которая никакого отношения к кино не имела. Она была из числа обслуживающего персонала. А режиссер увидел ее и обомлел: «Ну-ка, ну-ка, давайте ее сюда!». Она и сыграла прекрасно образ русской женщины, идущей по полю с коромыслом.

– За все годы ваших совместных поездок по стране у вас были случаи, когда вы поспорили, поссорились? Может, какой трудный разговор был? Или он не нашел ответа на ваш вопрос?

– Нет, мы единомышленники. Жили душа в душу. Если мы ехали далеко на машине или на поезде, то говорили не только о России, о ее культуре, но и о жизни, о природе и всегда находили общий язык.

– Неужели вы избежали проблем в отношениях?

– В Нижнем Тагиле нас поселили в домиках санаторного варианта. Питались в столовой мы отдельно. Так получилось, что я должен был узнавать утром: готов ли завтрак. И вот однажды я встал очень рано, прихожу на кухню и слышу грозный голос Анатолия Борисовича...

Оказывается, он решил дать мне поспать и сам пошел заказывать завтрак. Добрейший был человек.

– С кем дружил Кузнецов? Каково его близкое окружение?

– Особых друзей не было. Были хорошие отношения.

– Отшельником жил.

– У него были хорошие отношения с композитором Андреем Эшпаем, с космонавтом Германом Титовым. Дружил с режиссерами из Чехословакии. Он там снимался в фильме. Те актеры, которые понимали его, помогали, с теми он общался, а те, кто просто хотел на его славе прокатиться, тех он не принимал. И, честно говоря, к нему в дом не так просто было попасть, к гостям он подходил избирательно... Но был весьма добродушный. Когда к нему приходила женщина укол делать, так он с ней как с родным человеком общался. Он никогда не показывал, что он вот такой знаменитый. Это очень подкупало.

– В твоём творчестве есть какой-то его вклад, след? Чем он тебя обогатил?

– Он очень любил, когда я играю на балалайке. На многих концертах говорил: «Надо играть, как Юрий Михайлович! Вот так надо играть!». Всегда подчеркивал: «Я хочу так петь, как вы играете с Женей!». Он жил творчеством. Для него была погибель – стоять на одном месте. Он говорил: «Когда есть горизонт, надо к нему идти, петь, играть. Надо этот горизонт осваивать».

– А тебе лично что он дал?

– Много чему научил. Раскованности, к примеру. Особенно много хорошего дал Жене. Он вообще относился к нему, как к сыну, любил, оберегал. И Женя все время к нему приезжал, помогал, снимал негативные

моменты, успокаивал. Анатолий Борисович обогащал нас своими актерскими знаниями, отношением к искусству, и мы тоже его обогащали музыкой. Когда репетировали с ним у нас дома, то это были событийные явления. Он говорил: «Как жалко, что мы не записали этот романс. Завтра мы его по-другому споем». А какие актерские этюды он нам показывал иногда, ради шуток! Я благодарен судьбе, что она свела меня с ним. Это же счастье – общаться и работать с великой личностью!

– Как он относился к политике Ельцина?

– Плохо относился. Как патриот, переживал за страну, за народ. Очень переживал расстрел Белого дома.

– В своих выступлениях он говорил что-то об этом?

– Если выпадал случай, то выступал, осуждал либералов, космополитов. Однажды чуть-чуть не пошел в политику. Но я ему сказал, что это не обязательно, это не его стезя. Он прислушался.

– Какие черты характера он не любил в людях?

– Он со всеми разговаривал очень дипломатично, уважительно, с пониманием. Не так, допустим, как приехал на концерт Панкратов-Черный и начал кричать: «Э-э, Толя, ты там, молодец!». Он терпеть не мог людской суеты и шума. Обычно откликнулся на это сурово: «Что это такое, ты что, на базаре, что ли?». Он все время держал себя в строгости. Кстати, подальше держался от всех попсовых артистов. У них известный союз – ругать всех несогласных и деньги зашибать. От таких держался в стороне. Поэтому его и мало куда приглашали, особенно на телевидение. Если снимали, то показывали боком, мимоходом, будто перед ними обычный артист. А он же не такой, он – мировая звезда!

– Так уж и мировая звезда?!

– Приведу пример. Кузнецов сам рассказывал. Всплывают, значит, в океане две лодки: одна – американская, другая – советская. Выходят капитаны с той стороны и с другой стороны и, как у них повелось, обмениваются фильмами. Вдруг американец говорит: «У вас есть фильм про вашего ковбоя? Он в песках здорово дерется». Русский капитан спрашивает: «Это, наверное, «Белое солнце пустыни»?». «Да, «Белое пустыня», – отвечает американец. – Бросайте этого вашего ковбоя нам». Они перебросили друг другу фильмы и уплыли восвояси. Через год опять встречаются. Выходит американский капитан и говорит: «Что-нибудь у вас еще есть?». Наш капитан возмущается: «Так вы сначала отдайте нашего ковбоя, прежний фильм!». «Э-э, нет, фильм тот мы не отдадим, мы его регулярно смотрим, – отозвался американец. – Извините, не можем отдать. Дайте что-нибудь еще похожее». Так американцы «заиграли» этот фильм на подводной лодке. Это не анекдот, а точная история. Анатолий Борисович много ездил-выступал среди моряков, выступал и на подводных лодках.

– Кузнецов сам играл на музыкальных инструментах?

– Он же учился в музыкальном училище, потому хорошо играл на фортепьяно. И пел он хорошо, потому что в училище занимался по классу вокала. У него прекрасный тенор. Он бы никогда не стал актером, если бы в его судьбу не вмешался брат Михаил, который был киноактером. Известна его роль в фильме «Морская операция». Он был очень популярен в 40-е годы. Так вот, он и подговорил, настоял, чтобы Анатолий Борисович пошел в актеры, поступил в Щукинское училище. Един-

ственный фильм, где он удачно совместил актерский талант и пение, – это фильм «Черное море», там он пел под гитару. Вообще, он пел романсы так, как никто не пел, перед зрителями разворачивалась целая картина. Мне с ним легко было работать. У других бывает как? Актер начинает петь, тянет свою линию, и в итоге получается: он поет песню, а аккомпанемент ему не помогает, разрушает единство. Отсюда получается раздвоение произведения, оно становится невыигрышным, бездарным. У нас все было наоборот. Кузнецов умел хорошо сочетать и пение, и музыку. Ему очень нравилась балалайка. Она мягко звучала, и это было близко его голосу, тембру, это дополняло его состояние.

Из продолжительного и интересного рассказа Клепалова я понял, что киноактер Анатолий Кузнецов был народным любимцем, и все концерты с его участием проходили при полных и благодарных залах. Они побывали с концертами во многих городах России – в Нижнем Тагиле, Кемерово, Волгограде, Свердловске, Санкт-Петербурге... Любил Анатолий Кузнецов выступать с концертами и в национальных республиках. Там он не только выступал, но и знакомился с местной культурой, обрядами, традициями. Когда Клепалов и Кузнецов прибыли в Татарстан, глава города Нижнекамска целый день посвятил им. Он настолько был очарован Анатолием Борисовичем, что привел его в организованный им Дом русской культуры, где молодые ребята устроили концерт, играя на балалайках. Клепалову было радостно видеть и доброе отношение к кинозвезде, и то, что в Татарстане почитают не только хоккеем, но и русские народные инструменты.

Порой увлечение Кузнецовым национальными самобытными культурами народов России заканчивалось смешными историями. Приехав в Салехард, он решил посмотреть, как там живут местные люди – ханты. Экскурсовод отвез его и его команду в поселок, где стояли юрты. Встретили их там тепло, гостеприимно, угостили строганиной, колбасой, пирогами, провели по юртам, познакомили со старожилами.

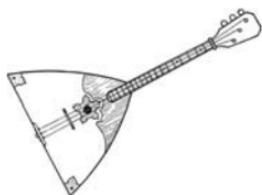
Клепалов успел зайти в краеведческий музей и познакомиться с предметами быта хантов. Через час после прогулок по юртам и музею все спохватились: пропал Кузнецов. Кинулись искать. Обошли пять-шесть юрт, нигде нет Анатолия Борисовича. Тут Евгений говорит: «Давайте заглянем в ту юрту, где нас угощали строганиной». Заглянули и увидели: Анатолий Борисович там, на уютном пологе, устроился и тихо спит. Клепалов подошел к нему осторожно и говорит: «Анатолий Борисович, просыпайтесь, надо идти». Кузнецов открывает глаза и спрашивает: «А что, я спал?». «Конечно», – отвечает Клепалов. Он поворочался, приподнялся: «А мне здесь так нравится! Можно я на недельку останусь, отдохну от Москвы?». Клепалов замотал головой: «Нет, Анатолий Борисович, надо идти, нас концерты ждут!».

Давняя дружба связывала Юрия Клепалова с губернатором Кемеровской области Аманом Тулеевым. Первое знакомство состоялось в начале 90-х годов, когда Клепалов выступал в художественном театре имени Горького у народной артистки Советского Союза Татьяны Дорониной. После игры на балалайке Тулеев подошел к нему, обнял: «Юра, Юра, ты маг, волшебник. Я и подумать не мог, что на балалайке можно исполнять

музыку любых жанров и стилей, любых эпох и направлений. Непременно приезжай к нам в гости – в любое время!»». И Клепалов дважды приезжал в Кемерово. Тулеев его помнил, встречал и предоставлял разные большие концертные площадки для выступлений.

Именно туда – в гостеприимный город Кемерово – и совершили одну из последних совместных гастрольных поездок Клепалов и Кузнецов.

Тулеев, как всегда, хорошо их встретил. На одном из концертов вручил Анатолию Кузнецову областную премию за его выдающуюся деятельность в области культуры и искусства. Не остался без поощрения и дуэт Клепаловых: Юрий Михайлович и Евгений Юрьевич были награждены медалями за преданность своему делу. Однако высшей наградой в тот вечер стало признание зрителей, которые даже после окончания концерта долго не отпускали музыкантов со сцены. К ним поднялась бодрая, красивая, убеленная сединами женщина и, выразив восхищение их игрой, расцеловала Клепалова и Кузнецова. Стала уходить, но остановилась, вернулась и спросила, обратившись к Кузнецову: «А можно я вас еще раз поцелую?!». Он с теплотой обнял незнакомую добрую женщину, которая, может быть, почувствовала, что больше в Кемерово он не приедет.

ВСТАНЬ ЗА ВЕРУ, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!

Ехать в Краснодар – значит, ехать в гости к Виктору Захарченко.

Собираясь в дальнюю дорогу, Клепалов переживал: а что, если они там встретятся? Переживал не потому, что много или мало знал о его славном подвижничестве и той великой миссии – нести народу духовность и нравственность, которых так не хватает ни в обществе, ни на телевидении. Жизнь и труды композитора, художественного руководителя и главного дирижера Государственного академического ордена Дружбы народов Кубанского казачьего хора, дважды лауреата Государственной премии России Виктора Гавриловича Захарченко давно были ему известны. Он с душевным трепетом и гордостью относился к ним, а созданный им казачий хор считал, как и все, кому дорога истинная русская культура, национальным достоянием России.

Клепалова мучила мысль: если Захарченко придет на его концерт, а мероприятия, где играют русские народные инструменты, он не пропускает, то не растеряется ли он сам, Клепалов, найдет ли о чем поговорить? Прошлый раз, когда такая встреча состоялась в Москве, в Кремлевском дворце съездов, Захарченко подошел к Клепалову и тепло, искренне отозвался о его музыкаль-

ной одаренности. До сих пор в памяти сохранилось сказанное им от души, безо всякого пафоса и менторского высокомерия: «Юра, вы балалаечник – что надо! Мастер. Виртуоз. У вас безупречный художественный вкус. Как хорошо, что вам удалось открыть суть этого замечательного инструмента, его свойства!». Нужно было завязать беседу, выйти на сотрудничество, но Клепалов растерялся, поскромничал, проявил нерешительность. Конечно, поблагодарил, отозвался на похвалу дежурными словами.

Зато Захарченко не стусевался, продолжил тему творчества. Он еще раз одобрил исполнительскую технику Клепалова, отметил, что ему удалось обогатить выразительные возможности балалайки новыми приемами игры. Уже после встречи Клепалов пожурил себя, что не поговорил со знаменитым и обаятельным композитором о балалайке, которая так его взволновала. Кто-кто, а Захарченко понимал, что балалайка – это тот самостоятельный инструмент, который не требует дополнительной мелодической поддержки, он способен выразить всю гамму чувств своими средствами.

В следующий раз они пересеклись на родине Захарченко – в Краснодаре. Вместе с Клепаловым в концерте участвовала певица Татьяна Петрова. Теперь все красивые слова были адресованы ей. Захарченко высоко оценил ее песенный талант, народность, скромность, отметил глубину погружения во внутренний мир, богатый, одухотворенный... В ответ Петрова говорила, что подлинная русская песня – жанр удивительный, притягивающий, он идет от русской плавной разговорной

речи, наполненной эмоциями, особой интонацией слова. А разговор с Клепаловым прошел накоротке.

И вот судьба подарила очередную поездку в Краснодар. Кажется, теперь Клепалову нечего теряться и переживать, ведь они знают друг друга и есть добрый отзыв о его игре, но на душе все равно было беспокойно.

Перед поездкой он прокрутил в памяти творческую биографию легендарного композитора-народника, вспомнил все знаковые песни...

История хора начинается с 1811 года – Захарченко еще не родился. Это единственный в России профессиональный коллектив народного творчества, имеющий непрерывную преемственную историю сроком более двухсот лет. Основателями хора считаются духовный просветитель Кубани протоиерей Кирилл Россинский и регент Григорий Гречинский.

Судьба Кубанского казачьего хора всегда была тяжелой. За преданность православной вере, за русофильство, за строптивость его дважды распускали – в 1921 и в 1961 годах. Но Виктору Захарченко удалось не только его отстоять, но и поднять на небывалую духовную высоту. Во времена ельцинско-чубайсовского нашествия на русскую культуру стирались с лица земли прославленные русские коллективы – Северный хор, Сибирский хор, Воронежский хор, хор имени Пятницкого, оркестр народных инструментов имени Осипова, Государственный академический русский концертный оркестр «Боян» и многие другие. Одни закрылись, другие разбежались, а третьи спасались гастролями по миру. Хор Захарченко три с половиной месяца давал концерты в Австралии, посетив все шестнадцать штатов. Он выжил,

объехав почти полмира. Ему рукоплескали и французы, и немцы, и японцы, и англичане, и австрийцы, и китайцы. Так рукоплескали в Америке и Европе только хору Донских казаков Сергея Жарова. Но гений Захарченко шагнул дальше... Его самобытное композиторское творчество органически вошло в русло народной песни. Композитор Пахмутова так и сказала: «Сила его музыки – в органичном слиянии с истинно народными песнями».

Клепалов часто задумывался, откуда в Захарченко столько сил, упорства, трудолюбия, терпимости?! Он и умелый организатор, и собиратель фольклора, и просветитель. Может, оттого, что в детстве Виктор, рано потерявший погибшего на войне отца, стал самостоятельным, ответственным человеком. В десять лет он написал Сталину письмо на тетрадных листках о том, что в их школе нет ни музыкального кружка, ни баяна. Вскоре в школе появился и новый директор, умеющий играть на музыкальных инструментах, и настоящий баян, а мама купила ему гармошку. Может, от того, что Виктор учился в Новосибирской консерватории, десять лет работал хормейстером в Сибирском русском народном хоре и там получил сибирскую закалку и стойкость в отстаивании своих убеждений. Может, от того, что перенял от предков православную веру и пронес ее через всю жизнь и творчество, а вера эта дала и удивительную жизнестойкость, и желание быть с теми, кто ближе по духу. Оттуда же черпали силы и вдохновение Чайковский, Прокофьев, Рахманинов, Гаврилин, Свиридов.

Клепалов тоже ценил музыку Свиридова. Он с радостью прочитал недавно отзыв Захарченко о нем: «Сви-

ридов представляет собой квинтэссенцию музыкальной сущности русского народа. А вообще мое мнение такое: то, что не выражает национальный дух и базируется только на профессиональной технике, умении, индивидуальной способности композитора и исполнителя, – не имеет отношения к настоящей музыке».

Наверное, месяц ходил Клепалов в раздумьях о том, как Захарченко верно и точно сформулировал задачу музыки – выразить национальный дух своего народа.

Нашел он ответ и на вопрос, откуда в полюбившемся ему композиторе столь крепкий духовный корень. Тут и искать особо ничего не стоило. Захарченко сам признался: «Вера обязывает». А чтобы ни у кого из скептиков, либо из либералов и русофобов, не было сомнений, написал в газете: «Я глубоко убежден, что как есть Святая Троица, так есть и три взаимосвязанные элемента жизни нации – вера, язык, традиционная культура. Последняя вмещает в себя песни, танцы, одежду, обряды, обычаи, сказки, пословицы, поговорки и т.д. – словом, все жанры».

И вот Клепалов приезжает в Краснодар и ждёт, что на его концерт придет сам Виктор Захарченко.

Едва концерт начался, как они встретились глазами, в которых сиял радостный, одобрительный свет. Захарченко пришел. После концерта он обнял Клепалова. «Вижу в тебе всю ту же русскую удадь, мастерство! – сказал он. – Рядом с нами нераскрытое богатство народной музыки. Твоя балалайка творит чудеса, она служит народу, дарит ему то, что ему по праву и принадлежит. Сегодня твоя музыка, как никогда, нужна России!».

Они стали говорить о том, что было важно им обоим – о путях возрождения России, о значении народных инструментов, о казачьем хоре. Клепалов не мог не выразить свое восхищение и талантом, и мудростью Виктора Захарченко, репертуаром казачьего хора, который он сам формирует. «Вы каким-то особым обостренным духовным зрением чувствуете наиболее острые болевые точки времени и дарите русскому человеку то, что ему не дает массовая культура, те песни, по которым соскучился, исстрадался наш народ.

Клепалов впервые говорил с ним так долго, искренне, с пониманием, сочувствием и – на равных.

– Юра, а Виктор Захарченко приглашал тебя в свой оркестр? – спросил я, желая понять, насколько близки были два мастера.

– Нет, про оркестр у нас разговора не было. Но он мог пригласить. Я чувствовал, что у него вот-вот сорвется с языка это предложение. Только сложно это все осуществить, ведь я живу в Москве, а он в Краснодаре. Ездить туда далеко, а жилья никто не даст. Но мои коллеги, которые учились со мной в консерватории, там у него работают, играют.

– Какое место вы отводите Захарченко и его хору в культурной жизни страны?

– Захарченко – один из великих, масштабных музыкантов и композиторов! Он истинно народный. И выше этого статуса нет. Ни у кого из современных композиторов нет такого народного доверия, любви, симпатий, как у него. А про хор лучше него тоже никто не сказал: «Кубанский казачий хор – это духовная святыня, это культурная святыня».

– Почему же его нет на телевидении?

– Он, как русский проводник русской культуры, тоже в информационном загоне, в блокаде. По его мнению, телевидением владеют бесы, потому ему там нет места. В одном из своих интервью Захарченко крепко их приложил, разоблачил: «Думаете, случайно вбивается в наши головы со всех теле- и радиоканалов: «Русская мафия, новые русские, новые русские...». А у них и фамилии-то не русские. Много ли среди богатых русских? Поищите. Среди безработных – да, много. Среди тех, кто работает и не получает зарплату – много. Может быть, в правительстве нашем тоже русские? Уж не чубайсы ли, немцовы, кохи, уринсоны, батурины и прочие, прочие... Они что – ради России и народа российского «стараятся»? Им надо Россию опорочить, опошлить, втоптать, заклевать. В русской идее, которую тысячелетняя Русь стоит, в вере православной их более всего страшат наша русская соборность, наша способность постоять за веру и за Отечество. Слетается воронье, прыгает, тризну предвкушает, кощунствует, глумится – сочиняет «национальную идею»... Сил нет смотреть на глумление, на то, как заказные проповедники другой веры назидают и поучают нас, православных, уезжать из России, находить счастье в деньгах, менять и перебирать жен и мужей, не дорожить семьей и не рожать детей, жить животными инстинктами, обманом, ложью, казнокрадством. Они знают, какие вредные сорные всходы дают унавоженные ими и засеянные «поля чудес» и потому множат бесконечные безумные шоу. У бесов и предназначение – бесовское. Россия же – была, есть и будет!».

– И как с этими бесами и «безумными шоу» бороться?

– Так, как Захарченко – приумножать русские традиции, хранить веру предков, петь русские песни. Мало кто знает, что он десять лет ходил в Сибири по деревням и записал сотни народных обрядов и песен. Работая на Кубани, он провел огромное количество фольклорных экспедиций по хуторам и станицам.

– Одного Захарченко, одного Клепалова... – мало вас. Недавно Путин ездил в Австрию на свадьбу к тамошнему министру МИДа и брал с собой казачий хор Захарченко. Почему бы Путину не свозить и не поселить тот хор на телевидении?

– Значит тот, кто владеет информацией, телевидением, радио, выше Путина.

– Думаешь, Захарченко победит? Клепалов верит в победу над разрушителями русской культуры, а значит, и России?

– Захарченко делает великое дело, он защищает ту глубинную русскую культуру, тот фольклор, традиции, на которых держится Россия. Я низко кланяюсь ему за талант. Он не дает русской культуре опошлиться, не дает ей измазаться во всяких модных течениях, не дает «осовременить» и «облагородить» фольклор в угоду пресыщенной части публики. Сейчас происходит ломка всех национальных традиций, ломка понимания народных песен. И пока есть такие, как Захарченко, мы выстоим. Он – достояние страны. Когда его сбила машина и он оказался на грани смерти, то попросил у Бога: «Господи, я еще многое не успел». И Бог дал ему силы. И когда он, став инвалидом второй группы, на костылях вышел

в Киеве на сцену, а молва прошла, что он погиб, то весь зал встал и рукоплескал стоя. По сей день он не сидит дома, несет русскую песню по миру. И по-прежнему поднимает народ на ноги песней «Встань за Веру, русская земля!», заряжая его внутренней духовной силой.

– В Краснодаре Захарченко пришел к тебе на концерт без приглашения. А ты точно так же приходил к нему на концерты?

– Да, я его хор слушал в Москве в Колонном зале Дома союзов, еще в каком-то небольшом столичном концертном зале. Запоминающимся было выступление Захарченко с небольшим составом в Международном славянском фонде у Вячеслава Клыкова. Я там был, и мы общались.

Перед выходом из Дворца культуры, в дверях, Захарченко задержал Клепалова, обнял на прощание, похлопал по плечу и сказал: «Бог в помощь, дорогой ты мой русский человек. Хорошей дороги. И ждем тебя вновь на кубанской земле!». Клепалов в который раз удивился: рядом стоит великий Захарченко, тот, кто держит в своих крепких руках нашу потрясающую, величайшую русскую культуру, у него времени в обрез, а он вышел его проводить.

ПИСАТЕЛЬ ВЫСОКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Ни один съезд Союза писателей России, в котором принимали участие Валентин Распутин, Василий Белов, Валерий Ганичев, Станислав Куняев, Владимир Крупин, не обходился без участия в нем музыканта-балалаечника Юрия Клепалова. Кому из них приходила в голову мысль приглашать его в далекие и изнуряющие поездки он не знал. Но ведь кто-то понимал, что небольшие концерты народных инструментов меняют большой мир, и если народ перестанет слушать музыку предков, то лишится своих корней, навсегда потеряет национальную гордость.

Клепалов подозревал, что инициатива могла исходить от писателя, ставшего классиком при жизни, – Валентина Григорьевича Распутина. В беседах с ним он часто слышал верные суждения о том, будто музыка и песня как раньше, так и сейчас определяют духовно-эмоциональный фон жизни целых поколений, ведь не зря саму песню называли душой народа. Через музыку и песню человек многое постигает: и красоту родной земли, и полноту чувств, и веру в счастье, и силу убеждений, и радость жизни. Только это было раньше, когда музы-

ка и песня служили народу, отражали его патриотизм и духовную суть. Сегодня все перевернулось: вместо настоящей музыки и песни телевидением и радио тиражируются нагсадно-хриплые гнусности американо-ресторанного пошиба, кастрированные голоса, композиции глухих звуков, пустых и уродливых текстов. Именно Распутин понимал, кто и зачем вкладывает огромные средства в массовую культуру и шоу-бизнес, чтобы уничтожить народную музыку и тем самым вытравить из народа его русскость, постепенно превращая его в духовных мутантов и манкуртов.

Конечно, инициатором мог выступить и председатель Союза писателей Валерий Ганичев. Зачастую именно у него в кабинете при большом стечении русских писателей проходили совещания, а их сопровождала игра на балалайке Юрия Клепалова. Но в зале находился, опять же, Валентин Распутин.

Мог приглашать на подобные писательские мероприятия популярного музыканта, пропагандиста народных мелодий и песен Юрия Клепалова и талантливый поэт, главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев. Этот боевой патриотический журнал в те безумные времена либеральных грабительских реформ объединял все духовные и нравственные силы, вобравшие в себя вместе с молоком матери отечественные народные традиции, песни, музыку, и способные противостоять западникам и русофобам. И Куняев действительно довольно часто зазывал Клепалова в журнал, и тот приходил, играл, будоражил воображение, вдохновлял русских писателей. Но все встречи проходили лишь в кабинете редактора. И к тому же на них присутство-

вал глубоко почитаемый всеми Валентин Распутин. При всей своей громадной известности и энергии Куняев не в состоянии был организовать и провезти Клепалова по всей стране.

Выходит, это было под силу только Валентину Распутину. Потому Клепалов и мог считать его основным вдохновителем и инициатором всех поездок по стране. Доказательства он получил позднее.

Впервые они увиделись на Всемирном фестивале молодежи. Затем была встреча в Союзе писателей у Валерия Ганичева. Но ни там, ни там Клепалову не довелось близко пообщаться с Распутиным. Лишь краем глаза он видел, как внимательно прислушивался писатель к каждой мелодии, которую он играл на балалайке. Так мог слушать только неравнодушный человек, тот, кому с детства дорого колоссальное богатство нашей народной музыкальной и песенной культуры, ее могучий, духовный и эмоциональный потенциал. Клепалов подарил ему кассету со своими романсами на стихи Ивана Бунина и попросил, чтобы он послушал.

Сблизила и породнила их лишь следующая встреча. Писатели поехали в Белгород на очередной свой съезд, и в составе делегации был Клепалов. Тут уж он точно знал: его участие инициировано лично Распутиным.

Интересная беседа состоялась в автобусе, перевозившем делегацию с одного мероприятия на другое. Распутин, не терпящий пустословия, первым затронул тему музыки, вернее, новых мелодий и ритмов, властвующих на эстраде, но лишенных лиричности, задумчивости, душевности. Причиной тому, по его мнению, являлось отсутствие национальной компоненты в искусстве.

Клепалов согласился, что космополиты стараются всячески принизить и полностью отринуть русское национальное самосознание в музыкальном творчестве. От осуждения враждебности чиновников, заполонивших сферу культуры, они постепенно перешли к разговору о практической и профессиональной стороне дела. Клепалов спросил писателя: «Валентин Григорьевич, ваши выступления в зале проходят в полной тишине. Люди боятся пропустить каждое ваше слово. И мне это понятно: ваши слова обладают каким-то магнетизмом, теплотой, образностью. Скажите, а как ваше слово будет звучать на моей струне?» Без особых раздумий Распутин ответил: «Струна будет звучать струной. Струна – это же голос. А как может звучать голос? Он может звучать хорошо. Он может звучать плохо. Он может петь долго, радостно и красиво. А может и не петь, это все зависит от того, кто владеет этим голосом. Струна – это наш душевный голос, голос народной истины!».

Клепалов никогда не слышал столь глубокого понимания балалайки. Ему бы записать те откровения, внутренние переживания. Конечно, то были не вспышки проникновения писателя в тайны народного инструмента, а скорее, раскрытие этих самих тайн.

Распутин продолжил очень интересное и неожиданное раскрытие секретов балалайки, сказав: «Тайна трех струн – это симфоничность. Симфоничность должна быть. Если разобраться, то литература – это тоже симфоничность. А симфония – это связь всего состояния человека, в первую очередь, состояния души. Симфоничность балалайки не всем музыкантам под силу. Ты ее достигаешь. Когда ты играл «Балладу о женщине»,

то я слышал как бы два инструмента, с одной стороны – голос женский, а с другой – аккомпанемент ему. Мне кажется, никто не делал этого на балалайке до тебя!».

Для Клепалова на долгие годы осталось загадкой, как писатель смог эту симфоничность понять и услышать!

Вечером, когда отзвучал очередной сольный концерт Клепалова, Распутин пригласил его в свою гостиничную комнату. Ему растревожили душу сокровенные мысли вслух о балалайке или возникло желание пообщаться с талантливым композитором, порасспрашивать о творчестве? Все оказалось гораздо проще: писатель попросил Клепалова поиграть ему на балалайке. В комнате находились еще два незнакомых писателя.

Балалайка зазвучала романтично, поэтически, и слушатели погрузились в мир музыки.

Когда-то Клепалов читал повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой» и плакал над судьбой крестьян, лишенных родовых понятий, – мать Земля, пойменные луга, погосты, деревья, память. Много затоплено по России деревень с коренными, кондовыми названиями «Матера». В повести Клепалов слышал не только горечь и разочарование писателя от наступления хищной цивилизации, но и его боль за свой народ, за родную землю. Он понимал, что героиня повести Дарья защищает не старую избу и некую, никому из технарей непонятную патриархальщину, а Родину. На всю жизнь Клепалов запомнил слова писателя, сказанные о той старушечьей сердечной боли: «Как в огне оно, христовенькое, горит и горит, ноет и ноет». И разве можно не разделить ту боль, то отчаяние, то пророческое переживание, когда осознаешь, что погибает под водами

руководной гидростанции не деревня, погибает целый крестьянский мир?!

Еще горше и печальнее для души было чтение Клепаловым повести «Пожар». В отличие от критиков, он увидел в ней не только гибель общинного русского мира, трагическую символичность современной жизни и ее провидческий исход, но и пути излечения больного человека, загнавшего себя в бездушное потребительство. Вместе с героем повести, совестливым шофером Иваном Петровичем, Клепалов задумывается о том, что настоящий человек вырастает не в праздности, а в труде, в преодолении жизненных невзгод, не в эгоизме и себялюбии, а в сострадании к другим, в участии к людской беде. По крайней мере, из этого жизненного материала ткется судьба человека, определяется азимут его движения по жизни.

Да, да, когда-то Клепалов читал, рассуждал над книгами писателя, взошедшего на литературный олимп славы и ставшего совестью нации, а сегодня тот сидит напротив и слушает его мелодичные переживания на балалайке. Если это не чудо, то что это?! И двое писателей, сидящих рядом, окунулись в его музыку.

В перерыве Распутин сказал: «Смотри, Юра, какой силой обладает твоя балалайка! Сидим мы, слушаем ее, а каждый погружен в свои мысли, у каждого своя судьба. Уверен, она очень яркая, насыщенная. И вместе с тем, она объединена звуками балалайки. Объединена. Судьба одного человека переливается ко второму, к третьему, и получается магия. У меня гордость вызывает твоя музыка, твое творчество. Не зря в России любили собранность во всех ее проявлениях, отношениях. И заметь:

когда человек слушает такую родную его душе музыку, то возникает ощущение, что ты знаешь про него всё-всё. Эти мысли и чувства передаются в замкнутом пространстве. Но идет духовное, информационное движение чувств и мыслей, которое нам мало ведомо. Это единение чувств и мыслей, пожалуй, делают людей намного чище, нравственнее, намного значимей, именно когда идет духовное, информационное обогащение друг друга».

В своих рассуждениях и откровениях Распутин был велик. Настолько велик, что Клепалов боялся вставить в разговор слово, боялся перебить и спугнуть его мысли. Он без преувеличения раскрыл ему глаза на многое, происходящее в мире культуры, искусства, да и самих человеческих отношений.

Всю ночь Клепалов не мог заснуть, размышляя над тем, что говорил Распутин. Основное, что он вынес из услышанного, – в творчестве нельзя замыкаться, останавливаться, следует двигаться вперед. Творцу нужно духовное общение и обогащение. И как идти дальше, если ты не собираешь по крупицам творческие мысли и чувства у того, у этого, у третьего, у четвертого?! Если ты не объединяешь их, не показываешь путь вперед, то твое творчество останавливается, просто останавливается, и превращается либо в показуху, либо в серость, либо в однодневку.

– Я под большим впечатлением и, честно говоря, душевным потрясением от той беседы, которая состоялась между тобой и Валентином Распутиным, – признался я, почувствовав, что существует некая недосказанность, упущенность, забывчивость, которые могут либо дополнить понимание сути двух мастеров – мастера слова

и мастера музыкальных звуков, либо уйти в небытие. – Для Распутина балалайка, видимо, не только выразитель симфоничности, но соборности, народного единения.

– Кстати, Валентин Григорьевич как раз это отмечал. Потрясающие наблюдения. Я ему говорю: балалайка – явление настолько уникальное, еще не раскрытое, что сам поражаюсь. А он отвечает: это и есть русская душа – загадочная, симпатичная. Балалайка, мол, настолько глубоко раскрывает все твои чувства, что ты начинаешь себя ощущать более великим, более значимым. А, значит, имеешь право жить дальше, творить, удивлять, просвещать. И тут нужен симфонизм... Распутин имел в виду не тот симфонизм, который играет оркестр, а другой, имеющий новое звучание. Я потом уточнял у Валентина Распутина, что он имел в виду, когда говорил о новом назначении симфонизма и соборности. Он дал пояснение: соборность – она может быть ближе к вере, к бытовой стороне жизни. А вот в духовной музыкальной части наивысшей формой игры на народных инструментах является, конечно, симфонизм. Еще Валентин Григорьевич говорил, что симфонизм должен обладать важным качеством – народностью и, прежде всего, национальностью. Но не той обособленной национальностью, которая обозначает одну нацию и одну часть ее творчества, а национальностью всех народностей, проживающих в России. Это та же палитра красок художника, где все они смешиваются и получается одна картина под названием «Россия». Родник России в этом и заключается, что он состоит из этих капелек национальных культур. Об этом новом явлении значения балалайки Валентин Григорьевич долго рассуждал, и оно не со-

всем раскрыто для будущего, хотя мы чувствуем, что его зачатки уже есть, они развиваются. Это вроде как святая вода, без которой жить нельзя.

– На серьезные темы у вас велись беседы...

– Говорили мы с ним о Свиридове, говорили о Гаврилине, говорили о Геннадии Заволокине. Он всех знал, всех почитал, гостил не раз у них дома.

– Какими были его оценки творчества композиторов Свиридова и Гаврилина, ведь появление и соединение этих двух светлых русских гениев обогатило не только русскую, но и мировую культуру?!

– Распутин любил повторять слова Свиридова: «Россия – страна простора, страна минора, страна Христа». Он считал, что ему была Богом явлена тайна мелодии. Слушая «Метель» Свиридова, я соглашаюсь с Распутиным. Этот великий и ни с кем не сравнимый композитор, духовный просветитель отечественных традиций обессмертил свое имя, став одним из ярчайших явлений прошедшего века. В музыке композитора он видел не столько звуковую композицию, сколько движение национальной жизни народа. Поэтому его любовь к Свиридову была настолько искренней и преданной, что при вручении Свиридову в Рязани премии имени Есенина он сказал, что нужно каждый год давать ему награды. Боготворил он также и Валерия Гаврилина, считая его подлинно национальным композитором. Распутину нравилась его подлинная, родниковая, перезвонная русская музыка. Он не стеснялся призывать всех деятелей культуры, а особенно коллег-писателей, учиться у Свиридова и Гаврилина чувству национально-го достоинства.

– Свиридов не просто чувствовал, а осознавал родство душ с Валентином Распутиным. Иначе бы не написал столь трогательные и честные слова в адрес его творчества.

– Помню, помню... Даже цитирую по памяти: «Драматичный Валентин Распутин». О Белове: «Возвышенно-поэтический Василий Белов». Еще он предостерегал Белова в письме к нему, что их могут рассортировать и поссорить: «Для этой цели – одного возвышают, другого унижают. Ни один достойный, настоящий русский художник не избежал глумления». Зато Евтушенко честно назвал «литературным сексотом и провокатором».

– Распутин часто при встречах просил тебя поиграть на балалайке?

– Была возможность – просил. Я ведь всегда был с балалайкой.

– Он брал твою балалайку? Проявлял интерес?

– Он не играл, просто смотрел, брал в руки и смотрел.

– Ему было интересно, какая у тебя балалайка – чудо волшебное?

– Валентин Григорьевич иногда задавал вопросы, например, почему она трехструнная? Спрашивал и так серьезно смотрел на меня, ловя на лету каждое слово. То ли ему вовсе неведом был чудо-инструмент, то ли он знал ответ, а меня брал на изгиб, чтобы я больше раскрылся. Но я ему говорю: «Давайте с такой колокольни смотреть. Если балалайка трехугольная – это, по православному значит, Отец и Сын, и Дух Святой. Наша святая Троица. Наша жизнь. Балалайка имеет большее зна-

чение в нашей жизни, чем мы о ней думаем, она имеет связь с космосом. Она не разгадана. Куда эта связь идет дальше, мы не знаем. Что она несет с собой, какую энергетику, мы не знаем. Будет энергетика постылая – конец инструменту. По-моему, в инструменте живут сразу три балалайки – и это тот секрет, который надо раскрывать!».

– Значит, он слушал твои философские рассуждения, спрашивал, пытал тебя? Ты, значит, тоже был для него загадкой.

– Для писателя любой человек интересен.

– Может и так. Спорить не стану. Но для такого великого исследователя человеческих душ как Распутин, на мой взгляд, интересны были в первую очередь творческие личности. Я видел, какой живой интерес он проявлял именно к ним.

– Конечно. Первый интерес у него ко мне появился, когда он услышал звуки балалайки, не традиционные, которые у нас звучат на телевидении, на радио утром или на эстрадном концерте. Тут звуки идут глубже, дальше.

– У него была какая-нибудь любимая мелодия, песня?

– Особенно он любил песню про свой любимый Байкал.

– «Раскинулось море широко...»?

– Нет. «Священное море Байкал». Помню, Таня Петрова ему пела, я играл, а его печальные глаза светились от слез. Редкий человек, понимающий глубину как песни, так и балалайки. Он такой тонкий человек, все старался почувствовать, понять.

– К тому же, он был стеснительный. Сколь долго я с ним не беседовал, не затрагивал разные темы, стеснительность все равно не проходила. Меня это обезоруживало. Такой характер. Впервые заметил эту черту характера писатель Михаил Шолохов. Он даже в кругу друзей подчеркнул скромность, сдержанность, истинную воспитанность Распутина.

– Великий человек – может, потому и стеснительный. В душе, может быть, и хотел сказать лишнюю фразу, да боялся ранить своим словом, каким-то вопросом, требованием к собеседнику. Тогда он бы переживал еще больше, чем, допустим, я или кто-то другой. Я его считаю совестью нашей нации. Его подвижническую, творческую жизнь следует знать как молитву. Потому что русский человек должен всегда помнить, понимать и молиться на таких светлых и совестливых людей.

– Анатолий Заболоцкий по сей день называет его святым человеком. Скажи, Юра, а ты много с Распутиным общался, о чем больше всего его расспрашивал?

– Я в основном интересовался психологией русского человека. Интересно, как писатель образы складывает, откуда он берет их? Я дилетант в этом деле. Некоторые его образы для меня были откровением. Кажется, постоянные переживания и мечтания должны были убить в человеке способность к действию, а у него в повести «Живи и помни» этого не происходит.

– Женские образы у него самые сильные. Героиня повести «Живи и помни» Настена, у которой война отняла любовь, ласку, молодость, пошла на смерть ради мужа, чтобы его, дезертира, не выдать.

– Да, женские образы очень сильные. Дело в том, что женские образы – это основа его творчества. Мы с ним на эту тему много говорили. В русских женщинах он видел особую духовно-нравственную сущность. Чтобы понять Россию, нужно понять русскую женщину.

– Кого из писателей Валентин Распутин в то время больше других ценил?

– Крепко любит Белова – за его честность, смелость, прямоту. Он его родным считал.

– А тебе доводилось общаться с Василием Беловым?

– Жаль, с Беловым общался немного. Помню, говорили о Геннадии Заволокине, о народных инструментах, вообще о национальной культуре. Но не так подробно, как с Распутиным. Жалею. Он очень ценил то, чем занимался Заволокин, говорил, что ему Русь мужицкую удалось поднять! Мне нравились его рассказы о плотничьих секретах. Я, конечно, знал, что он в юности плотничал. Но ведь это было давно. А он все секреты помнил. Только побывав в домике-музее вологодского поэта Яшина, я понял их значимость. Мне показали там стол и лавку, сделанные руками Белова и подаренные им своему учителю Яшину.

Деревенская тематика на всю жизнь сблизила не только Распутина и Белова, но и Клепалова с ними – с великими русскими писателями.

Когда Распутин пригласил Клепалова к себе в Иркутск на ежегодный праздник – Дни русской духовности и культуры «Сияние России», то он без раздумий собрался в дорогу и вылетел, ибо знал, что у истоков его проведения стоял сам трудяга-писатель, просветитель и подвижник. И не было ни дня, ни минуты, чтобы Кле-

палов пожалел об участии в этом празднике. Более того, те дни общения не просто сблизили, а сроднили его с писателем.

После концерта, где Клепалов аккомпанировал певице Татьяне Петровой, Валентин Распутин подошел к нему и предложил утром, пока многие участники фестиваля спят крепким сном, вырваться на природу и съездить в деревню. Кто мог подумать, что этой деревней окажется знаменитая Талица – музей деревянного зодчества под открытым небом, особо почитаемый писателем, куда он возил лишь избранных. Ему, видимо, хотелось и отблагодарить музыканта-балалаечника, сумевшего всколыхнуть в его душе сильные национальные чувства, и найти возможность наедине, по-теплому пообщаться. В группе вырвавшихся на природу оказалось еще три писателя.

По всей территории музея гидом выступил сам Распутин.

В какой-то момент беседовать о деревне пришлось лишь им вдвоем – Клепалову и Распутину, так как писатели разбрелись, попав под власть своих воспоминаний и размышлений.

Распутин завел Клепалова в просторный дом, который когда-то использовался под школу. Там он увидел парты, черным цветом покрашенные откидные полки, которые открываются туда-сюда. На передней стене висела доска, не исписанная мелом. Два взрослых гостя стали наперебой вспоминать время учебы. Распутин сказал: «Я на таких партах учился». Клепалов в ответ признался: «И я тоже учился. На этой парте была чернильница-непроливашка. Помню, как акку-

ратно макал в нее ручку и выводил в тетради предложения... Мы с вами, Валентин Григорьевич, прожили одну жизнь». Он отозвался: «Конечно. Парты, за которыми мы учились, дали ту энергетику, которую мы до сих пор помним. Это же дерево! Это же Русь деревянная! Сейчас парты и столы из пластмассы делают. А что она дает? Ничего. Отшлифовывают. Вроде красиво, но энергетики нет. Дерево ведь дышит, а пластмасса нет. Дети пощупают деревянную парту руками, потрогают ее, потрут, погладят, и у них нет никаких раздражающих ощущений, наоборот, душа теплеет. Связь человека с деревом – это же процесс очень удивительный, ученые говорят, что ребенок как бы познает мир через эту парту, через общение с деревом».

Они посидели за партами, помолчали. Затем Распутин рассказал, как у него родился сюжет для написания рассказа «Уроки французского», по которому был поставлен известный фильм с одноименным названием. Сюжет не выдуман, взят из детства, когда мальчик Валя Распутин ездил из деревни в далекий райцентр на учебу, и был не только самым грамотным учеником в школе, но и тем важным человеком в деревне, который помогал односельчанам в написании писем и разных бумаг. Плохо давался ему лишь один предмет – иностранный язык. Отсюда и родился сюжет для рассказа, который имеет свою правдивую историю, звучание и то ощущение школьных предметов, которые запомнились на всю жизнь.

В другом бревенчатом доме, срубленном на две семьи, Распутин поведал интересный рассказ о русской печи. Клепалов смотрел на творение рук крестьян

и удивлялся. Печь стояла на бревенчатом опечье, имела шесток с загнетком, заслонку. На положенном месте заметил и железную трубу с задвижкой-вьюшкой. Рассказ Распутина был поучителен и содержателен в деталях. «Русская печка для крестьянина, – говорил он, – это сердцевина. Без печки крестьянина вообще нет. Чтобы построить дом, сначала надо построить печку, ну и потом, естественно, к печке все остальное достраивали – дом достраивали. В печи в свое время варили, парили, мылись. Если дом не успевали к зиме поставить, а в Сибири короткое лето, да еще погода неустойчивая, то печка выручала».

Тут к беседе подключался и Клепалов. Он рассказал, как ездил к другу в деревню в Пермскую область. У него в избе тоже такая же печка. Так у него на этой печке дети живут, спят, валяются, играют. Юрий вспомнил детство и тоже поваялся, поспал на ней. Распутин улыбнулся и сказал: «Так это все дети так в России на этих печках выросли. В деревнях там и жизнь начиналась, и на ней же порой и заканчивалась».

Распутин провел Клепалова по улице с запоминающимися деревянными избами. Они смотрели на него – все разные. Там стояли и пятиуголки, и четырехуголки, и шестиуголки. И о каждой избе писатель рассказывал разные истории: как крестьянин расширялся, как достраивал, как перестраивал. Следить за состоянием дома – естественный процесс. С учетом климата, а он суровый, делать ремонт приходилось частенько. От суровости этой было еще больше радости. Человека русского проморозишь, он приходит домой – ах, и все – отлеживается на печи.

Клепалов то и дело удивлялся, какой перед ним хороший рассказчик, знающий, толковый. Не столь ярко выраженный, скупой немножко, зато точный, глубокий, знающий психологию крестьянина-сибиряка, которую не каждому дано так тонко почувствовать. Распутин не кичился знаниями, не хвастался, не распыхался – вот, мол, какой я деловой. В нем чувствовались благородство, внутренний стержень, очень глубокий.

Следующая встреча с весьма забавным сюжетом Клепалова с Распутиным произошла в городе Якутске, что на реке Лене. Делегация писателей ездила по региону и выступала перед населением. Клепалов проводил сольные концерты, знакомил северных людей с русскими народными мелодиями.

Перед их отъездом домой благодарные жители Якутска подарили Валентину Распутину ящик водки, сказали – для творчества необходимо. Писатель, знамо дело, растерялся, подошел к Клепалову: «Юра, мне ящик водки подарили, я же его не увезу. Возьми себе половину». Тот стал отказываться, а писатель – настойчиво упрашивать: «Ну возьми хоть одну!». Клепалов вежливо запротестовал: «Валентин Григорьевич, мне самому дали пол-ящика. Я не знаю, как прицепить к самолету, чтобы его увезти!». Распутин не сдавался: «Ну, Юра, подумай, чем можешь помочь?!».

Расставание с писателем стало для Клепалова необычным испытанием. Кроме коробки с водкой, Распутин подарил ему на прощание еще и картину местного художника. При этом сказал: «Мне столько картин подарили, штук пять-семь, что вешать их в кабинете – нет места. Выбирай: одно полотно метра два, другое – пол-

тора!». Клепалов замотал головой: «Ни одна картина в самолет не войдет, никуда ее не положить». Распутин твердым и упрямым голосом посоветовал: «Ты возьми, скрутишь картину и возьмешь подмышку. На память пусть останется!».

По сей день в подмосковном доме, в маленькой комнате, где Клепалов любит сочинять музыку, висит на стене добрый подарок Валентина Распутина – картина, на которой светится луна и пейзаж радуется красотой. Она часто заставляет композитора вспоминать беседы с писателем.

Общение с картиной подтолкнуло Клепалова к мысли попросить Распутина написать предисловие к его сборнику двенадцати романсов на стихи поэта Ивана Бунина. Издание должна была осуществить ассоциация «Бунинское наследие» в издательстве «Музыка». Распутин без отговорок на занятость и отсутствие времени сразу согласился. Прослушав кассету «Сириус» и все романсы, он выполнил обещание – всего в нескольких предложениях сказал о романсах так много и ярко, так замечательно, что некоторым литераторам и в целой повести не выразить свои чувства и мысли.

За предисловием Клепалову пришлось ехать к писателю домой, на Конюшенный переулок. Распутин встретил его с радостью: «Юра, мы сейчас тебя пирогами накормим! А ну, как у нас там, Светлана, все ли готово к встрече гостя?». В комнатах держался приятный аромат рыбного пирога. Жена Светлана Ивановна тотчас отозвалась: «Да, все готово, присаживайтесь за стол!».

Клепалов давно не видел такого большого пирога, а тем более, не пробовал. Он был начинен красной рыбой – лососем. Они сели за стол и стали уплетать

пирог, пить душистый чай из лесных трав. В такой теплой, дружеской обстановке Клепалову не пришлось ни волноваться, ни стесняться. На душе было приятно от ощущения, что он пришел будто к родному человеку, что балалайка познакомила их, и он нашел тропинку для общения с таким великим человеком. В нем не было никакого заноса, высокомерия. Вновь покоряли его скромность и величие. А величие в этом человеке шло от великой скромности.

Распутин дал ему небольшой лист с написанным предисловием к сборнику романсов. Клепалов, встав из-за стола, прочел его вслух:

«Бунина – под балалайку? Первое впечатление: это какое-то «переодевание», ряженность, нарочитое и неоправданное снижение высокородности и величавости на простонародную ступень. Да, Бунина – под балалайку. И философские, и интимные стихи его, всегда точной, филигранной отделки, чуть «застегнутые», замкнутые в себе, на стук читателя к ним словно бы прежде изучающие, а достоин ли этот читатель общения, – бунинские стихи, «озвученные» композитором Юрием Клепаловым и в его же виртуозном сопровождении под балалайку – да как еще звучат, как много нам говорят! Все в них – внимание к Бунину, все родственно и созвучно ему. Все – Бунин, но окрыленный, раскрытый, полнозвучный».

Ненадолго застыв в восторге от прочитанного, Клепалов вымолвил: «Спасибо большое, я никогда бы не подумал, что о моих романах можно так замечательно написать. Это высокий знак качества, я даже не знаю, как вы меня порадовали, как мне вас благодарить!».

Второе предисловие написал лауреат Государственной премии СССР, народный артист СССР, профессор Владимир Минин. Ему тоже не жалко было теплых и искренних слов в адрес коллеги:

«С вокальным творчеством композитора, Заслуженного артиста России Юрия Клепалова исполнители и любители современного романса познакомились после выхода в издательстве «Музыка» вокального цикла на стихи Бунина. В преддверии юбилея поэта это сочинение с успехом прозвучало во многих регионах России, в теле- и радиопередачах, было выпущено на CD и аудиокассетах, а также отмечено Союзом писателей России и удостоено премии имени Ивана Бунина. Романсы на стихи А. Блока, С. Есенина и Ф. Тютчева, недавно написанные, также неоднократно исполнялись и записаны на CD народным артистом России Петром Глубоким. К юбилею А.С. Пушкина были написаны два романса, подготовленные специально для настоящего издания.

Жизнь России, отраженная в праздничных перезвонах колоколов древнего Новгорода и тихом церковном пении монахов Оптиной пустыни, богатырской бурлацкой «Эй, ухнем» и протяжно-голосистых женских плачах, в музыке Глинки, Чайковского, Свиридова, накопленная и собранная веками – это национальное достояние и духовная опора нашего народа на все времена. Надеюсь, что произведения, вошедшие в данный сборник, продолжат прекрасные традиции русской вокальной музыки и высокого поэтического слога».

В тот вечер Клепалов и Распутин, конечно, долго сидели и говорили о России, о деревне, об искусстве. И чем дольше и откровеннее шел разговор, тем отчетливее

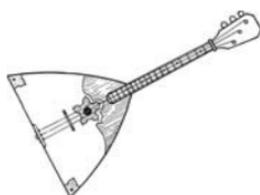
Клепалов понимал, что весьма справедливо многие деятели культуры и ученые называют Распутина совестью нации. Да и он, композитор Клепалов, так считает, ведь у Валентина Григорьевича такое большое сердце, такая боль за Россию! И когда писатель говорит о Родине, то чувствуешь его переживания, они тебя захватывают, передаются тебе. Для чего передаются? Да если у тебя нет боли за Россию, то ты и не сын ей, не защитник. Для Распутина Россия – это деревня, это земля, это реки, это все то, что волнует русского человека. И когда он о них говорит, то Клепалов чувствует, как все его существо, каждый взгляд, каждое движение дышит настоящей любовью. Он понимает писателя, который всем своим творчеством доказывает, что любить Родину можно с болью, тогда она еще сильнее проявляется, раз он любит, значит, он болеет.

Беседы с Распутиным, его книги, его мысли и чувства стали хорошими помощниками Клепалову в его творчестве. Они невольно отзывались на его игре на балалайке. В своих произведениях Клепалов старался передать нравственные искания Валентина Распутина, его боль за Россию, они ложились на его музыку, и без них, без этих чувств она не стала бы так волнительно звучать. Распутин и дальше будит в нем мысли, переживания, и, как неуловимый проводник, передает их.

Главный урок, который Клепалов извлек из общения с Распутиным, – это продолжение в музыке традиций русских писателей. Он заболел теми идеями, мыслями и чувствами, которые дороги были Распутину, и потому еще больше стал пропагандировать русскую народную культуру.

Еще один настоящий урок, полученный не столько из бесед с Распутиным, сколько из наблюдений за его подвижническим трудом, запомнился Клепалову на всю жизнь, – это быть человеком высокой нравственности.

Он накрепко его усвоил, когда последний раз увидел и пообщался с Распутиным на фотовыставке Анатолия Заблоцкого в храме Христа Спасителя в Москве. Они вместе ходили от картины к картине. Распутин два-три слова говорил о каждой из них, и движение продолжалось. Вновь узнавалось его немногословие. Около портрета писателя Белова он остановился надолго. О многом ему в тот момент думалось. На лице промелькнула улыбка, глаза осветились живым добрым светом. Он полюбил Клепалова и сказал, глядя на портрет писателя Белова, сидящего на небольшом бревенчатом мостке, под которым текла река детства: «Вот он – Белов – для всех нас, русских, – человек высокой нравственности!». Пока Клепалов рассматривал фотоснимок, то не заметил, как Валентин Распутин незаметно отошел от него и растворился среди участников выставки. «А ведь он сам такой же, как Белов, писатель-нравственник!», – подумал Клепалов, радуясь искреннему разговору с ним.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВСЕМИ ГАРМОНИСТАМИ

Может ли в разболтанной, погрязшей в погоне за материальным богатством России один человек поднять народ, чтобы тот вспомнил национальные традиции и воспрянул духом? Этим человеком должен быть простой смертный, а не диктатор, президент или главнокомандующий страны! И поднять ему надо народ к нравственным вершинам в той стране, где действительно повсеместно торжествуют хамство, коррупция, безвкусице, жажда наживы, где с экранов телевидения в ежедневном режиме льется лавина пошлой омерзительной попсы, а сам народ, кажется, уже потерял сопротивляемость и безгливость?!

Проведение в обществе данного опроса зашло бы в тупик. Где ж взять нынче такого энергичного человека с колоссальными созидательными возможностями?!

Так думал и я, и композитор Юрий Клепалов, когда мы беседовали о духовном и нравственном спасении России.

Но мы ошиблись, как и многие пессимисты, наблюдающие за падением нравов, за тем, как все чаще в обществе критерием успешности считается не талант и трудолюбие, а материальное богатство. Как тут не предсказать России нравственную погибель?!

Мы все жестоко ошиблись. Россия вынесла на передние рубежи борьбы за национальное достоинство и нравственное оздоровление простого сибиряка с русской душой, гармониста Геннадия Заволокина, и русский мир перевернулся в сторону добра и созидания.

До него никому в стране не удалось всколыхнуть народную волну, разбудить в русском человеке его лучшие качества – доброту, душевную чистоту, удачу, мастерство. В одном человеке – в Геннадии Заволокине – проявились уникальные способности объединить и зажечь народ. На его концерты народ ломился со всей России, причем, большинство приходили со своими музыкальными инструментами и начинали играть и подыгрывать. Никто не стеснялся, все вспомнили заветы отцов и прадедов. А когда Заволокин приезжал в какой-то далекий город, благо, Россия – страна гигантских безграничных просторов, то праздник проходил не только в городе, а и во всей области.

Не случайно, а по воле народной и по воле Божьей, передача на телевидении «Играй, гармонь!» моментально завоевала симпатии десятков миллионов людей и стала всероссийской. Она стала средством народного самовыражения, символом народного духа. И Заволокин быстро доказал и чиновникам-русофобам, и журналистам на телевидении, подверженным заразе безголосой и бездушной эстрады, что его гармошка нечто большее, чем музыкальный инструмент.

Тут – верь или не верь, гадай или не гадай, но народ вышел из спячки, поднялся, опомнился, встряхнулся и пошел за обычным гармонистом Геннадием Заволокиным. Оказывается, несмотря на многие культурные

и нравственные потери, русский человек сохранил неизменную любовь к гармошке и балалайке, а значит, и в целом к традиционной народной музыке. Гений Заволокина проявился и в том, что за ним начали по всей России возрождаться коллективы народного творчества, многие люди стали гордиться исконно русской культурой, а гармошка и балалайка перестали считаться второсортными инструментами из глубинки.

Клепалов познакомился с братьями Геннадием и Александром Заволокиными еще до их славного восшествия на олимп русского народного творчества. Он работал в то время в филармонии Тюмени. Заволокины приехали в его город с концертом. Так как один из них, Александр, играл на балалайке, то интерес к нему у Клепалова был чисто профессиональным. К тому же по местному телевидению их выступления часто показывали. У зрителя они имели успех. Клепалову нравилось, с каким умением и сноровкой Заволокины моментально превращали зрителей в активных участников. Они умели заряжать зал положительной энергией.

На тюменской сцене братья играли то народные мелодии, то пели частушки. Создаваемые ими народные образы вызывали доверие и поддержку. После концерта Клепалов пообщался с ними, поговорил о творческой карьере, о сохранении народной культуры. С балалаечником Александром он даже умудрился обменяться некоторыми деталями техники игры. Уже тогда из небольшого общения Клепалов понял, что вдохновителем и двигателем семейного ансамбля является все же не Александр, а энергичный и жизнерадостный Геннадий.

Его талант, находчивость и сообразительность должны были привести его к созданию грандиозного по масштабу, известного на всю страну телепроекта «Играй, гармонь!».

В следующий приезд братьев в Тюмень Клепалову удалось заманить их в музыкальное училище, где он когда-то преподавал. Кажется, небольшой концерт должен был пройти в обычном повседневном режиме, но этого не произошло. Он неожиданно стал праздником и для учащихся, и для педагогов.

Заволокины покорили всех самобытной игрой.

В знак признательности Клепалов сыграл на балалайке для Заволокиных пару популярных народных мелодий.

И неизвестно, как легла на душу Геннадия Заволокина мелодия Клепалова, но она сыграла свою роль. Спустя год, Клепалов приехал по приглашению писателей в Новосибирск. На его концерт пришел Геннадий Заволокин. Если бы музыкальное творчество Клепалова не понравилось ему, он бы незаметно покинул зал. Но в руках Клепалова балалайка вершила чудо, на ее звуки редко какая душа не отзовется. Ну а мастеру игры на гармошке Геннадию Заволокину сам Бог велел проникнуться уважением к коллеге. И тут нет никакого подхалимажа. Для любого знатока феномен неподражаемой балалайки, безусловно, удивителен, он заставляет делать неожиданные открытия. Если Заволокин стал в Тюмени открытием для Клепалова, то в Новосибирске все произошло наоборот: Клепалов стал открытием для Заволокина. Творцы звонкоголосых чудо-инструментов,

гармошки и балалайки, нашли путь к пониманию друг друга. Они долго говорили о том, как вырастить в подрастающем поколении чувство голоса народных инструментов, чувство понимания их музыкальной души.

Дружеская беседа не прошла бесследно. Вскоре после возвращения Клепалова домой, в Тюмень, ему пришла добрая весть от Геннадия Заволокина. Талантливый сибирский музыкант, борец за сохранение народной культуры прислал почтой единомышленнику из Тюмени свою книжку частушек с пламенной дарственной надписью. Клепалов был счастлив, он только начинал свой большой самостоятельный путь к народному признанию.

Прошло несколько лет, и на экраны телевидения вышла передача «Играй, гармонь!», которая сразу вошла в десятку самых популярных и любимых народом телепроектов, а ее ведущий Геннадий Заволокин стал национальным героем. Наверное, не было в России такого дома, где бы его не знали и не ждали. А ведь еще вчера культурологи и психологи отмечали, что многие русские люди перестали замечать прекрасное русское искусство, так как несколько поколений молодежи выросло на поп- и рок-музыке. Клепалов переживал вместе с учеными еще и потому, что в последние годы на телевидении и радио все чаще звучали грубо искаженные народные мелодии, либо эти мелодии, но аранжированные в рок-н-рольной манере. И вдруг перед народом появляется с гармошкой в руках обаятельный рубаха-парень Геннадий Заволокин и начинает играть, и приводит народ в состояние возвышенное, жизнерадостное, пробуждает чувство достоинства русской нации. Душевность его

мелодий, чистота звонкого голоса гармошки напомнила слушателям о неувядаемой красоте народной культуры.

Клепалов следил за каждой его передачей, слушал зазорные наигрыши неунывающей гармошки Заволокина. Телевидение и радио, которые ранее умудрялись сознательно выказывать полное безразличие к народному творчеству, вдруг заголосили о талантливом национальном явлении, коим был Геннадий Заволокин. Передачи его невозможно было не выпускать в эфир, они были подготовлены и построены профессионально, развлекательно, поучительно, с хорошим народным юмором. С таким же мастерством Заволокин стал редактировать и выпускать иллюстрированный журнал «Играй, гармонь!».

Судьба подарила Клепалову возможность видеть, как Заволокин творил-мастерил свою поистине великолепную телепередачу. Они встретились на телевидении. Прошло немало лет. Клепалов приехал из Тюмени в Москву на запись своего сольного концерта. После работы они встретились в коридоре, не выходя из телецентра. Заволокин, уже обросший славой, первым заметил Клепалова и кинулся с объятиями. Поговорив о том, о сем, разузнав цель визита Клепалова в столицу, Заволокин вдруг предложил: «Юра, пойдем ко мне в студию. Я сейчас делаю очередную передачу «Играй, гармонь!», поможешь мне». Клепалов попытался отказаться, ведь в данном деле он плохо разбирался. Но Заволокин уговорил его, почти что взял за руку и привел в студию. Там уже шел монтаж передачи, склеивались один номер, другой, третий. Заволокин посадил коллегу за монитор и когда наступил момент компановки сюжетов, стал все

время спрашивать у Клепалова совета: «Как ты считаешь, какого гармониста ранее запустить, кто из них выразительнее? А тебе не кажется, что тут идет дешевая спекуляция на народной тематике?!». Клепалов без стеснения указывал на слабые места в передаче, вмешивался в творческий процесс. Порой требовательно предлагал: «А я бы вот здесь, Геннадий, немножко добавил тембра, уж очень суховато звучит балалайка, нереально звучит, баян звучит, а балалайка не звучит!». В конце работы Заволокин, вытирая пот со лба, одарил Клепалова улыбкой и сказал ему одобрительно: «В общем, мы с тобой слепили шикарную передачу!».

Кажется, после такой успешной творческой работы прощание должно было быть светлым и радостным. Но Заволокин признался Клепалову, что каждый раз, когда делает передачу, думает, что она будет последней. У чиновников на телевидении постоянно в разговорах сквозит мысль, что у передачи нет будущего, и ее следует закрыть.

– Откуда у чиновников такое ощущение, что у самой смотрибельной передачи нет будущего?! – перебиваю я рассказ Клепалова, встревоженный тем, что в те годы сам был свидетелем того, как руководство телевидения не раз предпринимало меры то по переносу времени выхода передачи в эфир, то по ее закрытию.

– Это из той серии, когда травят человека так, чтобы он вообще прекратил работать. Им наплевать, что автор передачи – лауреат Государственной премии, он не просто потрясающий баянист, а подвижник супербаянистый, супериграющий. Он столько души вкладывает в пропаганду народной музыки! Но кого-то там, на теле-

видении, видимо, обозлило, что передача идет в воскресенье, в самое хорошее для просмотра время – в десять часов, и народ с удовольствием ее смотрит. И вместе с передачей идет пробуждение национального самосознания, укрепление народного духа.

– Людмила Зыкина вступилась за передачу, сказала, что такая истинно фольклорная передача в стране одна, что Заволокин делает ее титаническим трудом. Но чиновники не послушали ее. Она им заявляет, что для масштабной работы над возрождением подлинного интереса народа к русскому национальному фольклору одной передачи недостаточно, а они в отместку переносят эту передачу на самое несмотрительное время.

– Она виновата была тем, что русская... Знаменитый поэт Виктор Боков точно подметил, почему передача стала всенародно любимой. Потому что она обрела свой русский голос, и на этот голос собирались вместе миллионы людей! Заступились за передачу наши великие писатели Белов и Распутин, композиторы-народники, одаренные из одареннейших, Александра Пахмутова и Виктор Захарченко. Но для чиновников-русофобов они не авторитет.

– Их хозяева боялись грандиозного толчка для развития национального самосознания.

– Именно так. Пахмутова не зря написала, что идея любимой народом передачи могла появиться только у русского человека. И добавила: «Этой «русскости» нельзя научить, в русской гармонии есть то, что дорогого стоит, даже при безудержном веселье остается какая-то трещина в душе, которая трогает до слез...».

– И все-таки передача «Играй, гармонь!» прожила 15 долгих лет! И я, будучи депутатом Госдумы России, направил правительственную телеграмму в Новосибирск Геннадию Заволокину, которая была опубликована в его журнале: «Ваша программа – яркое свидетельство того, что Россия жива. Любовь к родине, трепетное отношение к ее святыням, неугасимое пламя памяти народной, бесконечная доброта, мастерство простого человека и частушечное озорство – все грани жизни народов, населяющих нашу страну, – в вашей замечательной программе. От имени своих земляков-ярославцев мне хочется передать вам и коллективу великую благодарность и низкий поклон. Ваш труд – серьезный, талантливый, объединяет Россию, окрыляет, восхищает, дает надежду на возрождение нашей родины. Желаю вашей программе долголетия, ее творцам, – вашему коллективу, вам лично – творческого вдохновения, желания жить ярко, талантливо, отдавая все свои силы людям и черпая их вновь в любви и бесконечной благодарности народа, в великом и удивительном богатстве, завещанном нам предками, – в православной вере, истории, культуре, фольклоре». Увы, мои пожелания не сбылись. Сколько бы я ни писал в правительство писем в поддержку и передачи, и журнала, чиновники одержали победу. Помню, я помогал журналу с подпиской, и ко мне приходила Анастасия, дочь Заволокина, казалось, что передачу перенесут с утра на вечер, и журнал сохранят, но нас обманули.

– Я иногда звонил Геннадию, старался его поддержать, подставить плечо. И когда ему угрожали, то советовал: держись, не обращай внимания. И чем чаще мы

перезванивались, тем спокойнее он держался. Все больше переживал за болезнь брата, за то, что в передачах мало участвует балалаечников. В общем, передача нас крепко объединила.

– Юра, а о чем еще ты говорил с Заволокиным, кроме передачи, успех которой был оглушительным?

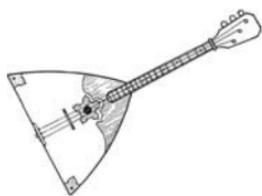
– Когда мы говорили о писателе Валентине Распутине, то у нас было одинаковое понимание его творчества, его подвижнической миссии. Он рассказывал мне, как снимался в фильме Шукшина «Печки-лавочки». Там они с братом играли бравых гармониста и балалаечника. У нас было общее понимание жизни, понимание раскрытия образов в музыке. Конечно, Геннадий Заволокин – необыкновенно душевный человек, поистине народный любимец. Национальный герой. Он весь народный, и душа у него прямо открытая, русская.

– Откуда в нем было столько сил, чтобы поднять дух народный, заставить людей достать с чердаков балалайки, снять с шифоньеров пыльные гармошки и показать всем и вся, что в народе еще живет русский дух?!

– Может, и вправду говорят, что такие русские витязи нечасто рождаются в России. Он настоящий витязь, богатырь. Верен был заветам предков. Большое влияние на него оказала и православная вера. Он любил говорить: «Без духовности человек мертв, а Бог и Совесть – понятия неразрывные». Помню, как Союз писателей России наградил его почетным знаком «Ангел трубящий».

За месяц до своей гибели Геннадий Заволокин пригласил Клепалова выступить в передаче «Играй, гармонь!». Но не суждено было мечте сбыться. Ранее они даже обсудили ее тематику. Заволокин хотел, чтобы

балалайка так по-особому прозвучала, как это выходит у Клепалова, чтобы все русские люди поняли, что этот народный инструмент был и остается неотъемлемой частью всей национальной русской культуры. Клепалов соглашался с каждым предложением любимого гармониста и ведущего телепрограммы, но думал о своем, о том, как он будет играть на балалайке, а в это время чудесно будут преображаться лицо и душа Заволокина. А потом его русская душа будет петь и петь бесконечно.

ЛИСТАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ БАЛАЛАЕЧНИКА

Четыре дня я читал-перечитывал альбом «Энциклопедия балалаечника» и не мог оторваться. Потрясал удивительный и многообразный мир балалайки. Все в этом призрачном мире было не так просто, как казалось-представлялось. Каким образом взошла звезда нехитрого, казалось бы, инструмента с тремя струнами? Из множества древних музыкальных крестьянских инструментов – гусли, рожок, ложки, жалейка, домра – только балалайке, одной из цветущих ветвей огромного дерева народных традиций, суждено завоевать планету. Любовь к ней объединила всех исполнителей в Международную ассоциацию балалаечников и домристов, куда вошли исполнители из Австралии, Америки, Франции, Канады, Японии, Швеции, Чехии, Польши, Германии, Словакии, Финляндии.

Что за божественное провидение стояло за теми, кто вопреки всему, в том числе и здравому смыслу, извлек балалайку из «мрака первобытности, приниженности и запустения», вернул ее народу в усовершенствованном виде и заразил её энергией и духом тысячи людей. Изучая биографии балалаечников, опубликованные в энциклопедии, я был шокирован: откуда их так много взялось на белом свете?! Почему именно балалайка все-

цело завладела ими? Зачем им нужно было посвятить свою драгоценную жизнь поклонению, служению и воспеванию этого инструмента, который порой следовало заносить в Красную книгу? Кто эти чудаки со своей самоотверженностью, добротой, трудолюбием?!

Вновь углубляюсь в чтение энциклопедии и не верю глазам своим, сердце замирает от удивления и восхищения: эти люди самых разных профессий, возрастов, национальностей, социальных групп – от крестьян до профессоров. В их дружных рядах состоят бизнесмены, ученые, военные, писатели. И какая у всех них благодаря трехструнке яркая, интересная жизнь состоялась!

На пятый день, когда ко мне пришел Юрий Клепалов забрать свою книгу-энциклопедию, я высказал ему все свои переживания и недоумения. И мы уже вместе продолжили изучать тот загадочный мир балалайки и ее почитателей-исполнителей, который не отпускал меня и так глубоко проник в душу.

– Юра, а кто этот автор и составитель «Энциклопедии балалаечника» Анатолий Иванович Пересада? Ты его знаешь?

– Профессор. Заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества. Живет в Краснодарском крае. Лично с ним я не знаком. Но когда он составлял энциклопедию, то звонил мне, просил помочь с информацией. Книгу издал за собственные средства.

– Шикарное издание, уникальная работа.

– Тяжелейшая работа. До энциклопедии он выпустил в свет еще более значимые книги – «Балалайка», «Андреев, Шаляпин и балалайка», «Оркестры и ансамбли русских народных инструментов». В 2007 году

вышла его книга «Главный балалаечник Скандинавии» о великом подвижнике – нейрохирурге, балалаечнике, пианисте, полиглоте, спортсмене – Николае Цветнове. Для сбора материала и бесед с Цветновым он дважды выезжал к нему в Норвегию.

– В книге собраны редчайшие сведения о балалайке, начиная с дореволюционных времен, с первого упоминания об инструменте в письменных источниках. Меня, в первую очередь, поражает, сколько эмигрантов связывали свою жизнь с балалайкой. Выходит, свою любовь к России они поддерживали через балалайку. Читаешь и видишь, сколько русских уехало в Бельгию, Великобританию, Америку, Австралию. Там они не забыли балалайку, играют на ней.

– Это связь с родиной. На родине они не видели перспектив жизни, уезжали потому, что здесь все уничтожалось – храмы, усадьбы, музеи, традиции, вера, искусство.

– Тут, кроме первой волны эмиграции, написано и про тех, кто недавно уехал...

– Я знаю. Мой знакомый Геннадий Зут, про которого в энциклопедии тоже написано, тоже недавно уехал. Я его лично знал. Зачем оставил родину? Так за хорошей жизнью поехал. В 90-е годы здесь нечего было делать.

– Ну и что нашли эти уехавшие там, на чужбине?

– Сложно сказать. Вот когда Василий Андреев был в Америке, то под его эгидой создавались коллективы, оркестры, появились люди, которые их финансировали. Туда хлынула волна очень известных популярных артистов-народников. Но со временем почитатели таланта Андреева умерли, оркестры начали хиреть. Сейчас

современный уровень игры на балалайке настолько высокий, что он построен на классике, а не на народной культуре. Поэтому слушать 24-й каприз Паганини на балалайке и на скрипке – это две разные вещи. Оригинал есть оригинал, а копия есть копия. Ну и зачем мигрантам копировать классику, если ее блестяще играют скрипачи, пианисты? В консерватории, в училище нас, балалаечников из России, еще могут послушать ради повышения своего культурного уровня. А в народе это не идет, потому что иностранцы не воспитаны на нашей народной культуре. Почему классику сейчас внедряют со всех сторон? Это западная культура, и она выхолащивает национальную среду. Так что, нести экзотику на балалайке, наш фольклор, русские народные песни, на Западе бесполезно.

– А если на Западе играть классику на балалайке?

– Композиторы в той же Европе пишут музыку для скрипки. И как бы ты ни хотел играть ее на балалайке или на домре, можно, конечно, удивляться, как ты это делаешь, но суть этого произведения ты не передашь, потому что это другая музыка, другое состояние души. Совмещать ее с нашей национальной культурой – невозможно.

– В общем, уехал Геннадий Зут, и его забыли?!

– Он мне написал, что где-то там в оркестре играет русскую музыку.

– Он все-таки доволен? Или скучает по России?

– Об этом не пишет. Он сейчас создал мастерскую, и там стали делать балалайки. Иностранцев, конечно, интересует самобытность самой балалайки. Наша культура больше притягивает, чем та классика, которую они

играют на наших инструментах. Их классика создана на Западе, а наша классика у нас – на основе нашей национальной культуры. То, что я делаю, как бы соединяя народную мелодию с классикой, их может заинтересовать. Так поступал Чайковский, когда брал народную мелодию и делал ее на уровне западной технологии, то на выходе получалась мировая классика. Эта музыка понятна всем. Конечно, скрипка, по большому счету, тоже национальный инструмент, по ментальности доступна всем. Но ее настолько продвинули композиторы всех стран, что она стала мировым достоянием.

– Та же история могла произойти и с балалайкой?!

– О-о, золотые слова, правильно сказано. По этой причине, когда я сочинял произведения для балалайки, то я учитывал все это, и она звучала – и как народная компонента, и как мировая классика. Вот почему японцы пригласили меня в команду лауреатов конкурса имени Чайковского. Помнишь, я говорил тебе о симфонизме, заложенном в балалайке, так его надо развивать. Хорошо, когда балалайка звучит и в режиме родных мелодий, и в то же время звучит как мировая классика. К этому надо идти. Да, фольклор – это хорошо, замечательно, это наш дух, все правильно, но без развития нашего фольклора инструмент чахнет, затем и душа чахнет. Если ты не видишь свои просторы, как у нас, у русских, не можешь их вспахать, то остановишься в развитии. Просторы надо вспахать. Таким образом мы дошли до Америки. Русский человек по душе своей пахарь. Если он где-то вспашет землю, то идет дальше, потому что половица гласит: помирать собрался, а рожь сей. Такова природа русского человека. Также и в фольклоре нашем:

если он не движется куда-то вперед, то становится статичным, становится объектом насмешки. В первую очередь, насмешки со стороны Европы. Они выдумали за нас традиционный клип для России – балалайка, водка, медведь. Поэтому к нам не всегда хорошее там отношение. Однако если в России будет развиваться высокая национальная культура, то нас за рубежом будут прекрасно понимать и уважать. Когда я приезжаю в Японию, то чувствую, какая у них высокая культура, и я ее воспринимаю близко к себе. В этом и есть сила мировой культуры, которая дает всем возможность жить мирно и нормально. А вот те, кто мечтает завоевать мир, они как раз глушат национальную культуру. Так что, балалайка – это поле брани.

– Юра, давай полистаем дальше энциклопедию балалаечников. Нужны твои пояснения, комментарии. Читаем... Боткин Алексей Васильевич, балалаечник, профессиональный музыкант, родился в русской семье, эмигрировал, воспитывал сына... Зачем балалаечнику ехать за границу? Читаем дальше... Борисов, балалаечник-любитель, популяризатор русской народной музыки в Скандинавии. Чего ему там, в Скандинавии, популяризировать музыку, если он эмигрировал?

– Я сейчас об этом говорил. Он популяризатор какой музыки? Фольклорной. Той, что напоминает Родину. Это хорошее дело. Иностранцы думают, зачем им в Россию ехать, давай здесь у себя послушаем балалаечников. У меня в Париже есть знакомый князь, который играет на балалайке. Я с ним вместе играл на греческом острове Лемнос. В чем беда его и других эмигрантов? Они уехали на Запад, не знаю, на каких они там ролях – на боль-

ших или маленьких, но они смотрят на нас свысока, как вся Европа. Они принимают психологию иностранцев, принимают для того, чтобы подражать, выживать за счет русофобии. Но если они приедут сюда в Россию играть, то здесь их никто слушать не будет, потому что у них уровень низкий, любительский, непрофессиональный. А у нас любителей тоже полно. Так что здесь ситуация не очень прагматична. Чтобы у иностранцев вызвать интерес к балалайке, нужно сочетание классики с хорошей основой нашего фольклора. Допустим, известный композитор выступает в Испании. У него там огушительный успех за счет того, что он из местных мелодий делает всевозможные обработки, и у него есть тяготение к своему отечественному фольклору. А когда к музыке подходят чисто потребительски, то провал неизбежен. Сколько раз ко мне приходили ребята, которые едут за границу, а играть не могут. «Я поехал в Париж!» – важно заявляет он. Я говорю: «Хорошо. На балалайке собираешься играть? А умеешь ли ты на ней играть?». «Да нет, не умею, ты вот мне покажи три аккорда, и больше ничего не надо». Это что за безобразие? Они несут не ту культуру, которую Василий Андреев нес, и которая заражала весь мир. Они «продают» чисто потребительски уничтожающее нашу культуру. И когда после этих самозванцев в Европу или Америку приезжают настоящие музыканты, то их не воспринимают.

– Читаю дальше... Леонард Дэвис, балалаечник, родился в русской семье. Настоящее имя – Леонард Михайлович Давидович. Впервые познакомился с балалайкой в студенческом ансамбле при русской церкви в Саус Ривер. В десятилетнем возрасте он побывал на концерте

известного балалаечника М. Доброхотова, и самоучкой начал осваивать этот инструмент. В 1960 г. Дэвис начал играть в ансамбле М. Селивана, который спустя год организовал в Нью-Йорке «Общество балалаек и домр». А зачем ему в Америке это нужно?

– Видимо, там коммерция сыграла свою роль. В какое время он играл?

– В 1925 году.

– Понятно. Это коммерция. Я же был в Америке. Помню, на концерт пришли русские люди, которые работают в Америке, а американцы не пришли. И даже на попсу, как бы наши певцы-хрипуны ни старались, американцы мало ходят. наших эмигрантов тешит то, что Россия их страна, она там, где-то далеко. А Дэвис стал фанатом балалайки. Он приезжал в Россию, выступал в зале Политехнического института. Не стеснялся, учился, брал уроки у профессиональных исполнителей, у таких, как Нечепоренко и Тихонов. В Америке он стал балалаечником номер один.

– Я заметил в энциклопедии, что среди балалаечников много выпускников-сибиряков. Например, Григорьев Денис, 1984 года рождения, лауреат Тюменской премии «Тюменские имена». Закончил Тюменское училище искусств. Смотрю дальше – Григорьев Валерий, преподаватель Керженцева...

– А кто педагог у Дениса Григорьева? Керженцева? Помню и ее, и моего ученика Григорьева. То, что он выучился, – это в том числе и моя работа. Я много ездил по Тюмени, и в каждом углу играл на балалайке, потому ребята пошли в училище... Раз они шли туда, значит, почва была готова.

– В Тюмени была сильная школа народных инструментов! Следующий в энциклопедии значится – Гребенников. Он закончил Новосибирское государственное училище имени Гнесиных, класс Нечепоренко. Еще написано, цитирую: «Многие его инструменты звучат за пределами России. На его балалайке в Германии играет Паперный, в Норвегии – Николай Цветнов, в Японии – Шотаро Китагава, Икезава Тосива...». Это, оказывается, – мастер по изготовлению балалаек! Причем уникальный, знаменитый мастер. Тут написано дальше, что на его балалайках играют и в Швеции, и во Франции.

– Действительно, мастер золотые руки!

– Я тут даже своего земляка нашел – балалаечника из Рыбинска. Дорожкин Александр Васильевич, педагог, дирижер, методист. Начиная с 1925 года, руководил оркестром русских народных инструментов Московского городского Совета профсоюзов, переданным впоследствии ДК моторного завода. Во время войны работал на факультете Московской консерватории, эвакуированной в Саратов. В послевоенные годы Дорожкин восстанавливал различные Дома культуры Москвы, руководил объединениями и сводными оркестрами на олимпиадах, фестивалях, смотрах.

– Он автор нескольких учебных пособий, школ, самоучителей, методических разработок. По некоторым пособиям мы учились.

– Наталья Евсюкова закончила музыкальную школу, а затем училище в Барнауле. Работала солисткой Государственного оркестра «Сибирь»... Да, много Сибирь дала балалаечников. Но вот тут в энциклопедии написано, что Евсюкова с 1997 года живет и работает в Бель-

гии. Преподает в школе, выступает с разными музыкантами, дает частные уроки. Гастролирует сама и со своим трио по всему миру.

– Там, в Сибири, в Красноярске, работает Владимир Аверин – ученик Евгения Блинова. Разводит касту балалаечников.

– Емельянов Игорь. Музыкальный мастер, причем, потомственный. За годы своей деятельности сделал более 2500 сольных и оркестровых инструментов, которые отличаются высококлассным уровнем изготовления, красотой тембра и яркостью звука.

– Очень хороший мастер.

– У него отец делал домры, балалайки и гитары на Шиховской фабрике струнных инструментов... Уникальная книжка. Такой мир балалаечников! У вас, оказывается, есть Всероссийский конкурс имени Рожкова. Проходит в Нижнем Новгороде. Действительно есть конкурс балалаечников?

– Да. Есть-есть. Меня приглашали туда в жюри.

– Игнатов Михаил. Родился в многодетной семье. Впервые услышал балалайку мальчиком в Пензенской области. В 1918 году Игнатьевы эмигрировали в Германию, сначала в Берлин, затем в Штутгарт. Там он начал играть со старшим братом в любительском ансамбле. Играл много как солист. В 1934 году начал заниматься по теории музыки у профессора Берлинской консерватории. В этом же году познакомился с великим певцом Федором Шаляпиным, который поддержал Игнатьева в его стремлении стать профессиональным балалаечником. Выступал на Берлинской студии телевидения. Известный русский композитор Гречанинов по просьбе

Игнатьева сочинил для него рондо в классическом стиле. Сотрудничал с немецкими композиторами Иоганнесом и Мишле. В 1995 году Игнатьев написал учебник «Школа игра на балалайке», которая была издана старейшим издательством Европы «Циммерманн» на двух языках – немецком и английском. Эта «Школа...» до сих пор является популярным учебным пособием для взрослого количества иностранцев, желающих научиться играть на балалайке.

– Эмигранты не бросали балалайку. А как её забыть – это же душа!?

– Составитель энциклопедии А. Пересада много собрал интересной информации. У каждого балалаечника такая громкая биография! Дипломанты Всероссийского конкурса народных инструментов, лауреаты конкурса Жиновича Кубок «Севера», проводимый в Череповце. Конкурс «Новые имена». У нас по стране балалаечники ездят, живут, в конкурсах участвуют, и никто о вас не знает.

– Потому что никто не показывает по телевидению. Получается междусобойчик.

– Тут есть балалаечник Касько! Школа игры на Кубани, в Ханты-Мансийске. Он родился в Бессарабии. За три года военной службы освоил домру, гитару, контрабас. Уникальные люди! Тут два японца – отец Китагава Цутому и его сын Шотаро. Про сына, ты мне говорил, вы знакомы, сотрудничаете. Отец, оказывается, был в плену в Сибири и там научился играть на балалайке. Создал русский оркестр в Японии. В 1991 году его оркестр был приглашен на Международный фестиваль оркестров и ансамблей русских народных инструментов «Струны

России», который проводила Ярославская ассоциация. Китагава – автор самоучителя игры на балалайке на японском языке. В энциклопедии много написано про балалаечника Николая Кедрова. Родился в Париже, эмигрировал. Его дед Кедров, тоже Николай, – ученик самого Римского-Корсакова! Ничего себе!? Будучи солистом Большого театра в Москве и малого оперного в Санкт-Петербурге организовал при консерватории первый профессиональный Петербургский вокальный квартет, имевший мировую славу. Об этом квартете Шаляпин сказал, что «это чудо вокального искусства».

– О-о, Кедров-младший! С балалайкой его познакомили воспитатели лагеря для детей русских эмигрантов. Но по-настоящему заинтересовала его балалайкой преподаватель Макаренко. В 1983 году он стажировался в Москве в музыкальном училище имени Гнесиных. Верх его славы – он играл на балалайке-приме в ансамбле «Балалайка», которым руководил известный в Париже музыкант Марк де Лучек. Кстати, я Кедрова послушал. Мне из Франции прислали его запись. Кедров – хороший балалаечник, играет аккуратно, чисто, но чувствуется оторванность от русской народной традиции.

– Тут и о тебе, о Юрие Клепалове, есть целая полоса! Написано, в частности: «Самобытность его ощущается с его игрой. Это крепкий, насыщенный звук, очень динамичная и насыщенная кантилена, разнообразные штрихи и оригинальный, изменчивый метроритм. В его композициях-импровизациях всегда присутствует глубокий замысел, программность, тесная связь с другими видами искусства». Мне приятно читать такие высокие оценки твоему мастерству!.. Изучаем биографии других

балалаечников. Я удивлен, как их много и какие у них великие биографии. Сколько конкурсов балалаечников! Читаю про Всесоюзный смотр-конкур исполнителей на народных инструментах, проходивший в Москве в 1939 году: Нечепоренко занял 1 место – в Ленинграде, Осипов – 1 место в Москве, Феоктистов – 2 место в Москве. Интересно, а сейчас какие-то конкурсы проводятся?

– Да, конкурсов немало!

– Серьезно? Тогда это похвально! Есть надежда на возрождение русских народных инструментов. Читаем дальше... Вот Френсис Кошелев, балалаечник-любитель, мастер-экспериментатор музыкальных инструментов. Родился во Франции. К музыке приобщился довольно поздно, в 17 лет, самоучкой освоив мандолину. После переезда в США работал конструктором. Играл на гитаре в концертирующей испанской группе. Необычное решение нашел Кошелев при изготовлении бандуры. Но наибольшая тяга у него появилась к созданию балалаек. В 1988 году он приезжал с группой американских любителей балалайки в Киев, где познакомился с некоторыми советскими мастерами... Следующий музыкальный мастер – Купфер Марк Александрович. Он лауреат Ленинской премии, выдающийся конструктор в области вертолетостроения. Здорово получается: человек занимается и вертолетостроением, и конструированием балалаек. В минуты досуга писал акварели, играл на гитаре и саксофоне, на балалайке и скрипке, обладал необычного тембра баритоном.

– Он делал балалайки, которые звучали лучше обычных. Через его руки прошли отреставрированные

им балалайки С. Налимова, И. Зюзина, И. Галиниса, С. Сотского, А. Снегирева. Каждую балалайку он тщательно обмеривал, фиксировал ее особенности. Купферские балалайки ценились особо. На них играют Зажигин, Данилов, Болдырев, Архиповский, Горбачев, Сенин, французский балалаечник Михаил Черкасский-Бержерю.

– Хорс Кюсске, балалаечник-любитель. Увлечение его балалайкой началось с русских народных песен, которые пели советские солдаты, проживающие рядом с его домом. Работал в фольклорном ансамбле. Гастролировал по миру. Макаренко Михаил, исполнитель, педагог из Франции. Родился в 1950-м году в семье эмигрантов – родственников композитора Скрябина. Михаил правнук нашего гениального композитора. Максимов – доктор педагогических наук. Дирижер. Стажировался в Москве. А играет он на балалайке работы самого Налимова! Какие люди, Юра, я прямо поражен! Сергей Мальных – профессор, инициатор и организатор I Открытого (2001 год) и II Международного конкурса юных исполнителей на балалайке и ансамблей народных инструментов.

- Правильно.
- Новосибирск. Марчаковский. Опять Сибирь.
- Хороший балалаечник.
- Он в Туле завоевал 1 премию и стал лауреатом Всероссийского конкурса.
- Серьезные конкурсы.
- Ты в них участвовал?

– Я участвовал в конкурсе в Санкт-Петербурге в 1979 году. Получил диплом.

– Юра, изучаем дальше энциклопедию. Александр Малюгин. Участвовал в конкурсе имени Андреева, где получил первую премию. В 1997 г. завоевал кубок «Севера» в Череповце...

– Вот я вижу на странице фотографию Минаева Дмитрия Ивановича. Он участник Великолукского оркестра, которым руководил гениальный Андреев.

– А рядом на странице наш русский «Страдивари» – балалаечный мастер Налимов. Семен Иванович. Инструментальный мастер. По профессии он краснодеревщик. Работал при Великолукском оркестре Андреева, в специально для него оборудованной мастерской в имени Андреева в селе Марьино. Его балалайки были отмечены медалями на Всемирной выставке и в Париже в 1900 году. О его мастерстве надо писать не страничку, а целую книгу!

– Я был на родине Андреева в Бежецке.

– Я тоже был в Бежецке. Пытался попасть в музей Андреева, но он оказался на ремонте. Сотрудники сказали, что несколько лет стоит закрытым. Пришлось писать несколько писем в защиту музея министру культуры и губернатору.

– Хорошо, что написал, помог с ремонтом.

– На этой странице написано про Николая Некрасова. Народный артист СССР. Удостоен Государственной премии. В 1974 году он становится художественным руководителем и главным дирижером Академического оркестра русских народных инструментов Центрально-

го телевидения и Всероссийского радио. С ним сотрудничали многие великие народные артисты, такие, как Архипова, Штоколов, Образцова, Нестеренко, Гуляев, Стрельченко, Соткилава, Норейко и другие. Мне повезло лично с ним общаться. Более того, если помнишь, в начале разрушительных ельцинских 90-х лет я спасал от уничтожения его оркестр. Выступал несколько раз в Госдуме с предложением присвоить оркестру статус национального... Тогда чуток не хватило голосов депутатов. Но спустя время мы все же добились своего. В знак благодарности за поддержку Николай Некрасов подарил мне метеорит с надписью: «Сильные остаются, слабые уходят». Сокровенный подарок от великого мастера-балалаечника до сих пор стоит у меня на столе в кабинете. А тебе с ним доводилось общаться?

– Да, я лично его знал. Общался часто, то по возможности, то по необходимости. Кстати, впервые наша песня «Православные» прозвучала у Николая Николаевича в оркестре. Мы сфотографировались тогда на память. Запись сохранилась. Я играл на балалайке, а Татьяна Петрова пела. После этого я играл ему свою музыку, он меня слушал. Я в то время искал поддержки не только у него, но и у композитора Тихона Хренникова. С Николаем Некрасовым я встречался и на концертах, и в санатории, всегда обнимемся, пообщаемся. Настоящий русский человек. Он исполнял мои песни, особенно любил «Ивушка». Я благосклонно к нему отношусь.

– С Тихоном Хренниковым тоже приходилось сотрудничать?

– У нас общая любовь к Бунину. И когда в Москве намечались мероприятия, посвященные юбилею велико-

го русского писателя, то мне захотелось выступить со своими романсами на стихи Бунина в Московской консерватории. Но чтобы попасть на сцену этого солидного учреждения, надо быть знаменитостью. И когда мне сказали, что там намерен выступить композитор Хренников, я пошел к нему. Он с интересом прослушал мои произведения, написанные на стихи Бунина, и включил их в юбилейную программу. Так я выступил в консерватории. Музыкальные произведения Хренникова на стихи Бунина прозвучали в первом отделении, а мои – во втором. Такие поступки настоящего большого композитора надолго откладываются в памяти. После его смерти я ездил на его родину в город Елец, участвовал в водружении памятной доски на доме, где он жил.

– Кого мы видим дальше в энциклопедии?! Нечепоренко Павел Иванович. Этого балалаечника вся страна знает. Лауреат Государственной премии. Народный артист СССР. Учился у Трояновского. Во время войны Нечепоренко остается в блокадном Ленинграде как солист Ансамбля Военно-морских сил СССР, выступает перед защитниками города, выезжает на Северный фронт. В 1952 году он становится солистом Госконцерта. Его знаменитые вариации на тему Паганини покорили мир. Далее читаем... Осипов Владимир. Закончил Ленинградскую консерваторию. Дирижер и художественный руководитель Брянского городского оркестра народных инструментов. А еще тут есть Осипов Николай Петрович. С 1940 года он – руководитель Государственного оркестра народных инструментов. В 1942 году ему поручено воссоздание этого коллектива, так как его деятельность была прервана войной.

– Это балалаечник с филигранной исполнительской техникой. Кстати, он очень много сделал обработок и переложений для балалайки и фортепьяно, и довольно удачных. В память о его выдающихся заслугах оркестру, которым он руководил, после смерти было присвоено его имя.

– Ух ты, в энциклопедии еще один земляк из Рыбинска – Павлов Адольф Константинович. Педагог, дирижер, краевед. Изучать балалайку стал в школьные годы. В областном конкурсе исполнителей на народных инструментах стал лауреатом первой премии. Профессиональные навыки получил от Есипова во время трехнедельной поездки с оркестром Ярославского пединститута на пароходе по Волге. Поступил в Ленинградское музыкальное училище имени Мусоргского. По окончании училища творческая биография Павлова связана с Рыбинским Дворцом культуры. Известный краевед... Листаем энциклопедию дальше. Павловский Евгений из Бурятии, Паперный Александр из Донецка. В 2003 году выпустил сольный диск «Мечты балалайки». В составе трио «Балалайка Нуэва» завоевал звание лауреата Международного конкурса в Германии. Кстати, я многих балалаечников не называю, пролистываю страницы, но заметил, что Украина дала очень много балалаечников. Да, да, много! А почему?

– А там развитием народной культуры занимался Евгений Блинов. Вот его это работа, по сути дела. Потом он работал на Урале, а с Урала перебрался обратно в Киев, и всюду сеял зерна любви к балалайке.

– Читаем ускоренно дальше... Дальний Восток. Плотников Владилен Иванович. Заслуженный артист. Пого-

релов из Польши. Александр Полинов родился в Харбине, а научился играть на балалайке в Америке. Тут грек еще есть. Полихрониди его фамилия, зовут Евгений Пантелеевич. Был преподавателем по классу балалайки в Донецком музыкально-педагогическом институте. В течение ряда лет Полихрониди работал руководителем оркестра народных инструментов института.

– Я его знаю. Полихрониди Евгений – замечательный исполнитель. Педагог. Я вместе с ним учился у Евгения Блинова. Только он учился заочно, а я очно. Потом он уехал в Грецию.

– Твой учитель Блинов в энциклопедии есть. А вот про знаменитого балалаечника Рожкова Михаила Федоровича в книге несправедливо мало написано. Он во время войны сколько фронтов объехал с концертами! А как великолепно озвучивал фильмы «А зори здесь тихие», «Течет Волга», «Война и мир»! Великий музыкант!

– Согласен, Рожков – великий. Мы с ним общались. Помню одну историю с ним. Получилось так, что мой ученик Барышников Алексей дружил с ним. Барышников учился у меня еще в Свердловске по классу балалайки. Потом поступил в Ленинградскую консерваторию. Закончил ее, приехал в Москву, стал работать в оркестре хора Пятницкого. У него как раз была налимовская балалайка! Так вот, он дружил с Рожковым. В одной из бесед он сказал, что является учеником Клепалова. Рожков возмутился: «И тут Клепалов! Куда ни придешь, везде о нем говорят!».

– Можно я тоже возмущусь?! Вот открываю 109 страницу энциклопедии. Черным по белому на-

писано: «Сидоров Михаил Олегович. Родом из Вязьмы. Исполнитель. Тюмень. Преподаватель Клепалов». Опять твой ученик. Помнишь его?

– Да, конечно. Посеял семена. Мой ученик Кругляков Олег, очень талантливый. Сейчас в Америке играет.

– Следующий балалаечник – Тростянский...

– Это он переложение сделал для песни «Гляжу в озера синие». В знаменитом фильме эту мелодию играет Рожков. А как отдельное произведение для балалайки взял и сделал Тростянский. Ну, а Рожков уникально сыграл ее в фильме.

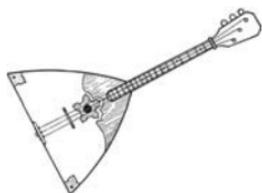
– Большая энциклопедия издана. Всю ее мы с тобой вряд ли прокомментируем. Я и так много замечательных балалаечников пропустил. Заглянем на последние страницы. Вот балалаечник из Японии Хатанака. А этот музыкант из Болгарии – Эплер Александр. Он замыкает энциклопедию. Окончил консерваторию в Сан-Франциско. Признанный виртуоз двух инструментов – балалайки и цимбал... Что ж, Юрий, закрываем энциклопедию. Главное, общее впечатление осталось – мир балалаечников удивителен и прекрасен.

– Я благодарен и предкам своим, и судьбе, что балалайка прошла через всю мою жизнь, подарила мне тысячи встреч с интересными людьми и возможность служить нашей великой русской культуре. Народная музыка – образец идеальной созидательной и патриотической музыки.

Клепалов увез с собой энциклопедию. Я остался один, а вместе со мной остались яркие впечатления и живое ощущение, что все герои книги – великие подвижники народной культуры – теперь навсегда посели-

лись в моей душе. И книга, и сама жизнь балалаечника – это настоящая, подлинная творческая лаборатория, в которой заложена и содержится почва для развития национальной народной музыки. А народная музыка, как и классика, – важнейший материал и средство воспитания патриотизма.

Клепалов шагнул со страниц энциклопедии в гущу народной жизни, чтобы делиться своими мыслями о русской музыкальной культуре, о ее прошлом и настоящем, не забывая заглянуть в будущее. Он продолжил играть на балалайке, понимая, что человек, не чувствующий национальных традиций, явление ненормальное, что у него, в отличие от массовой культуры и попсы, другая миссия, если у идеологов шоу-бизнеса она простая – лишить русских чувства сопричастности к судьбе своей родины, то у него – будить в человеке чувство национального самосознания. Ничего в этом мире на протяжении прошедших веков не изменилось. Музыка так же влияет на душу человека, его воображение, психику, сознание. Значит, он будет сохранять и возрождать русскую народную культуру. А балалайка – она поможет, она отзывчива и тонко воспринимает человеческую душу, потому принесет много славы и стране, и музыкантам, и ее создателям.

МИНИСТР ВЫПУСКАЕТ ПЛАСТИНКУ

Иногда я разговариваю сам с собой, задаю ненужные вопросы, к примеру: а не устал ли ты бороться с безнравственной антинациональной массовой культурой, попсой, рок-музыкой, ведь это борьба с ветряными мельницами, она бесплодна, бесперспективна...

Но ко мне в гости заходит Юрий Клепалов и начинает играть на балалайке... Его мелодии ведут меня через светлую грусть к радостному чувству – вначале к размышлению, а затем к восторгу. Душа оттаивает, появляются силы, и я вновь возвращаюсь к старому – шлю гневные депутатские запросы нашему правительству, которое не считаю нашим национально ориентированным, в защиту Государственного академического концертного оркестра «Боян», Северного народного хора, ансамбля «Березка», фестиваля народной песни имени А.П. Аверкина. Их искусство подлинно народное, красочное, оригинальное, неповторимое. Но правительство делает вид, что их не замечает, что они сами должны выжить в гибельное рыночное время.

Включаю телевизор и вижу бесчисленное сонмище безголосых артистов неопределенного пола, которые вместо песен демонстрируют вульгарно-пошлые вихляния и набор пустых зарифмованных текстов. На душе опять уныние и печаль.

Появление Клепалова с балалайкой развеивает греховные чувства, я очищаюсь, напитываюсь музыкой своих дедов и прадедов. Стою на трибуне Государственной Думы и критикую правительственных чиновников за то, что великий оперный певец Борис Штоколов оказался в блокаде, его не допускают на телевидение, лишают концертов. Вместо поддержки национальных элит на телевидении идет кампания по фальсификации истории, по дискредитации наших героев – Чапаева, маршала Жукова, поэта Есенина... Я поддерживаю позицию коллеги, кинорежиссера Станислава Говорухина, заявленную Президенту: «Уберите мразь с телевидения», озвучивая ее дважды в микрофон.

Идет время и не только телевидение, но и театры, кинематограф, книгоиздательства – все будто разом заболели русофобией и повели атаку на русскую культуру, лишая ее и внимания, и заботы, и финансирования.

Мне стыдно, что я, депутат Государственной Думы России и почти ничего не могу сделать во спасение собственной национальной культуры. Так мало удастся совершить прорывных дел! С трудом уговариваю олигарха, чтобы дал деньги по просьбе писателя Валентина Распутина на строительство храма на его родине. Издаем собрание сочинений другому классику – Василию Белову, а также Владимиру Солоухину. После смерти Белова добиваюсь открытия в его вологодской квартире музея. Но как развернуть всю государственную машину в сторону поддержки той культуры, что заложена в генетическом коде русского народа, которая спасительна для него?! Эти мучительные вопросы не дают покоя.

У меня в гостях сидит Юрий Клепалов и его балалайка совершает чудеса, играет так, что, чудится, заменяет

целый оркестр. Его музыка обладает гипнотической силой, которая и завораживает, и дает уверенность. Я слушаю этот полетный, чистый голос балалайки, и стыдно уже за другое, за то, что не удваиваю силы, не напористо жму на министров.

В правительство от меня уходят десятки писем с конкретными предложениями – спасти, поддержать, профинансировать. В одном депутатском запросе речь идет о поддержке деятельности знаменитого хора имени М.Е. Пятницкого, попавшего в сложную финансовую ловушку и обреченного на закрытие. Другой запрос требует от правительства отменить приватизацию легендарной Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия», которая сулит потерю бесценных архивов и уникальных аудиозаписей. Третий, четвертый, седьмой, пятнадцатый запросы... Не вывозите культурные ценности из России. Остановите закрытие радиостанции «Орфей». Защитите русский язык. Проведите расследование деятельности Швыдкого на посту министра культуры.

Утешительных ответов не так много. И хоть они есть, но не согревают душу. Вот на мое письмо о судьбе хора имени Пятницкого отвечает не министр культуры, а его заместитель П.В. Хорошилов:

«Министерство культуры рассмотрело Ваше обращение о поддержке Хора имени М.Е. Пятницкого и сообщает следующее. Указом Президента РФ от 15 марта 2005 года учреждены гранты для ведущих профессиональных коллективов народного музыкального и хореографического искусства, в число получателей которых входит Государственный академический русский народный хор имени М.Е. Пятницкого. Ежегодный размер гранта Хору составляет 46 млн. рублей».

Кажется, поддержка Хора со стороны государства есть, средства выделены и на содержание коллектива, и даже на гастроли, но почему на телевидении этого хора нет?! Один юбилейный репортаж да еще в ночное несмотрительное время – разве это достойная и государственная поддержка?! Читить и утверждать национальные традиции – значит, заботиться о своей безопасности. А у нас на государственных телеканалах народную музыку днем с огнем не сыщешь. Зато скверная чужеродная продукция превалирует. По-моему, именно государство должно диктовать телевидению, театру, кинематографу, Дворцам культуры, какое место они должны отводить отечественной народной музыке. И заниматься эти должны не отдельные патриотически настроенные энтузиасты, а Министерство культуры. Стране нужна реальная поддержка народного творчества, а не игра в нее. Этого ждет и народ. Требовать он не требует, потому как отравлен западной массовой культурой и занят выживанием, но в душе он тянется к истокам... Нет сомнений, что блистательное искусство Лидии Руслановой, Сергея Лемешева, Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, Бориса Штоколова, Татьяны Петровой, Леонида Сметанникова – именно оно доводило буквально до слез умиления и нас, и наших родителей, а не нынешняя телевизионная попса.

Задумываясь над сказанным, приходишь в негодование, впадаешь в ярость от того, что все у нас так бездарно и пошло, что идет тотальное обольванивание народа, подрыв его нравственных устоев.

В нужное время, откуда ни возмись, заглядывает ко мне на вечерний чай Юрий Клепалов и, конечно же,

не без балалайки. В нем нет ни богемно-артистической вольности, ни желания понравиться и отличиться. Он играет проникновенные и задушевные мелодии, но от того, что все мне знакомо, они не становятся надоедливыми или устаревшими. Наоборот, через его мелодии и старые песни заново постигаешь и красоту родной земли, и полноту русского сердца, и звучание высокой душевной струны.

По комнате разлились мелодии незабываемых песен – «По диким степям Забайкалья», «Окрасился месяц багрянцем», «Одинокая гармонь», «Подмосковные вечера», «Что так сердце растревожено», «Вдоль по улице метелица метет», «Старый клен» и, конечно же, моя любимая «Гляжу в озера синие». В каждой песне чувствуются проявления национальной духовной энергии, укрепляющей нацию.

Клепалов не раз играл мне эти мелодии. Они звучали и на моей малой родине – в далеком лесном поселке Борисоглебский. Юрий приезжал в трудную выборную компанию, чтобы вселить в моих избирателей уверенность, что мы вместе служим возрождению России; давал концерт на моем юбилее с певицей Татьяной Черкасовой в местном Доме культуры; ходил по монастырю, осматривал его могучие древние стены, выпрямленные реставратором Александром Рыбниковым, которого заезжие столичные писатели и псевдопатриоты клеймили позором, и он принимал на себя этот несправедливый огонь критики. Мне даже удалось уговорить руководство областного телевидения и показать ярославцам программу, в которой выступал виртуоз балалаечник Клепалов.

В тот вечер он играл мне одному. Все потонуло в глубокой и широкой, как океан, русской мелодии. Я в который раз дивился, откуда в нем силы беречь традиции национальной культуры, ежедневно шлифовать свое мастерство, откуда в нем такое укорененное чувство гражданственности!? Как талантлив, гениален русский человек! Но сколь много у него врагов! Даже не тех, кто снисходительно смотрит на фольклор и видит в нем лишь сусально-лубочный облик и уходящее прошлое. Нет, враг не глуп и не страдает некомпетентностью, он коварнее, ибо понимает, что настоящая музыка границ не знает, она завоевывает души, она вынуждает человека думать, страдать, принимать правильные решения, а думающий человек становится и требовательным, и верным заветам предков, он обретает чувство национального достоинства. Даже в американской прессе во время гастролей Национального академического оркестра народных инструментов России имени Н.П. Осипова писали: «Русским не надо иметь никакого тайного оружия, когда у них есть оркестр имени Осипова».

Музыка смолкла, и мы разговорились. Начали как раз с того, что на одном из заседаний Государственной Думы я поднял вопрос о присвоении оркестру имени Осипова статуса «национальный». У меня сохранилась стенограмма заседания парламента, где были зафиксированы и мои выступления, и дискуссия вокруг них. Председателем Государственной Думы России в то время был Иван Петрович Рыбкин.

Я достал стенограмму и зачитал Клепалову исторически важные выступления:

«Грешневиков А.Н. Уважаемые коллеги, уважаемый Председатель!

Сегодня исполняется 75 лет всемирно известному оркестру народных инструментов имени Осипова. Вы знаете, что это единственный в своем роде оркестр народных инструментов. Он играл на инаугурации Президента, в Совете Федерации. По поручению Президента в оркестр приезжал Филатов и подготовил проект указа о том, чтобы этот коллектив получил статус национального оркестра. Этот проект Указа был завизирован и Филатовым, и Яровым, однако на подходе его задержал некий Шабдурасулов. Он, оказывается, начальник Департамента культуры. Как мне известно от руководства оркестра, заседала коллегия Министерства культуры, которая единогласно высказала свою позицию и поддержала решение Филатова и Ярова о том, что действительно этому оркестру необходим статус национального оркестра. И вот в недрах департамента этого Шабдурасулова, который себе позволяет отодвинуть, так сказать, в сторону русский национальный оркестр, – указ задержался и к юбилею оркестра не вышел.

Иван Петрович (*Рыбкин*) у нас с Вами вчера на Совете Думы состоялся разговор, я просил Вас созвониться с Черномырдиным. Я не знаю, каков результат разговора, но сейчас я говорил с руководством оркестра: в свой юбилей они пока в неведении.

Мне бы хотелось поставить на голосование в порядке исключения такой вопрос: решением Государственной Думы, постановлением, в порядке исключения, установить для оркестра имени Осипова статус национального оркестра. Если при голосовании этот вопрос не найдет

поддержки, то прошу его поставить в другой интерпретации: рекомендовать правительству в срочном порядке найти проект указа, завизированный Филатовым и Яровым, и присвоить оркестру имени Осипова, выдающемуся русскому оркестру, звание и соответствующий статус национального оркестра. Спасибо.

Рыбкин И.П., председательствующий: Анатолий Николаевич, если бы Вы согласились, мы попросили бы Любовь Петровну Рожкову (*комитет по культуре*) прежде всего подготовить приветствие в адрес оркестра, незамедлительно послать правительственные телеграммы, а, во-вторых, то, о чем Вы говорили, выразить кратко в письме к Президенту. Он может своим Указом присвоить звание на основе ходатайства Министерства культуры и Государственной Думы. Вот единственное я лично не знаю: есть ли такой статус – «национальный»? «Народный» вроде бы есть.

Из зала: В Америке есть.

Рыбкин И.П.: В Америке есть. А у нас? У нас «народный» вроде бы есть. Даем поручение комитету по культуре. Любовь Петровна Рожкова здесь есть? Прошу Вас заняться... Никто ведь не возражает по этому поводу, Анатолий Николаевич. Прошу Вас, подготовьте только документы. Мы все это проголосуем, если надо. Но возражений не слышу.

Рыбкин И.П.: Депутат Грешневиков говорил о 75-летию всеми любимого оркестра народных инструментов имени Осипова. Если вы не возражаете, мы пошлем приветствие, поздравление оркестру. Алевтина Васильевна Федулова уже подготовила это. И если можно, с вашего доброго согласия, обращение к Президенту Российской Федерации о том, чтобы оркестру было присво-

ено почетное звание. Но вот (я попросил узнать) такое звание «национальный» – у нас вообще-то не присутствует ни в какой кодификации. А теплое поздравление мы пошлем. Постановление по этому поводу есть.

Анатолий Николаевич, Вы хотите добавить что-то? Пятый микрофон.

Грешневиков А.Н.: По-моему, года два назад, когда министром культуры был Юрий Мефодьевич Соломин, его распоряжением оркестру Плетнева был присвоен примерно такой же статус. Тогда почему-то пошли на встречу. Сейчас другой оркестр – народных инструментов. Я считаю, что сначала надо поставить вопрос в моей интерпретации: в порядке исключения решением Государственной Думы присвоить такой статус. Это есть в любом цивилизованном государстве. И тем более, проект указа подготовлен. Филатов завизировал, я завизировал наши документы. Правовая служба Орехова тоже все подготовила. Поэтому тут никаких возражений нет. Коллегия Министерства культуры заседала. Какие возражения?

Рыбкин И.П.: Прошу Вас тогда: вместе с комитетом по культуре готовьте все документы.

Грешневиков А.Н.: Так праздник-то сегодня. Дорого яичко к празднику.

Рыбкин И.П.: Наше постановление никакой правовой силы не имеет в этом отношении.

Грешневиков А.Н.: Почему? (Оживление в зале). Имеет. Давайте проголосуем – и будет иметь силу.

Рыбкин И.П.: Владимир Борисович Исаков, прошу Вас: с Анатолием Николаевичем пообщайтесь на эту тему.

Грешневиков А.Н.: Да, я уважаю Исакова. Но что с ним общаться? Я прошу поставить на голосование мое предложение. Если оно не пройдет, тогда, действительно, обратимся к Президенту.

Рыбкин И.П.: Депутат Грешневиков настаивает, чтобы предложение было поставлено на голосование. Ставаю на голосование. Наверное, ходатайствовать мы можем. Ходатайствовать перед Президентом о присвоении Государственному академическому народному оркестру имени Осипова почетного звания «Национальный». Прошу голосовать. Депутат настаивает. Прошу вас, голосуйте. Национальный. Все было сказано на эту тему.

Результаты голосования: «за» – 188 человек, «против» – 6 человек, «воздержалось» – 9 человек, «не голосовало» – 243 человека.

Не принимается. (Шум в зале). Коллеги, получается, что у нас ни одного эксперта по вопросам культуры в зале нет, коли мы на этом споткнулись.

Из зала (не слышно).

Рыбкин И.П.: Вячеслав Антонович, Вы эксперт по всем вопросам, а нам по вопросам культуры нужно (Шум в зале).

Первый микрофон. Депутат Панферов. Отдайте депутату Панферову микрофон. (Оживление в зале). Осторожно.

Панферов К.Н.: Иван Петрович, уважаемые депутаты! Речь идет о том, чтобы оркестру имени Осипова присвоить в соответствии с мировыми стандартами статус... Академических оркестров у нас уже много. Это единственный коллектив – народный. Есть в Велико-

британии, есть в США национальные оркестры. У нас есть симфонические оркестры, но это единственный народных инструментов, можно сказать, визитная карточка России. И мы бы не погрешили, если бы поддержали такое предложение. Спасибо.

Рыбаков Ю.А.: Уважаемые депутаты! Мы – не Англия, мы – федеративное многонациональное государство. Поэтому когда речь идет о некоем национальном образовании, то возникает вопрос: о какой национальности идет речь? Народный оркестр – да, может быть, если такое предложение будет, но не национальный. Мы многонациональное государство».

Ничего удивительного в том, что единственным политиком, выступившим против моего предложения, был депутат-еврей Юлий Рыбаков, как нет ничего удивительного и в том, что 243 депутата Госдумы отказались голосовать за присвоение самому знаменитому и лучшему музыкальному оркестру страны статуса «национальный», так как они принадлежали к самым либеральным и русофобским партиям «Союз правых сил» и «Яблоко». Точно такие же идеологи разрушения экономики, социальной политики и культуры в то время сидели в правительстве. Для них унижить и уничтожить национальную гордость русской культуры – оркестр имени Осипова, его достижения и традиции – было делом их пораженной совести. На мой вопрос они не ответили, почему у татар может быть национальный оркестр, у евреев может быть национальный оркестр, и это хорошо, и это приветствуется, и это не разрушает, а наоборот укрепляет основы многонационального государства,

а вот русским иметь национальный оркестр народных инструментов запрещено?!

Спустя время в парламенте депутатам был роздан документ из правительства, подтверждающий, как либералы во власти боятся возрождения русской национальной культуры. Он, в частности, гласил:

«Информация от Отдела культуры Правительства РФ в связи с предложением депутата ГД РФ Грешневикова Анатолия Николаевича.

Предлагаемый для присвоения указанному оркестру официальный статус «национальный» не только не имеет нормативно-правовой базы, но и просто не существует в Российской Федерации.

Ссылка в обращении к Президенту РФ руководителя оркестра на существование Российского национального симфонического оркестра п/у М. Плетнева не может быть принята во внимание, поскольку в данном случае словосочетание «Российский национальный симфонический оркестр» предназначено только для названия коллектива».

Документ, полный абсурда и противоречия. Симфонический оркестр может быть национальным. Он предназначен только для названия коллектива. Точно также может и должен быть народный оркестр национальным. И он тоже будет предназначен только для названия коллектива.

Первая неудача меня не остановила. Мои хождения в правительство, в министерство культуры, переговоры с высокопоставленными чиновниками, в частности, с заместителем председателя правительства Юрием Яровым, возымели действие, сыграли положительную роль.

Пройдет время, и в России заиграет в новом статусе Национальный академический оркестр народных инструментов России имени Н.П. Осипова.

Но сколько деятелей русской культуры потратили в этой борьбе сил, энергии, здоровья?!

Мы беседовали в тот вечер с Юрием Клепаловым, не предполагая, какая судьба ждет наш любимый оркестр народных инструментов.

– Юра, скажи, пожалуйста, а балалайка всегда находит отклик у тех, кто должен ощущать себя русскими, славянами?

– Я встречал многих людей, которые после концерта подходили ко мне и говорили: «Ну, ты хорошо играешь, молодец! Мой дед тоже играл на балалайке!». И начинают рассказывать всякие истории или про соседа, или про деда, которые играли на балалайке. Чуть ли не всю судьбу расскажут. И от них искренность идет, исповедальность...

– Скрипка тоже великий музыкальный инструмент, но располагает не всех, немногие тянутся к ней. Нет такого резонанса в народной душе, который вызывают балалайка или гармошка.

– А это и есть национальное чувство.

– Может, признак русскости – это умение понимать балалайку, умение ее слушать. Если ты сыграл, а душа не воспринимает, значит, ты что-то потерял из своей русскости?

– Более того, не то чтобы потерял, а может, это не дано тебе.

– Если не дано, значит, ты не русский?

– В этом-то и дело. Ты вроде русский по названию, а по сути, что в тебе русского осталось?!

– Смотри, с кем тебя судьба связала... Пахмутова – русский человек, путешественник Конюхов из другой среды – тоже очень русский человек, скульптор Клыков, писатель Распутин... Штоколов вообще оперный певец. И все они покорены твоей игрой на балалайке. Их завораживает балалайка! Или возьмем японцев или евреев, которые встречаются на твоём пути, они разные люди из разной культурной среды, из разной социальной и профессиональной среды, но тоже откликаются на балалайку.

– Они находят в ней что-то свое.

– Да не свое, а главное – наше русское.

– Правильно.

– Понятно, что свое находят. И каждый иностранец по-своему воспринимает русскую народную музыку. Но они ее слушают. А наши русские мимо проходят. Значит, они не Пахмутовы, не Конюховы, не эти иностранцы, а никто. Нашу русскую музыку они должны слушать, ведь ее слушают и не проходят мимо ни Пахмутова, ни Конюхов.

– Естественно.

– Наверное, это ущербные люди, иваны, не помнящие родства. Но они не виноваты, виновато правительство, оно развивает антикультуру, ведет информационную войну против собственного народа, вытравливая из него все русское, и насаждая ему чуждые ценности.

– Да, это понятно. Я тоже об этом думал довольно часто. Генетика русской балалайки как раз в том и заключается, что она раскрывает вот этот ящик с генами

русскими, которые как бы заложены для будущего поколения. Наши предки за свою жизнь копили, потихоньку складывали в заглашник традиции, песни, сказы, поговорки. В трудный момент, мне кажется, они всплывут и начнут себя проявлять.

– Алексей Толстой писал, что если в деревне останется хоть один русский мужик, то Россия возродится.

– Я то же самое говорю: если останется хоть один балалаечник – Россия будет жива!

Спустя время я припомню Клепалову этот разговор, законченный на оптимистической ноте. Припомню, потому что в солидном, красиво иллюстрированном журнале появится интервью с Юрием Клепаловым, название которого меня, часто впадающего в уныние, загонит чуть ли не в депрессию. Название статьи-беседы «Русскую музыку любят везде... Кроме России» должно было бы послужить судебным вердиктом деятельности правительства и поводом для его отставки. Прочтя ее, я подумал: вот и мой друг Юрий Клепалов, большой труженик, неумный подвижник русской народной культуры и тот сник, выдохся, сдался. К тому же и в предисловии к статье журналист пишет: «Заслуженного артиста России, композитора Юрия Клепалова больше знают за рубежом, чем в России. А ведь он – создатель своего направления, своей оригинальной манеры игры. Ему удалось найти современный и в то же время не нарушающий традиции язык звучания инструмента, расширить его художественные возможности. Яркая самобытность Юрия Клепалова видна сразу. Виртуозная техника, крепкий насыщенный звук, динамичная кантилена, разнообразные штрихи, оригинальный, изменчивый ритм».

– Юра, что случилось, почему у тебя такой упаднический настрой? – задаю я ему наболевший вопрос.

– То не упадничество, Боже упаси, а крик души. Русскую музыку хорошо воспринимают в Европе. В Японии даже оркестр русских народных инструментов создали, а на родине, как я вижу, русская музыка не в почете. Вот я и бью тревогу! А так у меня нет времени на уныние, я весь в работе – озвучил четыре кинофильма, во МХАТе идет спектакль «Высотка», который я сопровождаю полностью одной балалайкой, в издательстве «Музыка», благодаря твоему ходатайству, вышел сборник для балалайки-соло без сопровождения, сочиняю свои произведения. Не поверишь, взялся за перо...

– Читал-читал твои рассказы – «Просвирочка», «Коля, давай!», «Еще не отшелестели и не опали листья». Похвально. Ты подтверждаешь известную истину, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. Но я переживаю за твой творческий поиск, будет ли балалайка открывать все новые и новые сказочные русские миры?!

– Вдохновение меня не покидает. А балалайка, действительно, душа русского народа, великого народа.

Клепалов тогда не слукавил, не обнадежил. Он весь горел творческим огнем. Тому свидетельствовали публикации в газетах. Я читал их и складывал в домашний архив.

Журналист газеты «Русский вестник» Лидия Бродицкая пишет о том, как композитор Клепалов пришел к вере, и какое большое значение она сыграла в его творчестве: «Детская непосредственность, чистота души, отсутствие всякого самомнения и вместе с тем глубокое чувство гармонии и высшей правды привели Юрия Кле-

палова к идее Бога. В середине 80-х годов в его творчестве появляется величественный образ православного храма. В пьесе «Храм Василия Блаженного» отчетливо звучит церковный хор, в финале – звон колоколов. И это на трехструнной балалайке! Музыкант виртуозно использует возможности этого древнего, еще не изученного до конца народного инструмента».

Журналистке Марии Басковой удастся открыть секрет того ремесла балалаечника Клепалова, который только ему ведом. Она пишет: У балалайки есть одно музыкальное достоинство – бесконечная кантилена. Если у скрипки звук, извлекаемый смычком, имеет свой предел, то у балалайки звук длится ровно столько, сколько способен держать его музыкант. Так вот, виртуоз Клепалов держит кантилену 10 минут! 10 минут не отрывает пальцы от струн. К тому же на этой музыкальной форме он выстраивает идею произведения, выражает кульминацию, делает переходы. Другими словами, он сам себе аккомпанирует, а слушателю в этот момент кажется, что звучит не одна, а целых две балалайки».

О том, что балалайка в руках Клепалова может передавать благовест колоколов, обоснованно написал писатель Юрий Сергеев. В статье, опубликованной в газете «Советская Россия», он советует: «Нужно слушать Клепалова, видеть его на сцене, огромного, рукастого, с ранней сединой, бережно несущего алую балалайку. Нужно видеть, как он, забывшись, непритворно плачет во время игры, как живет музыкой, воспевающей ширь и могучую красоту России!». В другой статье, помещенной в «Литературной России», он поет гимн творчеству великого балалаечника, который наперекор

страданиям и разрухе поднимает русскую культуру на вершины славы: «Композитор Клепалов – явление национальной культуры, драгоценное достояние России. Кто слышал его балалайку – вряд ли усомнится в столь высокой оценке Божьего дара, ниспосланного этому могучему сибиряку».

Мне посчастливилось знать и общаться с Юрием Сергеевым, писателем, который переживал, что народная песня исчезает и ее надо спасти. Мы вместе искали варианты, кто бы мог стать хранителем русской народной песни, ведь деревня давно забыла свои родные истоки. А ежели умирает деревня, то умирает и песня. Мы сходились в одном: пока живы Клепаловы, живет и народная культура.

После того как в газете «Труд» журналист Галина Ореханова написала статью о музыке Юрия Клепалова «И все в душе я сохраню...», я возмечтал пригласить и писателя, и балалаечника к себе домой, чтобы в одной дружной компании обсудить будущее народной культуры. В размышлениях журналиста меня поразили некоторые открытия: «Маленькая балалайка в больших и добрых руках красивого русского человека! О ней впервые написал Юрий Сергеев в своем романе «Становой хребет». Молодой Клепалов, в ту пору выпускник Уральской государственной консерватории, игравший в ансамбле народных инструментов города Тюмени, стал прообразом гения-музыканта, балалайке которого, казалось, подвластно все – и страдания мятущейся души, и боль утраты, и всепобеждающая сила любви».

Неожиданно мое сердце пронзила мысль: если писатель Сергеев увековечил балалаечника в романе,

то почему бы мне не увековечить музыку Клепалова и не издать ее отдельной пластинкой, и тогда сама балалайка станет всепобеждающей силой?!

Моя идея понравилась и Клепалову, и Сергееву. Наша беседа постоянно сопровождалась балалаечными мелодиями. И чем дольше Клепалов играл, тем тверже становилось мое намерение издать пластинку. Клепалов властно уводил нас в свой мир музыки. В который раз балалайка передавала его характер: широту души, благородство, искренность, доброту. А филигранная исполнительская техника, ее выразительность, разнообразные приемы игры лишь усиливали это впечатление. Нет, если не Клепалов, то кто достоин того, чтобы государство издало его прекрасные музыкальные произведения?!

Я рьяно взялся за дело, но с первых же месяцев почувствовал, как трудно будет перебороть косность бюрократов и сопротивление русофобской чиновничьей братии. Уверенность и силы мне придавали писатели Василий Белов и Валентин Распутин. Узнав о моих хождениях по министерствам с идеей издать пластинку с произведениями композитора-балалаечника, они постоянно интересовались, как идут дела. А дела шли неважно. И писателю Распутину, почетному академику 19 Академий мира, и писателю Белову, восстановившему церковь в родной деревне Тимонихе собственными силами, порой хотелось посоветовать: отступись, но они говорили в один голос: «Если не ты, то кто?!». И я убедил министра культуры России Евгения Сидорова выпустить в свет пластинку композитора Юрия Клепалова под названием «Размышления о Родине». Вернее, он согласился, но быстро забывал про обеща-

ние, при каждой встрече выдумывал причины и все откладывал, откладывал, а я все ходил и убеждал, убеждал, убеждал.

В домашнем архиве сохранилась переписка с министерством культуры, свидетельствующая о сложной и затянувшейся на годы борьбе за выход пластинки. Трудно было уговорить министра пойти на поддержку народной культуры, еще труднее вышла работа над изданием пластинки.

Некоторая часть переписки вполне злободневна в нынешних реалиях, когда правительство продолжает игнорировать, замалчивать, а то и сознательно подменяет народную культуру и духовную пищу западным суррогатом и синтетическим безвкусием.

12 июля 1994 года я получил от Министра культуры Российской Федерации Е.Ю. Сидорова письмо:

«Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич!

Министерство культуры РФ решило в принципе вопрос о выпуске пластинки балалаечника-самородка Ю. Клепалова. Фирма «Мелодия» сообщила, что это возможно сделать в 1995 г.

Вместе с тем, считаем необходимым прежде провести прослушивание Ю. Клепалова художественным советом оркестра им. Осипова. Договоренность с руководителем оркестра Н.Н. Калининным имеется.

Просим сообщить об этом Ю. Клепалову».

Для чего министру Сидорову понадобилось в пятый раз сообщать мне о готовности приступить к выпуску пластинки, мне было понятно. Он знал, что я уже побывал и на фирме «Мелодия», и у руководителя оркестра Н.Н. Калинина, и обо всех договоренностях сообщал

ему как при встрече, так и письменно, но ему вновь и вновь хотелось если не отказаться от ранее принятого решения, то хотя бы затормозить его.

На рабочем столе министра культуры Российской Федерации Е.Ю. Сидорова лежало письмо художественного руководителя и главного дирижера оркестра, народного артиста России Н.Н. Калинина, в котором четко была изложена его позиция:

«Глубокоуважаемый Евгений Юрьевич!

В связи с вопросом о выпуске пластинки композитора и исполнителя Ю. Клепалова Художественным советом оркестра им. Н. Осипова проведено прослушивание, подтверждающее высокий художественный и профессиональный уровень исполнения и произведений Ю. Клепалова и необходимость, в соответствии с решением Министерства культуры РФ, выпуска пластинки».

На мои повторные хождения, переговоры и депутатские запросы стал отвечать уже не министр, а его заместитель, одиозный культуролог-русофоб М. Швыдкой. Ровно через год, а точнее, 19 июля 1995 года, тот сообщил мне:

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Министерство культуры РФ рассмотрело Вашу просьбу о финансировании выпуска пластинки балалаечника Ю.М. Клепалова.

Сообщаем, что Министерство готово оплатить выпуск пластинки тиражом 500 экземпляров. Гарантийное письмо по этому вопросу Ю.М. Клепалов может получить в удобное для него время.

Вопросы вывоза и реализации тиража Ю.М. Клепалов должен решить с руководством АО «Русский диск»

самостоятельно, заключив с АО «Русский диск» соответствующий договор.

Контактный телефон: 923-81-55».

Конечно, кто бы сомневался, что министерство культуры, как государственный правительственный орган, снизойдет до того, чтобы организовать должным образом распространение пластинки, популяризирующей народные инструменты и русские песни, зовущей слушателей быть внимательными к нашим корням и истокам, не давать засохнуть родникам песенных обычаев. Вот если бы распространить прозападную попсу и авангард, то это – пожалуйста. Будто они не знают, что громкая, депрессивная, подавляющая волю музыка, если ее слушать постоянно, делает человека циником, космополитом, нравственным уродом, разлагая и растлевая его душу. Но бороться за сохранение и возрождение народной культуры, дающей людям веру в жизнь, любовь к Родине, они отказываются. Потому и тираж маленький, и развозить его надо самостоятельно. Удивительно: пока буксовало мое предложение в министерстве, чиновники ухитрились преобразовать фирму «Мелодия» в «Русский диск», не забыв при этом заработать на данной акционерной афере.

Мне не терпелось довести патриотический проект до логического завершения. В отличие от министерских чиновников я знал, что человек, лишенный своих национальных корней и народной музыки, как минимум, будет нравственно нездоровым и обворованным духовно. При первой же возможности я напомнил министру культуры Сидорову о недопустимости затягивания изда-

ния пластинки. В этот раз мне прислал ответное письмо первый заместитель министра культуры К.А. Щербаков:

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Министерство культуры России еще раз связалось с руководством АО «Русский диск» по вопросу выпуска грампластинки балалаечника Ю. Клепалова.

Финансовые условия ее изготовления, вывоза, хранения и реализации тиража, о которых нам сообщили в АО «Русский диск», в настоящее время, к сожалению, не позволяют нам решить этот вопрос».

Щербаков не просто расписался в своей беспомощности, но и тем самым намекнул о бесполезности моих стараний. Мне было не привыкать получать отписки и терпеть бездеятельность и равнодушное отношение чиновников к своим обязанностям. Я позвонил министру и направил ему письмо:

«Уважаемый Евгений Юрьевич!

Как мне известно из Ваших предыдущих ответов в мой адрес, Вы выразили полную готовность оказать помощь в издании пластинки известного балалаечника Ю.М. Клепалова. К сожалению, эту Вашу позицию не разделяет Ваш заместитель К.А. Щербаков.

Прошу Вас, Евгений Юрьевич, еще раз рассмотреть вопрос об издании пластинки и найти возможность профинансировать ее выход».

Отказываться от своих обещаний министру было негоже. На моем письме он наложил резолюцию: «К.А. Щербакову. Я прошу решить этот маленький вопрос. Доброе дело. Сидоров».

Чтобы Щербаков не обиделся и не искал причин для заматывания проекта, я направил ему письмо и приложил к нему резолюцию министра.

«Уважаемый Константин Александрович!

По получении Вашего письма, в котором Вы указываете на невозможность помочь в выпуске диска балалаечника Ю. Клепалова, я повторно обратился к министру Е.Ю. Сидорову с просьбой профинансировать его. Евгений Юрьевич согласился со мной, что это «доброе дело» надо по-доброму завершить. Учитывая это, Евгений Юрьевич заверил меня, что найдет возможность профинансировать этот важный проект. Константин Александрович, я вполне сознаю те большие финансовые трудности, которые испытывает Ваше ведомство, но тем более важно в нынешней обстановке поддерживать лучшие образцы народного искусства.

Посылаю Вам запрос с резолюцией министра культуры, предлагающей повторно рассмотреть вопрос о надлежащем финансировании выпуска грампластинки известного балалаечника.

Прошу данный вопрос проработать совместно с фирмой «Русский диск» и Ю. Клепаловым в самое ближайшее время».

Тут Щербаков поднапрягся, провел переговоры с изготовителями пластинок и в установленный законом срок дал мне ответ.

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Министерством культуры получен счет на сумму 18669690 руб. от акционерного общества «Русский диск» за изготовление художественного оформления, записи и последующего выпуска авторского компакт-диска Ю. Клепалова, тиражом 500 экземпляров.

В связи с дефицитом бюджетных средств, вопрос оплаты данного счета будет рассмотрен в первом квар-

тале 1996 года по мере поступления средств федерального бюджета».

Однако наступил следующий квартал, а денег на пластинку так и не нашлось. Зажатый обязательствами, министр культуры Е.Ю. Сидоров прислал мне 31 января 1996 года письмо, в котором расписывался в собственной беспомощности.

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Министерство культуры кроме расходов на заработную плату не было профинансировано ни в декабре 1995 г., ни в январе т.г.

Общая задолженность федерального бюджета Министерству на 1995 г. составляет 419, 5 млрд. руб., или треть плановых сумм. В этих условиях, до нормализации положения с исполнением бюджета, министерство, к сожалению, лишено возможности решить вопрос оплаты счета акционерного общества «Русский диск».

Был бы весьма признателен Вам за помощь в возврате долга Минфина России, что даст возможность оплатить указанный счет».

Передо мной не стояло выбора – идти или не идти в правительство с не столь значимой, казалось бы, просьбой помочь с выделением денег на издание пластинки балалаечнику. Вначале я направил письма Президенту страны и министру финансов, чтобы они закрыли долги перед министерством культуры, а затем пошел к заместителю председателя правительства Юрию Ярову с мольбой о помощи в выпуске пластинки. Состоялся у меня разговор и с министром финансов Владимиром Пансковым на ту же тему. Два чиновника дали команду поддержать проект с изданием пластинки.

Теперь министр культуры не мог отступать дальше, так как мои хождения по коридорам власти увенчались успехом, и средства на издание пластинки были выделены вовремя и в полном объеме. Тут еще и главный редактор главной редакции музыкальных программ Студии «Радио-1», профессор Г.К. Черкасов лично направил Е.Ю. Сидорову важное рекомендательное письмо. В нем речь шла о необходимой поддержке творчества Ю.М. Клепалова:

«Главная редакция музыкальных программ Студии «Радио-1» сообщает, что в фондах радиовещания находятся записи исполнителя и композитора Юрия Михайловича Клепалова, сделанные в последние три года. Список произведений прилагается.

Художественный совет фондовых записей неоднократно отмечал высокий уровень качества произведений и исполнения Ю.М. Клепалова. Эти записи являются уникальными, оригинальными сочинениями для балалайки соло, пользуются широкой популярностью и постоянно востребовываются радиослушателями музыкальных программ Студии «Радио-1», «Маяка», «Юности» и Радио России.

Просим обратить Ваше внимание на этого молодого талантливого музыканта и композитора».

Наконец-то точка в борьбе за выход к народу инструментальных и вокальных произведений балалаечника Ю.М. Клепалова была поставлена окончательно. Я стал ждать весточку из фирмы «Русский диск», вернее, их заключительного аккорда в виде пластинки.

19 февраля 1997 года Юрий Клепалов пришел ко мне с подарком – улыбчивый, веселый, жизнерадостный. В его

руках была большая красочная пластинка «Размышление о Родине», на ее передней обложке размещен портрет Клепалова. Он, в русской косоворотке, стоял на фоне куполов православного храма и играл на балалайке.

Пока он подписывал мне пластинку, я стал звонить министру культуры Евгению Сидорову с предложением принять меня и балалаечника с подарком.

Надпись на конверте под заголовком крупными буквами гласила: «Дорогому Анатолию Николаевичу, патриоту земли русской, и во славу России, и с огромной благодарностью, на добрую память. Крепко обнимаю, с любовью и уважением, твой Юрий Клепалов». На другой странице была более откровенная надпись: «Я ждал 20 лет эту пластинку, Анатолий Николаевич. Мы победили! 8 лет. Ура! Юрий Клепалов».

Что тут сказать, добавить? Только одно – действительно, русские тоже умеют побеждать! Нужно лишь сражаться и не сдаваться. А главное – любить то, что завещали нам предки – русские песни, традиции, мелодии, историю.

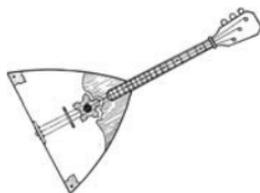
Мы бы не были русскими людьми, если бы не пошли к министру культуры – не для того чтобы благодарить усердно, хотя это есть выражение вежливости и воспитания, а ради торжества русской народной культуры. Тем более, первый экземпляр пластинки Клепалов успел подарить композитору Александре Пахмутовой.

За бутылкой шампанского мы побеседовали с министром о главном – о духовных и культурных путях возрождения России. А чтобы министр не забывал о разговоре, о значимости и необходимости заниматься духовным развитием человека, я попросил Клепалова

поиграть на балалайке. Надо было разогнать в министерских кабинетах бесов и вирус русофобии.

В просторном кабинете потекли чистые, сильные, насыщенные красками народной жизни и чудным многообразием голоса трех струн балалайки. Не ведал я в тот миг, откуда у Клепалова искрометность, воодушевленность, сердечная певучесть, доброта, предельный лиризм, сочность мелодий. Но чем больше слушал, тем яснее становилось, что подлинно народному композитору важно соприкоснуться с традициями и дыханием предков, а еще русскому человеку важно осознавать себя русским, и тогда твоя сопричастность благому созидательному труду делает тебя крепче и увереннее. Я порадовался и за Клепалова, и за министра Сидорова, и за себя, ведь балалаечник Клепалов своим самобытным и многогранным творчеством совершает подвиг во имя сохранения и приумножения культурной сокровищницы русского народа. Он всю свою жизнь положил на то, чтобы побороть музыкальный геноцид, и сквозь экономические катаклизмы и культурные потрясения, сквозь бездарную и разрушительную рок-музыку и авангард выжила, пробилась и восторжествовала русская народная музыка.

Сегодня балалаечник Юрий Клепалов встал в один ряд с лучшими народными композиторами. Хорошо бы, вся Россия узнала об этом, послушав его корневые, духоподъемные мелодии.

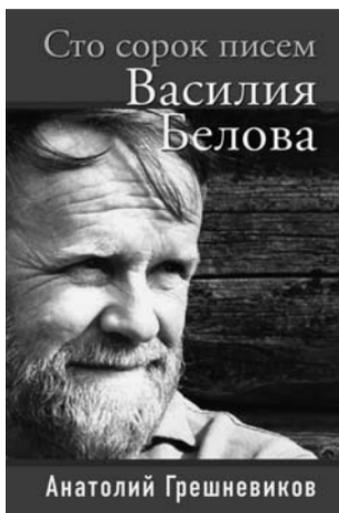

Издательство «Книжный мир» представляет

Грешневилов А.Н.
Сто сорок писем Василия Белова

ISBN 978-5-6042520-2-4

Классик русской литературы Василий Иванович Белов (1932-2012) оставил потомкам не только великие эпохальные произведения, но и большое эпистолярное наследие. Данная книга состоит из писем писателя, адресованных известному политику и общественному деятелю, писателю-экологу А.Н. Грешневилову, с которым дружил на протяжении долгих лет. Так как каждое письмо является ценным источником сведений о повседневной жизни, творческих и духовных поисках В.И. Белова, то автор дает к нему свой комментарий, чтобы воссоздать атмосферу прожитых писателем лет и историю его встреч и взаимоотношений со множеством разных людей.

Где купить

**Фирменный
магазин издательства:**

<https://kmbook.ru/>

Книги без торговой наценки

Интернет магазин День

<https://www.день-магазин.рф/>

Интернет магазин Концептуал

<https://konzeptual.ru/>

Москва

<http://www.biblio-globus.ru/>,

<http://www.mdk-arbat.ru/>

В электронном виде

<https://www.litres.ru/>

<http://www.directmedia.ru>

**Анатолий Николаевич
ГРЕШНЕВИКОВ**

ДУША РУССКОЙ БАЛАЛАЙКИ

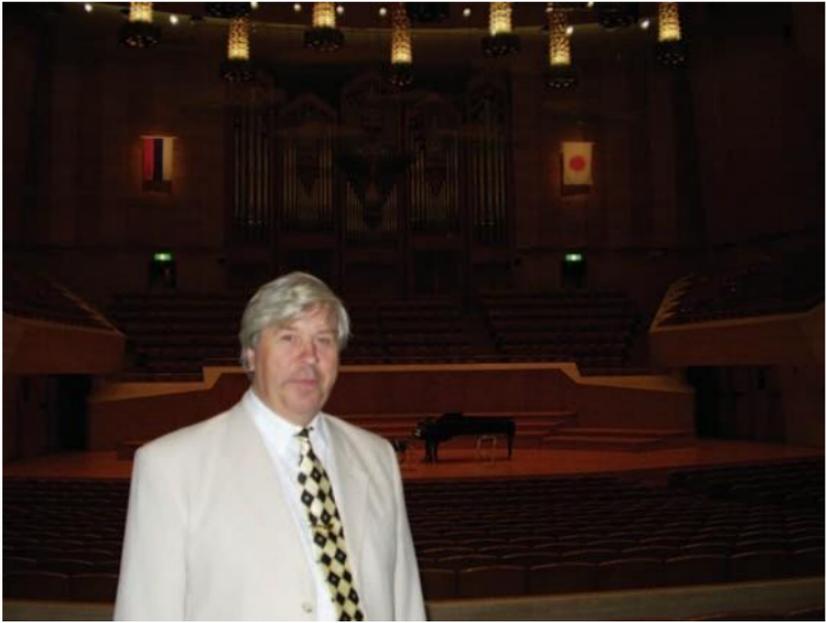
Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 15.
Тираж 1000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

После концерта в Токио

**Перед концертом в Suntory hall
(Токио)**

**После концерта в Янгоне
(Союз Мьянма)**

Выступление в МИД РФ

Сольный концерт в зале им. П.И. Чайковского

Неповторимая музыка аплодисментов

**Финал юбилейного концерта.
Поздравляют внучки**

**Ансамбль солистов
«Серебряные струны»**

Выступление в резиденции СВР РФ

**После подписания приказа о выпуске диска
министром культуры РФ Сидоровым Е.Ю.
по обращению депутата ГД РФ Грешневикува А.Н**

**С красноармейцем товарищем Суховым -
народным артистом России Анатолием Кузнецовым
в Сургуте**

**С народным артистом СССР Борисом Штоколовым
после выступления в колонном зале Дома Союзов**

**С народным артистом СССР Иосифом Кобзоном
в день космонавтики в Звездном городке**

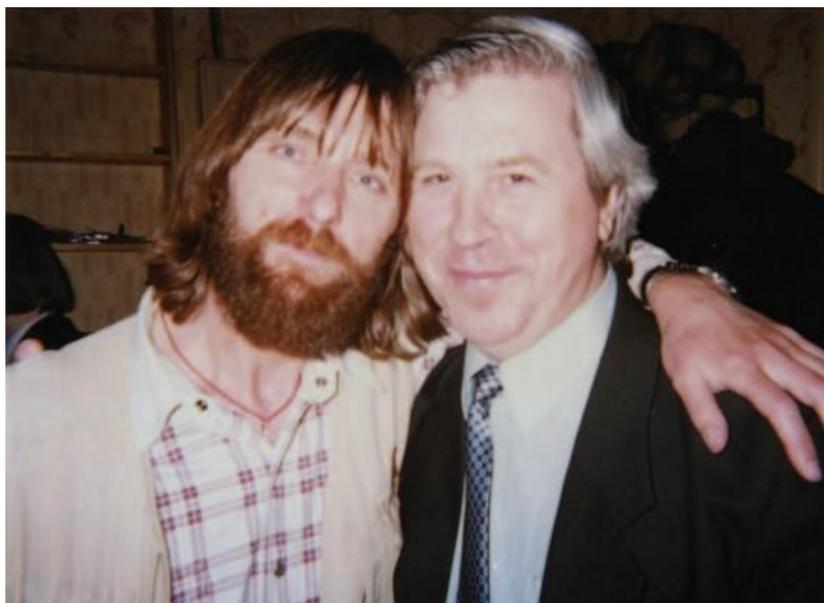
**На студии звукозаписи с всенародно любимой
народной артисткой России Валентиной Толкуновой**

**С блистательной исполнительницей русского романса
Викторией Цыгановой**

**Подготовка концерта
посвященного 130-летию И.А. Бунина
с народным артистом СССР Т.Н. Хренниковым**

Прославленный путешественник Федор Конюхов

**С Героем Социалистического Труда,
лауреатом Государственных премий СССР и России,
писателем Валентином Григорьевичем Распутиным**

Командировка в Чеченскую республику

**С космонавтами первого отряда,
дважды Героями Советского Союза
А.А.Леоновым и Б.В.Вольшовым**

**Вручение медали
ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени**

Вручение ордена «За служение искусству»

**Экзотические цветы
народной республики Бангладеш**

**Русские дни на острове Лемнос
(Греция)**

На родине В.М. Шукшина у памятника работы В.М. Клыкова
(село Сrostки)

Прогулка по Бродвею
(США)

**Выступление с заслуженной артисткой России
Татьяной Петровой
в Колонном зале Дома союзов**

**На концерте у народного артиста России М.Ф.Рожкова
в Фонде славянской культуры и письменности**

**С губернатором Кемеровской области А.Г.Тулеевым
и народным артистом России А.Б.Кузнецовым
на гастролях в Кемеровской области**

**С народной артисткой СССР А.Н.Пахмутовой
и лауреатом Государственной премии СССР Н.Н.Добронравовым**

**С народным артистом СССР Георгием Жжёновым
на фестивале «Южные ночи» в Геленджике**

**С народным артистом России Наумом Штаркманом
(Киото, Япония)**

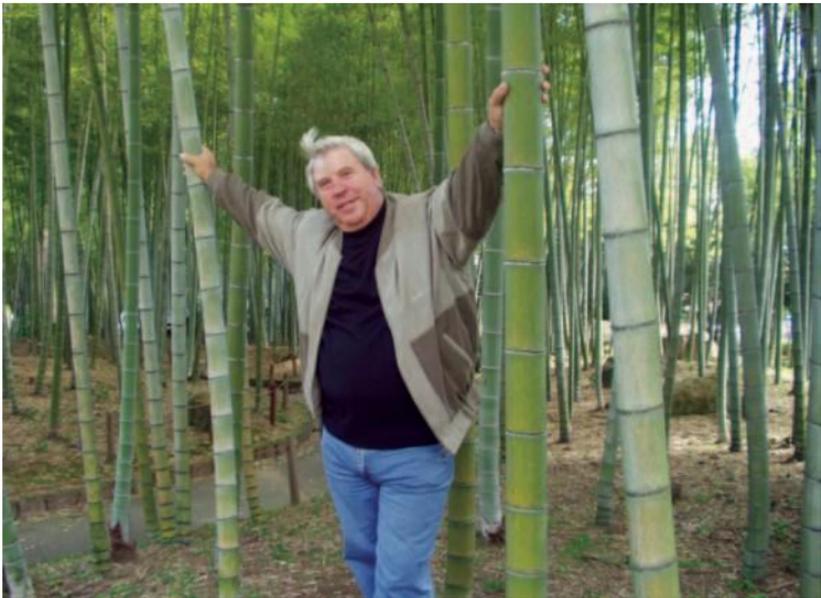
**С писателем Владимиром Крупиным
в Храме на крови в Екатеринбурге**

**У могилы генерала Врангеля
(г. Белград)**

**Автографы любителям русской балалайки
страны восходящего солнца**

В бамбуковой роще Юго-Восточной Азии

**Выступление на юбилее
председателя Союза писателей России В.Н. Ганичева
в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя**

Гастрольный тур в Японии

**Награждение орденом
Петра Великого III степени**

Признание зала!

**С народным артистом России
Александром Михайловым**

**Юбилейный концерт посвященный 80-летию Юрия Гуляева
в Светлановском зале Московского международного Дома музыки**

Шведагон (Союз Мьянма)

Удачный улов на Окинаве